

Ольга Саракташ • ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Ольга Саракташ

**ПОВЕСТЬ
О БОЛЬШОЙ
ЛЮБВИ**

Ольга Саракташ

**ПОВЕСТЬ
О БОЛЬШОЙ
ЛЮБВИ**

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1976

P2

C 20

Саракташ Ольга

С 20 Повесть о большой любви. М., «Моск. рабочий», 1976.
336 с.

Наташа Качуевская... Кто не знает имени этой славной московской девушки, воевавшей в бескрайних полях под Сталинградом в суровую годину Великой Отечественной войны? О ней сложены стихи. И вот теперь читатели могут познакомиться с повестью. Но в повести идет речь не только о Наташе Качуевской. Много страниц посвящено славным комсомольцам столицы, сражавшимся в тылу врага.

10302-119

С 119 188-76
M172(03)-76

P2

ВМЕСТО ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

1

Роллейбус, мягко покачиваясь на рессорах, неторопливо шел от остановки к остановке. У открытого окна, подставив загорелое лицо свежему ветерку, сидел средних лет человек, с гладко зачесанными назад седеющими волосами, в легком военном плаще. Это полковник Виталий Семенович Северцев. В Москве он был однажды проездом, когда возвращался после ранения на передовую. Тогда ему удалось только несколько минут побродить у Казанского вокзала — остановка была короткой.

Надежда посетить Москву еще раз не покидала его. Но то ли занятость, то ли даль дороги, но все как-то не было возможности вырваться в столицу, в город, где родилась и выросла девушка, памяти которой он верен всю свою жизнь.

Водитель троллейбуса монотонно сообщал названия остановок. Пассажиры входили и выходили. Северцев расположился у окна: ему все равно ехать до конца.

Вдруг полковник насторожился.

— Простите,— быстро спросил он, поворачиваясь к соседу,— что сказал водитель?

— Улица Наташи Качуевской.

К удивлению почтенного соседа, Северцев торопливо встал. Нет, вскочил. Троллейбус уже подходил к остановке.

Тревожно, торжественно Северцев шел к зданию, на углу которого висела поблескивающая ровными буквами табличка. Полковник дважды прочел ее: «Улица Наташи Качуевской».

Улица!.. Северцев, не отрываясь, смотрел на табличку и видел... девушку. Тонкая, изящная, черные, чуть грустные глаза. А может быть, и не грустные. Это ему сейчас кажется, что они таили тогда какую-то печаль. Может быть, совсем наоборот. В тот напряженный миг, когда она, спасая его, Северцева, спасая других, взяла на себя всю тяжесть почти невыполнимой задачи, ее глаза, в которых светилось по солнышку, вдруг потемнели, словно их закрыла хмурая тучка. И еще он помнит, как осенний ветер развеивал ее каштановые волосы, выбившиеся из-под пилотки...

— Вот мы и встретились,— тихо произнес Северцев.— Здравствуй, Наташа!..

2

...Это было в 1942-м. Виталий Северцев, молодой сержант, после второго ранения в начале сентября прибыл на передовую. 34-я гвардейская стрелковая дивизия, расположенная в калмыцких степях, в районе южнее города Сталинграда, сдерживала натиск крупной немецкой группировки.

Почти ежедневно шли кровопролитные бои. Враг терял людей, боевую технику, но натиск его не ослабевал. Именно здесь гитлеровцы надеялись прорваться к Волге.

Как-то в блиндаж забежал знакомый солдат, бывший связным при штабе. Между прочим он сообщил, что в дивизионную санчасть прибыла совсем недавно санинструктором новенькая — Наташа. До фронта была актрисой и вообще симпатичная. И еще добавил: «Строгая! К ней не подойти, а сама... Не можно глаз отвесть!»

Связной ушел, а он, Виталий Северцев, почему-то долго не мог успокоиться. Мысль о том, что совсем рядом находится молодая москвичка, да к тому же еще актриса (в том, что она красивая и гордая, он не сомневался: «Какой еще может быть актриса?»), будоражила его воображение.

Шли дни за днями. В то тревожное время часы казались то бесконечно долгими, как месяцы, то короткими, как минуты. Ежедневные бои. Погибшие товарищи, с которыми только что ходил в контратаку. Редкие часы передышек. Но в памяти прочно застрял рассказ связного. Сам того не замечая, Северцев создал себе вымышленный образ девушки, покоряющей своей красотой, чистотой помыслов и, конечно, гордостью. Он был почти влюблен. И жизнь, несмотря на все ее фронтовые сложности, казалась ему теперь прекрасной. Всюду с ним — в боях и атаках — был выдуманный им пленительный образ новенькой.

Наконец, когда роту сняли с передовой и она отошла на краткий отдых, Северцев, начистив потертые кирзовые сапоги, выбритый, свежий, отправился в санчасть. Он шел бодрый, весело насвистывая знакомый мотив, шел на свидание.

Еще в школе Виталий считался красивым малым. Девочки писали ему записки и ревновали друг к другу. В институте по нему страдали украдкой, боясь вызвать насмешку в его задумчивых зеленых глазах. Все знали, что он не влюбчив, очень серьезен, застенчив.

Так неужели он смог влюбиться здесь, на передовой?

В просторной каменной школе небольшого калмыцкого селения расположился дивизионный медсанбат. Несмотря на то что в нескольких километрах разрывались снаряды, ухали пушки, здесь по-мирному колыхались белые занавески на открытых окнах. Двор тоже имел мирный вид: лошади жевали сено с телеги, бродила вислоухая собака... Лишь подойдя ближе, сержант убедился, что война незримо присутствует и здесь. Из раскрытых окон он услышал хриплый мужской стон.

Санитарка, пожилая темнолицая калмычка, показала Северцеву, где найти новенькую. Он шагал по длинному темному коридору. Сердце его странно колотилось, и подкашивались ноги — обстоятельство, удивившее самого сержанта. Набравшись храбрости, он заглянул в чуть приоткрытую дверь: новенькая, он это понял сразу — две другие медсестры были ему уже знакомы, — стояла вполоборота к двери. Она что-то говорила девушкам, молча сидевшим у стола с опущенными головами. Атмосфера в комнате напоминала что-то похожее на комсомольское собрание...

В зеленых глазах Северцева потухла восторженность. Достаточно было всего доли секунды, чтобы разбились его иллюзии: невысокая, хрупкая, совсем еще девчонка... Тонкое строгое лицо, и никакой осанности...

Северцев отступил на шаг. Нет, он не пойдет... Не пойдет! Никогда. Да это же просто настоящий синий чулок. Было досадно, обидно за себя и за свои ожидания.

Он молча шагал обратно в свою роту, стараясь выкинуть из головы, забыть всю эту глупую историю. Но забыть не удалось. На следующей неделе, между двумя короткими боями, Северцев вновь увидел медсестру Наташу. Она принимала раненых, которых бережно, не снимая с носилок, размещали в санитарной машине. Она была в сапогах, в свежей гимнастерке, крепко подпоясанной широким солдатским ремнем. Издали, стараясь остаться незамеченным, Северцев пытливо разглядывал медсестру. Невысокая темноволосая девушка. Красива? Но он видел девушек куда красивее.

— Товарищ Качуевская!

Новенькая обернулась.

— Нужна будет еще одна машина.

— Приедет,— коротко ответила медсестра.

Северцев застыл на месте. Кто? Кто Качуевская? Неужели эта девушка? Эта новенькая?

Он быстро подошел к машине.

— Простите... Качуевская это вы?

Девушка вскинула длинные ресницы.

— Да.

— Сержант Северцев,— представился он по всей форме, и вновь, как в первый раз, Северцев почему-то смутился.

— Простите, что я так прямо. Но у меня друг — Павел Качуевский.

Северцев заметил, что вдруг подкосились ноги у медсестры. Она прислонилась к железному борту машины и нервным движением руки коснулась побледневшей щеки. Северцев готов был кинуться, чтобы помочь ей, поддержать, но медсестра выпрямилась и, глядя прямо в глаза Виталию, спросила срывающимся шепотом:

— Вы знаете Павла?.. Когда последний раз виделись? Что слышали о нем?

Северцев озадаченно молчал. Он не ожидал, что его вопрос вызовет такое волнение.

Наташа, не дождавшись ответа, шагнула к нему и, не сводя умоляющих глаз, спросила уже совсем громко:

— Товарищ сержант!.. Товарищ Северцев, пожалуйста, скажите... что вам известно? Что с Павлом? Я давно не получаю писем...

Северцев, как мог, ее успокаивал. Да, он хорошо знает лейтенанта Павла Качуевского. Служили в одном полку, в одной роте. Еще до войны. И вместе приняли свое боевое крещение. Отходили с боями, с потерями. Когда виделись в последний раз? В прошлом году, в середине сентября. На Западном фронте, севернее Вязьмы. Рота несла охрану штаба. Ночью подняли по тревоге — гитлеровцы выбросили десант и пытались захватить штаб. Был тяжелый неравный бой. Десантников разгромили. Виталий был ранен. Могло быть и хуже, если бы Павел не отта-

щил его в коридор штаба. Виталий потерял много крови и смутно помнит, что было потом. На следующее утро Северцева поместили в санитарный эшелон. С тех пор он ничего не знает о Павле. Правда, в госпитале слышал, что Павел в тылу у немцев, командует партизанским отрядом. Но так это или не так, он не знает.

— Я потерял его след, даже куда писать ему, не знаю,— закончил рассказ Северцев.

Погрузка раненых закончилась. Шофер, чертыхаясь, заводил мотор, крутя длинную железную ручку. Мотор фыркал и не заводился.

Наташа молча слушала сержанта. Она стояла тонкая, подтянутая. Потом тихо сказала:

— Я думала, вы расстались недавно... Простите.

И повернулась к санитарной машине. Мотор наконец загудел, и автомашина тонко задрожала. Шофер распахнул дверцу.

— А вы... вы сестра Павла? — торопливо спросил в свою очередь Северцев. — Вы его сестра?

На Виталия глянули большие, бесконечно грустные глаза. В эту минуту Северцев понял, что Наташа красива. Она ничего ему не ответила. А может, и ответила, но он не расслышал за шумом мотора. Он видел перед собой только ее глаза.

Дверца с шумом захлопнулась. Обдав сержанта облаком пыли, санитарный автофургон покатил в тыл.

3

Полковник Виталий Северцев расстегнул воротник. Дул весенний ветер, но ему не хватало воздуха. Воспоминания нахлынули непрошено. Куда-то в сторону уплыла Москва с ее шумными улицами, зелеными скверами. Он смотрел на табличку и все видел хрупкую девушку с большими очень грустными глазами.

Он не замечал, как уходило время, пока детский голос не вернул его к действительности. Рядом стояли две девочки с красными галстуками, повязанными на шеях, с портфелями в руках.

— Товарищ военный, вы кого-нибудь ищите?

Северцев шагнул к школьницам. Он окинул их добрым растерянным взглядом и не знал, как начать. Подружки молча ждали, разглядывая орденские планки.

— Вот что, товарищи пионерки,— начал Северцев,— там на табличке написано: «Улица Наташи Качуевской». Может, Наташа здесь жила до войны?

Девочки сразу оживились. Конечно, жила. А разве товарищ военный этого не знает? Сейчас это знает любой школьник!

Полковник Северцев попросил девочек показать ему, в каком же из этих домов жила Наташа Качуевская. Девочки повели его за собой, рассказывая по пути, что маму Наташи Качуевской зовут Александрой Леонидовной, они хорошо ее знают. Что Наташа Качуевская училась когда-то в той же школе, где учатся и они, и что их пионерская дружина носит теперь имя отважной комсомолки Наташи Качуевской.

Северцев пытался представить себе мать Наташи. Какой может быть женщина, сумевшая вырастить такую дочь. Северцев пожалел, что не захватил с собой фотографию тех далеких дней, где Наташа снята в военной гимнастерке, с гвардейским значком на груди. Эту фотокарточку он хранит в той же коробке, где лежат и его боевые ордена.

Наконец они подошли к высокому, из светлого кирпича дому. На звонок вышла пожилая статная женщина с добрым лицом и лучистыми глазами. Северцев ничего не успел сказать, его опередили школьницы:

— Александра Леонидовна, вот товарищ военный. Он ищет Наташу. Мы привели его к вам.

Александра Леонидовна пригласила всех зайти. Школьницы отказались, пообещав назавтра прийти всем звеном, и поспешили вниз.

Северцев прошел в комнату. Здесь было просторно, светло и очень уютно. На аккуратно прибранной кровати он увидел куклу... Большая, розовощекая... Она тянула свои гуттаперчевые руки, как будто ждала, что ее возьмут поиграть.

— Это Наташина,— сказала Александра Леонидовна.— У нее не было сестрички, так и росла, не

расставаясь с куклой. Я знаю,— добавила она,— вы воевали вместе с Наташенькой. Я сразу догадалась. Ко мне часто заходят Наташины друзья, бывшие ее однополчане. Присаживайтесь, я сейчас приготовлю вам чай.

Она ушла в кухню. Северцев, оглядывая комнату, понял, что здесь верны памяти Наташи. Все здесь стало дорого Северцеву. И старое кресло с мягким прогнувшимся сидением, и книжный шкаф, в котором когда-то Наташа хранила свои книги и тетради, и широкая тахта, накрытая старым ковром, и узкая кровать, которую навсегда заняла гуттаперчевая кукла.

За чаем полковник Северцев рассказал коротко о себе, о первой своей встрече с Наташей, о тех далеких тревожных днях.

Александра Леонидовна молча и как-то грустно слушала гостя. Она как бы жила событиями тех дней, будто рассказ Северцева лишь вторил ее мыслям, ее чувствам, заслонившим весь ее теперешний мир...

Да, прошлое всегда живет в настоящем. Это Северцев понял. И это справедливо.

И еще он невольно отметил, что они были мало похожими — дочь и мать. У Александры Леонидовны были светлые волосы и голубые глаза. Когда она улыбалась, глаза ее становились совсем молодыми, и тогда казалось, что ей не более сорока. Но улыбалась она редко, и Северцев понял также, что прошлое далеко не всегда бывает милосердно к настоящему.

После чая Александра Леонидовна достала большой семейный альбом и положила его на стол перед гостем.

Он открыл первую страницу, и оттуда глянула на Северцева смеющаяся румяная рожица маленькой девочки.

А рядом пожелтевшая вырезка из газеты «Правда» за 24 ноября 1942 года. Северцев помнил наизусть эту скупую заметку с коротким названием «Южнее Сталинграда». В ней рассказывалось о подвиге Наташи Качуевской.

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

1

Давно ушел гость. За окном синий вечер, обычный московский вечер. У соседей на полную мощность играет радиола. Со двора доносятся голоса. Соседка с нижнего этажа требовательно зовет сына: «Боря, сейчас же иди домой! Кому я сказала?!»

Александра Леонидовна одна. Ей некого звать на ужин. В синее окно с высоты неба смотрит одна ясная звезда, чуть мерцая голубыми лучами. Где она сейчас, ее давно погибшая Наташа? Откуда прозвучал ее тихий голос? Усталой от тоски матери лишь чудится знакомый голос, который живет только в воспоминаниях и звучит в собственном сердце?..

Александра Леонидовна долго сидела и прислушивалась, но в разных шумах и голосах, доносившихся со двора и улицы, ничего не было похожего на зов дочери. Город жил своей нескончаемой жизнью. Александра Леонидовна вздохнула и открыла альбом, провела пальцами по фотографии. Наташе всего четыре месяца. Мать помнит то радостное и трудное время. Как будто бы это было совсем недавно. Фотографировали летом, перед отъездом из Питера, а Наташа родилась в феврале. Шел 1922 год... Гражданская война пришла к своему победному завершению, но республика вела войну с врагом номер два, имя которому был голод. Народ возвращался с фронтов и, засучив рукава, начинал восстанавливать свое хозяйство, планировать будущее.

Для Александры Леонидовны тот год был особенно тяжелым: она рассталась с отцом своего ребенка. Жить в большом городе одинокой матери с малолетней дочкой на руках не так-то просто. Тем более, если она актриса. Пришлось поехать в Ростов, где жили «своим домом» ее родители. Отец Александры Леонидовны трудился на паровозном заводе.

— Ничего, внученька, и не такое бывает в жизни,— сказал кузнец, поглаживая темные, чуть вью-

щиеся волосы девочки.— Вырастим, и человеком станешь.

В этом южном городе, где много солнца и фруктов, в доме старого кузнеца, человека уважаемого, специалиста своего дела, Наташа научилась понимать мир и делать первые шаги по земле. Вся многочисленная семья помогала Александре растить дочку. Младшие сестры Нина и Катерина, молодые девушки, им, конечно, хотелось погулять и потанцевать, но они часто вечерами оставались дома и нянчили свою племянницу. Братишка Александры Орлик, веселый и живой парнишка, затевал с Наташей игры, приучая ее быть терпеливой и храброй, не пичать по пустякам...

Шло время. Постепенно молодая женщина успокоилась и как бы привыкла к своему одиночеству. Говорят, что горе лежит камнем, оно неподвижно. А как всякая неподвижность, оно остается позади, если двигаться вперед по тропе жизни. Тем более, что одиночество было неполным, рядом с ней находилось милое живое существо, в котором была частица любимого ею человека. Она дышала ее воздухом и обретала спокойствие души.

Александра Леонидовна была молода. Она мечтала о большой артистической деятельности и не мыслила своего существования без театра. Перед глазами был пример старших сестер. Августа стала артисткой Московского Камерного театра, Тамара — оперной певицей. Александра тоже нашла свой путь на сцене и стала актрисой Ростовского театра драмы и оперетты.

Труппа часто выезжала на гастроли в Таганрог, в Царицыно, в Черкасск. Когда дочь немного подросла, Александра Леонидовна стала брать ее с собой. Маленькая Наташа любила бывать на спектаклях. С детской непосредственностью она живо откликнулась на ход спектакля и все принимала близко к сердцу. После спектакля Наташа горячо убеждала Александру Леонидовну:

— Мама, так нехорошо! Дядя Вова так звал тебя, а ты не поехала. Ты, наверно, боялась меня одну оставить, да?

Актеры смеялись, а артист, которого она называ-

ла дядя Вова, подхватывал крошку на руки и поднимал к самому потолку.

А когда поставили модную пьесу «Подвязка Борджия», где по ходу действия тот же «дядя Вова» бросал Александру Леонидовну на пол, возмущению Наташи не было предела.

— Ты злой и противный, как Бармалей! — Наташа хмурилась и ничего не хотела брать из рук артиста. — Не надо мне конфет! Не смей больше трогать мою маму!

Но особенно нравился Наташе спектакль «Баядерка». Однажды после представления, когда закрыли занавес, а публика встала со своих мест, в зале неожиданно раздался смех, а потом снова всплеснулись шумные аплодисменты. Актеры переглянулись. В чем дело? Кто-то выглянул. Заулыбался. Позвал Александру Леонидовну, кивая на ложу, где находилась Наташа.

Оказалось, что Наташа взобралась на стул и, показывая на сцену рукой, громко с гордостью заявляла:

— Там моя мама! Самая красивая — это моя мама!

Театр вошел в жизнь Наташи с самого раннего возраста и, может быть, потому стал направлением ее судьбы.

2

В 1930 году постаревшие родители Александры Леонидовны перебрались в Москву, поселились в доме на улице Качалова, где жили две их старшие дочери — Августа и Тамара. И маленькую Наташу взяли с собой. Девочке пора было идти в школу.

В альбоме рядом с фотографиями хранится пожелтевший листок из ученической тетради. Первое письмо Наташи, написанное ее рукой. Крупные буквы выведены ровно и старательно:

«Дорогая моя мамуленька! Я очень рада, что будешь петь «Веселую вдову». Мама, я учусь в школе во второй группе «В». По развитию и быстрому сообщению — первая, а по писанию — средняя. Я состою в делегатах. Сама учительница за меня. В школе — за мои косюльки, хотя они еще очень

малы. Мама скорей бы мы были вместе. Целую тебя от всего сердца. Твоя Ната».

Александра Леонидовна трогала фотографии, по-долгу всматривалась в них.

На фото, размером в открытку, прилежная чинная пионерка с галстуком на шее. Рядом мальчишка на голову выше, но послушно склонивший голову к девочке. Это Игорь Мижлашевский. Двоюродный брат Наташи, сын Августы Леонидовны, живой, энергичный, непоседливый. Сколько хлопот Наташе с таким братишкой. Но как трогательна была забота о нем. Мамы обеих, случалось, целыми днями не бывали дома, часто выезжали в другие города на гастроли. А надо было приготовить завтрак, обед и ужин.

Всему научилась Наташа в свои десять с небольшим лет. Она помогала бабушке, готовила как заправская хозяйка, ходила в магазины за продуктами, убирала комнаты, зорко следила за чистотой одежды старшего брата. Игорь, отшучиваясь, часто спрашивал:

— Кто из нас, в конце концов, старше?

— Я,— твердо отвечала Наташа.— И, пожалуйста, слушайся без лишних слов.

Наташа была из тех девчонок, которые не уступали мальчишкам ни в ловкости, ни в смелости, участвовали во всех потасовках.

А вот еще одно фото. Наташе исполнилось двенадцать. Вот тогда-то она и заявила:

— Мама, я решила стать актрисой, как ты. Буду играть главные роли.

Александра Леонидовна читала пьесу, в которой ей предстояло играть. Смысл слов, сказанных Наташей, не сразу вошел в ее сознание. Она подняла глаза на дочь: Актриса! Ее добрая, простенькая девочка Натуля — актриса. Понятия, кажется, трудно совместимые. Она спросила мягко:

— Давно ты это решила?

— С детства. Только это было секретом.

Александра Леонидовна задумалась. Наташа мало похожа на нее. Мягка, податлива, проста. Говорят, простота — хуже воровства. Да, впрочем... Впрочем, об этом думать еще рано.

— Мы успеем еще поговорить обо всем, Натуля,— уклончиво ответила Александра Леонидовна, снова берясь за пьесу.

— О чем, мама, если я уже решила?

— Вот как?

Наташа сбросила тапки и забралась с ногами на тахту. Она отложила с маминых колен пьесу.

— Мулик, ты находишь во мне что-нибудь?.. Ну, талант или там способности?

— Трудно сразу сказать.

— Но ведь ты талант! А значит, и я!

Александра Леонидовна улыбнулась. Как рассказать дочке все то, что она думала о жизни артистов? Ведь нет сомнений в том, что девочка рано или поздно все равно должна будет отказаться от сегодняшней мечты. И мать решила быть откровенной с дочерью.

— Предположим, Натуля, что ты актриса. Тебе предлагают главную роль. Ты довольна. Но к тебе приходит твоя подружка Вера и со слезами на глазах умоляет тебя отдать ей, слышишь, Натуля, твою роль. Роль, которую предлагают тебе. Вера плачет. Она говорит, что образ героини, которую ты должна играть, она, Вера, носила в душе много лет. Что, наконец, Вера согласна отдать несколько лет жизни, чтобы получить сегодня эту роль. А ты..

Наташа перебивает Александру Леонидовну.

— Мама, пусть Вера берет мою роль! Мне совершенно не жаль.

— Не жаль?— Александра Леонидовна внимательно смотрит на дочку.

— Нет.

Глаза у Наташи ласковые и добрые-добрые.

— Ну ладно,— соглашается Александра Леонидовна,— отдали Вере твою роль. Но вскоре тебе дали новую. На этот раз не главную, но хорошую. Ты счастлива или, быть может, нет?

— Я счастлива,— подтверждает Наташа.

— Ну так вот. Ты довольна и готовишься сыграть ее. Но к тебе опять приходит...

— Вера?

— К тебе приходит Аннушка. Твоя подопечная из третьего класса. Кстати, как ее мама?

Лицо Наташи становится озабоченным.

— Мама Аннушки опять в диспансере. Ты ведь знаешь, у нее туберкулез...

— Сейчас весна,— сочувственно кивает Александра Леонидовна.

Наташа смотрит на мать большими испуганными глазами.

— Мама, в школе говорят, что она, может быть, никогда не выйдет из больницы... А у Аннушки останется только бабушка.

Обе молчат. Чужое горе принимается как свое. Комнату заполнили сумерки. Только окно еще некоторое время белеет.

— Ко мне пришла Аннушка, а что дальше? — Наташа теснее прижимается к матери.

— Пришла. И, понимаешь, очень просит отдать твою новую роль ей. Ведь Аннушка не очень-то способная. Ей никогда не дожидаться большой роли. И если ты, Натуля, не отдашь ей свою, Аннушке не видать ничего подобного. Сам режиссер никогда не решится предложить Аннушке что-либо серьезное. Он твердо знает, что Аннушка не очень способная. Выходит, что только ты одна можешь ей помочь. И она смотрит на тебя, как на своего спасителя. Она надеется, что ты не только отдашь ей свою роль, но и поможешь ей подготовиться.

Наташа срывается с места.

— Мамоchка, я обязательно отдам роль Аннушке, даже если она не будет просить! Я ведь теперь знаю, что ей не дадут. И буду с ней заниматься, помогать.

Александра Леонидовна слегка нахмурилась.

— Но Аннушка все равно подготовит ее плохо. И никому не понравится.

— Зато она сама будет счастлива, мама!

Ну вот! Неуемная потребность сделать доброе ближнему, совершенно не считаясь с собой, с обстоятельствами и, наконец, здравым смыслом. Александра Леонидовна проводит рукою по темным густым волосам дочери:

— Да, Натуля. Я знаю, что ты поступишь именно так. И потому, девочка моя, ты никогда не будешь актрисой. Тебе это и не нужно. Не надо думать о

театре. Не надо копировать маму. Ты ведь видишь, как мне нелегко...

Наташа растерянно и недоверчиво смотрит на мать.

3

И снова фотографии. Толстые страницы тяжелого альбома. Медленно плывут годы. Зима. Наташа с лыжами. Это дача в Тарусе. Там они отдыхают в зимние каникулы. Наташа ушла далеко вперед, обогнав двоюродных братьев Сергея и Игоря. На лыжах за нею, так же как и на коньках, угнаться трудно... А это осень в маленьком московском дворике, зелено. Наташа за шахматами. Был дворовый турнир. Наташа с подружкой. Наташа на велосипеде. Наташа с малышами...

Александра Леонидовна только удивлялась дочери. Ее день был загружен: учеба, пионерские сборы, собрания, работа над стенгазетой, спорт, кружки. Как все успеть? Наташа умела распределить свое время. Иногда, придя домой, Александра Леонидовна заставляла в квартире пионеров. Теперь это уже пятиклассники. Не первый год Наташа была пионервожатой у этих ребятшек. Они привыкли не только к Наташе, ее квартире, но и к Александре Леонидовне.

Иногда у Александры Леонидовны оказывался свободный вечер, и они оставались вдвоем с Наташей. Это было самое счастливое время. У Александры Леонидовны такой же, как у Наташи, жизнерадостный характер. Обе часто хохотали до упаду, вспоминая тот или иной смешной случай. Иногда пели. Наташа умела аккомпанировать.

Как-то в один из таких вечеров Наташа чуть удивленно и чуть обиженно сказала:

— Мам, почему ребята в школе по разным своим личным вопросам обращаются ко мне? Кто-то кому-то нравится, кто-то кого-то любит... Как будто я больше всех понимаю в этом.

Александра Леонидовна улыбнулась.

— Это вполне понятно, Натуля. Ведь ты вожак!

— Да, мама, но ведь я еще и девочка! Почему некоторые не замечают этого?

В горьком тоне дочери Александра Леонидовна уловила нечто большее, чем то, что сказала Наташа. В девочке просыпалось чувство. Кому оно было адресовано и какой силы, это предстояло еще узнать. Нет, спрашивать пока нельзя. Мать понимала это. Надо дать Наташе самой разобраться во всем. Она уклончиво ответила:

— По-видимому, Натуля, каждый считает тебя своим другом, если делится самым сокровенным.

Но даже в эти близкие для обеих часы Наташа не говорила Александре Леонидовне, в какой институт собирается поступить. После того неудачного разговора она упрямо молчала о своем выборе. А он был сделан задолго до окончания школы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

1

Наташа не спешила домой. Мамы нет. Она на гастролях. Наташе хотелось побыть одной, пройтись в вечерних сумерках по заснеженной улице. Странные чувства наполняли ее сердце, она хотела разобраться в них. Ее переполняли радость и огорчение, они переплетались между собой, рождая непонятное ощущение какой-то тревоги. Только что закончился спектакль школьного драмкружка, и в ее ушах звучат восторженные аплодисменты юных зрителей, отчаянно хлопавших в ладоши. Аплодисменты несказанно радовали Наташу. Но почему-то у нее не проходило смутное ощущение вины, она как будто чувствовала себя недостойной этого шумного одобрения. Когда за кулисами руководитель драмкружка говорил ей добрые слова, она сконфуженно улыбалась. Наташа хорошо помнила те первые мгновения спектакля, когда, оставшись один на один со зрительным залом, она растерялась и все заученные слова испарились из головы. Как хотелось убежать!.. Руководитель из-за кулис громким

шепотом подсказывал ей первые фразы, а она плыла в каком-то странном тумане, ничего не видя и не слыша. Те мгновения она сердцем поняла, запомнила навсегда. Она поборола в себе страх, но до конца представления так и не одолела внутреннего трепета.

До сих пор круг вопросов, волновавших ее, был достаточно велик, очень мало среди них было совершенно личных, и Наташа почти не сосредоточивалась на них. Шагая по вечерней улице, слушая, как похрустывает снег под подошвами, Наташа впервые смотрела на себя как бы со стороны и пыталась разобраться в самой себе, в своей мечте. Она вспомнила двоюродного брата Игоря. Его чуть ли не силком тянут к сцене, к театру, а он упирается. Нет у меня, говорит, большого таланта, а посредственностью быть не желаю. Сказал как отрезал. И наперекор всем после десятилетки пошел на завод, устроился учеником сварщика и довольно быстро освоил эту сложную профессию. А по вечерам ходит на тренировки, занимается боксом. Почти год занимался потихоньку от родных, только одна Наташа знала об этом. Но, когда однажды пришел с синяком под глазом, тайна перестала быть тайной. В доме вспыхнул скандал, но Игорь смог настоять на своем. Да, у него все ясно и определено. На прошлой неделе за ним ночью приезжали на машине: что-то случилось на заводе, и срочно требовалось наложить шов на какой-то котел. Игоря уже и премией награждали. Он доволен своей жизнью и уверенно смотрит в будущее.

А она, Наташа? Она до сих пор не определила главное — есть ли у нее талант актрисы? А если и есть, то что ей надо делать, чтобы его развить, чтобы подготовить себя к будущей сценической жизни? Теперь она все больше и больше думала об этом. И часто даже, окруженная сверстниками, занятая школьными делами, остро чувствовала свое одиночество. Некому было ей поверить свои чувства и сомнения. Мама была категорически против театра. Наташа, от природы наделенная энергией и душевной силой, откровенная до простоты, была вынуждена носить в себе невысказанную мечту и стремиться к ней.

Был конец зимы. Со всех крыш уже свисали сосульки. Впереди мартовские капли, а пока можно, подпрыгнув, выхватить из частокола самую крепкую.

Коля Потапов идет рядом. Несет Наташину папку.

Наташа чудачка. Хрустит сосулькой и озорно косятся на него.

Коля Потапов — комсорг школы. Он серьезно говорит:

— Если комсомольцы изберут тебя комсоргом класса, я не буду против.

Наташа смеется.

— Вот еще! Достаточно мне моих пионеров!

— Пионервожатая ты классная,— солидно подтверждает Коля.

— «Классная»,— передразнивает его, раздражаясь, Наташа.— Игорь говорит, что я воспитательница классная.

— Правильно говорит. И секретарь будешь классный.

— Сам ты классный,— сердится Наташа.

Коля растеряннo хмурится.

— Мне паспорт получать скоро,— говорит она минутой позже.

— Ну и что? Законное дело. Я осенью получил.

Они учатся в одном классе. Сидят за одним столом.

— Главное, хорошее фото! На пять лет вперед.

Наташа останавливается и смотрит на него подозрительно.

— Фото? А я без фото.

— Почему?

— А так. Некрасивая.

Теперь уже останавливается Коля Потапов.

— Ты?! С чего это взяла?

— С зеркала.

В его глазах удивление постепенно сменяется сначала осторожным, потом откровенным восхищением.

Однажды на перемене Вера Михайлова сообщила:

— Мальчишки из нашей школы учатся стрелять. Наташа насторожилась.

— Сами?

— Нет. Стрелковый кружок.

Это была новость. Наташа кинулась к Потапову.

— В школе стрелковый кружок, а ты молчишь!

Коля Потапов непонимающе мигал белесыми ресницами:

— Ну что пристала? Кажется. Откуда я знаю!

— «Кажется... Откуда я знаю...» А еще мужчина! — наступала Наташа.

— Так ведь кружок только начал работать, — оправдывался комсорг.

Наташа не слушала. Она уже мчалась по коридору. В канцелярии она застала старшую пионервожатую школы. Та подтвердила: в школе начал работу снайперский кружок. Руководит им военрук Антон Николаевич, снайпер, спортсмен первого разряда. В кружок записались более сорока мальчиков и ни одной девочки. «Не берут», — закончила рассказ старшая пионервожатая.

— Кого не берут, а кого берут, — подпевала Наташа в такт шагам, летя вверх по лестнице в свой класс.

После уроков, поручив портфель с учебниками Вере Михайловой, Наташа направилась напрямик в физкультурный зал, где должна была заниматься группа юных стрелков.

Дорогу ей преградил рослый десятиклассник Юра Карцев.

— Куда?

— Туда же, куда и ты.

— Куда-а? — переспросил Юра.

Наташа покраснела. Карцева она знала давно. Занимается в драмкружке, исполняет главные роли и очень популярен у ребят.

— Отойди от двери, — коротко приказала она.

— Ха! — воскликнул Карцев, оглядывая Наташу с ног до головы, словно видел ее впервые. — Ошиб-

лась адресом. Кружок санитарок обосновался в пионерской комнате. Второй этаж. Вторая комната слева.

— Отойди от двери,— тихо повторила Наташа.

Вокруг собрались ребята. Но вступаться никто не торопился.

Военрук подошел незаметно. Антон Николаевич еще летом заметил Наташу. Она первой бросилась на помощь шаловливому малышу, который сорвался в реку. Военрук положил руку на плечо Карцева.

— Храбрая девочка. Пропусти ее.

Юра удивленно пожал плечами, пропуская Наташу, пробурчал:

— Уж если ей можно, тогда я приведу моего братишку, дошкольника Витьку. Все-таки мужчина!

Ребята сначала усмехались, что в их среду затесалась девчонка. Особенно старался Карцев. Но Наташа занималась усердно и вскоре оставила позади многих мальчишек. Она лучше других знала материальную часть оружия и могла быстро разобрать и собрать винтовку.

— Это пока еще теория,— насмешливо говорил Юра.— Посмотрим на тебя, когда в тир пойдем, как будешь айкать и ойкать, когда стрелять будем.

Наташа действительно испугалась и ойкнула, когда пришла в тир и неожиданно услышала выстрел. Она первый раз в жизни лежала на линии огня и с трудом держала тяжелую, словно налитую свинцом, малокалиберную винтовку, стараясь поймать прицелом яблочко мишени. И тут справа над ухом: бабах! И она вскрикнула произвольно. На нее зашикали со всех сторон. Краска бросилась в лицо, и Наташа почувствовала, как запылали щеки и уши. Она закусил губу.

— Спокойнее, Наташа,— сказал военрук.— Ты все умеешь. Целься точнее!

Рядом затрещали выстрелы, но она, сжавшись в комок, только зажмурила глаза. Ничегошеньки не страшно! Пусть бабахают. Наташа собралась и стала, как учил Антон Николаевич, смотреть в прорезь прицела, стараясь посадить на мушку черное яблочко далекой мишени. Задержала вдох и плавно на-

жала пальцем спуск. Выстрела она почти не слышала, он слился с другими, только приклад винтовки больно ударил в плечо. «Крепче прижимать надо!» — вспомнила Наташа слова военрука и пальцами стиснула оружие.

— Есть попадание! — выкрикнул Антон Николаевич, рассматривавший мишени в бинокль. — Тройка! Наташа, бери чуть левее и выше!

— Ха, тройка! — вставил Юра. — Пули только тратит.

— У Карцева «молоко», — сказал Антон Николаевич.

Наташа повернулась к смущенному Юрию и показала ему язык. Что, мол, съел! Карцев ничего не ответил. Торопливо перезарядив винтовку, он долго и тщательно целился. Ему дважды удалось выбить «шестерку».

А через пару месяцев на первомайской демонстрации они маршировали в одном строю по праздничным улицам Москвы. Наташа, Юра и Коля шли радостные, юные, гордые, взволнованные чувством любви ко всему светлому, что объединялось в одном большом понятии — Родина, и голоса их звенели в весеннем воздухе:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим!

4

Уроки сделаны. Отложив тетради, Наташа встала, прошла по комнате, тихонько напевая:

— А теперь письмо напишем для украинских ребят.

Остановилась около зеркала и долго критически разглядывала свое отражение. Лицо как лицо, ничего особенного. Глаза хоть и карие, но какие-то зеленоватые, как говорит брат Игорь, «омутовые». И шея тоненькая... И никто ее по-настоящему еще не любит, если не считать малышей из четвертого «Б». «А жизнь проходит, — подумала Наташа, — мне уже семнадцать».

Московские школьники установили дружбу с учениками одного украинского села. Наташе, чьи со-

чинения всегда были лучшими, поручили написать письмо от всего класса.

«Дорогие ребята! — вывела Наташа на тетрадном листе.— Мы очень рады завязать с вами дружескую переписку. Прежде всего мы хотим вам немного рассказать о школе, о месте, где она находится, познакомиться вас с нашим классом».

Свой район Наташа знала хорошо, и строчки сами ложились на бумагу:

«Вы, конечно, знаете, ребята, о боях на Пресне в 1905 году, мы гордимся, что живем рядом с Красной Пресней, что наш район Краснопресненский. Кроме того, наша улица исторически интересна. В переулке, недалеко от нас, бывал часто А. С. Пушкин у Н. Н. Гончаровой, рядом с нами находится церковь, в которой венчался великий поэт. Он видел здание нашей школы, которому больше ста лет. В следующем письме постараемся прислать вам снимок нашей школы.

В конце нашей улицы Герцена находится Московский университет. Недалеко от нас стоят памятники Пушкину, Гоголю, снимки которых вы, конечно, видели. Рядом с нами находится дом, где жил Горький, и музей его имени, планетарий и зоопарк».

Потом Наташа написала о своей школе, которая раньше была семилетней, а теперь стала средней и уже имеет пять выпусков. Рассказала о своем классе.

«В нашем 9 «А» всего 35 человек, из них 19 комсомольцев. С января 1938 года у нас организована комсомольская группа. Все комсомольцы выполняют ответственную общественную работу, являются вожаками пионерских и октябрятских отрядов, инструкторами ПВХО и ведут кружки ПВХО в младших классах. К 20-летию ВЛКСМ все комсомольцы сдали нормы на два оборонных значка — ГСО и ПВХО, сейчас учимся стрелковому делу.

Напишите, ребята, есть ли у вас комсомольцы в классе, какую работу вы проводите, имеете ли оборонные значки, есть ли среди комсомольцев вожаемые? Пусть они напишут нашим вожаемым о своей работе. Обмен опытом, впечатлениями будет полезен для тех и других:

В честь XVIII съезда ВКП(б) мы взяли на себя

обязательство закончить третью четверть со стопроцентной успеваемостью. Для этого хорошие ученики взялись помочь ребятам, имеющим плохие отметки.

Постараемся свое обязательство выполнить, хотя это довольно трудно: в нашем классе порядочно плохих отметок сейчас».

Наташа задумалась. О чем еще написать? Как проводили пионерские сборы? Как устраивали вечера с концертами самодеятельности? Но там, наверное, есть своя самодеятельность? Лучше написать о комсомольской работе. И снова закрипело перо.

«В начале года было постановлено не подсказывать на уроках, это постановление хотя не очень хорошо выполняется, но все же сильно подняло дисциплину на уроках.

Отвечаем на ваш вопрос о русском и литературе. В диктантах у нас еще бывает порядочно ошибок, особенно в расстановке знаков препинания, хотя наш классный руководитель и преподаватель русского Зоя Ивановна Никитина проводит дополнительные занятия с отстающими.

По русской литературе мы проходим в этой четверти Тургенева, Чернышевского и сейчас кончаем поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В начале четверти писали домашнее сочинение. Темы были: «Тургенев и журнал «Современник», «Лишний человек в произведениях Тургенева», «Героини Тургенева», «Тургенев и Герцен», «Тургенев и крепостничество». Большинство ребят очень заинтересовались работой над этими темами: ходили в читальни, изучали критическую литературу. Некоторые сочинения были обширны — до 50 страниц.

Многие ребята в нашем классе увлекаются спортом и шахматами, вероятно, в вашем классе много таких ребят, пусть они напишут о своих достижениях, о своих занятиях спортом».

Кажется, все. Теперь надо чем-то закончить письмо. Наташа сдвинула брови:

«Ждем от вас ответного письма. Очень просим написать в нем о вашей местности, есть ли у вас река и лес, что вы делаете летом, какую ведете работу с младшими ребятами, среди взрослых. Опи-

шите нам подробнее, как вы отметили 125-летие со дня рождения великого украинского поэта-революционера Т. Г. Шевченко. Есть ли у вас драмкружок, над чем он работает, есть ли еще кружки и какие?

Пишите нам по адресу: г. Москва, ул. Герцена, дом 46, школа № 85, 9 класс «А».

По поручению учеников девятого класса «А»: Мирра Вайнберг, Наташа Спирова, Александр Петров.

Ждем с нетерпением вашего ответа. 9 «А» класс».

Наташа отложила ручку, внимательно перечитала все письмо. Кажется, неплохо. Потом взяла листок, прикрепив его к письму, приписала: «Мирра, прочти, проверь и подпиши. Отдай потом Алику».

5

В Московском цирке проходили соревнования по боксу. Игорь Миклашевский успешно выступал в них и, победив соперников, вышел в полуфинал. Это был большой успех. Наташа радовалась вместе с братом и желала ему победы. Она упростила Игоря достать билет на соревнования.

— Хорошо,— сказал Игорь.— Только ты пойдешь с Лизой. -

Наташа знала Лизу. Эта белокурая девушка нравилась Игорю. Они дружили. Наташа подозревала, что и любили друг друга.

В воскресенье Наташа пришла в цирк вместе с Лизой. Об их приходе стало известно в боксерской раздевалке. На Лизу и Наташу невольно все обращали внимание: стройные, подтянутые, симпатичные... Иван Дягилев, соперник Игоря, засмотрелся на Наташу и усмехнулся. Он решил в первом же раунде дать братцу «по вывеске».

Дягилев был длинноруким, плечистым, хорошо сложенным парнем. Отчаянный боксер, он умел крепко бить правой и сам неплохо держал удары. Правда, технический арсенал его был весьма однообразен, но Дягилев недостаток в технике с лихвой компенсировал смелостью и напором.

Игорь тоже был уверен в успехе, и ему вовсе не хотелось опозориться перед девушками. Он серьез-

но готовился к предстоящему бою на ринге, тщательно рассчитывая свои силы на три раунда. А Дягилев делал ставку на один первый раунд: удастся свалить — хорошо, а не удастся — можно и отказаться от продолжения поединка, попросить тренера выкинуть полотенце...

И сразу после гонга, едва судья на ринге подал команду: «Бокс!», Дягилев без разведки, без подготовки пошел в лобовую атаку, яростно осыпая Миклашевского ударами, делая акцент на свой коронный крюк справа...

— Ой, мамочка! За что он его так бьет? — Лиза побледнела и схватила Наташину руку.

Игорь не ожидал такого бурного начала, хотя был готов ко всему. Бокс есть бокс, и надо быть начеку. Зевать на ринге не приходится. И в то же время — а эту истину Миклашевский усвоил хорошо — классность боксера определяется не силой его рук, не выносливостью, даже не умением держать удары, а другим, главным, — работой ног, работой головы. Побеждают и становятся чемпионами не самые сильные, а самые умные. Поединок на ринге весьма похож на встречу шахматистов: чем выше мастерство игрока, тем на большее количество ходов смотрит он вперед... В боксе, как и в шахматах, на каждую комбинацию есть своя ответная, на каждый удар — прием защиты... Разница лишь во времени. У шахматистов его больше. А на ринге надо уметь молниеносно оценить сложившуюся ситуацию и принять решение...

В зале сразу поднялся шум:

— Давай! Бей!

— В поддых его! Еще раз!

Наташа застыла в напряжении. Игорь отступал. Он уходил. А тот его настигал. Она не знала, что Игорь решил не принимать темпа, избегать «рубки», а встречными ударами охлаждать пыл, сбивать дыхание и уходить... Уходить так, чтобы противник все время находился рядом и в то же время был на дистанции. Работа ног, работа корпусом. Короткие быстрые скользящие шаги, отходы, уклоны, нырки под летящий кулак...

Конечно же со стороны такое поведение боксера в бою выглядит не очень-то эффектно. Но отход, от-

ступление — это еще не поражение, а лишь маневр. Публика не всегда правильно понимает и по-своему истолковывает ход схватки. Она приветствует, как правило, смелого, наступающего, активного боксера. Правда, на состязаниях присутствуют и настоящие ценители бокса. Они-то понимают каждый маневр, видят рисунок боя, характер схватки, тактические задумки...

Игорь правильно все рассчитал: такой бешеный темп Дягилев долго не выдержит, на все раунды внутреннего запаса энергии не хватит, сторит, выдохнется и к третьему раунду, а то, может быть, и во втором потеряет резкость, чувство дистанции и превратится в ходячий мешок для битья...

Миклашевский мотался по рингу, вытирая спиной канаты, ускользя от наседающего длиннорукого соперника, и ждал. Терпеливо ждал. Перчатки Дягилева черными молниями мелькали в воздухе. И не все удары удавалось парировать, свести на нет. Отдельные и прорывались... А кулаки у него тяжелые, как булыжники. Было видно, что к концу раунда оба противника вымотались крепенько и ждали гонга, как мальчишки спасительного звонка на уроке.

Однако на последних секундах раунда Миклашевскому все же удалось подловить на обманный прием Дягилева. Правда, в решающий миг тот, надо отдать ему должное, понял опасность и попытался защититься. Но было уже поздно. Он лишь смог несколько смягчить удар... И прямой справа встряхнул Дягилева основательно. Его ноги спружинили, он как-то сразу обмяк. Подскочивший судья на ринге успел открыть счет.

— Раз! — и вытянутой рукой показал Миклашевскому на нейтральный угол, требуя удалиться. — Два! Три!

Игорь не успел дойти до угла ринга. Раздался певучий звук гонга, извещавшего об окончании первого раунда. Зрители разразились бурными аплодисментами. Бой с такой драматической концовкой всегда публике по вкусу. Наташа, захваченная общим волнением, тоже хлопала в ладоши. Но через несколько секунд овация оборвалась и наступила тишина. По-

том ее взорвали свист и топот. Публика негодовала. Тренер Дягилева выбросил на брезент мохнатое полотенце, давая понять, что бой прекращен... Лиза застыла, стиснув руки Наташи. Наташа с недоумением посмотрела на Дягилева. Тот стоял потный, волосы прилипли ко лбу, а на скуластом лице расплывалась широченная улыбка. Дягилев что-то весело говорил своему тренеру, и оба улыбались...

И только тогда Игорю стала понятна хитрость соперника. Погонял по рингу, не надеясь на победу, выложился в первом раунде и... отказался от дальнейшего боя. Ходи с синяками, победитель! Красуйся...

Наташа видела, что Лиза не находила себе места. Победа ее не радовала. Она много пережила за эти три минуты первого раунда. Бокс слишком жесток. И когда возвращались домой, Лиза участливо спрашивала Игоря:

— Тебе больно, да?.. Я все видела... Видела!

— Нисколечко, Лиза!

— Не обманывай!

— Когда идешь навстречу опасности, нет ни страха, ни боли. Понимаешь, ты вроде бы в настоящем бою.

Наташа кивала. Она понимала. Там, за канатами ринга, было не представление, не актерская игра, а самая настоящая борьба. Она гордилась своим двоюродным братом. Игорь такой сильный и храбрый, еще одна победа, и он — подумать только! — чемпион Москвы!

Они шли рядом. Но Наташа вдруг почувствовала, что она лишняя. Игорь и Лиза, давно забыв о существовании Наташи, говорили только между собой. На остановке Наташа попрощалась:

— Я на трамвае, мне еще решить задачку надо по алгебре. Пока!

6

Вскоре Наташа выполнила нормативы на значок «Юный ворошиловский стрелок». Вручая Наташе значок, Антон Николаевич протянул и изрешеченную ею мишень:

— Возьми на память!

В тот же день, вечером, радостная Наташа с нетерпением поджидала свою мать. Александра Леонидовна поздно вернулась из театра.

Помогая маме раздеться, хлопоча вокруг нее, Наташа светилась радостью.

— Какие у тебя новости, Ната? Вижу по лицу, что-то хорошее.

— Мамуля, можешь меня поздравить! — Наташа протянула матери новенький значок и пробитую пулями мишень.

— Что это?

— Видишь, как пули легли кучно! — Наташа развернула мишень. — Я буду учиться на снайпера.

Александра Леонидовна удивленно посмотрела на дочь. Этого еще не хватало! И сухо спросила:

— Тебе нравится?

— Очень!

— Это же мужское дело, Наташа.

— Ничего!

— Девочкам совсем не подходит.

Наташа озорно блеснула глазами. Она хотела было сказать, что будущей артистке надо уметь стрелять. Надо многое уметь, чтобы правдиво играть на сцене. Но вслух Наташа сказала другое:

— А Анка-пулеметчица? Или, может быть, скажешь, что тогда была революция?

— Тогда была революция.

— Правильно. А потом в других странах будет революция, и я буду в ней участвовать, мамулик, обязательно. Вот увидишь!

— Оставайся лучше дома.

— Наша страна единственная, мама, каждый у нас должен быть воином.

— И я, Натуля? — спросила Александра Леонидовна.

— Нет. Ты актриса. Но я научу тебя стрелять, подожди.

— О боже! — Александра Леонидовна не выдержала. — Я устала, Натуля. А ты со своими глупыми выходками.

Наташа молнией улетела на кухню.

Кормить ужином маму, уставшую после работы,

было для Наташи особым удовольствием. Она садилась напротив, наблюдая, чтобы все было под рукой: сахар, конфеты, булочки. Сама наливала в чашки молоко, намазывала маслом ломтики булки.

Она обожала маму и гордилась: ведь мама — актриса!

Когда-нибудь и она, Наташа, будет тоже актрисой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ

1

В комнате светло и прохладно. Солнечные лучи легли оранжевыми зайчиками на пол, на ковер. В распахнутое окно вливается аромат цветущей липы. Наташа сладко потянулась, по привычке торопливо взглянула на часы. «Четверть одиннадцатого... Я же проспала! — и тут же сама себя успокоила. — Спешить-то некуда!.. Все! Ни уроков, ни школы».

Даже не верится, что больше никогда не будет уроков, что не надо ходить в школу... Рядом с кроватью на спинке стула лежит белое платье. На коврике — новые туфельки. Правый носок чуть содран. Это вчера, во время вальса, Потапов нечаянно наступил... А может, и не нечаянно? Потом тут же извинился и полушутя-полусерьезно Коля тихо одними губами произнес: «Любя»... А может, сбила потом на Красной площади?

Наташа чуть приподнялась. Аттестат лежал на столе, рядом с вазой, в которой стояли розы. По всем предметам тушью выведена одна и та же оценка — «отлично»... Наташа почти не видела весны и начала лета. Учебников было мало, и заниматься приходилось по конспектам. Чуть ли не каждый день были контрольные. Пришлось пересдавать географию и химию. А потом — выпускные экзамены.

Наташа закрыла глаза, и снова, как в кино, перед ней замелькали картины вчерашнего выпускного ве-

чера, бала, ночи... На торжественное собрание вместе с Александрой Леонидовной пришли ее сестры — Августа, Тамара и бабушка. Наташа помнит, как вспыхнуло оживление в глазах учителей, как они перешептывались: «Которая из Камерного театра? Которая повыше, беленькая?», «Средняя, Тамара, она из Большого театра...», «Удобно ли будет ее попросить спеть?», «А мать Наташи! Даже не верится, что у нее такая взрослая дочь...»

На торжественном собрании она выступала от имени выпускников. Она волновалась, голос чуть дрожал, когда благодарила учителей, обещала, что, если придется, молодежь в первых рядах встанет на защиту своей Родины.

Учителя сказали добрые, напутственные слова. Потом раздвинули стулья, заиграл небольшой оркестр, и в вихре танца закружились выпускники, учителя, родители... Позже радостное чувство свободы и окрыленности сменилось грустью, и потому никому не хотелось расходиться, хотелось побыть еще хоть немного всем вместе... Тогда по странно безлюдной улице, освещенной поблекшими электрическими фонарями и светом наступавшего нового дня, пошли к Кремлю. От Тверского бульвара вниз к Арбату катил грузовой трамвай, и сонный сторож клевал носом на платформе, загруженной мешками... Высокий, застывший в памятнике Тимирязев, казалось, кивком головы приветствовал молодежь.

На Красной площади было шумно и многолюдно. Каменные плиты Мавзолея сплошь были покрыты цветами. Кто-то играл на баяне, вокруг танцевали. Рядом пели песню о трех танкистах. Тут же, под аккомпанемент гитары и мандолины, нестройный хор выводил песню про степь Донецкую.

Выпускники восемьдесят пятой школы, взявшись за руки, дружно вступили на площадь и слаженными звонкими голосами запели марш, который тут же подхватили чуть ли не все вокруг:

Кипучая, могучая,
Никем непобедимая,
Москва моя,
Страна моя,
Ты самая любимая!

Наташа тихо напевала. Она была еще на Красной площади. Ей очень хотелось, чтобы счастливые часы вчерашнего вечера длились нескончаемо долго, чтобы они повторились и сегодня и завтра... Но Наташа знала, что они никогда больше не повторятся, а только навсегда останутся, как память юности и расцветающего счастья.

Наташа встала, оделась. Мама ушла, она на репетиции. И теток тоже не было дома, у них свои репетиции. Только на кухне что-то мыла бабушка, гремела посудой. И братьев не было. Игорь служит в армии под Ленинградом.

Наташа прошлась по комнате. Давно она не была днем дома так, чтобы никуда не торопиться. Хочешь — лежи и читай, хочешь — ходи, пой, танцуй... Свобода! Но это ощущение почему-то не приносило радости.

Подошла к столу. Рядом с аттестатом письмо. По почерку догадалась — от Игоря! Быстро открыла, прочла письмо. Служба идет нормально. Вместе с письмом брат прислал вырезку из газеты, где сообщалось о соревнованиях на первенство Ленинградского военного округа. Игорю посвятили целый абзац, рассказывая о победном бое нового чемпиона Ленинграда и округа.

Потом подошла к этажерке и достала письмо от Юры Карцева. Письмо пришло еще на позапрошлой неделе, в дни экзаменов. Наташа уже дважды его читала, и почему-то ей захотелось перечитать еще раз. Юра тоже служит в армии, он на Дальнем Востоке. Наташе казалось, что она слышит голос Карцева.

«Амурский привет!

Итак-с, мадам, вы решили, кажется, податься на режиссерский факультет? Так у меня есть один, не главный вопрос: кто будет вести его в этом году?

А теперь — к делу! Все твои сомнения — дело понятное и (как бы ты думала) даже нужное, мне кажется. Вот только я, говоря откровенно, недолюбливаю слово «талант». И всегда употребляю слово «способности». Ей-богу, мне кажется, что это скромнее, правда? И о таланте вообще можно только говорить в 40—50-летнем возрасте, а? Правда, можно

его чувствовать и не чувствовать! Я вот, например, знаю точно, что во мне таланта нет, но маленькие способности имеются, и даже это меня вполне удовлетворяет. Я очень люблю театр. Правда, сейчас я оторван от театра, а самодеятельность все же остается самодеятельностью. Ну да ладно, об этом не стоит.

Ты совершенно правильно думаешь, мне кажется, про способности. И я советую (как мне советовали в 1939 году) идти сначала не на режиссерский, не на актерский, а на театроведческий факультет... Пойми на нем, узнай жизнь, познакомься и с актерским, и режиссерским факультетами, а через год можно уже совершенно твердо решить — куда тебе идти. Послушайся, ей-богу...

Вот видишь, какие я умею умные речи произносить. Я, например, в театре, если не удастся быть актером, готов быть театроведом, библиотекарем, билетером, бутафором, гардеробщиком, кем угодно, но только в театре.

А главное, как замечательно пишет М. Н. Ермолова: «Не теряйте веры в идеал, иначе вы погибнете, помните это! Верьте в прекрасное, доброе, вечное! — наконец». Гениальное высказывание.

Пиши, пожалуйста, чаще, как будут дальше развиваться события, ладно? Мое письмо придет в самый разгар испытаний — ничего, ничего!

Поставил я 2 мая «Славу» — довольно неплохо прошла. Работаю я теперь в библиотеке. Вот и все о себе, как-нибудь напишу о кружке «драм» здесь. Жду толстых, толстых писем и часто.

Наверное, была на ленинградской декаде театров?

Привет всем, всем. Жду писем.

Юра».

Наташа, не выпуская из рук письма, закружилась в вальсе по комнате. «Милый Юрик, спасибо тебе за добрые слова, — думала девушка. — Хоть ты меня поддерживаешь и одобряешь».

2

Александра Леонидовна после репетиции успела побывать на рынке и купить клубники.

— Ната! Папа тебя поздравляет, лучшую из всех дочек.

Александра Леонидовна выложила ягоды на блюдце, словно между прочим, спросила:

— Ну, а какой мы выбрали институт? Кем хочет стать моя девочка?

У Наташи смешно дрогнули кончики губ. Она озорно глянула на мать.

— Это мой сюрприз! Подожди немного. Чутьочку! Всего полтора месяца.

Александра Леонидовна промолчала. У дочери праздничные дни. Еще успеет с ней поговорить серьезно на эту тему.

Она порылась в сумочке и протянула Наташе пухляк.

— Подарок от папы. Подмосковный дом отдыха.

Наташин отец работал в Академии наук. Он жил со своей новой семьей, но не забывал Наташу.

— Нет,— сказала Наташа.— Вы опять не посоветовались со мной. Значит, права я. Нет и нет!

— Но почему?

— Я не могу бросить своих малышей.

— Натуля, этим малышам по десять — двенадцать лет. Они с тебя ростом. Ты кончила школу и должна отдохнуть перед вступительными экзаменами. Ты получила аттестат и теперь серьезнее подумай о себе.

— Именно сейчас я больше всего беспокоюсь о моих ребятах. Ты подумай, мулик, последнее лето! В первой смене будут два моих класса и два смежных. Они привыкли ко мне. Нет, кажется, не брошу их, даже когда стану учиться в институте.

Александра Леонидовна замолчала. Спорить с дочерью было трудно. Не потому, что она будто бы упрямилась, а потому, что Наташа всегда оказывалась права. Чувство справедливости было развито в ней. Она умела убеждать и всегда добивалась своего.

— Хорошо, Натуля! Пусть будет по-твоему. Прошу только об одном, перед экзаменами явись домой как можно раньше.

— Я возьму с собой учебники и там буду готовиться к экзаменам. Ты только не переживай, не беспокойся за меня!

Через неделю Наташа уехала в пионерский ла-

Итак, Наташа первокурсница.

Позади на «отлично» сданные экзамены, впереди — широкая дорога искусства.

Наташа была зачислена в группу Михаила Михайловича Тарханова.

Сознание, что она принята, что она в числе тех немногих, которых признали способными, окрыляло ее. Как в волшебном мире жила Наташа эти первые студенческие месяцы.

5

Комитет комсомола института решил устроить в честь новичков студенческий бал. Старшекурсники, с интересом разглядывая «новеньких», перешептывались:

— Вот эта, которая чуть косит, ее очень хвалил Тарханов.

— А эта, эта Лариса — Леонидов плакал, слушая ее.

— А вот Дмитриева, видишь, какие глазищи, какой характер!

— А та, Шульмейстер. Ей поставили на конкурсе пять с плюсом!

Когда же на глаза «старичкам» попадалась Наташа, разглядывали ее особенно пристально:

— Она читала шевченковскую «Катерину»?

— А верно, будто ее приняли не только за то, как читала, но и за то, как она смотрела на сдававших товарищей?

— Ну что ты!

— Да, да!!!

Сами новички в это время, чувствуя непривычное внимание к себе, тихо держались в сторонке. И только Наташа, живая, стремительная, сияя глазами, улыбкой, загаром, как будто она давно уже со всеми дружна, белой птицей летала в вальсе по залу, переходя от «старших» актеров к режиссерам и — о диво!!! — к немногословным театроведам. (Известно же, что они самый «сурьезный» народ в институте.)

- Наташа, со мной!
- Наташа, а я!
- Наташа, снова вальс!

И так же, как в школе, в пионерском лагере, она была для всех «наша Наташа». Так легко и быстро, словно это само собой разумеется, Наташа вошла в студенческую семью.

А поздно вечером счастливая Наташа рассказала маме, что провожали ее со студенческого бала чудесные ребята: Петя Громцов, Сергей Невгоров и Андрей Гончар. Все трое старшекурсники с режиссерского факультета.

Александра Леонидовна сказала шутливо:

— Значит, у тебя уже появились поклонники?

— Что ты, мама! — возразила Наташа. — Им просто было по пути со мной. Но, скажу по секрету, один из них мне немного нравится.

— Кто же?

— Андрей Гончар. Кстати, он живет почти рядом.

— Хорошо, когда провожатые живут рядом, — согласилась Александра Леонидовна.

Прошел вечер, и снова учеба.

Как и все студенты театрального института, она зубрила страницы учебников по музыке, литературе, античному театру. Добивалась умения произносить пословицы и поговорки предельно быстро, как того требовали уроки сценической речи. Изоцряла свой ум выдумками на уроках мастерства актера. Этюды, напоминающие по своему характеру пантомимы, были основными слагаемыми актерского мастерства, и выдумывали их сами студенты.

В маленький полутораминутный этюд Наташа вкладывала столько души и энергии, что руководитель творческой группы Михаил Михайлович Тарханов только улыбался, глядя на энергичную первокурсницу. Стряпая воображаемые салаты и компоты, она так яростно солила и сластила, а затем несла всю эту кулинарию куда-то, что класс кричал: «А это она торопится в больницу, к Васе Платину!»

Однокурсники были правы. Наташе всегда некогда. То срочно нужно поехать в общежитие студентов,

то навестить больного, то необходимо кому-то выхлопотать стипендию. С первых дней учебы Наташа в бюро комитета комсомола. Приходится везде успевать. Дома, закончив очередные уроки, захлопнув конспекты и учебники, она ложилась усталая и засыпала с одной единственной мыслью — что она самый счастливый человек на свете...

6

«Левый берег Амура, 21 октября 1940 г.
Наташа!

Очень, очень рад, от души поздравляю и вместе с тем хочу тебе в связи с этим сказать несколько слов. Одобрение Леонидова, принятие в ГИТИС — это очень много, это счастье, и счастье большое! Но у всякого счастья есть другая сторона, и в самый разгар счастья следует себя мучить именно напоминанием этой оборотной стороны. Мне кажется (если я не прав, я буду очень рад этому), что в ГИТИСе есть некоторая реакционность, застылость. Как так? Студенты ГИТИСа наряду с теми знаниями, большими, творческими, плодотворными, которые они получают от педагогов, приобретают дурной вкус успокоения, почивая на лаврах! Многие рассуждают так: раз я в ГИТИСе — значит, уже достиг «степеней известных». А ведь все дело в том, чтобы неустанно, каждую секунду, работать, работать, работать над собой.

И вот об этой-то повседневной работе над собой никогда не следует забывать.

Знаешь, что мне сейчас особенно хочется знать? Как живут студенты, как атмосфера, настроение и все, все. Пиши подробно, хорошо?

Да, Наташа, я очень прошу тебя, если это будет возможным, пришли те программы, по которым вы занимаетесь.

Очень хорошо, что руководитель курса Михаил Михайлович Тарханов — замечательный актер и, наверное, человек, так мне кажется. Пиши, кто, откуда, какие люди на курсе? Меня все они интересуют, вплоть до фамилий. Советую записывать все на записках, самые небольшие детали, мелочи.

Помни, что все забывается, а ведь упущенного не веротишь.

Наташ, как остальные ребята в школе? Куда прийти? Кто в армии? Я вот уже год в РККА.

Ну, жду, жду. Привет всем.

Юра».

ГЛАВА ПЯТАЯ

МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ

1

Был воскресный зимний день. Александра Леонидовна неторопливо собиралась на репетицию. Скоро из тира, с занятий снайперского кружка, должна прийти Наташа. Еще вчера дочь говорила, что они вместе с Сергеем Невгоровым собрались в Третьяковку.

Александра Леонидовна поймала себя на мысли о том, что в самом деле день такой солнечный, звонкий, что хорошо бы вырваться из дома, побродить по улицам Москвы, как когда-то в юности.

Уже почти одетая вышла она на звонок в передней, полагая, что пришла дочь. Но вместо Наташи в переднюю ввалился Сергей Невгоров. Высокий, на голову выше Александры Леонидовны, с лохматой, непокрытой головой, в теплом коротеньком пальто. Узнав, что Наташи еще нет, он, несколько не смутясь, разделся, прошел в гостиную и сел в мягкое старое кресло, которое Александра Леонидовна любезно пододвинула ему.

Александр Леонидовне нравился этот юноша. У него мягкие манеры и внимательные строгие глаза. Он часто приходил к ним в дом и подолгу сидел вот так, ожидая, когда Наташа придет домой с занятий или с заседания комсомольского комитета. Он старше Наташи на два года, увлекается немецким языком и учится на два курса выше ее. А если учесть, что он на режиссерском, то можно понять его серьезную внимательность и строгость серых добрых глаз.

Александра Леонидовна, взглянув на часы, отметила, что у нее еще есть более часа свободного времени, и устроилась напротив. Обычно она задавала вопросы, Невгоров отвечал. Он рассказывал об институте, о преподавателях, о своем режиссерском. Рассказывал не торопясь, обстоятельно. И Александре Леонидовне нравилось, что юноша ни для кого не находил плохих слов: люди у него всегда хорошие, вещи у него всегда нужные, события интересные.

Но сегодня Сергей заговорил о другом и тем самым приятно удивил Александру Леонидовну.

— Наташу я хорошо изучил,— как-то сразу без предисловий начал Невгоров.— Есть люди, которые с первого взгляда располагают к себе, но потом часто приходится разочаровываться. Наташу чем ближе узнаешь, тем больше уважаешь. Цельная натура!

Александра Леонидовна улыбнулась. Она ясно увидела, что этот строгий и милый студент сильно увлекся Наташей. И хотя говорил о ней деловым, почти суровым тоном, нельзя было не заметить, как теплели его глаза, едва он произносил имя ее дочери.

— И заметьте, Александра Леонидовна,— продолжал Невгоров,— у Наташи чувство долга всегда на первом месте. Она нетерпимо относится к нечестным поступкам своих товарищей по курсу. Вначале это, знаете ли, производило впечатление некоторой сухости, холодности характера. Но скоро я убедился, что это впечатление чисто внешнее. Поверьте мне, Александра Леонидовна, Наташа — это глубоко лирическое, очень эмоциональное, полное поэзии и жизнерадостности существо.

Невгоров внимательно, почти сурово посмотрел на мать Наташи. У Александры Леонидовны смеялись глаза.

— Я говорю с точки зрения режиссера,— смутился Сергей и неожиданно покраснел...

— Я понимаю,— ответила Александра Леонидовна.

Оба замолчали. Стало неловко.

Выручила Наташа. Она явилась живая, запыхавшаяся, с розовыми от мороза щеками.

Через несколько минут оба они, Сергей и Наташа,

уже спускались по лестнице. Оставшись одна, Александра Леонидовна подошла к окну. Хорошо и немного тревожно было на душе. Ее Наташа, старательная, добрая девочка, явилась ей сегодня совсем иной.

«Вот и выросла дочь», — подумала она. Быстро накинув беличью шубку, замкнув дверь на ключ, Александра Леонидовна сбежала по лестнице. Садясь в троллейбус, она еще раз подумала, что теперь, пожалуй, придется позаботиться о Наташиных туалетах.

2

«Здравствуй, Юра!

Который раз я начинаю писать тебе, а дописать не удастся. Ты был прав — работать приходится много, и я занимаюсь, как черт, а времени не хватает. Весенние зачеты оказались очень неприятной комбинацией, а ведь тут не школа, а институт.

Пишу тебе на лекции, поймают — попадет.

Рядом со мной сидит Нина (помнишь высокую девушку, я тебе о ней писала, мы с ней сдружились и готовимся к зачетам вместе). Могу доложить, что три зачета сданы досрочно: основы марксизма, французский язык и история древней литературы. И два экзамена — музграмота и история русской литературы. Оба досрочно и оба на «отлично». Профессор литературы даже сказал, что если бы была отметка выше 5 («отл.»), он бы поставил мне, и пожал нам с Ниной Суржиковой руки.

«Непрѐменно запомню фамилии, — сказал он нам на прощание. — Мне очень лестно, что у меня такие отличные слушательницы, с такими превосходными знаниями».

А у слушательниц от страха животы разболелись.

Сегодня у меня зачет по физкультуре, завтра ритмика, потом — сценическая речь...

Конечно, Иван Петрович Толмачев заметил, что пишу. Скандал!..

Дописываю уже после лекции у себя в комитете комсомола, обложившись ведомостями, которые я должна считать. Радует, понимаешь, что сдала на

«отлично», но впереди — самый трудный — античный театр. Книг надо целую гору прочесть, завтра, в выходной, пойдем на целый день «зудеть» в читалку. А потом, наконец, последний — завершающий — мастерство актера. Об этом уже и говорить нечего, колени от страха подгибаются. Жуть одна, тем более, что все это время никого из наших руководителей не было, и мы почти не занимались... Сам представляешь! Работа в комитете комсомола, как и раньше, разницы никакой. Дел много, интересно, только времени нет.

Ну, вот тебе и вся моя институтская жизнь, к ней, конечно, надо прибавить «муки творчества», бесконечные слезы, злость и нервы, в связи с мастерством, и картина ясна.

И еще одна новость. К моим оборонным значкам прибавился еще один — сдала нормы на ГСО II ступени. Санитарное звено нашего курса приняло участие в районных соревнованиях. Их проводили за городом на Воробьевых горах. Как мы волновались, пока не подошла наша очередь. В сотне метров от старта лежал «раненый». Нам надо к нему подползти по-пластунски, в полной форме, с сумкой, противогазом и носилками. «Раненому» нужно надеть противогаз, наложить жгут, остановить сильное «кровотечение», потом приладить шину на ногу с «перебитой костью», уложить на носилки и «под огнем» противника вынести в безопасное место...

Как потом выяснилось, отработали мы довольно неплохо, заняли четвертое место.

В Москве сейчас хорошо и солнечно. Впереди лето, а где его проведу, пока не решено.

Привет твоим боевым друзьям. Пиши, как тебе послужится и что нового в твоём драмкружке.

Наташа».

3

У Наташи появилась подруга Нина Суржикова. Они учились на одном курсе. Обе девушки были активными комсомолками, и именно это быстро сдружило их. Наташа очень трогательно относилась

к своей новой подруге. Иногда казалось, что она взрослее Нины, хотя Нина была старше, выше ростом и вообще выглядела солидней. Александра Леонидовна хорошо помнит то время. Лето наступило быстро.

4

Наконец настал день, когда позади остались зачеты и экзамены, а впереди — целое лето отдыха. В этот день Наташа пришла усталая и довольная.

— Мапочка, все — на пятерки!

Александра Леонидовна обняла дочь.

— Поздравляю мою второкурсницу.

— До театра осталось не так уж долго?

— Да, деточка, до театра не так уж много.

— А помнишь, мама, я тебе говорила, когда мне будет двадцать лет, я буду работать и одевать тебя, как куколку!

Александра Леонидовна улыбнулась.

— А я тебе ответила, что когда тебе будет двадцать лет, то я уже буду старенькая, мне совсем не нужны будут платья и другие обновки.

Наташа хитро сощурилась.

— А ты сейчас такая же молодая, как и раньше, и так же, как и раньше, тебе хочется красиво одеться.

Александра Леонидовна рассмеялась.

— Да, Натуля! Что поделаешь.

— Мама, ты красивая!

В этот день они обе никуда не торопились. Александре Леонидовне приятно было сознавать, что Наташа ее уже второкурсница, а сплошные пятерки говорят о ее способностях. Наташа тоже разоткровенничалась и призналась, что мечтает сыграть в театре что-то значительное, например, Катерину Островского, ей хотелось сыграть много ролей. Она мечтала быть и Ниной Заречной в «Чайке» Чехова, Ларисой в «Бесприданнице» Островского, Настей в пьесе Горького «На дне», Таней в арбузовской «Тане»... Мечты большие, светлые и, верилось, вполне осуществимые...

Весь Наташин курс сдал зачеты на «хорошо» и «отлично». Неудачников в группе не было. Чтобы отметить такое событие, первокурсники задумали устроить комсомольский бал. На бал решили пригласить кое-кого из старшекурсников.

Как и следовало ожидать, основная тяжесть по устройству вечера легла на Наташины плечи. К тому времени она была уже комсоргом группы и заместителем комсомольского секретаря института. Нужно найти подходящее помещение, разослать приглашения педагогам, старшекурсникам, подобрать соответствующую музыку. В общем, работы у Наташи нашлось немало.

Настал долгожданный день. Выглажены платья. Уложены волосы. Наташа и Нина — у зеркала. Обе одеты, причесаны. У обеих на ногах обновы — белые туфельки на каблучках. Особенно восхищена Наташа. Она впервые надела туфли на каблучках и потому чувствовала себя хоть и гордой, но немного неуверенной.

Александра Леонидовна делает последние поправки в их туалете: где-то закалывает, где-то подшивает. На плите все еще греются железные щипцы для волос. Наконец она критически оглядывает девушек, останавливая внимательный взгляд на дочери, и с легким сердцем отпускает обеих девушек.

Наташа возвратилась домой далеко за полночь, веселая и немного утомленная. Увидев, что мать бодрствует, она сердито свела брови:

— В чем дело, мамулик? Почему ты не спишь?

Пришлось сказать, что была срочная работа. Александра Леонидовна действительно подучивала новую роль.

Ужинать Наташа отказалась. Она была возбуждена.

— А знаешь, мулик, я опять холостая.

Александра Леонидовна глянула на дочь. Ее ма-

сердце насторожилось. За легкой беспечностью сквозило что-то серьезное.

— Слушаю.

— Ну что ты сердишься? Ма? Я ведь ничего плохого не сказала.

— Наташа, что значит — холостая?

— Это у нас в группе принято так говорить. Ну, например, если девушка поссорилась с парнем.

— Ты поссорилась с Сергеем Невгоровым?

— Что ты, мама, мы с ним не ссорились!

— Не понимаю, почему ты тогда холостая?

Наташа вдруг посерьезнела. Она подошла к матери совсем близко, виновато заглянула в глаза.

— Он сегодня был нахалом. Он хотел меня поцеловать.

Александра Леонидовна облегченно вздохнула и, пытаясь скрыть улыбку, опустила глаза.

— Я ему предложила больше к нам не ходить. И вообще мы с ним расстались...

Александра Леонидовна села в кресло и усадила рядом дочь.

— Ты была сегодня жестокой, Натуля.

— Нет, я была справедливой, мама.

— Почему же ты так поступила?

Александра Леонидовна увидела удивленные, почти возмущенные глаза.

— Ну, допустим. Допустим, Сергей поцеловал бы тебя... Ведь он твой друг... Ведь это бывает со всеми.

— Я знаю, что это бывает со всеми.— Наташа прямо посмотрела в глаза матери.— Но ты ведь сама говорила: «Умри, но не давай поцелуя без любви».

— Выходит, ты не любишь Сергея?

— Нет.

— Но ты с ним дружила, и довольно долго.

Наташа задумалась:

— Да, дружила. С ним было интересно. Он такой удивительный человек! И потом, все мои подружки дружат. А я что, рыжая?

Последняя фраза развеселила обеих, они рассмеялись. Через четверть часа, уже в постели, Александра Леонидовна сказала:

— Ты поступила все-таки жестоко. Сначала заманила парня, а потом бросила.

— Нет, мама. Никто никого не бросал. Просто нам было интересно вдвоем. Но любовь — это совсем другое! Я не думала, что у него всерьез. Но лучше порвать сразу, не запутывать наших отношений.

— Значит, ты холостая?

— Да.

И они опять рассмеялись.

Потом Наташа, нарушив обычный запрет Александры Леонидовны, забралась к ней в постель. Укрывшись одним одеялом, они прижались друг к другу.

— А помнишь, ты говорила как-то, что тебе нравится Андрей Гончар! — вкрадчиво спросила Александра Леонидовна.

Наташа чуть усмехнулась.

— Сейчас он тебе тоже нравится?

— Нет, — ответила Наташа. — Об этом не может быть и речи. У него есть девушка. Но мы очень дружны.

— Значит, ты никого не любишь? — шепотом спросила Александра Леонидовна.

— Нет. И не полюблю.

— Почему?

— Разве непонятно? — серьезно ответила Наташа. — Я буду актриса, как ты. И мне совершенно незачем выходить замуж.

— Тебе будет скучно одной.

— Но ведь у меня есть ты.

— Этого мало. Если бы у меня не было дорогой моей доченьки, мне было бы очень плохо.

— Я и об этом подумала, мама. Мы возьмем себе мальчика и будем вместе воспитывать.

— Натуля, ты совсем ребенок.

Наташа выскользнула из постели. Накинув халат, побежала на кухню. Она скоро вернулась, неся чайную чашку с молоком.

— Опять забыла на ночь горячего, а завтра тебе петь.

Когда Александра Леонидовна поставила пустую чашку на тумбочку, Наташа наклонилась над нею и со всех сторон, как у маленькой, подоткнула шерстяное одеяло.

— Спи, завтра тебе работать. Не буду больше

мешать, я ведь теперь бездельница. Завтра буду спать до вечера.

Часы пробили пять утра.

Наташа погасила свет и улеглась на свою постель. За окном уже светало.

Еще через минуту Александра Леонидовна услышала ее приглушенный шепот:

— Мама, я очень хочу сыграть Катерину Островского. Больше всего на свете. Я засыпаю и просыпаюсь с этой мыслью.

— Ты ее сыграешь,— также шепотом ответила Александра Леонидовна.— У тебя впереди целая жизнь. Уверяю...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДНИ ИСПЫТАНИЙ

1

Война!..
Все было спокойно, привычно и вдруг...
Война!
Война — это значит нет мира. Нет тишины, нет счастья. Значит, надо уходить на фронт, а может быть, и погибнуть. А как же мама? Как институт? Как же брат Игорь? Он проходит действительную службу в Ленинграде. Страх на минуту охватил Наташу. Но только на минуту. В голову пришли слова из песни, тысячу раз слышанной, тысячу раз петой: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». И сразу стало все на место. Мир. Тишина. Покой. Могут ли они быть долгими в стране, со всех сторон окруженной капиталистами? Наташа сразу вспомнила письмо, которое получила накануне от давнишнего товарища из снайперского кружка Марка Левингурова, служившего в пограничных войсках у западных наших рубежей. Он писал: «Очень, очень часто перелетают границу непрошеные гости, и пограничников часто поднимают по тревоге». Вспомнила школьного военрука и тренера по стрельбе Ан-

тона Николаевича. Его пристальный взгляд, его короткие твердые фразы: «Смелее. Точнее. Смотри на прицел. Помни, перед тобой враг».

Война! Наташа, ошеломленная, застывшая, стояла перед репродуктором. Что ж, пришла пора самой себе четко ответить на самый главный вопрос: «Что я могу сделать для Родины?» Не когда-нибудь, не вообще в жизни, а именно сейчас, сегодня, завтра. Наступил главный момент жизни — момент проверки.

Наташа слушала выступление наркома иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова, а в голове стучало: «Райком закрыт. Все ушли на фронт».

Голос Молотова замолк. Из репродуктора неслась тишина. Всеобволакивающая тишина. Трескучая, колючая. Наташа сорвалась с места.

«Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», — торопливо одеваясь, твердила она.

2

Весь институт гудел, как растревоженный улей. Просторный вестибюль, обычно такой свободный, был заполнен бурлящей, негодующей толпой студентов.

— Товарищи! — Наташа старалась перекричать всех. — Товарищи! Дорогие мои друзья!

Один за другим поворачивались к ней собравшиеся.

— Мы были счастливы! Но это было вчера. А сегодня... Сегодня бомбят нашу землю. Рвутся снаряды на улицах наших городов. Нельзя допускать этого! «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!..»

Наташа увидела, что рядом встал комсорг института Петя Вязов. Да, он нашел, сказал те слова, которые все ждали, которые были нужны, чтобы возмущение, жажда деятельности вылились в конкретные поступки.

Когда Вязов кончил говорить, тишина взорвалась одобрительными выкриками.

— Заявление в военкомат понесем организованно, от всей комсомольской группы.

...Уже был вечер, когда Наташа возвращалась домой. Мимо шли люди, взволнованные, озабоченные. Наташа никого не видела. Она все еще жила событиями сегодняшнего митинга. Завтра решится ее судьба. Завтра с утра в военкомате будут рассматривать заявления всех гитисовцев, а также и ее заявление.

Александра Леонидовна вернулась из театра раньше обычного. Она спешила домой. Целый день она не видела Наташу и волновалась. Успокоилась только тогда, когда Наташа, как всегда, открыла ей входную дверь. Она подала матери теплые домашние туфли и заторопилась в кухню. Ужинали они вместе.

Выпив молоко, Наташа молча смотрела, как Александра Леонидовна ела котлету, смазанную горчицей, отламывала кусочки свежего белого хлеба. Потом, вымыв посуду, Наташа пошла в комнату. Александра Леонидовна, ссутулившись, сидела на широкой тахте. Наташа устроилась на коврике у ног матери и положила локти на ее колени.

— Мапочка, все наши ребята уйдут добровольцами на фронт. Я тоже подала заявление. Я и еще многие из наших девчонок.

Александра Леонидовна как-то странно, не то испуганно, не то растерянно взглянула на дочь. Она показалась такой маленькой и хрупкой, что захотелось спрятать ее у себя на груди, закрыть от угрожающей опасности: от войны, от фашистов, от всего страшного, что надвигалось на них.

Наташа, словно читая мысли матери, продолжала:

— Нет, мама, я второй секретарь института. Разве я могу остаться, когда все, даже девочки, решили? Мапочка, ведь это наша страна, а я комсомолка...

Александра Леонидовна схватилась за голову:

— Боже! Но ведь есть мужчины. Если пойдут воевать такие крошечки, как ты...— она не договорила, сорвался голос.

Наташа поднялась с пола.

— Мама, ты что? Нашим ребятам еще надо учиться стрелять, а у меня второй разряд по стрельбе! Или ты думаешь, это ничего не значит?

Александра Леонидовна долго лежала с открытыми глазами, тщетно пытаюсь уснуть. Рядом спала Наташа. Она уснула с твердым сознанием своей правоты. И именно это больше всего пугало Александру Леонидовну.

...Через два дня стало известно, что всем девушкам ГИТИСа, подавшим заявление об отправке на фронт, было отказано. Студентам, за исключением некоторых, не годных к строевой службе, были присланы повестки.

Торжественным и печальным был день, когда гитисовцы провожали первых своих добровольцев. Играл духовой оркестр. Двор института заполнен студентами, преподавателями, родителями. В центре внимания они — еще вчерашние студенты и завтрашние воины. Они уходили строем, подтянутые, с суровыми лицами, в сущности еще очень юные.

— Мы вернемся! Ждите нас с победой!

Два дня войны, но как изменилось все за эти два дня.

В этот вечер Наташа долго плакала. Ей вспомнились лица ребят, ушедших сегодня на фронт. Наташе становилось не по себе при одном воспоминании, какой непростительно жестокой была она несколько дней назад с Сергеем Невгоровым...

3

В начале августа Наташа вновь отправилась в военкомат. Все проходы, приемные были переполнены желающими немедленно «призваться» в армию. Много молодежи толпилось у центрального входа в здание военкомата.

Наташа долго стояла в очереди, пока, наконец, добралась к военкому. Решительно открыла тяжелую, обитую черной кожей дверь кабинета. За длинным столом сидел пожилой мужчина в военной форме. На его петлицах поблескивали три шпалы. Наташа его уже знала — это полковник Каменцев. Он

сердито глянул усталыми глазами на девушку, которую видел не в первый раз, и опять уткнулся в бумаги. Поздоровавшись, Наташа прошла к столу.

— Ну?! — спросил полковник вместо приветствия.

— Я хочу на фронт, — спокойно сказала Наташа.

— А я хочу в Америку, — резко ответил военком, не отрываясь от своих бумаг.

Наташа усмехнулась.

— Так отвечают малышам, когда те просят невозможного.

Полковник поднял голову и осуждающе оглядел хрупкую фигуру девушки.

— Послушайте, — сказал он совершенно серьезно, — поглядитесь-ка в зеркало. Вон в то! Большое.

Повинуясь приказу, Наташа подошла к зеркалу. Оттуда на нее глянули упрямые, чуть напуганные черные глаза.

— Ведь если я поддамся вашим уговорам, меня могут отдать под суд за то, что я призываю в армию детишек.

Закусив губу, Наташа молча вернулась к столу. Видно, военком был очень зол, если разговаривал с ней в таком тоне. Но уходить ни с чем девушка не хотела. Она глядела на седую голову полковника, склоненную над бумагами, и думала, чем бы прогнать этого человека.

Может быть, ему сказать, что она, собственно, может и убежать на фронт!

Полковник поднял голову и вдруг примирительно посмотрел на девушку.

— Вот что, — сказал он, — уж если решено идти на фронт, советую поступить на медицинские курсы, подучиться пока.

Наташа вскинула брови.

— Но ведь у меня второй разряд по стрельбе!

Полковник махнул рукой:

— Слышал уже. О передовой думать не надо. Совершенно бесполезно. Реальнее смотри на дело, реальнее.

— Но курсы медсестер — это же несколько месяцев! — разочарованно воскликнула Наташа.

— Увы, несколько месяцев. За это время как раз и подрасти можно.

— Это долго! Не могу оставаться здесь. Быть сейчас в тылу — это позор!

Военком пожал плечами.

— Это все, что можно посоветовать.

Он углубился в бумаги с таким суровым видом, что Наташа поняла, военком разговаривать с ней больше не будет. Надо уходить. В дверь уже протискивался очередной доброволец.

4

В институте был создан штаб самозащиты, в который вошли группы противопожарной и противохимической обороны, санитарная дружина. В подвалах здания спешно оборудовали бомбоубежище. На чердаках и крыше поставили ящики с песком и бочки с водой. Дважды приезжала инспекция из районного штаба ПВО, дотошно осматривала лестницы, чердаки, выходы на крышу, проверяла расположение постов, спускалась в подвал... Делала замечания, заставляла перетаскивать на новые места ящики с песком, проверяла огнетушители...

В институте установили круглосуточное дежурство членов дружин. Ожидали воздушного налета на столицу. Гитлеровцы уже бомбили Киев, Смоленск, Ленинград. Шли тяжелые бои на Минском направлении. Москва готовилась отразить удары врага. На бульварах и площадях появились зенитные пушки и пулеметы, вокруг которых сооружали барьер из мешков, наполненных песком. Окна заклеивали крест-накрест бумажными полосами. По улицам ходили военные патрули.

Наташа — член штаба. Настала и ее очередь дежурства. Она — старшая по объекту. Нина Суржикова — связная, она дежурит возле телефона. Ночь выдалась теплая, лунная. Даже не верится, что где-то идут бои, гремят пушки...

— Проверю посты, — сказала Наташа и, поправив сумку с противогазом, направилась к лестнице.

Постов два. Один — на крыше, где несут дежур-

ство дружинники ПВО, а второй — в бомбоубежище, где находилось отделение санитарной дружины.

Прохладный сырой воздух подвала, низкие своды, тускло светят лампочки, схваченные проволочной решеткой.

Сандружинницы — студентки-первокурсницы и лаборантка с кафедры истории театра. Они у стены раскрыли носилки, разложили на столе медикаменты и перевязочный материал. Больше делать пока было нечего. Сандружинницы сидели на низкой скамейке и переговаривались шепотом. Завидев Наташу, дружно вскочили. Старшая доложила по всей форме.

— Вольно, — скомандовала Наташа и прошла по подвалу. — А где ваши противогазы?

— Мы их сложили в уголке.

— Так положено по инструкции? — насмешливо спросила Наташа.

— Нет, конечно... Но зачем их носить, они такие тяжелые, — оправдывалась старшая. — Как загудит тревога, мы их мигом наденем!

— И в спешке перепутаете! Так что лучше наденьте. Раз положено — значит, надо носить.

— Слушаюсь!

Наташа, придирчиво все осмотрев, вернулась к сандружинницам.

— Что такие невеселые, девчонки?

— Люба вот переживает. Домой не сообщила, мама наверняка волнуется. А уходить с дежурства нельзя. Даже к телефону.

Люба, белокурая полногрудая девушка, с надеждой смотрит на Наташу.

— Иди наверх скорее и звони. Скажешь Нине, что я разрешила.

Люба, благодарно улыбнувшись, пулей помчалась к лестнице.

Наташа из бомбоубежища поднялась на чердак, вышла на крышу. От высотыхватило дух — она никогда не была на крыше многоэтажного дома. Под ногами при каждом шаге гулко гремело кровельное железо. Внизу — темные, неузнаваемо пустынные и потому кажущиеся тревожными, переулки Арбата, зеленый Никитский бульвар. Неясная тревога,

медленно нарастая, закрадывалась в сердце. Наташа искала дружинников. Они расположились у самой трубы.

— Сидите, сидите,— сказала Наташа, приближаясь к ним.

— Мы тут о летчике Гастелло разговор ведем. Какой смелый, а? Горящий самолет—и в скопище танков. Вот это подвиг!

Наташа тоже читала о храбром пилоте. Ей хотелось сказать, что о нем наверняка после войны пьесу напишут, может, кинофильм снимут. Но не успела. Вдруг оранжевые кинжальные лучи вонзились в небо. Послышался гул самолетов. Захлопали зенитные пушки, часто и беспорядочно, словно тяжелыми молотками застучали по железу. Бах! Бах! Бах!.. Прерывисто застрочили пулеметы. Взвыли сирены, а потом загудели заводы. Воздушная тревога!..

Наташа замерла, уцепившись руками за край ограды. Она знала, ее предупредили, что будет учебная тревога. Только не сообщили, когда именно. И все равно на какое-то мгновение она растерялась. Близкая оглушающая стрельба, гудение самолетов, рыскающие по небу световые лучи прожекторов... А потом — крики людей, полураздетых, заспанных, выбегающих в панике из подъездов домов, плач детей, причитания женщин...

Сверху было видно, как на улице появились дружинники с повязками на рукавах. Они успокаивали людей, направляли их в метро. «А где же наши?» — Наташа помчалась вниз.

Нина Суржикова уже приняла и записала телефонограмму. Она протянула ее Наташе.

— Вот, звонили из райкома.

В телефонограмме говорилось, что тревога не настоящая, а учебная, однако все посты должны быть на местах, чтобы обеспечить бесперебойную работу медпункта и бомбоубежища.

Поняв, что тревога не настоящая, что никакого налета нет, многие жители, выбежавшие из ближайших домов, успокаивались и охотно шли в бомбоубежище. Но нашлись и недовольные, они сердились:

— Какая там еще тревога? Почему заранее не предупредили?

Поток людей, выбегающих из домов, не уменьшался. Повсюду стояли дружинники с повязками на рукавах и, успокаивая жителей, показывали дорогу в метро или бомбоубежище.

Пожилая женщина, прибежавшая с трехлетним внуком, подошла и поблагодарила Наташу:

— Спасибо вам от всех! Мы так растерялись, так растерялись, что в глазах померкло. А теперь, если по-настоящему налетят, будем знать, куда нам прятаться.

Первая учебная тревога многому научила. Прежде всего сняла мирную беспечность: фронт, мол, далеко, сюда не долетят... Каждый понял: надо быть готовым ко всему. И впоследствии, когда гитлеровцы совершили свой первый налет на Москву, когда несколькими самолетами ночью удалось прорваться к столице, дружинники не видели больше такой паники и растерянности.

5

О школе снайперов Наташа узнала в райкоме комсомола. Достать направление в школу ей не удалось, туда посылали только спортсменов, девушек не брали.

Наташа, не раздумывая, отправилась в Кунцево, где находилась школа. Во дворе ребята, прибывшие по комсомольским направлениям, занимались строевой подготовкой. В стороне виднелся глубокий ров. Там был тир. Оттуда доносились гулкие хлопки выстрелов.

Наташа направилась к невысокому зданию из красного кирпича. Дверь в кабинет начальника оказалась почему-то распахнутой.

Наташа увидела небольшую комнату. Стены увешаны учебными плакатами. За письменным столом сидел военный. Рядом, чуть наклонившись к нему, стояла женщина. Она тоже была в военной форме. Наташа с удивлением отметила, что есть женская военная форма.

Мужчина сидел вполоборота, и Наташа его лица почти не видела, однако в его облике что-то показалось ей знакомым. Он перебирал бумаги и разговаривал с женщиной, которая внимательно его слушала.

— Простите,— громко сказала Наташа,— мне нужен заведующий.

Мужчина и женщина сразу обернулись на голос. Наташа ахнула:

— Антон Николаевич!

Белокурая женщина, равнодушно глядя на вошедшую, выпрямилась. Мужчина поднялся из-за стола и пошел навстречу.

— Наташа?— удивленно сказал он.— Откуда и зачем?— он радостно разглядывал девушку, затем добавил:— Смотри, какая взрослая стала.

— Да, Антон Николаевич. Да, ведь не один год прошел с той поры, как вы учили меня стрелять.

Антон Николаевич сузил глаза и подозрительно посмотрел на девушку:

— Кажется, я догадываюсь, зачем ты пришла.

— Да! Я хочу поступить в вашу школу. Я ведь догадалась, что школа именно ваша.

Антон Николаевич усадил девушку на стул и начал издалека:

— Понимаешь ли, Наташа, в школе снайперов учатся в основном юноши. Девушек у нас почти нет... Да и сложно все это...

— Неужели все будет повторяться как тогда, в кружке, Антон Николаевич!— обиженно воскликнула Наташа.

Начальник школы вспомнил тот день, когда она пришла в стрелковый кружок, и ласково улыбнулся Наташе:

— Ты права, повторяться не будем. Вот что, Наташа, сегодня я сдаю дела и ухожу на фронт. Вместо меня остается Зинаида Павловна.

Он обернулся к молодой женщине и, обращаясь к ней, сказал:

— Зинаида Павловна, рекомендую. Настоятельно рекомендую в школу снайперов мою ученицу Спинову Наташу. Поверьте на слово, лучшей ученицы у меня не было.

Наташа ждала с надеждой.

— Приносите документы,— сказала Наташе Зинаида Павловна.— Трудно будет провести через приемную комиссию, но постараемся. Я тоже стою за то, чтобы взять в школу девушек-спортсменок.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ РУБЕЖИ

1

Телефон настойчиво звонил. Наташа взяла трубку и услышала Селезнева, инструктора отдела пропаганды райкома комсомола. С ним она познакомилась по телефону, принимая от него необходимые указания.

— Студенческие бригады разных институтов завтра должны выехать в Смоленскую область на постройку оборонительных рубежей.

Наташа быстро оделась. Перед уходом позвонила Суржиковой.

— Нина, комсомольское поручение: срочно дозвониться ко всем нашим, чьи телефоны у тебя есть. Едем на трудфронт! В три часа встречаемся в институте, там и подробности. А я — в райком.

Краснопресненский райком комсомола в эти дни гудел от топота и голосов. Стены здания, привыкшие к шуму и многолюдью, никогда не видели такого наплыва людей.

Работники райкома комсомола; охрипшие от бесконечных разговоров, не успевали сортировать и распределять непрекращающийся поток добровольцев. Срочно организовывались снайперские и шоферские школы, создавались отряды противовоздушной обороны, открывались бригады для строительства оборонительных укреплений.

В приемной секретаря Наташа застала более двух десятков энергичных девчат, сразу догадалась — комсомольские вожаки. В комнате стоял шум: спорили, как лучше добраться до места. Поездом или автобусами. На столе перед секретарем лежали длинные списки предприятий, учебных заведений. Уже были организованы несколько сот комсомольско-молодежных бригад.

Секретарь усталым голосом предупредил комсомолок, что работы земляные, тяжелые. Будет трудно, а возможно, и опасно, так как враг ломится напролом и уже не так далек от Смоленска.

Сборы были недолгими: пара белья, полотенце, рабочий комбинезон и крепкая обувь. Коротким было и прохождение во дворе одной из школ на Красной Пресне. Без музыки. Без праздничных слов. На помощь армии спешили московские комсомольцы. В основном девушки. Некоторые из них все еще по привычке жались к своим мамам. Было ново, немного тревожно, и не каждый еще понимал, что именно их ожидает. Матери совали корзины с едой, просили быть осторожными, слушаться старших и не лезть в опасные места...

— Тише! Внимание! — в распахнутое окно на втором этаже установили репродуктор.

— Внимание! Слушайте! Сейчас будет выступать товарищ Сталин!

Шум во дворе школы мгновенно стих.

— Товарищи! Братья и сестры! К вам обращаюсь я...

Сталин говорил о громадной опасности, которая нависла над Родиной.

Потом был митинг. А еще через два часа началась погрузка в вагоны. Из открытых окон неслась песня, которая за последние дни стала боевым маршем:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

В купе вместе с Наташей и Ниной Суржиковой оказались третьекурсница Тамара Донская, рослая кареглазая девушка, и Татьяна — студентка первого курса театроведческого факультета. Глаза у нее голубые, пальцы тонкие, как у пианистки. Татьяна замужем. Мужа ее, Федю; весной этого года призвали в армию. Первый день войны он встретил в пограничных войсках. Татьяна давно не получала от него писем. За эти полтора месяца она извелась. Тревога за жизнь Федю не давала ей покоя. Она сидела на лавке грустная, смотрела в окно. Подруги уже знали, что Таня ждет ребенка, и решили было не брать ее в Смоленск, но Таня все-таки явилась с **маленьким**

узелком в руках, по-бабьи подвязанная шелковой ко-
сыночкой.

Монотонно постукивали колеса. Состав шел с ос-
тановками, пропуская вперед воинские эшелоны.

3

Утром следующего дня девушки проснулись от
веселого крика Нины Суржиковой:

— Пассажиры, Вязьма! Немедленно просыпаться!

Все кинулись к окну. Поезд подходил к городу.
Мимо проплывал чистенький пригород. Скоро пока-
зались и городские улицы.

Состав дрогнул в последний раз и остановился.

— Пойду наберу кипятку,— сказала Нина, взяв
в руки чайник.

Через минуту она вернулась.

— Девчонки, говорят, что это конечная остано-
вка! До Смоленска не доедем!

Это было неожиданностью. Наташа кинулась в
соседний вагон к бригадиру.

— Может, враки,— после раздумья сказала Та-
мара. Она держала в руках круглое зеркальце и рас-
чесывала пышные каштановые волосы. Татьяна
безучастно смотрела в окно. Нина снова взяла в руки
чайник.

— Наберу все-таки кипятку. А вдруг дальше по-
едем.

Состав остановился на четвертом пути. Нина с
чайником в руках полезла под вагоны. На перроне
она удивленно оглянулась вокруг и тут только заме-
тила, что стекла в здании вокзала были выбиты, на
асфальте валялась штукатурка, куски глины, разби-
тое стекло. Все выглядело как-то тревожно. Мимо
пробежала стайка девушек, они перекидывались
фразами, из которых можно было понять, что рядом
что-то разбомбили. Нина ринулась за ними. Она на-
гнала девушек у привокзальных ворот.

Привокзальная площадь была полна народом. В
длинных очередях стояли люди с чемоданами, со-
бравшиеся куда-то уезжать. А в самом центре ас-
фальтированной площади зияла огромная воронка.
Вокруг видны следы бомбежки: разрушено несколь-

ко жилых домов, со столба обрывками свисали провода, разрушена трамвайная линия... ,

Протискиваясь сквозь толпу людей, Нина подошла к воронке. По-видимому, бомба должна была попасть в железнодорожные пути, но пути остались целы. Яма была глубокой, и от нее веяло гарью. Люди обходили ее стороной. Мальчишки ухарски прыгали на дно. Нина почему-то вспомнила Татьянинного Федю. Если он попал под такую бомбежку, то, конечно, не зря Татьяна плачет по нем.

— Ура! — закричал отчаянно мальчишка и лихо слетел с кучи земли вниз.

Нина повернулась к вокзалу. Кипяток в чайнике стал просто теплой водой, и она решила наполнить его заново. На путях появились какие-то новые эшелоны, которые охраняли военные. Лезть под вагоны не разрешали. Расплескивая кипяток, она побежала в обход. Наконец, как ей показалось, добралась до своего места и ахнула: состава, в котором они ехали из Москвы, на путях уже не было. Она кинулась обратно. Перрон шумел, гудел, кричал. Тысячная толпа студентов оккупировала его.

Попробуй теперь найти своих. Чувствовалась полная неразбериха. Слышались недовольные возгласы: никто ничего не знает, никто не встретил, никуда не везут. Может, и ночевать придется здесь, на станции. Суржикова принялась искать своих. Потеряв полчаса напрасно, она присоединилась к большой группе девушек из педагогического.

Солнце поднялось высоко. Привычное, спокойное, оно безмятежно палило все вокруг.

— Будем загорать, — шутили девчата.

Нина облокотилась о железную решетку. «Где наши?.. Где гитисовцы?..»

— Девчонки, автобусы! — крикнул кто-то.

Все заволновались. Нина с удвоенной энергией принялась за поиски. Скоро она увидела, что в этой, казалось, полной неразберихе все каким-то образом организуется: автобусы, получая от кого-то инструкции, разъезжаются, студенты находят свои места.

Каково же было удивление и радость Суржиковой, когда на самом бойком месте она увидела не командира или хотя бы простого военного, а Наташу

в черном сатиновом комбинезоне, энергичную, деловую. Слегка охрипшим голосом та отдавала распоряжения шоферам, руководителям студенческих групп. Столько твердости было в ее словах и жестах, что ее слушались беспрекословно.

Нина кинулась к ней.

— Наши уже уехали. Догоним их на попутной,— коротко сообщила Наташа.

К обеду Нина вместе с Наташей прибыли в одну из пригородных школ, где разместились гитисовцы.

Здесь стало многое ясным. Враг уже у стен Смоленска. Там идут отчаянные бои. Нужно срочно сооружать оборонительные сооружения перед Вязьмой.

Весь город, от мала до велика, все, кто мог ходить, вышли на строительство заградительных валов, противотанковых рвов.

4

Татьяна воткнула лопату в грунт и, закрыв лицо ладонями, устало опустилась на корточки, прислонилась плечом к теплomu глинистому краю противотанкового рва.

— Больше не могу... не могу...

Спина ныла и гудела. Тяжелая усталость камнем навалилась на плечи. Огрубевшие за это время ладони покрылись мозолями, горели и нестерпимо болели. Где-то далеко ухали пушки, и сюда долетал глухой гул, похожий на рокот грома. От земли шел густой сладковатый запах. Солнце стояло низко, как будто его специально так подвесили в безоблачном небе, и колючие жаркие лучи били прямо по лицу, по глазам. Рядом копали землю девушки, женщины, старики, подростки.

— Не могу... не могу...

Она прижала ладони к лицу, но тут же отдернула их. Соленые слезы обожгли лопнувшие мозоли.

— Хватить дурашкаться! А еще москвичка... Бери лопату!

Татьяна по голосу узнала Катерину Ступакову, звеньевую, но не сдвинулась с места, а только втянула голову в плечи. Пусть будет что будет. Все равно больше нет сил. И не только у нее, но и у всех.

Разве остановят такие ямы, выкопанные вручную, немецкие танки, если их не удержали пушки... Ей захотелось закричать об этом громко, отчаянно. Она глотнула густую слюну, во рту было неприятно горько.

— Хватит саботажничать! Думаешь, нам легко?...— снова услышала она зычный голос Ступаковой.— А ну подымайсь!

— Отойдите от нее.

Это сказала Наташа. И от ее участливого тона Татьяна стало немного легче. Она одна понимает ее, знает, что творится на душе у Татьяны. Где-то там, в огне фронта, ее муж Федор. И нет никаких известий. И Татьяна измучилась от тоски и страшного предчувствия.

— Успокойся. Идем посидим...

Татьяна прислонилась к Наташиному плечу и беззвучно зарыдала.

— Живой бы был, хоть весточку... хоть телеграмму...

— Дуреха, ты же видела, как поезда бомбили... Может, почтовый вагон сгорел, а там и твое письмо.

Наташа закрыла глаза и, прижимая вздрагивающую Татьяну, устало облокотилась на глиняный выступ. Руки и ноги стали как деревянные. Кажется, не найти больше сил копать глину, поднимать пудовые деревянные носилки. Хотелось лечь в траву и, подставив спину теплому летнему солнцу, отдаться сладкой дремоте. Но надо копать.

— Танечка, ты же умница... Думаешь, Феде там сейчас легко? Возьми себя в руки. Еще немного, еще чуть-чуть... Может быть, здесь будет могила проклятым фашистам... Вставай, нельзя терять время.

Из-за кромки леса донесся глухой прерывистый гул, и в небе неторопливо проплыли двухмоторные, похожие на раздутых жуков, самолеты. На крыльях отчетливо виднелись белые кресты. За первой группой бомбардировщиков показалась вторая, потом третья... Женщины, прикрывая глаза ладонями, хмуро смотрели на небо.

— Двадцать восемь штук...

— Опять полетели...

— «Хейнкель-111»,— определил седой мужчина и зло сплюнул под ноги.— Дальнего действия.

— А где же наши? — рыжий веснушчатый паренек не спрашивал, а почти кричал. — Где же они? Почему не воюют?!

Наташа молча провожала глазами фашистские самолеты. Вторую неделю они копают противотанковые заграждения и почти каждый день под вечер летят гитлеровцы на восток, туда, где Ржев, Гжатск, Клин, где Москва. Почему так происходит? Наташа смотрела на ведущий самолет и мысленно отмеряла пять силуэтов вперед, как учили ее в снайперской школе стрелять по воздушной цели... Эх, хотя бы винтовку, даже без оптического прицела. В тире она всегда была без промаха. По кабине, по мотору.

— Наши!

Короткое слово «наши», как боевой клич, вырвалось вместе со вздохом облегчения и надежды из многих уст. Люди, побросав работу, подняли головы. Наших был всего один самолет. Но на его крыльях в лучах солнца сверкали красные звезды. Он снизу вверх мчался к фашистам, которые, казалось, даже не обращали на него внимания и продолжали свой путь. Но так только казалось. Едва краснозвездный истребитель приблизился, из немецких бомбардировщиков, из хвоста, где в маленькой башенке торчала, словно спичка, пушка, хлынули белые струи, послышалась пулеметная дробь. А истребитель, набирая высоту, словно стрела, врезался в группу фашистов. Один самолет вспыхнул, оставляя за собой дымный шлейф, камнем полетел к земле.

— Ура! Подбил!

Строй бомбардировщиков рассыпался, и фашисты, окружив смельчака, летали вокруг него, поливая огнем из пушек и пулеметов. В небе разгорелся неравный поединок. Один против двадцати. Наташа неотрывно следила за отчаянным смельчаком.

— Сзади! Заходят сзади! — закричал рыжий подросток. — Берегись!

Всеобщий вздох облегчения вырвался из сотен уст, когда истребитель неожиданно взмыл вверх, заставляя своих противников бессмысленно стрелять в пустоту.

— Ура! Молодец!

Наташа, сжав кулаки, подалась вперед. Это был

первый настоящий бой, который она видела. Нет, гитлеровцы не так страшны, как кажется. Их можно бить. И, как бы в подтверждение ее мыслей, второй фашистский самолет как-то странно вздрогнул, дернулся в сторону, и в следующее мгновение яркая вспышка взрыва разломил самолет на части.

— Еще один сбил!

— Знай наших!

— Вот это герой!

— Дядь, а ему, летчику, за такое орден дадут? — допытывался у старика веснушчатый мальчишка. — Дадут, да?

А в небе гитлеровцы, перестроив свои порядки, снова окружили красноезвездный истребитель. Трассирующие пули чертили вокруг устрашающие линии. Смелчак бросал свой самолет вниз, делал неожиданные повороты, взмывал свечой вверх, но за ним неотступно мчались преследователи.

Наташа настороженно всматривалась в бездонную голубизну неба, ища глазами красноезвездные самолеты. Не может быть, чтобы смелчак был совсем один. Должны где-то рядом находиться и другие. Они сейчас придут на помощь. Но время шло, а помощь не приходила.

— Ой! Мамочка! — вскрикнула Татьяна и схватила Наташу за руку. — Ой-яй!

У Наташи заныло сердце. Не может быть! Но наш самолет словно наткнулся на невидимую с земли стену, дернулся, застыл на месте и, переворачиваясь набок, полетел вниз, охваченный пламенем...

С земли безмолвно следили за падающим самолетом. Вдруг от горящей машины отделилась маленькая точка, потом белым платочком раскрылся парашют.

— Живой! — закричал паренек. — Живой!

Два фашистских самолета снизились и, кружа вокруг парашюта, начали поливать его свинцом. Стрелкотание пулеметов доносилось на землю и отдавалось в каждом сердце.

— Звери! — закричала Татьяна. — Беззащитного!..

Наташа закусила губу и с ненавистью смотрела на кружащийся самолет. Сделав последний круг, гитлеровские машины взмыли вверх. А парашют, отно-

симый ветром, медленно опускался на землю. Несколько девушек и подростков сорвались с места и, выбравшись из противотанкового рва, побежали по пшеничному полю к месту приземления.

— Что ж мы стоим, бабоньки? — громко воскликнула Катерина Ступакова. — Где доктор? Может, летчику раны забинтовать надо.

Наташа, повинувшись общему настроению, выкарабкалась из рва. Рядом с ней бежали Нина и Татьяна. Летчик приземлился за пшеничным полем, на опушке леса.

Когда Наташа добралась до опушки леса, там уже была толпа. «Живой, живой!» — раздалось со всех сторон. Протолкавшись вперед, Наташа видела, как летчика положили на самодельные носилки. Кто-то осторожно снял с головы шлем, и все удивленно ахнули: у летчика оказались длинные вьющиеся волосы. Наташа не верила своим глазам. Неужели самолетом управляла женщина?

— Девка! — воскликнул седой мужчина в потертой гимнастерке.

— Герой-летчица!

— Видали, бабоньки?! — радостно крикнула Ступакова.

Вечером Наташа долго не могла уснуть. Летчица-героиня не выходила из головы. Наташа еще и еще раз мысленно переживала все перипетии воздушного боя. Да, если уж драться, то именно так, как эта летчица. И таким беспомощным, бессмысленным показался ее сегодняшний труд. И было обидно, что ей довелось только видеть и молчать, и ничего она не в силах была сделать. Ей бы автомат... Автомат, потому что она умеет стрелять!

И, уже засыпая, Наташа твердо решила, как только вернется в Москву, уйдет в добровольцы. И уж ничто не удержит ее.

5

Придя с работы домой, Александра Леонидовна обнаружила в квартире Наташу. Она сидела в кухне и пила чай. Волосы ее были мокрыми, а щеки горели румянцем.

Это было более чем сюрприз. Александра Леонидовна каждый день ожидала приезда дочери, но точной даты не знала. Целуя влажные Наташины волосы, Александра Леонидовна с особенной тоской понимала, как невыносимо тяжело было ей здесь без дочери.

— Ты совсем? — спросила она тревожно.

— Совсем. Фашисты начали сильно бомбить Вязьму, и нас отправили домой.

Она пожалела мать, не сказала ей, что бомбили и их. Бомбили беззащитных, расстреливали из пулеметов.

— А земляные работы закончены?

— Если бы! Не хватило ведь всего нескольких дней.

Александра Леонидовна покачала головой.

— Но остались местные, — Наташа как будто оправдывалась. — Они работают и днем и ночью. А я только что из ванны. Лежала и думала: прямо рай, не во сне, а наяву.

— Горемычные вы. Намыкались там.

— Это не важно. Главное, как мы работали!

Наташа разжала ладони и протянула руки: Александра Леонидовна увидела крупные крепкие мозоли и погладила ладошки дочери.

— Узнаю тебя, Наташа, небось лезла в самое пекло.

— Нет, мама, я просто старалась не отставать от тамошнего мальчишки. Рыжий такой, с веснушками! — тихо добавила она. — Хоть выплюсь сегодня за все дни...

Но выспаться не удалось. Среди ночи взвыла сирена.

Наташа вскочила и стала торопливо одеваться.

— Это воздушная тревога, мама?

— Да, девочка.

Трепет охватил Наташу. Москву, ее родную Москву, которая из Вязьмы казалась такой далекой... Далекой от артиллерийской канонады, от вражеских бомбардировок, ее Москву бомбят...

— Мама! Что же это такое?

Они бежали в бомбоубежище, находящееся в соседнем квартале.

— Не хотела тебя тревожить заранее,— запыхавшись, произнесла Александра Леонидовна, когда они спустились вниз по лестнице в укрытие,— думала, может, сегодня бомбить не будут... Вот уже неделю. И каждую ночь я все думаю, может, сегодня не будут...

Вдруг недалеко, Наташе показалось, прямо у них над головой, что-то тяжело ухнуло. В убежище заволновались люди. Наташа кинулась наверх. Александра Леонидовна последовала было за ней, но потом вернулась. К ней подошла пожилая женщина из соседнего дома, мать двоих взрослых дочерей.

— Ничего, славная. Пусть бежит. Здесь не удержишь. Они там нужнее. Моя дочка с первого дня в группе самозащиты, а младшая в санитарной дружине. Как раз только-только курсы медсестер закончила.

Женщины стояли рядом, прижавшись друг к другу, и ожидали окончания бомбежки.

6

Выбежав на улицу, Наташа огляделась. Кажется, ничего нигде не горело. Она подняла голову. По синему ночному небу метались желтые лучи прожекторов, тонкими нитями тянулись следы трассирующих пуль. То там, то здесь в воздухе возникали облака дыма и, заглушаемые ревом моторов, раздавались взрывы снарядов. Зенитная артиллерия обстреливала несколько самолетов врага, прорвавшихся к городу.

Наташа поспешила к серому пятиэтажному зданию, около которого суетились люди. Во дворе дома две женщины торопливо засыпали песком зажигательную бомбу. Она шипела, как злой, рассерженный котенок, разбрызгивая огненные искры. Наташа увидела лестницу, по которой взбирался наверх какой-то парень.

Она кинулась следом. Уже у самого ската железной крыши она нагнала парня. Еще минута, и оба они обосновались наверху. Тут Наташа увидела, что это не парень, а молоденькая девушка с круглыми, чуть испуганными глазами.

На крыше дежурили четыре дружинника. Двое из них пыгались схватить зажигательную бомбу, откатившуюся к самому краю крыши. Наташа поспешила им на помощь. Вдруг сильной взрывной волной фугасной бомбы ее отбросило в сторону. Она упала и потеряла сознание. Первое, что она увидела, придя в себя: соседний дом охвачен пламенем. Приподнявшись, она ахнула: девчонка висела на краю крыши, уцепившись руками за маленькие железные бортики. Ужас охватил Наташу. Она ринулась к ней. С другой стороны уже бежали два дружинника. Все вместе они помогли девчонке вскарабкаться на крышу.

Вдруг почти прямо над головой пролетел немецкий «юнкерс». На крышу посыпались «зажигалки». Одна, другая, третья. Наташа сорвала с шеи косынку и, накрыв ею катившуюся по наклону крыши зажигательную бомбу, схватила ее и вместе с косынкой скинула вниз. И тут же пожалела, что не оставила косынку себе. Один из дружинников протянул ей рукавицы.

— Ура! Сбили!

Через три часа налет прекратился. Уставшая, стирая со лба пот, Наташа уселась на ящик с песком. Сверху было видно, как у соседнего дома действовали пожарные. Огонь был уже почти потушен. Внизу жители все еще продолжали закапывать зажигательные бомбы, сброшенные с крыш соседних домов.

— Теперь до следующей ночи,— сказал один из дружинников.— Днем не летают, боятся, стервятники.

Наташа посмотрела на небо: чистое, безоблачное, мирно мигали звезды, и лишь одинокий луч прожектора бродил в вышине, как будто потерявшийся в этом тихом, полном бесчисленных звезд, мире.

Утром по городу пронеслась весть: сбито два вражеских самолета. Один из них выставлен для всеобщего обозрения у Большого театра.

Наташа не пошла. И сбитые немецкие самолеты, и убитые летчики — все это она уже видела в Вязьме.

В этот день с утра она направилась в институт. Она знала, что работы там непочатый край.

ПАВЕЛ КАЧУЕВСКИЙ

1

Качуевский, расстегнув ворот гимнастерки, на петлицах которой поблескивали два лейтенантских кубика, уселся на широкий подоконник. В небольшой комнате еще хранились следы недавней мирной жизни: над кроватью, в деревянной рамке висело объявление: «Режим для отдыхающих» — подъем, зарядка, завтрак. А теперь в доме отдыха, что в двадцати километрах севернее Вязьмы, расположился штаб Западного фронта. «Нынче не до отдыха, — грустно подумал лейтенант. — Который раз сменили место штаба!.. Неужели здесь не задержим? Неужели так до Москвы пятиться?»

А за окном, купаясь в лучах жаркого августовского солнца, застыли деревья. В густой листве весело перекликались птицы. Чуть в стороне, натянув веревку между деревьями, пожилая женщина развешивала белье. Она развешивала спокойно и деловито, словно не было никакой войны.

Женщина чем-то напоминала мать. Павел вспомнил, как зимою мать с охапкой мерзлого хрустящего белья входила в теплую хату, и от простыней и рубашек исходил приятный холодный запах... По загорелому лицу лейтенанта пробежала тень. Где теперь мать? Где родные? Где отец?.. Живы ли они?.. Фашисты почти у Днепропетровска, бои идут на родине, под Пятихаткой...

Павел вынул портсигар, закурил. Качуевский командовал одним из подразделений охраны штаба Западного фронта. Конечно, он понимал важность своего положения, особенно в эти тревожные недели, когда гитлеровцы то и дело прорывали линию фронта и выходили в тылы. Охрана штаба дело трудное и ответственное. Два дня тому назад отбили гитлеровский десант. Ночью десант напал на штаб. Друг Качуевского сержант Северцев был тяжело ранен... Но все равно штаб это еще не фронт. Он рвался на передовую, в гуцу огня. Еще недавно, когда учился в

Кемеровском военном училище, Качуевский был в числе лучших курсантов, ему прочили большое командирское будущее. А будущее оказалось вот таким. «Начальник конвойной роты»,—мысленно называл он себя и грустно усмехался. Все попытки вырваться на передовую оканчивались безуспешно. «Вы здесь нужнее»,—следовал неизбежный ответ.

— Вот так, товарищ лейтенант,—сказал он сам себе и потушил папиросу о подоконник.

— Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!—в дверях показался рядовой Васин, белобрысый парень из-под Тамбова.

— Слушаю,—Павел встал с подоконника.

— Вас ищет товарищ капитан Щербинский. Позарез, говорит, нужен лейтенант Качуевский.

— А он что, опять с группой?—Павел хотел было сказать «группой туристов», ибо Щербинскому всегда поручали сопровождать к линии фронта «гостей»—корреспондентов, писателей, артистов, но сдержался: негоже перед рядовым быть несдержанным.

— Один он, товарищ лейтенант,—докладывал Васин,—в столовой обедает, кушает, то есть...

— Скажи, что сейчас приду,—сказал Павел без особого энтузиазма.

— Есть, сказать, что сейчас придете,—боец козырнул и скрылся. Павел знал Щербинского, несколько раз помогал тому сопровождать на линию фронта именитых гостей. Ничего веселого, одни неприятности. В штабе фронта предупреждают: «Бережь пуще глаза, доставить назад в целостности и сохранности». А эти гости, особенно писатели, так и лезут в самое пекло, прямо под пули, под разрывы, и не удержишь их. Не будешь же хватать за руки и силой оттаскивать назад. Сердце так и замирает при каждом выстреле, от каждой паршивой мины. А вдруг какой-нибудь глупый осколок ухлопает гостя, что тогда?

Качуевский вышел в коридор. Связисты тянули линию, прикрепляя к стене тонкий телефонный провод. В просторной столовой в глубине за небольшим столиком сидел капитан, допивал компот. Увидав Качуевского, Щербинский поманил его рукой.

— Павел, сюда! Ты мне нужен! — он поставил на стол пустой стакан и встал. — Тут такое намечается!

Щербинский был чуть ниже ростом и старше годами, ему, как он шутя говорил, жизнь только что начала нацелкивать четвертый десяток. Военная форма сидела на нем без особого шика, хотя во всем его облике виделся кадровый военный.

— Персональная благодарность работникам пищеблока! — почтительно сказал он повару и, взяв Павла под руку, повел к выходу.

— Послушай, Петр, — Качуевский высвободил руку. — Извини за прямоту, но на сей раз уволь меня. Осточертело быть экскурсоводом.

Щербинский остановился, в его глазах мелькнуло радостное уважение, он снизу вверх посмотрел на Павла.

— Ты мне нравишься! Не ошибся я в тебе.

— Уволь! Осточертело быть экскурсоводом, — повторил Качуевский. — Вроде няни-бонны. Туда, товарищи, вам нельзя, сюда не ступите, опасно...

— Уволить, говоришь? Жаль, жаль... Думал, пойдешь добровольцем, — Щербинский вынул из нагрудного кармана сложенный листок. — А я ведь и приказать могу. Вот, ознакомься с моим мандатом, товарищ лейтенант.

Павел нехотя взял протянутую бумагу, развернул. В глаза бросился знакомый гриф штаба Западного фронта. Пробежал взглядом от первой до последней строчки и снова вернулся к началу. Лицо его менялось, выражая поочередно сначала удивление, затем восторг и, наконец, глубокую почтительность. В память врезались слова: «Дано настоящее... Комиссару отряда особого назначения Западного фронта... Разрешается проводить набор добровольцев в свой отряд во всех частях, подчиненных непосредственно штабу и управлениям Западного фронта... Всем командирам и комиссарам частей оказывать товарищу Щербинскому полное содействие в выполнении поставленной задачи».

Павел взглянул на подпись. «Член Военного совета Западного фронта дивизионный комиссар Д. А. Лестев». Мелькнуло в голове: как же так? Вчера обращался лично к нему, просился на передовую, но

тот не отпустил. Даже не намекнул, что, дескать, погоди, на днях будем создавать отряд особого назначения... Качуевский вытянулся по стойке «смирно».

— Жду ваших приказаний, товарищ комиссар!

— Может быть, все-таки уволить? — Щербинский улыбнулся. — Уважить просьбу?

— Возьмите хоть рядовым! Хоть переводчиком, я же немецкий знаю!

— Вот поэтому и придется взять. — Щербинский уже не улыбался и говорил серьезно. — Я говорил о тебе командиру отряда. Он одобрил твою кандидатуру. В штабе фронта тоже согласовано. Берем тебя в отряд начальником разведки.

2

Их было сто двадцать пять добровольцев, отобранных в отряд особого назначения Западного фронта «Смерть фашизму», сильных, смелых, жаждущих схватки с врагом. Перед уходом в тыл командира отряда Кусова, комиссара Щербинского, парторга Балакирева и начальника разведки Качуевского принял член Военного совета фронта. Качуевский невольно обратил внимание на Лестева. У того было усталое лицо, покрасневшие от постоянного недосыпания глаза. Расстелив на столе карту, Лестев сказал собравшимся:

— Сами понимаете, обстановка тяжелая. Скрывать не буду, немцы снова прорвали в двух местах линию обороны, — он провел указательным пальцем по карте. — Фашисты рвутся к Москве... Перед нами стоит задача задержать их, остановить продвижение. Конечно, основная тяжесть ложится на плечи наших дивизий... Но и отряду мы отводим особую роль. Очень важную роль!

Четверо командиров слушали молча и внимательно. Щербинский делал пометки в своем блокноте. Командир отряда Кусов, высокий, узкоплечий, жилистый, неотрывно следил за карандашом Лестева, которым член Военного совета делал отметки на карте. Качуевский синим карандашом ставил условные знаки в планшете.

— Повторяю, основная задача: оседлать главную

коммуникацию врага от Орши до Смоленска, парализовать движение, подвоз снаряжения и боеприпасов, подход новых частей. И разведка. Глубокая, все-сторонняя. Штаб фронта должен знать, что замышляют они.

— Ясно, товарищ член Военного совета,— ответил за всех Кусов.

— Под особый контроль взять ближайшие районы Смоленска. Нам стало известно, что где-то там обосновался крупный штаб гитлеровцев, туда зачастили представители гитлеровской ставки. Только зря не рискуйте, действуйте наверняка.— Лестев каждому пожал крепко руку и повторил: — На вас мы возлагаем большие надежды.

3

— А ну, повернись,— Павел Качуевский придирчиво оглядел ладную высокую фигуру Сергея Невгорова, на котором почти в обтяжку сидел немецкий солдатский мундир.— Ближе к свету.

— Порядок, Пал Палыч... Чистый фашист,— Сергей поправил пилотку.

— Не Пал Палыч, а Херст,— строго остановил его Качуевский, тоже одетый в чужую форму.— Запомни, меня зовут Херст. Обер-лейтенант Херст фон Крюгер. Так, вроде все нормально... Ремень, нашивки за ранение... Дай закурить!

— Изволь, герр Херст,— Сергей улыбнулся, и в серых глазах мелькнуло лукавство, он вынул солидный портсигар и раскрыл перед Павлом.— Битте! Прошу!

— Портсигар сдать комсоргу,— велел Качуевский, не притрагиваясь к папиросам.

— Он у меня именной. Подарок это,— начал оправдываться Невгоров, пряча портсигар в карман.— Последняя память от отца... Даже надпись вот...

— Конечно, надпись. В ней все дело,— сказал Качуевский,— издали прочесть можно... Выдает с головой.

Невгоров нехотя протянул портсигар невысокому партизану, лицо которого было усыпано веснушками:

— Бери, комсорг, да храни... Никому, ясно?

— Как в сберкассе,— пошутил комсорг.

Павел придирчиво оглядел каждого из своей небольшой разведывательной группы. Их было семеро вместе с ним. Ребята на подбор. Спортсмены. Каждый отлично владеет оружием. Обстрелянные, побывавшие в огне передовой, видевшие смерть в глаза. Отчаянные из отчаянных, каждый знал немецкий. Но сегодня разведчики заметно волнуются — первый раз предстоит им выйти в районный центр. Выйдут открыто, переодетыми в чужую форму.

Две недели назад отряд особого назначения «Смерть фашизму», перейдя линию фронта, углубился в тыл и вышел к намеченному пункту. Место для основной базы выбрали в непроходимой чаще, окруженной трясинами и болотами, неподалеку от небольшого города Демидова, километрах в ста севернее Смоленска. Партизаны быстро соорудили и хорошо замаскировали землянки, блиндажи.

Пока отряд оборудовал свою штаб-квартиру, разведчики Павла Качуевского обшарили окрестности на десятки километров вокруг, установили связи с местными жителями, определили наличие гарнизонов в ближайших крупных селах и районных центрах. Разведчики первыми в отряде открыли боевой счет: сожгли автоколонну с горючим. Теперь разведчики готовились к выходу в райцентр.

В землянку вошел Щербинский. За три недели он отпустил бороду и выглядел намного старше своих лет.

— Ну как, хлопцы? — спросил комиссар, в свою очередь, придирчиво оглядывая экипировку, подошел к Громцову. — О, Петр, настоящий фриц!

— Зер гут,— сказал Петр Громцов, надраивая бляху поясного ремня.

← Мандражируешь?

— Как на генералке,— признался Петр. — Все слова из головы вылетают, хоть учи заново.

— На какой еще «генералке»? — Щербинский вопросительно посмотрел на партизана.

— Репетиции,— вступился за друга Сергей Невгоров. — Мы с Петей однокурсники, студенты Московского театрального... Последний экзамен перед сдачей пьесы, перед премьерой...

— Экзамен у вас будет серьезный,— Щербинский прошелся по землянке.— На рожон не лезьте... Главное, проверить себя в чужой шкуре. Как это у вас, артистов, говорят?

— Обкатать роль,— подсказал Громцов и улыбнулся.

— Вот-вот, обкатать... Но обкатывайте с умом,— Щербинский, взяв Павла Качуевского под локоть, повел к выходу.— Зайдем на минутку ко мне.

Через час разведчики во главе с Павлом Качуевским вышли из лагеря и в сопровождении группы партизан добрались лесными тропами до большака, ведущего в райцентр. У дороги гартизаны притаились. День выдался прохладный, но солнечный. Лес стоял в золотом уборе осени. По бездонно-синему небу плыли редкие белые облака.

По большаку, вздымая пыль, промчалась колонна грузовиков, крытые, груженые. И снова тягостное ожидание. Наконец вдали закуковала кукушка. Качуевский улыбнулся. Это условный сигнал, дозорные сообщают: идет грузовик, без охраны.

— Сергей и Петр, со мной,— шепотом приказал он.— Остальным быть наготове.

Качуевский в сопровождении Невгорова и Громцова вышли на дорогу. Грузовик мчался на бешеной скорости, но немец-водитель, заметив впереди офицера с поднятой рукой и двух солдат, резко затормозил. Качуевский властным движением руки велел съехать на обочину. Немец повиновался.

— Выйти из машины! — резко и повелительно по-немецки приказал Павел.— Документы!

В кабине рядом с шофером дремал пьяный ефрейтор. Увидав обер-лейтенанта, он удивленно заморгал белесыми ресницами.

— Почему без охраны? — прикрикнул Качуевский, проверив документы.— Разве не знаете указания коменданта?

Ефрейтор, сразу отрезвев, стал торопливо объяснять офицеру, что они отстали, что была проколота камера, меняли колесо. Пока Качуевский разговаривал с шофером и ефрейтором, Невгоров проверил кузов — там рядом с военным грузом стояли ящики с русской водкой и мешки сахара. Награбили...

— Что за груз? — в голосе Павла зазвучали металлические нотки.

Ефрейтор начал сбивчиво и путано говорить о старосте, о каком-то религиозном русском празднике, по случаю которого староста и выдал немецким солдатам водку.

— А сахар? — Качуевский вошел в роль и стал отчитывать солдат за нарушение дисциплины, потом приказал: — Сдать оружие! Вы арестованы. В комендатуре разберемся.

Тут неожиданно переливисто защелкал соловей — сигнал опасности. Из-за поворота показалась колонна машин. Невгоров и Громцов впились пальцами в автоматы. А Качуевский, шагнув на дорогу, поднял руку, останавливая колонну.

Из передней грузовой автомашины, в кузове которой битком было набито солдат, высунулся краснолицый немец с погонами капитана:

— В чем дело?

— Проверка, — коротко бросил Качуевский. — Прошу предъявить документы.

Властный тон, погоны эсэсовца произвели должное впечатление. Капитан сунул руку в нагрудный карман, вынул свое удостоверение. Качуевский, пробежав глазами документы, возвратил их владельцу и козырнул.

— Все в порядке. Извините, служба...

— А что там у них? — капитан кивнул в сторону грузовика.

— Нарушение дисциплины.

— Я их знаю. Они из хозяйственного батальона, что в Смоленске...

— Прошу прощения, но у меня служба, — Качуевский сухо оборвал капитана. — Я выполняю приказ. Хайль!

— Хайль! — вытянул руку капитан и приказал шоферу двигаться вперед.

Колонна машин, вздымая пыль, двинулась дальше. Невгоров и Громцов облегченно вздохнули. Партизаны с восхищением смотрели на своего командира. Вот это да! Ни один мускул не дрогнул у него на лице. А как говорил! Настоящий эсэсовец. Партизаны хорошо видели побледневшего капитана. Что

ни говори, а фашист, как видно, немного «струхнул». Как он поспешно вытянул руку в фашистском приветствии.

Качуевский шагнул к задержанным. Задал несколько вопросов, чтоб оттянуть время. Когда колонна отъехала, подал условный знак партизанам: — Взять!

Через несколько минут шофер и ефрейтор, ничего не соображая, с кляпом во рту, с завязанными глазами топали под конвоем в глубь леса. Партизанам нужны были сведения о Смоленске.

— В машину! — приказал Качуевский разведчикам.

Громцов сел за руль. Павел занял место в кабине. Разведчики разместились в кузове.

— По-русски ни слова, — приказал Качуевский. — Даже между собой. Только по-немецки.

Грузовик, подпрыгивая на рытвинах и ухабах, двинулся к районному центру.

В город въехали без хлопот, машину никто не остановил. Захватчики чувствовали себя полными хозяевами, вели себя беспечно и не особенно заботились об охране.

Партизаны проехали по центральной улице. Качуевский тщательно изучал план городка, подолгу расспрашивал местных жителей и теперь свободно ориентировался. Магазины, которые были разграблены в первые же дни оккупации, смотрели темными провалами выбитых окон и сорванных дверей. Всюду царило уныние и запустение. По улицам ходили подвыпившие группы немецких солдат. Над зданием райкома партии развевался фашистский флаг. А перед райкомом, на площади, возвышались перекладины, и на них висели казненные: двое мужчин и женщина... Руки и ноги связаны проволокой. Около виселицы прохаживался часовой. У партизан невольно сжимались кулаки... Проехали еще несколько кварталов.

— Теперь куда? — спросил Громцов.

— К базару, как наметили.

Неподалеку от рынка разведчики увидели три подбитых немецких танка, которые тащили на буксире тракторы. Приятно смотреть на работу незнако-

мых друзей-артиллеристов. Что ни говори, а умело разделали хваленые сухопутные броненосцы! Один танк без башни, у второго на боку рваные пробоины, третий с помятой башней, обгорелый... На последнем танке сидел обнаженный по пояс солдат и наигрывал на гармошке.

— Где-то здесь танковые ремонтные мастерские, надо уничтожить,— определил Качуевский и велел притормозить машину.

— Ну, Петр, твой черед.— Качуевский положил ему руку на плечо.— Разговаривай только короткими фразами... Главное, где мастерские.

Громцов вышел из кабины, обошел грузовик, как заправский водитель, постукал носком сапога по скатам. Качуевский видел, как у Петра от напряжения сузились глаза. Павел хотел было его подбодрить, но тот уже зашагал к двигающимся танкам.

Партизаны, готовые в любой миг прийти на помощь товарищу, наблюдали из машины: Громцов угощал солдат своими сигаретами, а у него они были лучшие берлинские, о чем-то оживленно разговаривал. Прошла минута, потом другая. Наконец Громцов вернулся к машине и, сев за руль, тихо сказал Павлу:

— Танковые мастерские находятся недалеко, в селе Красный Луг.

Так были добыты очень нужные для партизан сведения.

— Теперь домой,— Павел внимательно взглянул на карту, что лежала на коленях.— Только в объезд. Через лес.

— Ну и натерпелся я страху! — признался Петр, когда выехали из городка.— Особенно в первые минуты, пока не разговорился. Даже пот прошиб... У меня в кармане граната-лимонка, на всякий случай. Так рука сама к ней тянулась, с трудом удерживал себя... Потом ничего, пообвык.

— Самое главное, как ты сказал, это пообвыкнуть.

Через два дня в село Красный Луг на рассвете нагрянули партизаны. Сняв охрану, они разгромили склад, сожгли мастерские и взорвали восемь отремонтированных танков. А еще через день Павел

Качуевский со своими разведчиками, снова переодетыми в немецких солдат, на захваченной машине отбыл в глубокую разведку. Их путь лежал в Смоленск.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БОИ ПОД МОСКВОЙ

1

22

июля начались воздушные налеты на Москву. Фашистские «юнкеры» и «хейнкели» сотнями устремлялись к столице. Их перехватывали наши истребители, встречали огнем зенитчики, сбивали, ломали строй и обращали вспять. Но некоторые прорывались к Москве. Ночью город замирал от гула немецких стервятников.

Враг рвался к столице. Нужно было преградить доступ к городу. Вокруг Москвы создавалось кольцо обороны, несколько поясов защитных рубежей. Формировались отряды народного ополчения, рабочие батальоны, ударные бригады, дивизии.

А враг наступал. Пробивая дорогу танковыми клиньями, он ломал героическое сопротивление советских войск. Брянск, Орел пали. Вязьма была в огне.

2

В гулкой тишине Александра Леонидовна услышала знакомый стук каблучков по лестнице. Это Наташа. Хлопнула дверь, и Александра Леонидовна услышала голос дочери:

— Мама! Сдали Вязьму! Я не видела других городов, но Вязьму жалко. Жалко! — Наташа заплакала. — Как там Катя Ступакова? Как Рыжий, Рыжик наш? Они же никуда не уехали. Они не хотели уходить!

Александра Леонидовна кинулась утешать дочь.

Сняла с нее жакетку, беретик, усадила на тахту. В сгустившихся сумерках они сидели обнявшись и плакали.

На следующий день Наташа собралась в военкомат. Утро выдалось холодным, пришлось надеть пальто.

Не доходя несколько кварталов, Наташа увидела у здания военкомата большую толпу. Военкомат стал похож на продовольственный магазин, когда там давали муку, масло или спички. Пожилые мужчины, женщины, юноши и девушки толпились у входа. Повсюду только и было разговоров об отрядах народного ополчения. Народу было много и в коридорах, очереди у всех дверей кабинетов. «Ждут своей участи,— подумала Наташа.— А что предстоит мне? Возьмут ли?»

Ей пришлось выстоять в приемной больше часа, пока наконец она смогла пройти в кабинет полковника.

К ее удивлению, за столом сидел не седой военком, которого она хорошо помнила, а молодой командир с резкими чертами лица. На петлицах гимнастерки Наташа увидела шпалы. На вид ему было лет двадцать пять, не больше.

Оглядев Наташу очень внимательно, он предложил сесть.

— Я к вашим услугам.

Эта приветливая фраза прозвучала в его устах довольно резко.

— Неделю тому назад я подала заявление на фронт... добровольцем... Я уже много раз подавала. Моя фамилия Спирова.

Военком позвонил. Вошла секретарша.

— Принесите заявление гражданки Спировой...— он поглядел на Наташу.

— Наталья,— подсказала Наташа.

Секретарша вернулась через несколько минут и положила на стол папку. Военком прочел все заявления. Потом поднял глаза и снова, как в первый раз, оглядел Наташу.

— Так, кончила курсы снайперов. Занимаешься на курсах медсестер. Правильно?

— Правильно,— подтвердила Наташа.— Заканчиваю.

— Вот когда закончишь, тогда и приходи,— сухо оборвал разговор военком.

Наташа вспыхнула. Нет, она не ожидала такого ответа. Создаются отряды народного ополчения. Вся Москва поднялась. А здесь — консерваторы! Нет, так легко ему это не удастся.

Решив никуда не уходить, Наташа уселась удобнее. Она пристально разглядывала лицо военкома. Она презирала его. Но тот не обращал больше внимания ни на Наташу, ни на ее настроение. Тогда она сказала:

— Послушайте, все мужчины вашего возраста на фронте. С оружием в руках, между прочим. Девушки тоже на фронте. И я, я хочу быть в их рядах... а не здесь, с вами.

Военком поднял глаза. Ей вдруг стало стыдно. Она еще не знала, почему, она ведь была уверена, что этот молодой военком еще не нюхал пороху, и только когда тот встал из-за стола, она с ужасом увидела засунутый в карман его пустой левый рукав.

Он спросил довольно хладнокровно:

— Значит, на фронт? А пока отдыхаешь. Бездельничаешь и от нечего делать рвешься на фронт? Думаешь, там так же сладко, как и здесь? Видал таких! При первой же артиллерийской канонаде рыдать начинают. Нянчись с ними!

Наташа покраснела. И оттого, что увидела пустой рукав, и от обидных слов. «Нет, нет! — хотелось крикнуть ей. Не бездельничала. Разве можно назвать безделием работу комсомольского секретаря в институте?»

А концертные бригады? Семь концертных бригад. Легко ли было найти людей?

А курсы стрелков? А шефство над госпиталем?»

Но Наташа промолчала. Только чувствовала, как ярче и ярче разливался горячий румянец по лицу. Она виновато смотрела на военкома и видела его лицо, которое почему-то теплело, вместо резкого становилось спокойным, даже каким-то домашним, как будто не было войны и этого жуткого пустого рукава перед глазами.

— Мне стыдно оставаться в тылу, — тихо сказала Наташа.

— Тыл от нас далеко, — возразил военком. — Мы

все сейчас на передовой. Прощайте,— и подал правую руку.

Возвращалась она в подавленном состоянии. Стылое осеннее солнце не грело. Каждого прохожего Наташа настороженно оглядывала. Они шли, свободно махая руками. Они шли навстречу или шли впереди. А в глазах у Наташи все еще маячил пустой рукав военкома. Притихшие дома, выстроенные вдоль улицы, плечом к плечу, казались ей оцетившимися, как будто они вдруг ожили и живые застыли, замерли в ожидании, готовые так же, как и каждый их житель, ринуться в бой по первому приказу.

3

Дома ее ждали письма от Сергея Невгорова и Пети Громцова. Впрочем, эти короткие измятые записочки и письмами нельзя назвать. Но это все же были вести с фронта. И Наташа понимала больше, чем говорили эти строчки. Главное — живы! Они писали, что «...живем вместе, живем хорошо, чувствуем себя еще лучше. Бьем немцев и ждем весточек от родных и знакомых». А еще писали: «Есть у нас бывалый командир, зовут Пал Палычем. Недавно ему исполнилось двадцать три года. Храбрости ему не занимать. И вообще нам просто повезло с командиром!..»

Наташа догадалась, что пишут ребята из партизанского отряда. Не откладывая, села писать ответ. Вспомнился день проводов: заплаканные глаза матерей и посерьезневшие глаза недавних мальчишек, в которых так и светилась жажда великих дел. Презрение к вероломному врагу и жажда отмщения владели тогда всеми — и уходящими, и провожающими. Как сейчас, видела Наташа эту нестройную, но с энтузиазмом шагающую колонну студентов-добровольцев, разношерстную, в мирных обычных костюмах. И рюкзаки, и уверенные лица мальчишек — нет, этого не забыть!

«Серженька, родной! Как твое здоровье?

Сейчас мне передали письмо твое, адресованное комитету. Я ведь одна из всего комитета в нашем

институте. Кто в армии, кто в Саратове. Если бы ты знал, как я обрадовалась, прочитав твое письмо. Тебя и Петю Громцова мы считали пропавшими без вести и очень волновались. А тут сразу и о тебе и о Пете узнала».

Резко зазвонил телефон.

Наташа вздрогнула. Надежда еще не угасала в ней. Вдруг сейчас по телефону сообщат, что просьба рассмотрена и есть возможность...

На другом конце провода была мама.

— Я только что узнала и сразу тебе позвонила. В Москве Андрей!..

— Кто? — У Наташи тревожно забилося сердце.

— Андрей Гончар. Он в госпитале. Ранен.

Наташа хорошо помнила Андрея, товарища и однокурсника Сергея Невгорова.

— А где Андрей? В каком госпитале?

Александра Леонидовна сообщила все, что знала о Гончаре, назвала госпиталь, в котором тот находился.

— Наточка, я переговорю с нашим начальством, и доктор Погорельская поможет. Мы постараемся перевести Гончара в наш госпиталь... А пока надо его навестить.

После эвакуации театра Александра Леонидовна устроилась работать в военный госпиталь.

— Хорошо, мама!

Наташа торопливо оделась и вышла из дому. По улице катили грузовики, груженные домашним скарбом.

Наташа хмуро посмотрела им вслед.

Город переживал тревожные дни. Ударные рабочие батальоны готовились к боям. Спешно вывозились ценные станки и оборудование заводов, чтобы там, в Сибири и на Урале, в наспех сооруженных цехах развернуть работу и давать фронту оружие и боеприпасы... Увозили музейные ценности, важные архивы, уезжали на восток научно-исследовательские институты, лаборатории Академии наук. Тысячи семей, спасаясь от бомбежек, покидали свои квартиры.

— Сегодня до трех часов должен закончить подготовку к эвакуации старых большевиков. Вывозим их в Горький... Собирайте только необходимые вещи... В три часа за вами заедет автобус. Вы поедете с нами.

Отец выжидающе замолчал. Наташа слушала тишину за своей спиной. Отец сидел за столом. Вместе с ним пришел к ним муж ее тетки, профессор. Его семья тоже готовилась сегодня к отъезду. Александра Леонидовна молчала. Наташа, не оборачиваясь, представила ее себе: притихшая, растерянными глазами смотрит она на Наташу и ждет ответа.

— Переживете это страшное время ну где-нибудь в колхозе или МТС. А потом вернетесь,— вмешался в разговор профессор.

— Натуля! Что ж ты молчишь? — не выдержала, наконец, Александра Леонидовна.

Наташа ухватила руками за подоконник так, что на руках побелели косточки:

— У меня один ответ. Я комсомолка и никуда из Москвы не уеду. Мое место здесь.

Наташа вдруг услышала, как заплакала мама, и тут же услышала, как забилось ее собственное сердце, как будто бы хотело вырваться наружу и броситься к маме на помощь. Руки еще крепче впились в подоконник. «Нет, не поворачиваться. Не видеть маминых слез. Иначе можно на все согласиться».

Отец поднялся:

— Наташа, пожалей мать. Поедем.

Она чувствовала за спиной дыхание отца. Внизу по улице ехал грузовик, его кузов был заполнен доверху. В центре стояло пианино, вокруг — кастрюли, тазы, и надо всем этим возвышался фикус.

Наташа повернулась к отцу.

— Папа. Все это такая нелепость... Ты посмотри вниз — фикус. Такая нелепость!

Она увидела, как краска стыда залила лицо отца. Он опустил голову. Потом сказал:

— Ты права... Я вернусь к вам.

Он прошел в переднюю, чтобы там наедине проститься с Александрой Леонидовной. Некоторое время они стояли молча.

— Театр уже эвакуировали?

— Да, теперь я работаю в госпитале.

— Не отчаивайся.

Александра Леонидовна грустно улыбнулась:

— Мои слезы — это не страх. Это моя боль потерять Наташу. Вот так же, как и сейчас, я ничего не могу сделать, чтобы удержать девочку около себя.

Отец положил руки на ее плечи.

— Я вернусь к вам, как только довезу до места своих подопечных.

4

Отец ушел.

Они долго сидели молча. Каждый думал о своем. Зазвонил телефон. Неловко ступая, Александра Леонидовна подошла. Взяла трубку:

— Слушаю.— На лице ее появилось удивление.— Да, да, минутку.— Повернулась к Наташе: — Тебя!

Наташу вызывали в Краснопресненский райком комсомола. Через полчаса она уже была там. Ее сразу же провели в кабинет секретаря. Окунев сидел за письменным столом, заваленным бумагами. Лицо его было усталым, и только глаза сверкали молодо. Рядом примостилась на стуле Румянцева, заведующая отделом пропаганды. Край стола был застелен газетой, и на нем стояли открытая банка мясных консервов и чайник с кипятком.

Наташа не раз видела Окунева на трибуне, слушала его на заседаниях. Сейчас Наташа замаялась, хотела извиниться и выйти, но секретарь жестом остановил ее.

— Хорошие люди приходят к обеду,— сказал он, поздоровавшись.— Присоединяйтесь,— и кивком указал на свободный стул.

— Спасибо.

Наташа присела на стул, осторожно отломилла кусочек хлеба...

— Последнюю сводку слышала?

Наташа взглянула на секретаря. Неужели он думает, что она, комсомольский секретарь, не следит за положением на фронте?

— Да. Немцы продвигаются. Идут к Истре. Москву пытаются бомбить не только ночью, но и днем.

— Как, по-твоему, много жертв в городе, много разрушений?

— Немного,— твердо ответила Наташа.— Сгорела детская больница. Но детей спасли. Разрушены четыре жилых дома. Немного повреждено здание университета. И...— Наташа помолчала,— и разрушен Вахтанговский театр. А больше немцам похвалиться нечем. Театр жалко,— закончила она тихо.

— Театр жаль,— подтвердил секретарь.— Но мы еще погоним немцев, они получают от нас по первое число! — и посмотрел на Наташу.— А ты все мечтаешь о переднем крае?

Наташа оживилась. В военкомате ей снова отказали. Может быть, появилась возможность?

— Конечно! Я же имею разряд по стрельбе... Заканчиваю курсы медицинских сестер.

Секретарь по-доброму усмехнулся:

— Хорошо! Будет тебе передний край, комсорг. Только, чур, не жаловаться.

Он потер ладонью лоб и начал объяснять уже обстоятельнее:

— Райком тебя хорошо знает. Работы здесь по горло. Сегодня в особый отряд от нас уходит еще один, ты его помнишь, Селезнев. Энергичный парень. Давно рвался на фронт. Так что... принимай дела Селезнева. Будешь инструктором в отделе пропаганды.

Наташа ошеломленно молчала. Она ожидала все, что угодно, но только не этого. Она посмотрела на секретаря, потом на Румянцеву.

— Уговаривать тебя у нас нет времени. Сама понимаешь,— Окунев поднялся.— Ну, договорились? А подробности узнаешь у Румянцевой. С ней и работать.

Румянцева, опережая Наташу, которая хотела сказать, что может не справиться с такой работой, одобряюще произнесла:

— Сумеешь, сумеешь! Хватка у тебя комсомольская.

ВОЕННЫЕ БУДНИ

1

Лес стоял чутко насторожившись. Высокие кроны сосен упирались в ночное холодное небо. В глухих лощинах за дремучими елями неторопливо копился вечерний сумрак. Кое-где белели стволы берез, похожие на притаившихся вражеских разведчиков. Мохнатые лапы елок, покрытые первым снегом, изредка вздрагивали, будто встреча с ветром их пугала. Они рассыпали легкие, туманные снежинки и снова замирали, пока новый порыв ветра не встряхивал коченевшую и засыпающую чашу.

Над партизанским лагерем стояла тишина, дремотная обманчивая стынь. Не слышно разговоров, не видно огонька.

В землянке полутемно. В узкое окно льется мирный вечерний свет. День давно угас. Возле окна на деревянной грубо сколоченной скамье сидит Павел Качуевский. На нем стеганый ватник, кирзовые сапоги. Перед ним на столе документы и сумка немецкого офицера. Павел разбирает бумаги, найденные у убитого гитлеровского майора. Напротив, набивая трубку, расположился Петр Щербинский. В углу землянки стоит небольшая железная печь. В полуоткрытую дверцу видно, как языки пламени лижут березовые поленца.

— Читай дальше,— говорит Щербинский, раскуривая трубку.

— Ничего особенного... Письма жене.— Павел сложил листки.— А эта карта с приказом нам пригодится. Может, когда-нибудь придется быть не только эсэсовцем, но и интендантом.

— Все может быть, Пал Палыч. Положение наше тоже невеселое.

— Смотри с какой стороны глянуть.

В землянку, стуча сапогами по деревянной лестнице, спустился радист. Невысокий узколицый парень, студент Новосибирского политехнического.

— Разрешите, товарищ командир?

— Товарищ комиссар,— поправил его Щербинский.

— Простите, но вы уже командир. Вот радиogramма из Центра, только что принял,— он протянул Щербинскому лист бумаги.— Утверждены штабом фронта.

Щербинский быстро пробежал текст, отдал Качуевскому.

— Надеялся, что пришлют нам командира. Одним тут тяжело.

— Не прибедняйся, Петро! — Павел Качуевский встал и щелкнул каблуками.— Поздравляю! От души поздравляю!

— Ты читай дальше, там и про тебя сказано. Благодарят за сведения из Смоленска. Очень ценные оказались...

— Это не только моя работа, всех нас, разведчиков,— ответил Качуевский.— А за тебя рад. От души рад!

— Спасибо на добром слове.

— Невесело что-то на сердце, до сих пор все перед глазами они стоят...

Они — это командир отряда Кусов и парторг Балакирев, которые погибли на прошлой неделе в бою. Щербинский погасил пальцем трубку.

— Тяжело мне без них...

— Тяжело было тогда, когда по болотам отряд выводил,— сказал Павел Качуевский.— Теперь все позади.

— И все впереди,— Щербинский прошелся по землянке.— Все впереди! Положение у нас далеко не веселое. И раненых много... Самолетами бы их отправить в тыл, в хороший госпиталь.

— Здесь же сказано, что в два тридцать по московскому сигнал четыре костра! — Качуевский ткнул пальцем в радиogramму.— Сегодня часть и отправим...

— Давно ты с нами не жил, Пал Палыч... Четыре костра — это новый условный знак для сброса боеприпасов и всего, что просили мы... Четыре костра — это значит посадки не будет.

Несколько дней назад отряд «Смерть фашизму» в ночном бою разгромил роту охраны и подорвал железнодорожный мост. Это было задание штаба фронта. Партизаны его выполнили, но понесли тяжелые потери. В ночном бою погиб командир отряда Кусов. Он первым ворвался в траншею и по ходу сообщения повел подрывников к мосту, но там, почти у самого обрыва над рекой, группа наткнулась на замаскированную пулеметную точку... Кусов успел бросить гранату и упал, скошенный пулеметной очередью. Партизаны отомстили за смерть командира. Ни один гитлеровец не ушел. Мост подорвали с двух сторон, и он рухнул в темные воды Днепра.

Неподалеку от железнодорожного моста по шоссе к фронту двигался полк. Взрыв, выстрелы, шум боя привлекли внимание фашистов. Гитлеровцы с ходу развернулись и поспешили на подмогу своим. Партизанам пришлось принять бой и уходить в чащу леса. Фашисты не прекращали преследования. Вскоре к месту боя прибыли еще и карательные части. Пять дней отряд отбивался от наседавших карателей, которые, видимо, решили покончить с отрядом. В эти трудные дни в перестрелке погиб парторг Балакирев. Единственным руководителем отряда остался Щербинский. Комиссару удалось перехитрить карателей, заманить их в непроходимые болота и оторваться от преследователей. Оставаться на старом месте было опасно. Над лесом целыми днями висели самолеты, разыскивая стоянку партизан. Щербинский принял решение уйти на запасную базу.

Шли глухими тропами, костры не разжигали, раненых и лагерное снаряжение несли на руках. Ранние холода, выпавший снег в какой-то мере помогали партизанам. На запасной базе быстро оборудовали подготовленные землянки, соорудили госпиталь.

— Что-то запаздывает, — Качуевский поднес руку с часами к самому лицу.

— Трудно быть точным. — Щербинский снял шап-

ку, чтоб удобнее было слушать.— Летать приходится чуть ли не от самой Москвы.

Лес стоял вокруг по-ночному угрюмый. Сосны и ели слегка потрескивали от мороза.

— Зима нагрянула чересчур рано, без осени. На морозе ветки хрустят, лопаются,— Качуевский шагнул рядом с командиром.— Много фруктовых деревьев погибнет от ранних морозов.

— Лишь бы мы выжили, а сады будут. Новые посадим.

Качуевский умолк, понял, что командира сейчас тревожит совсем иное и тот не желает отвлекаться. Это «совсем иное» волновало и Качуевского. Условленное время давно миновало. В голову лезли разные невеселые мысли. Самолет могли подбить при перелете через линию фронта, могли перехватить истребители... Но, что бы ни случилось, они должны будут ждать.

Наконец откуда-то издали донесся чуть слышный гул мотора. Ровный рокот летящего самолета нарастал, приближался. В его гуле было родное, близкое, наше. После стольких тяжелых недель, после надсадно воющего гула немецких самолетов вдруг услышать ровный басовитый рокот русской машины, разве это не радость!

— Пали костры! — приказал Щербинский.

В разных местах одновременно вспыхнули и заплясали четыре ярких пламени. И сразу же, прямо над головами, кажется, чуть не задевая макушки сосен, пронесся самолет. Он сделал круг, и от него отделилась белая точка, которая быстро росла. Парашют! Потом второй, третий. Ветер стал относить один парашют в сторону.

— В болото летит,— определил Качуевский.

— Давай сигнал, чтоб там перехватили,— велел Щербинский молодому рослому бойцу, который вместе с другими сопровождал командира.

Тот, приложив ладони ко рту, просвистел снегирем. Ему тут же ответила сплюшка. Это условные сигналы партизанских дозоров. Они тоже видят, куда ветер относит парашют, и уже спешат к месту приземления.

Самолет сделал еще круг и стал уходить на восток. Вскоре его совсем не стало слышно. А еще через несколько минут к лагерю шли партизаны и несли на плечах увесистые тюки. На ходу ощупывали брезентовые мешки, каждый знал, что прислали боеприпасы, взрывчатку, продовольствие, медикаменты, конечно, почту...

4

Как-то вьюжным вечером Сергей Невгоров зажег коптилку, сделанную из гильзы снаряда, поправил фитиль. И Москва, и театральный институт — все это казалось ему теперь далеким прошлым. Партизанская жизнь вошла в его быт, в его сознание как нечто само собой разумеющееся. Трудная партизанская жизнь, полная той самой романтики, о которой они мечтали мальчишками в школе, захватила его. Сейчас уже он был далеко не новичок на войне, видел врага близко. Видел, как он жесток и беспощаден. Видел горящую, истерзанную родную землю. И каждый раз, поднимая автомат на врага, мысленно повторял: «За Родину».

За эти месяцы, которые он провел в тылу врага, Сергей привык к опасности, привык к трудностям. Ему даже стало казаться, что война идет везде... И вдруг весточка издалека, из родной Москвы. Два письма. Оба от Наташи...

Они лежали в нагрудном кармане, аккуратно свернутые, вместе с комсомольским билетом. Сергей не раз обдумывал свои отношения с Наташей и только сейчас понял, что не имел права претендовать на что-то большее, чем дружба. Наташа относилась к нему как к другу, была с ним добра. А он принял это за особые чувства. Она обращалась с ним точно так же, как и с остальными, а он ревновал. Говорят, большое видится на расстоянии. Расстояние и помогло ему учесть, что Наташе еще не знакомо чувство любви, и ее ровное, доброе отношение ко всем определялось щедростью и теплотой ее характера. Потому и в письмах, которые он получал, не было ничего личного, интимного, что нужно было бы хранить в глубине сердца. Но они грели. Они восстанавливали

силы после тяжелых будней, и Сергей читал их вслух. Читал товарищам. Самолеты приходили редко, и не каждому удавалось получить весточку оттуда, с той стороны.

«Дорогие мои Сереженька и Петя! Снова пишу вам, отвечу на все ваши вопросы...»

В землянке уютно, совсем по-домашнему потрескивают дрова в железной печке. Она накалилась почти докрасна, и тепло от нее шло во все уголки. Кто-то брился. Кто-то шил, и каждый слушал, стараясь не пропустить ни слова.

«...На днях закончилась эвакуация нашего института в Саратов, с МХАТом. Ваши с курса почти все уехали на диплом, в разные места: Голубовский — в Саратов, Корабельных — в Горький. Белла (не помню фамилии) — в Иваново, Варзиели где-то застрял в Воронеже, кажется, потом уехал дальше. Турчинович Марина — в Москве, была в цирке на практике, а теперь в мюзик-холле, как актриса. Там директор Дмитриев Д. Е. Вот все, что знаю о ваших.

Мамин театр тоже эвакуировали. Она сейчас работает в госпитале. В этом госпитале я взяла шефство над самой трудной палатой. Все тяжелораненые. Но вы даже не представляете себе, родные мои, какие это хорошие люди. Особенно комиссар дядя Коля. Но об этом я расскажу потом.

Сереженька, после вас еще очень многие, которых не взяли сразу, ушли в ополчение, в коммунистические и истребительные батальоны. Митька Лондон, Шота Месхи, Петя Рабинер и наш преподаватель Марченко. А недавно ушла и Нина Суржикова, ей очень повезло. А я осталась в Москве. Можешь представить мое отчаяние? От Нины уже получила первое письмо. О Явнике, Марченко и некоторых других нет известий. Помнишь Толю Погорельского? Он был в окружении. Вывел несколько десятков бойцов, пробился к своим, представлен к ордену».

В землянку заглянул Качуевский. Лицо у него усталое, но довольное. Ночная операция прошла успешно. Захватили обоз с продовольствием и одеждой. Потерь нет, только один раненый. Успех радовал всех. Продовольствие и особенно одежда были

очень кстати, так как бойцы отряда изрядно поизносились.

Командир разведки оглядел своих боевых друзей. Ивась Ямчук, молодой рослый белорус, который в отряде с первых дней, стоял перед маленьким висячим зеркалом и брился. Ямчук всегда, где бы ни был, не забывал следить за своей внешностью. И сейчас на его плечах было лихо накинут новый немецкий мундир, из-под которого выглядывала вылинявшая красноармейская гимнастерка. На скамейке у стены Петр Нехода примерял сапоги. У печки дед Чукай щелкал затвором немецкого автомата, а Петя Громцов объяснял ему, как обращаться с этой техникой.

Все были заняты своим делом, и все же нетрудно было увидеть, что каждый прислушивается к словам Невгорова, который читал вслух письма. Сергей сидел на лавке у стола, пододвинув к себе коптилку, чтобы было светлее.

Павел слушал письмо далекой московской девушки и смотрел на Сергея. Тот чем-то был похож на его друга Виталия Северцева. Где он сейчас? После того ночного боя, когда разгромили гитлеровский десант, Северцева поместили в санитарный поезд, который, как говорили, держал путь в Москву. Павел никогда не был в столице и только мечтал пройтись когда-нибудь по ее улицам и площадям.

«...С концертной бригадой мне часто приходится выезжать в воинские части. Среди воинов я все ищу наших, гитисовцев. Недавно нашелся Ваня Пластин. Просит не сообщать матери, что он на передовой, в самом пекле. А мать его в Москве и все звонит мне.

Сереженька, сообщу вам с Петей приятную весть. Ваш товарищ Андрей Гончар жив, находится в госпитале. Ему серьезно поранило руку. Кажется, повреждена кость. Я узнала о том, что он в московском госпитале, и кинулась его искать. Оказывается, его спас Толя Погорельский. Он вынес раненого Андрея с поля боя.

Сейчас Толя уже комиссар разведки.

А у Андрея настроение неважное. Рвется на фронт. Хожу к нему почти каждый день. Мама пы-

тается перевести его в свой госпиталь. Там я смогу больше помочь ему...»

Качуевский сел за стол рядом с Сергеем, в раздумье опустил голову на обе ладони. Было совсем тихо. Сонно мигала коптилка. Ивась Ямчук закончил бриться. Дед Чукай улегся поближе к теплу и тихонько похрапывал.

«...Если бы вы знали, как я обрадовалась, получил ваше письмо. Узнала, что вы живы, крепко бьете немцев. Всем сердцем я желала бы быть с вами. Но мне не везет. Не берут пока. Я не теряю надежды. Учусь на курсах сандружинниц. Я надеюсь, Сереженька, понимаешь...»

За стенами землянки глухо шумел ветер. А в землянке мирно потрескивала раскаленная железная печка. Сергей продолжал перечитывать письма от московской девушки Наташи, которую никто, кроме Пети Громцова и самого Сергея, не знал и никогда не видел.

Не знал?

Нет, это сказано неточно. Теперь отряд разведчиков знал Наташу, однокурсницу своих товарищей, по оружию. Письма из Москвы перечитывались по многу раз. Партизаны слушали, и каждому казалось, что ласковые, теплые слова этой душевной девушки имеют отношение и к нему.

«...Петя, родных я разыщу обязательно, ты не волнуйся. Я узнаю, куда они эвакуировались, и сообщу им твой адрес. Многие наши ребята держат связь с родными через меня. Сереженька и Петя, еще до вашего письма я написала всем гитисовцам письмо по радио. Может быть, вы его услышите даже раньше, чем получите это письмо.

Родные мои, увидимся все, обязательно, крепко верю, и в ГИТИСе соберемся, как раньше, и все будет чудно. А еще очень прошу передать от меня комсомольский привет всем вашим друзьям, с кем вы вместе живете, воюете. Большой поклон им от москвичей».

Сергей замолчал. Аккуратно сложил письма, убрал в карман.

Принесли ужин. В землянке сразу стало шумно.

Говорят, настоящий мужчина всегда голоден. В этом Качуевский убеждался всякий раз, когда видел своих боевых товарищей за едой. Помнил он и суворовский завет: «Путь к сердцу солдата лежит через желудок». У разведчиков на завтраки, обеды и ужины не было порций. На стол ставили большой котел, и каждый накладывал себе в алюминиевую чашку по своему аппетиту.

Сегодня, помимо обычного ужина, на столе стояли тушенка и шоколад. Шоколада оказалось очень много.

Партизаны с аппетитом ели и посмеивались над дедом Чукаем: во время нападения на обоз тот, не боясь шальной пули, лазил по немецким трупам — собирал фляги. Думал, со спиртом. Попробовал на обратном пути, а они оказались с водой! Вот уж дед чертыхался, костерил немцев за скупость. Хотел повбрасывать фляги, но партизаны не дали.

После ужина командир попросил Сергея Невгорова зайти на минутку к нему. У Качуевского был свой угол в штабной землянке. Видно было, что командир разведчиков о чем-то хочет спросить, но не решается при всех. Закурили трофейные немецкие сигареты. При неярком свете лампы лицо командира со светлыми, зачесанными назад волосами выглядело бледным и юным. Теперь было видно, что они почти одногодки — и командир, и двадцатилетний разведчик.

— Послушай, Сергей, — заговорил наконец Павел Качуевский. — Я каждый раз вместе со всеми слушаю письма, которые ты читаешь. Я мог бы удивиться, что ты не скрытничаешь, хотя, честно говоря, в наших условиях письма скрывать нельзя. Они нужны всем. Только вот хотел тебя спросить... Наташа, она что... подруга твоя? Или родственница? А может, невеста? Я ведь знаю, ты не женат.

Невгоров посмотрел в открытые серьезные глаза своего командира. Хотелось о многом рассказать, но он ответил коротко:

— Нет. Ни то, ни другое. Это просто Наташа. Наш комсорг...

После работы Наташа пошла в госпиталь. Там она прежде всего зашла в палату ходячих, куда недавно, из другого госпиталя, перевели Андрея Гончара.

Андрей чувствовал себя хорошо. Раненая рука в гипсе почти не беспокоила. Он очень обрадовался Наташе.

До ужина они просидели втроем с Геннадием Шатовым. Это был раненый из ходячих. Всякий раз, как Наташа приходила в их палату, он старался быть рядом.

Слушал, когда она и Андрей вспоминали институтское житье-бытье, смеялся вместе с ними веселым шуткам, а когда девушка уходила, провожал до дверей палаты.

Сегодня ее ждали в девятой палате. В прошлый раз она обещала дяде Коле Свешникову вновь принести стихи Блока.

Наташа раскрыла томик и обвела взглядом палату. Глаза раненых устремились на нее. Только батальонный комиссар дядя Коля, устало сжав рот, неловко откинулся на край подушки. У Наташи сжалось сердце. Дяде Коле труднее, чем другим. Адская боль не перестает терзать его ни днем ни ночью. Мужество, с которым он переносит свои страдания, всякий раз удивляло Наташу. Она восхищалась и бесконечно жалела комиссара Свешникова. Он лежит тихо, и ему как будто легче. Негромко, но внятно Наташа начинает читать:

Россия, милая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!
Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит и обманет —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...
Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

— Наташа...— послышался громкий шепот.

Наташа тревожно оглянулась. В приоткрытую дверь палаты просунул голову Геннадий Шатов и торопливо сказал Наташе:

— К телефону!

Наташа поднялась. Опять, по-видимому, из райкома.

6

Александра Леонидовна уже давно рассказывала Наташе о девятой палате, о батальонном комиссаре Свешникове. Комиссар не только умел стойко переносить свои мучения, но и других учил не поддаваться боли. И удивительно, что эта трудная палата последнее время стала как-то равняться на комиссара.

— В вашу девятую я обязательно приду,— сказала тогда Наташа.

А на следующей неделе, выбрав день, когда немного раньше закончилась работа в райкоме, Наташа направилась в госпиталь.

Она хорошо помнит свой первый приход в девятую. Прежде чем войти в палату, она постояла чуть-чуть у порога. Ее разглядывали с открытым любопытством. Ни теплоты, ни доверчивости не прочла она в устремленных на нее взглядах и сразу осеклась, растерялась. Но тут же услышала голос: «Заходи, заходи, дочка, гостьей будешь». Это говорил дядя Коля, и она была благодарна ему. Сказал он тихо и тут же уронил голову на подушку. Тогда Наташа, забыв обо всем, кинулась к нему. Ей показалось, что Свешников умирает. Она схватила колокольчик, лежащий на его тумбочке, и отчаянно зазвонила... А потом ей стало стыдно. Свешников открыл глаза и сказал с ужоризной: «Оставь звонить-то, ведь все в порядке». Но уже прибежала сестра, нянечка, а в дверях стоял врач. И Наташа почувствовала себя виновной и не знала, что делать. Выручил опять тот же дядя Коля. Он сказал:

— Кабы ты стихи принесла. Ну, скажем, Блока. Люблю я этого поэта.

Потом Наташа узнала и других раненых. Она узнала, что в этой палате только один москвич — Валентин Беликов. Валентин ушел на фронт прямо со студенческой скамьи. Был ранен, попал в госпиталь. Здесь ампутировали руку по локоть. А совсем недавно пришлось повторить операцию: руку отняли до плеча. Знала Наташа, что от него отказалась невеста, родные эвакуировались еще в октябре, в Москве осталась только сестра Антонина. Она часто навещает брата.

Однажды из госпиталя Наташа и Антонина возвращались вместе домой. Оказалось, что живут они совсем рядом. Наташа — на Малой Никитской, а Антонина — на улице Воровского.

Знала и возраст своих подопечных: самый старший — дядя Коля, ему сорок восемь лет. Самому младшему, Женечке, — восемнадцать, моложе Наташи. У него ранение в голову. Он часто находится без сознания.

7

Почти каждый вечер после тяжелой работы в райкоме она спешила в госпиталь. Не всегда Наташе было легко здесь. Иной раз в самый разгар чтения кто-нибудь кричал: «Пошли вы к черту со своими сказками! Жить хочется. Жить! Жить!» Вся палата молчала. Наташа растерянно оглядывалась и, как правило, встречала спокойный ободряющий взгляд дяди Коли. Тогда она закрывала книгу, подходила к разбушевавшемуся, молча вытирала пот с его щек, со лба и так же молча садилась рядом. Раненый утихал, отводил глаза, как будто стыдился и своих ран, и той невыносимой боли, которая толкала его на эти вспышки.

Раненые любили слушать, когда Наташа читала стихи.

В ее сумочке всегда лежал томик Пушкина, Лермонтова или Маяковского. Однажды один из раненых грузин Николоз Багашвили протянул ей небольшую, потрепанную книгу. «Витязь в тигровой шкуре», — прочла Наташа.

— Это Руставели, — сказал Николоз, — почитай,

сестрица. Пусть мои товарищи не забывают, какими можем быть мы, мужчины.

А бывало и так: кто-нибудь из раненых, чтобы избавиться от гнетущей тоски, начинал вслух вспоминать свою прежнюю жизнь. Наташа молча слушала. Слушала вся палата. И каждый видел в рассказе товарища себя, свое прошлое. Как счастливы были они еще недавно, все эти солдаты, сейчас изувеченные, искалеченные, прикованные недугом к больничным койкам. Больше всего Наташа боялась момента, когда рассказчик, устав, замолкал, и каждый из прошлого вновь возвращался к своим ранам, к своей койке, к белым оконным занавескам. Этого боялся и еще один человек в палате — дядя Коля. Он-то понимал, что значит для бойца потерять веру в будущее. Видя тревожное лицо девушки, он хитро подмигивал ей и говорил:

— А ну, дочка, вспомни-ка для нас какую-нибудь народную. А мы подпоем.

Голос у Наташи был негромкий, но чистый, спокойный. Она запевала, а через минуту низкий мужской голос поддерживал ее. Это Николоз. Он хорошо говорит по-русски и песни русские знает так же, как и свои родные. Чуть погода к дуэту присоединяется третий, чуть хрипловатый голос дяди Коли. Иногда он срывается. Наташе кажется, что это от боли. Но вот почти вся палата начинает подпевать.

...о юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом...

Тихо, как будто издалека льется старинная мелодия, вытекает за порог палаты, плывет по коридору и замирает торжественно и печально. Потом снова разговоры возвращаются к фронту. Наташа видела, как оживали ее подопечные, как светлели их лица. Раненые продолжали жить событиями фронта. Вместе с однополчанами, оставшимися там, на передовой, они мысленно дрались с врагами, продолжали защищать родную землю.

Здесь, в госпитале, они оставались солдатами своей Родины. И Наташа понимала, что Родина даст им силы выжить, встать на ноги, победить.

СУРОВЫЙ ПРАЗДНИК

1

19 розный октябрь сорок первого года прошел по земле московской. Гитлер собрал в поход на Москву огромные силы, рассчитывая сломить любое сопротивление. На полях Подмосковья разгорелись кровопролитные сражения. Великое количество танков и мотопехоты пыталось проторить дорогу к городу, к сердцу нашей Родины. Враг наступал, устилая трупами своих солдат и офицеров подмосковные поля.

Гул артиллерийской канонады доносился до Москвы. Заградительный огонь защитной артиллерии сливался со взрывами вражеских бомб. В разных районах столицы возникали пожары. 19 октября в Москве было введено осадное положение.

Город насупил брови и сжал кулаки. Он, как воин, приготовился к бою, к борьбе с врагом не на жизнь, а на смерть. Он укрылся от вражеских глаз в защитные цвета и одежды. Замаскировался, погрузился во тьму, выставил дозоры. В короткий срок были сформированы сотни рабочих коммунистических батальонов, которые отправились на окраины города, чтобы занять рубежи обороны.

Днем и ночью трудились москвичи, оставшиеся на заводах и фабриках рабочие, изготавливая пушки, пулеметы, автоматы, снаряды. Работали по две-три смены, сутками не выходили из цехов, ночевали, обедали тут же. Во время воздушных налетов предприятия большие и малые продолжали работать. Из Москвы на фронт шел широкий поток грузов — от патронов до танков, от сухарей до полного обмундирования. Десятки тысяч женщин становились членами Осоавиахима. В мастерских, на дому они организовывали общественные мастерские по ремонту армейских шинелей, брюк, гимнастеров и других вещей.

В Краснопресненском райкоме комсомола была горячая пора. Наташа работала без усталости, не заме-

чая времени. Домой возвращалась поздними вечерами, но и там ее не оставляли мысли о делах. Приближалась 24-я годовщина Октября. В столице приняло небывалый размах движение по сбору подарков воинам действующих армий к праздникам. Районы соревновались.

Отдел, где работала Наташа, принимал в этом непосредственное участие: были подготовлены несколько тысяч индивидуальных подарков, в каждом — теплое письмо сражающемуся солдату. Тысяча пар варежек и рукавиц, более тысячи полушубков и ватных телогреек, курток, несколько сотен пар валенок. Тысячу свитеров и джемперов связали жительницы Краснопресненского района. Комсомольцы подготовили для посылки на фронт лыжи, сотни библиотечек художественной литературы.

2

Утром, накануне праздника, Наташа в раздевалке столкнулась с незнакомым парнишкой. Тот спрашивал, в какой комнате находится сам секретарь райкома.

Наташа оглядела мальчишку. Он был в стеганом ватнике, из ворота выглядывала темно-синяя гимнастерка. На воротнике гимнастерки ясно обозначались буквы «ФЗУ-2».

Не трудно было догадаться, зачем он явился в райком. Наташа повела парнишку в свой отдел, к Румянцевой. Она знала, что секретарь только что выехал на совещание. По дороге она спросила:

— На фронт?

— За путевкой в истребительный батальон, — независимо ответил парнишка. На вид ему было не больше шестнадцати: курносый, пухлые губы, светлый пушок на щеках.

— Учишься?

— В ремесленном.

— В райвоенкомате был? — полюбопытствовала Наташа.

— Был, — нехотя ответил он.

— Комсомолец?

Парнишка кивнул.

— Я так и думала. Молодчина! Но, если тебе откажут,— не горюй. У тебя все впереди.

Мальчишка зло сверкнул глазами:

— Каркаешь!.. Нашлась...

Наташа не обиделась. Она вспомнила свои горемычные похождения и усмехнулась:

— Все может быть, дружок. Тебе, честно, не мешало бы подрасти.

Парнишка подозрительно оглядел Наташу:

— Дудки! — сердито сказал он. — Не уйду отсюда, пока не получу путевку. Мой отец и братья сражаются на фронте. Чем я хуже?

Наташа представила его Румянцевой, но слушать их разговор не стала. Она торопилась. В ночь на 7 ноября в райкоме по графику должен дежурить отдел пропаганды. Наташа спешила. Нужно успеть вернуться вовремя.

Утро выдалось солнечным. Под ногами скрипел снег. Крепкий морозец заставил поднять воротник. Как-то пройдет сегодняшней день? Последнее время вражеские самолеты все чаще и чаще стали появляться вечером, когда еще не совсем стемнело. Теперь фашистские самолеты базировались по соседству, на занятых ими аэродромах Смоленска, Витебска, Могилева. Их самолеты входили в зоны артиллерийского огня небольшими группами и даже сдиночками с интервалами в 30—60 минут. В райкоме с возмущением говорили, что это есть тактика изнурения. Что враг поставил своей целью измотать средства и силы нашей противовоздушной обороны.

Наташа смотрела на голубое московское небо, окутанное сетью аэростатов заграждения, прислушивалась к уличным динамикам, и тревожные мысли одолевали ее. Нет, не о себе. Могла ли она думать о себе, когда она являлась тысячной частицей тыла, маленькой частицей самой Москвы? Вопреки всему город продолжал жить, трудиться: работали фабрики, заводы, магазины. И если сейчас, в трудную осень, он и сжался в комок, то только для того, чтобы, собравшись с силой, выпрямиться и раскидать нависшие на нем вражеские армии.

В райком она вернулась поздно. По дороге забегала домой поесть, а когда подошла к зданию рай-

кома, было уже темно. В прихожей тетя Маня заканчивала предпраздничную уборку—домывала полы. Она укоризненно посмотрела на девушку. Наташа и сама чувствовала себя виноватой. Ей следовало бы лвиться пораньше, но так уж получилось.

В отделах она никого не застала. Румянцева ушла, оставив ей записку в два слова: «Дежурить приду». От тети Мани узнала, что секретарь райкома не приехал. Наташа удивилась, но отнесла это за счет праздника.

Весь день Наташа отсутствовала и не знала, что секретарь райкома Прошин и почти все заведующие отделами приглашены на торжественное заседание Московского Совета по случаю 24-й годовщины Великого Октября.

Тетя Маня, выжимая тряпку, сказала:

— Мальчик какой-то сидит в приемной Прошина. Все ждет секретаря. Уговаривали идти домой — откачался. Я его стыдить пробовала — молчит.

У Наташи екнуло сердце. Она сразу поняла, что это тот самый парнишка, которого утром она привела к Румянцевой. Она кинулась в приемную секретаря. Он сидел на стуле, упрямо выдвинув подбородок, независимый и непреклонный. Наташа улыбнулась. Она-то думала, что парнишка узнает ее. Но он не обратил на инструктора ни малейшего внимания. На приветствие тоже не ответил. Наташа поняла, что у мальчишки плохи дела.

Тетя Маня, закончив уборку, ушла. Прежде чем закрыть входную дверь, Наташа еще раз посоветовала парнишке идти спать, а утром, если захочет, снова прийти.

Взгляд, полный негодования, был ответом, и она решила больше не тревожить парня.

Ночь ожидалась беспокойная. Враги, безусловно, знают, что завтра всенародный советский праздник, и постараются сделать все, чтобы испортить его. Наташа прошлась по кабинетам, проверила, не горит ли где случайно свет, все ли в порядке. В приемной секретаря помимо шторы повесила на окно байковое одеяло. Посоветовала парнишке сесть на диван: все-таки удобнее, а сама устроилась за столом. Загодя приготовила папку с бумагами отдела и теперь наме-

ревалась, не теряя времени, привести в порядок дела.

Паренек сидел тихо, размышляя о чем-то своем. Наташа перебирала бумаги и вспоминала прошлый год: праздник всей группой встречали в институте. Счастливое было время!

А как же будет в этом году?

— Завтра праздник Октября,— сказал молчавший до сих пор паренек, как бы читая мысли Наташи.— Парада может и не быть. А знаешь, оттого, что фашисты хотят помешать нашему революционному празднику, здорово бы, чтобы праздник был! И парад бы был, и демонстрация. Как раньше, а?!

Наташа покачала головой:

— Нельзя! Праздник отметим после войны.

Паренек сверкнул глазами. Наташа увидела в них явное презрение к себе. Она усмехнулась и наклонилась над бумагами. До чего ершистый! И почему-то представила себя на его месте. Вот точно так же приходила она в кабинеты и просилась на фронт. Ведь он, наверное, и не только в райвоенкомате побывал, но и в райкоме партии. И небось одна, последняя, надежда у него осталась на комсомол.

Она взглянула на его комсомольский значок, рядом поблескивал еще один — «Юный ворошиловский стрелок». Она восхищалась этим мальчишкой. Будь ее воля, она дала бы ему винтовку в руки. Пусть идет! Пусть воюет, если у него такая решимость идти на фронт.

— Как тебя звать? — спросила она как можно добрее.

— Павлик Корчагин.

— Корчагин? — переспросила Наташа.

— А чего удивляться? Однофамилец. И каждый обязательно удивляется.

— Да нет,— сказала Наташа,— просто красиво звучит. Сочетание красивое.

— Еще бы! — ответил паренек.— В мои годы Павка Корчагин уже дрался с беляками. А тут разные начальники дороги не дают. Развелось их! А у меня отец и два брата на фронте. Степан всего на три года старше. Да будь в моих силах, я бы никого не спросил! И парад на Красной площади устроил бы! — Он обиженно отвернулся.

Зазвонил телефон. В трубке послышался тревожно-торжественный голос Александры Леонидовны:

— Натуля! Ты слушаешь?

— Нет! А что слушать?

— Радио. Радио включи скорей!

Наташа бросилась к репродуктору.

По радио слышался голос главы Советского правительства народного комиссара обороны товарища Сталина.

Спокойно и уверенно говорил товарищ Сталин о том, как идет борьба, о том, что советский народ может и должен уничтожить немецко-фашистских захватчиков...

Это был доклад вождя на торжественном заседании Московского Совета. Состоялось это торжественное заседание поздним вечером в метро, на площади Маяковского. Это было как раз то, чего так ждала столица, ждала вся страна.

3

Репродуктор давно замолчал, а оба они как зачарованные продолжали стоять около него. Она улыбалась Павлику как хорошему другу, и он отвечал ей тем же. Потом он сказал:

— погоди, и парад завтра будет. Голову даю на отсечение!

Через несколько минут позвонил секретарь райкома:

— Репродуктор включен?

— Да, — ответила Наташа.

— Сталина слышала?

— Да!!

Потом он поинтересовался, как идет дежурство, как самочувствие, все ли в порядке. Ответив на все вопросы, Наташа рассказала секретарю о парнишке.

— И сейчас в райкоме? — удивился секретарь.

— Сидит напротив, — ответила Наташа.

В трубке молчание. Чувствовалось, что секретарь озабочен:

— Дай-ка ему трубку.

Лицо Павлика сначала было хмурым. Он одно-

сложно отвечал на вопросы, потом вдруг улыбнулся во весь рот. Глаза его засветились, и он сказал:

— Понимаю, товарищ секретарь. Да!.. Сделаю!..

В одиннадцатом часу, когда в райком на дежурство явилась Румянцева, парнишка наконец отправился домой. Он попрощался с райкомовцами и ушел, полный надежд.

Румянцева явилась прямо с торжественного заседания Московского Совета. Она рассказала Наташе много интересного.

— Принесла тебе пропуск на Красную площадь, — сказала Румянцева и протянула его Наташе.

Прямо с дежурства Наташа пошла на Красную площадь.

С трибуны Ленинского Мавзолея Сталин обратился к армии, к народу с речью.

Он рассказал о тяжелых условиях, в которых приходится праздновать наш революционный праздник. Он напомнил, что бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении, и мы всегда добивались победы.

У Наташи горели щеки. Неотрывно глядела она, как по Красной площади, чеканя шаг, шли жители столицы — рабочие, служащие, ученые. Лучшие люди Москвы встали на ее защиту. Они шли защищать город так же, как когда-то создавали славу своих заводов, как в дни всенародных праздников с гордостью несли на Красную площадь знамена своей трудовой доблести. Теперь в их руках было оружие, над ними развевались боевые знамена. Прямо отсюда, с Красной площади, они шли на фронт, на передовые линии подмосковных укреплений.

С какой охотой Наташа встала бы сейчас в их ряды, взяла бы в руки автомат.

А с трибуны Мавзолея торжественно звучал голос, обращенный ко всем уходившим прямо отсюда в пекло боя, обращенный к бойцам всей Красной Армии.

«...На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, попавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободитель-

ная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГЕННАДИЙ И ВАЛЕНТИН

1

 полдень Наташа вернулась домой. Здесь ее ждал сюрприз: в комнате у окна сидел Геннадий Шатов. Увидев ее, встал и пошел навстречу. На нем был штатский костюм из светло-серого сукна, который был ему к лицу. Высокий, подтянутый, с копной темных волос, с беззаботной смешилкой в глазах. Если бы не рука, безжизненно повисшая вдоль тела, можно было бы подумать, что этот молодой человек и не нюхал пороху.

Наташа всплеснула руками:

— Ты уже выписался?

— Два дня назад.

— И молчал?

— Почему? Видишь, пришел. Выписались вместе с Валентином Беликовым. За ним приехала его сестра.

Наташа почувствовала, что покраснела. Она наклонилась, чтобы достать домашние тапочки, и смущенно сказала:

— Перед праздником так много дел. Забросила я свою девятую.

— Это не страшно,— успокаивал ее Шатов,— в девятой все, как прежде, кроме Беликова. Кстати, у него неважное настроение.

— Знаю,— ответила Наташа.

— Но это тоже не страшно. У него такая сестра! Не пропадет.

В комнату вошла Александра Леонидовна. В одной руке она держала салатницу, в которой горкой возвышалась розовая, вкусно пахнущая масса, в другой — плетеную сухарницу с тонко нарезанными сухарями из черного хлеба. Она поставила все это на стол и, вытерев руки о маленький фартук, сказала, мягко глядя то на Шатова, то на дочь:

— А мы уже заждались. И чай перестоялся. Так-то ты встречаешь гостей!

Наташа с удивлением заметила, что Шатов смущенно опустил глаза. Это еще что за новость! Совсем как мальчишка, только что окончивший школу.

Послышался голос Александры Леонидовны. Она вышла за самоваром. Наташа бросилась на кухню. Геннадий тоже. Они принесли самовар, поставили его в центре стола на медный продолговатый поднос. Это был еще бабушкин самовар. Уже много лет им не пользовались, и стоял он на кухне просто так, для украшения. А сейчас, когда пришлось отказаться от керосина, когда не было угля и не хватало дров, самым удобным, чтобы вскипятить воду, оказался этот старый самовар. Он продолжал еще воинственно шуметь, когда его внесли, и в комнате от него стало уютнее.

Наташа расставила чашки. Украдкой поглядывала на салатницу. Не хотелось, чтобы видел Геннадий, как она голодна. Александра Леонидовна достала из буфета половину французской булки и нарезала ее тонкими ломтиками.

— Я уже рассказывал сегодня Александре Леонидовне, — начал Геннадий Шатов. — С завтрашнего дня я выхожу на работу.

— Уже? На какую же работу? Ах да, ты, кажется, ведь инженер.

— Точно! Буду работать на заводе Владимира Ильича.

Чай был горячий и мутный. От него пахло подгорелым хлебом. Александра Леонидовна научилась для заварки использовать поджаренные корки ржаного хлеба. Геннадий, намазывая на булочку густую розовую массу и еще не зная, что это такое, сказал:

— Красиво выглядит.

— Еще бы! — откусывая кусок и запивая его коричневым чаем, подхватила Наташа. — Очень вкусно! Но где же ты все это достала, мулик?

— О! Это секрет, — довольная, ответила Александра Леонидовна. — Неделю берегла, чтобы ты не догадалась.

Геннадий откусил кусок.

— Повидло?

— Джем! — поправила его Наташа. — Из свеклы.

Они ели не спеша. В комнату заглядывало полуденное солнце. У всех было хорошее настроение.

— Вкусно, — признал Геннадий, намазывая последний кусок.

— Еще бы! — ответила Наташа, собирая из салатницы остатки. После джема пошли в ход ржаные сухари, но они уже не произвели такого впечатления. Геннадий не сводил глаз с девушки. Александра Леонидовна глядела на них. Ей понравился Геннадий. Правда, в госпитале поговаривали, что есть в его характере такое, над чем стоит задуматься. Но не то сейчас время, чтобы выискивать что-то. Парень как парень. Мог бы уехать в тыл, но остался здесь, в прифронтовом городе. Значит, не трус. Значит, помнит о своем долге. За год до войны окончил в Свердловске машиностроительный институт. Работал инженером. И сейчас ни одного дня терять не хочет. И главное, что нравилось Александре Леонидовне и в чем она не хотела бы сознаться даже самой себе, это то, что Геннадий для фронта больше не существует. Медицинская комиссия признала его негодным к воинской службе.

Она перебирала в памяти события сегодняшнего утра. Это было неожиданно и непонятно, хорошо или плохо, что все случилось именно так: Геннадий выглядел торжественным и нарядным. Он признался Александре Леонидовне, что любит Наташу и что мечтает в будущем просить руки ее дочери! Он так и сказал: «Мечтаю просить руки вашей дочери». Старомодная фраза. Можно было бы и посмеяться. Но в его устах она звучала так искренне, что показалась ей вполне современной и даже красивой. Конечно, Александра Леонидовна была бы вправе воз-

мутиться поспешностью молодого человека, ведь знают они его только по госпиталю, и то немногим больше месяца. Но она сдержалась. И главную роль в этом сыграл опять-таки довод «негоден к военной службе». Александре Леонидовне и самой-то стало как-то противно от таких вот корыстных целей. Но она глядела на Наташу и видела ее всякий раз ребенком. Куда там ей на фронт! Александра Леонидовна сама кинулась бы в самое пекло боя, только бы сохранить свою единственную дочь. И стыдно и радостно было от мысли, что, выйдя замуж за Геннадия, Наташа наконец перестанет рваться на фронт.

Резкий голос дочери вывел ее из задумчивости.

— А я считаю, что все зависит от тебя!

— Нет. Не совсем,— тихо отвечал Геннадий.

— Все зависит от тебя,— упрямо повторила Наташа.

Геннадий насмешливо глядел на девушку. Она уловила этот взгляд, встала и нервно прошлась по комнате.

— Нет. Не понимаю этого! Мама, ты подумай, он медлит. На его месте я бы уже давно была на передовой!

Александра Леонидовна побледнела.

— Ты был сегодня на Красной площади?

— Нет,— последовал короткий ответ.

— Жаль. Жаль, Геннадий! Ты понимаешь, если бы ты был, если бы ты видел все, что видела я, ты бы разговаривал со мной не так! Ты помнил бы о своем долге!

— Наташа! Наташа, как ты смеешь? — Александра Леонидовна с негодованием смотрела на дочь. — Он был на фронте. Он ранен. Он не уехал в тыл, как другие!

— Фронт нуждается в солдатах, мама,— резко ответила Наташа. Геннадий вдруг обмяк. В глазах его на минуту появилась растерянность. Он подошел к Наташе, взял ее за руку:

— Ну, пожалуйста, не сердись! Я ведь не для ссоры сюда пришел. Ведь все было так хорошо! Я ведь пришел поговорить. Пожалуйста, сядь. И не гляди

такими зелеными глазами, я ведь все равно знаю, что они у тебя черные.

Наташа села. Он еще может шутить! Он легко уходит от главного в их разговоре.

Александра Леонидовна молча убирала со стола и молча прислушивалась к спокойному, деловитому голосу Шатова.

Они сидели рядом. Гнев в Наташиных глазах потух. И только иногда усмешка трогала ее губы. Именно это и беспокоило Александру Леонидовну. Ровным рядком ставила она на полочку в буфете чайные чашки и думала о том, что сейчас ей лучше всего уйти.

Она положила в пакетик несколько ржаных сухарей, накинула платок и вышла на свежий морозный воздух.

День был солнечный. Она решила навестить Пелагею, с которой познакомилась ночью в убежище. Последний раз они виделись недели две назад. Говорила тогда Пелагея, что ее старшая дочка твердо решила идти на фронт и вот уже добивается направления в действующую. Надо бы узнать, как у них дела.

Морозило.

«Зима нынче ранняя и, по-видимому, будет суровая», — подумала Александра Леонидовна, поднимаясь на пятый этаж.

2

В квартире Пелагеи было холодно и неудобно. Сама хозяйка лежала в постели, укрытая двумя шерстяными одеялами. Она болела. Как сказала сама: «Серьезного ничего нету, просто простудилась, да одолела слабость, пришлось слечь».

Александра Леонидовна во всем этом почуяла что-то неладное, но промолчала. Для начала она затопила остывшую печь и поставила на нее чайник с водой. Нашла на кухне веник. Пока убиралась в квартире, чай вскипел. Заварки в буфете не оказалось, тогда она бросила в кипяток крошки сухарей из черного хлеба. Потом они вместе пили чай. Укутанная в большой серый платок, Пелагея сидела на кровати, одной рукой держа чайную чашку с кипятком,

другой размачивала в ней черный сухарь. Глаза ее были печальны, и Александре Леонидовне казалось, что Пелагея вот-вот заплачет. Но Пелагея не заплакала, а стала неторопливо и горько рассказывать о своем житье-бытье. А печаль ее была вот такая: и средняя дочка решила уйти на фронт вслед за старшей. Пелагея с тяжелым сердцем, но отпустила с богом. А вот младшую, которой только-только исполнилось восемнадцать лет, мечтала удержать около себя. Но младшая перехитрила мать, обманула попросту — ушла в народное ополчение. В один день проводила мать обеих дочерей и слегла.

Зажгли керосиновую лампу. Александра Леонидовна присела рядом с больной. Она тоже рассказала, как рвется на фронт ее Наташа, несмотря на то, что всюду ей отказывают.

Матери поговорили, погоревали до самых поздних сумерек. Уходя, Александра Леонидовна обещала завтра прийти опять.

3

Вернулась она уже вечером. Комнату тускло освещала настольная лампа, окно было тщательно зашторено. Наташа сидела за письменным столом спиной к двери, как-то странно положив голову на руки. Подойдя ближе, Александра Леонидовна увидела, что Наташа спит. Перед нею на столе лежит недописанное письмо.

Александра Леонидовна быстро пробежала его глазами и улыбнулась. Письмо адресовалось ее матери, бабушке Наташи.

«Родная моя, старенькая бабулечка!

Ты не сердись на меня и не думай, что я тебя забыла. Люблю и помню свою бабенку миленькую. Летом писала тебе с трудового фронта, но оттуда письма совсем почти не доходили, некоторые только недавно пришли маме.

Институт мой уехал в Саратов, я осталась, так как хочу защищать родную Москву от подлых врагов...»

Александра Леонидовна разобрала постель, уложила Наташу и накрыла большим темным абажуром настольную лампу. Достала вязание и удобнее усесться у стола.

На следующее утро, очень рано, Наташа услышала звонок. Соскочив с кровати, она поспешила к телефону.

— Алло!

В трубке послышался тревожный женский голос.

— Наташенька!

Это была Антонина, сестра Валентина Беликова.

— Наташенька, мне нужна твоя помощь!

— Что-нибудь случилось? — испуганно переспросила Наташа.

— Ничего. Не пугайся! Перед праздником я забрала из госпиталя Валентина, ну ты знаешь. А сегодня соседи приносят повестку — назначение в часть. Оказывается, получили они ее еще 6-го и молчали, не хотели мне праздник портить. А того не понять, что я уже месяц жду не дождусь этого самого назначения. Принесли мне повестку только что, понимаешь? А в девять утра надо быть на сборном пункте, понимаешь?

— Понимаю, — ответила Наташа.

— Ну вот и хорошо. А то ведь Валентин у меня куда как плох.

— Что значит плох? — встревожилась Наташа.

— Да нет. С рукою все в порядке. Морально плох. Ну теперь я буду спокойна. Ты за ним посмотришь, правда?

— Обязательно посмотрю. Слышишь, Антонина, обязательно! И сейчас же я бегу к тебе. Как я завидую тебе!

Она бросила трубку и стала одеваться. Часы показывали без четверти семь. Когда она вышла на улицу, было еще темно.

Валентин сидел на низкой кушетке. Когда вошла Наташа, он повернул только голову. Антонина выглядела довольной и даже счастливой.

Наташа подошла к Валентину:

— Ну, как твое здоровье? Как самочувствие?

Валентин отвечал вяло, продолжая думать о чем-то своем.

— Да скинь ты шубу-то, — сказала Антонина и без церемоний раздела Наташу.

— Валька, вот отдохнешь немного, и я устрою тебя на работу, хочешь?

— Он сильный,— сказала Антонина,— а настроение пройдет. Сам потом посмеется над собой.

Антонина неторопливо ходила по квартире, собирая вещи, аккуратно складывала их в вещевой мешок. Она старалась не забыть никакой мелочи. Ведь женщине нужно и зеркальце и одеколон. Она вытащила из комода крохотную дорожную шкатулку с иголками, вложила туда маленькие ножницы, наперсток и нитки и опять закрыла. Потом достала пудреницу и губную помаду, все это сложила в боковое отделение мешка. Взяла в руку резной из белой кости гребень и долго держала в руке, раздумывая, брать или не брать. Наконец решительно сунула гребень в боковое отделение, а оттуда вытащила пудреницу и губную помаду. И та и другая были снова водворены на комод. На передовой они не пригодятся.

Когда мешок был почти полон, Антонина подошла к письменному столу, открыла ящик. Он был наполовину заложен письмами. Она взяла одно. Раскрыла. Стала читать...

Антонина была красивой девушкой: густые белокурые волосы она заплетала в косы и укладывала вокруг головы. Ее синие глаза всегда смеялись, а крупные пухлые губы были как-то по-детски сжаты. И, может быть, поэтому лицо ее казалось совсем юным.

До войны у нее были поклонники. Не ссорясь, не споря, они сообщая провожали ее утром на занятия, когда она шла в техникум, и встречали днем, когда она возвращалась домой. Они были тоже студентами. Но горе-студентами. На лекциях они думали не о физике или алгебре, а о жестокой красавице, которая до сих пор все не может решить, кто же ей нравится.

В то лето, когда началась война, Антонина гостила в Ташкенте, у родных отца. Уже в августе там появились первые эвакуированные, или, как их называли в Ташкенте, беженцы. С каждым днем их становилось все больше и больше. Добрые и гостеприимные ташкентцы радушно принимали беженцев в свои дома.

Родные Антонины упрасивали девушку остаться, но она, с величайшим трудом достав билет, вернулась в Москву: приехала в конце сентября. Кинулась в техникум. Там уже шли занятия. По-прежнему тихо сидели студенты, читались лекции. Но было все совсем не так, как прежде. В аудиториях, наполовину пустых, сидели только девушки. И лица у девушек были суровыми, напряженными.

Антонина возвращалась одна, без провожатых. А вечером того же дня к ней постучался Ваня Барминский, однокурсник. Он был в солдатской шинели. Высокий и худой.

— Я ждал твоего возвращения,— сказал он.— У меня была возможность задержаться в Москве. Я ждал тебя,— сказал он уже шепотом.

И Антонина вдруг поняла, что любила она именно его, его одного из всей той ватаги ребят, что ходили за ней по пятам. Она припала к его плечу головой, не зная, радоваться ей или плакать. Вот и пришла ее первая встреча с любимым, с тем единственным, кого ждала, для кого берегла свою любовь...

Утром Антонина провожала Ваню на фронт... Два долгих месяца прошло с той поры. Два месяца чуть ли не через день Антонина получает письма. И каждое как будто первое, как будто единственное.

Забыв обо всем, Антонина застыла у стола. На лице растерянность. Если бы можно было забрать все письма. Она не слышит, о чем говорят брат и Наташа. Текут минуты. Скользят в руках письма. Одно, другое, третье...

— Знаешь, Наташенька,— говорит она, не оборачиваясь,— меня могли бы удержать здесь только письма. Они для меня — вся жизнь!

Перед расставанием пили вместе кофе, который каким-то чудом сохранился в этом доме. Антонина повеселела. Она закончила последние приготовления, крепко расцеловала брата и накинула пальто. На прощание сказала Валентину:

— Береги письма. Будут новые, срочно пересылай мне. Если не сможешь, храни до моего возвращения.

Наташа помогла ей застегнуть рюкзак. Вышли вместе. По дороге Антонина сказала:

— Наши эвакуировались в Куйбышев, вместе с

заводом. Я им уже написала письмо. Захочет Валентин, помоги ему перебраться к родителям.

— Хорошо,— пообещала Наташа.

— И еще. Если эта сволочь Верка покажется на его горизонте, гони ее, пожалуйста. Я прошу тебя.

— Хорошо,— пообещала Наташа.

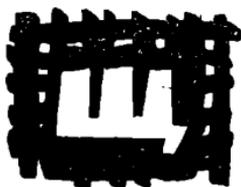
Верка — это невеста Валентина. Наташа ни разу не видела Веру, только слышала о ней. Она даже не знала, где та обитает, и не представляла, случится ли возможность им вообще встретиться. Но пообещала сделать все, что просила Антонина.

Они расцеловались. Антонина мечтала стать де-сантницей. И вот теперь ее желание сбывалось. Наташа завидовала подруге.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОБОЗ С РАНЕНЫМИ

1

Щербинский, обив снег с валенок, спустился в землянку радиста. Землянка была тесная, низкая, темная. С потолка свисали заиндевевшие корни и ветки, непрошено пробившиеся сквозь бревна и дощатые стены землянки. Около печки, в которой прыгало пламя, бросая отсветы на все нехитрое жилье, сидел на ящике из-под патронов радист. Перед Василием на столе стояла рация. На нем был потертый крестьянский полушубок, шея закутана шерстяным шарфом, на ушах черные круги наушников. Радист, взглянув на вошедшего, снял наушники и встал перед командиром. Но Щербинский остановил его жестом.

— Сиди, сиди... Колдуй над коробкой.

По усталому, осунувшемуся лицу радиста и виноватой улыбке Щербинский понял — связи со штабом фронта нет. Все же он спросил:

— Молчат?

— Не отвечают, товарищ командир... Посылаю позывные, как камни в воду, без ответа.

Связь со штабом фронта оборвалась десять дней назад. Василий снова положил красные от холода пальцы на ключ, и послышался ритмичный перестук из точек и тире.

— Мешать не буду, действуй дальше.— Щербинский направился к выходу. У брезентового полога, закрывавшего вход, он остановился и тихо сказал:

— Если к вечеру Большая земля не отзовется, придется выйти на московский канал, прямо в Центр. Ждать больше нельзя.

Щербинский вышел из землянки. Порыв ветра бросил ему в лицо пригоршню жесткого снега, обдал морозом.

Из трех сугробов пробивается легкий, чуть приметный дымок. Там госпиталь, им разрешено круглые сутки топить печи. В остальных землянках сидят в холоде. Над лесом почти ежедневно висят немецкие самолеты, выискивают партизанский лагерь... Надо быть все время начеку. Даже легкий дымок может выдать штаб-квартиру отряда.

Из-за сугроба, как из-под земли, вышли партизаны. Поверх полушубков и ватных стеганок накинуты белые халаты. Темнеют лишь автоматы да лица. Щербинский посмотрел на часы. Чернов, как всегда, точен. Подрывники пошли на задание.

Отряд «Смерть фашизму» оседлал основную железнодорожную магистраль гитлеровцев на обширном участке между Оршей и Смоленском, наносил чувствительные удары. Летели под откос воинские эшелоны, уничтожалась охрана... Взлетали на воздух мосты, обрывалась связь... Фашисты вынуждены были на этот участок дороги направить воинские части для охраны железной дороги, усилить гарнизоны. Но все равно то там, то здесь взлетали в воздух переезды, горели склады, вершился суд над предателями.

Партизанам приходилось нелегко. Лютый мороз обжигал лица, холод пробирался под одежду. Руки примерзали к железу, вставить мину под рельс стало трудно, обмороженные, с ободранной кожей пальцы слушались плохо... Надвигалась еще одна беда. В отряде с каждым новым боем увеличивалось количество раненых. А врач один. Медикаменты на исхо-

де. Бинтов давно нет, в ход пошли простыни. И ко всему этому оборвалась связь со штабом фронта. Санитарный самолет последний раз прилетал в отряд перед октябрьским праздником. Это было почти месяц назад.

Судьба раненых не давала покоя командиру. Щербинский надеялся, что удастся вызвать самолет. Но сколько можно ждать? Надо действовать, спасти людей. Вчера совет командиров групп принял решение: если в ближайшие дни не удастся связаться с Большой землей, необходимо будет создать обоз и тайно переправить его через линию фронта.

Щербинский направился к штабной землянке. Он не слышал шума леса, не чувствовал ветра, не замечал снега. Его мучил один вопрос: кого послать с ранеными? Кому доверить судьбы людей? До линии фронта не одна сотня километров, опасность на каждом шагу. Кто вывезет раненых?

Щербинский перебирал фамилии командиров подвижных боевых групп, мысленно видел перед собой каждого, его достоинства, недостатки. И пришел к выводу — послать Павла Качуевского. Помимо смелости и выдержки, тот обладал еще и командирской мудростью. А тут только мудрость, только хитрость нужна. Чем ближе к фронту, тем больше гитлеровских войск. Обозу придется прямо через пекло проходить. Щербинский шагал по утоптанной тропинке и мысленно, на невидимых весах взвешивал все «за» и «против». Качуевский и его ребята знают немецкий. Это важный козырь. Но как же оставаться отряду без разведчиков?..

— Товарищ командир! — послышался женский голос.

Щербинский обернулся. К нему по колено в снегу спешила Татьяна, помощница доктора. Без тулупа, лишь в накинутой вязаной кофте и платке. Она торопилась к нему.

— Что случилось? — нахмурился Щербинский.

— Беда! — срывающимся голосом сообщила Татьяна. — Врач, который последние недели почти не спал, свалился, у него жар, какая-то сыпь на лице...

Щербинский отвернулся. Чтобы успокоить Татьяну, он сказал, что ждет ответа с Большой земли,

что раненых и врача скоро отправят к своим, в настоящий госпиталь...

— Я к вам зайду, а пока марш обратно! Совсем раздетая,— сердито закончил Щербинский.

В штабной землянке связной партизан Виктор, восемнадцатилетний парнишка, растапливал печку. Она дымила, сырые дрова плохо разгорались. Командир прошел по землянке, потирая замерзшие руки. Потом приказал:

— Качуевского ко мне... Срочно!

2

Щербинский не ожидал такой вспышки негодования. Павел Качуевский был неузнаваем. Ни рассудительности, ни спокойствия. Не человек, а хлопочущий вулкан. Павел не желал слушать никаких доводов.

— Вы что?.. Издеваетесь?! — кричал он.

Тяжело дыша, носился по тесной землянке и неистово ругался. Наконец, под пристальным и суровым взглядом командира несколько утих. Рывком расстегнул ворот, взял папиросу, закурил и тут же ткнул ее в снарядную гильзу, служившую пепельницей.

— Нет, Петр!.. Ты мне ответь, кто я здесь?.. Санитар?! Да?.. Или разведчик?!

Щербинский понимал, что весь этот тяжелый разговор мог бы прервать одним словом, пользуясь правом командира. Приказать Качуевскому, и точка. Павел обязан был подчиниться и подчинился бы. Но Щербинскому не нужно было слепого повиновения. Убедить Павла, доказать ему, что задание только на первый взгляд выглядит простым, а выполнить его не так-то легко. Вот чего хотелось командиру.

— Кому прикажешь доверить раненых? Чукаю? — спросил он Павла.

Дед Чукай, бесшабашно удалой партизан, не по возрасту подвижный и юркий, имел одну слабость: постоянно был под хмельком, или, как шутя называли партизаны, на взводе. Где, каким чудом он доставал водку, никто не знал. Но после каждой бое-

вой операции деда всегда видели пьяным. Ни беседы, ни наказания не помогали...

— Почему деду Чукаю? Есть и другие... Сколько у нас боевых групп!

— Ты, Павел, был бы прав, находишься линия фронта рядом. Провести обоз с боем — дело не такое уж хитрое. А тут до фронта сколько?

Качуевский молчал. Щербинский в упор смотрел на Павла.

— Тебе доверяют судьбы товарищей, — укоризненно произнес командир.

— Спасибо за доверие, — сумрачно ответил Качуевский.

Щербинский пропустил мимо ушей насмешливый тон Павла, взял папиросу, покрутил в пальцах, потом вынул зажигалку, прикурил. И, наконец, совсем уже мирно спросил:

— Как твой помощник?

— Невгоров? Через несколько дней встанет. Кость не задета, — ответил Павел, стараясь догадаться, почему командир в разгар спора вдруг заговорил о Невгорове.

— Сходи еще раз.

— К нему? — Павел внимательно посмотрел на командира. — Я уже был.

— Зайди еще раз. И не только к Невгорову. Обойди все землянки, где лежат раненые... Потом ко мне в штаб.

— Это что? Приказ?

— Да, — голос Щербинского стал суровым. — И тогда снова продолжим наш разговор.

— Есть обойти землянки, где лежат раненые. — Качуевский, взяв под козырек, направился к выходу.

Часа через полтора Качуевский вернулся в штаб. Хмурый, сосредоточенный. В посветлевших глазах, которые еще недавно горели негодованием, можно было видеть теперь холодную рассудительность. Он вернулся без шапки, ее он где-то оставил в землянке, и в его светлых волосах белели снежинки, заиндевелые брови казались седыми. Щербинский понял. Павел потрясен тем, что увидел в партизанском госпитале, догадался, что Качуевский долго бродил по заснеженному лагерю, прежде чем прийти к нему.

— Снег обмети, наследить, — сказал Щербинский.

— Да... Конечно... — Павел нагнулся за веником, но в его движениях уже не было видно мальчишеской резкости, взъерошенности.

— Будем продолжать спорить? — спросил Щербинский, когда Павел уселся на лавку возле стола.

— Хватит, уговорил...

— Давно бы так.

— Хитрый ты, чертяка! — Качуевский посмотрел в глаза командиру. — Наглядным примером...

— Ты же в нашем лагере, как залетная птичка, редкий гость.

— Не по своей воле.

— У меня другого выхода не было. Теперь понимаешь, что к чему?

Качуевский облокотился на стол.

— Вот что, командир, я кое-что обмозговал. У меня тут идея одна появилась. Давай карту, рассмотрим маршрут...

И Качуевский неторопливо и обстоятельно стал рассказывать свой план. Раненых погрузить на подводы, укрыть, замаскировать. Внешне все должно быть похоже на немецкую фуражную команду, которая доставляет груз к линии фронта. Качуевский наденет немецкую форму, станет обер-лейтенантом интендантской службы. Партизаны, которые будут изображать команду, оденутся в солдатскую форму. На первой и последней подводах находятся боевые группы, охрана.

— И еще одна важная деталь. Каждая подвода в какой-то мере должна быть самостоятельной боевой единицей, — развивал свой план Качуевский. — Раненых укрыть брезентом, засыпать сеном и расположить так, чтобы на каждой подводе имелись такие, кто в состоянии держать оружие, стрелять. В случае чего, каждая подвода заговорит ручным пулеметом или автоматом.

План Качуевского понравился командиру. «Фуражная команда» будет передвигаться только по ночам, а днем отсиживаться в лесах и болотах. Щербинский и Качуевский склонились над картой, чтобы выбрать наиболее глухие места, наметить маршрут в стороне от главных магистралей.

В один из вечеров, закончив дела в райкоме, Наташа отправилась проведать Валентина Беликова.

Поднявшись на третий этаж, она позвонила. Открыла соседка бабушка Нюша. Так называли ее все в квартире. Она была старая и домовничала в квартире одна: караулила, убирала, готовила.

Бабушка Нюша обрадовалась Наташе. Она закрыла за ней входную дверь и заговорщически потащила девушку в кухню. На кухне шипел примус. Бабушка Нюша обстоятельно помешала деревянной ложкой суп и, повернувшись к Наташе, коротко сообщила:

— Плачет...

— Кто плачет? — испугалась Наташа.

— Сосед мой плачет.

— Валентин? — изумилась девушка.

Бабушка Нюша утвердительно качнула головой:

— Намедни убираюсь в прихожей. Подхожу к его двери, чтобы пыль смахнуть тряпкой, и слышу! Аж сама не поверила. Ухо к двери приложила, старая ведь, и слышу — плачет! И жалобно так, с рычанием. Ажно у самой слезы, будто меня кто обидел. А потом-то, когда плакать перестал, стучусь к нему. Чего спрашиваю, надобно, хошь постираю, хошь обед готовлю. Отворачивается и на меня не смотрит. Вот какие у нас теперь дела. Антонина-то уехала!

Когда Наташа вошла, Валентин лежал на кушетке, повернувшись лицом к стенке. Он оглянулся на стук в дверь и нехотя сел. Лицо у него было опухшее от неудобного лежания, волосы взлохмачены. Левой рукой он слегка пригладил волосы и вопросительно посмотрел на Наташу.

— Чудный вид! — сказала Наташа укоризненно. — Как после попойки.

— Ну-у, — неопределенно протянул Валентин и махнул рукой.

— Правильно. Пусть сестра воюет, а мы будем ныть!

Валентин сумрачно посмотрел на девушку.

— А в комнате что! Разве не стыдно! — не унималась Наташа. — Можно подумать, что здесь лежит

человек, по крайней мере, без обеих ног! Весь пол в окурках!

— Я могу убрать,— безразлично ответил Валентин.

— Вот и убери. Только не забудь, что это надо делать постоянно.

Пока Валентин выметал окурки из-под кушетки. Наташа собирала со спинок стульев разбросанные вещи и складывала их в платяной шкаф. Потом она убрала со стола грязную посуду и вынесла на кухню. Бабушка Нюша сейчас же забрала эту посуду, чтобы вымыть. А Наташа тем временем принялась за уборку письменного стола, на котором в беспорядке были навалены груды книг.

Валентин закончил подметать. Он украдкой поглядывал на грозную девушку и хмурил лоб.

— Понимаешь, если бы ты действительно был слаб, болен или какое-нибудь настоящее несчастье свалилось на тебя, тогда тебе бы помогали, тебя бы жалели, нянчились бы с тобой. Но ты же сильный! И энергии у тебя на пятерых хватит.

— Я что... Я же ничего.

— Вот именно, что ничего. А надо что-то делать.

— А что? — хмуро спросил Валентин.

— Ну... работать. Вот отдохнешь, и пора.

Валентин мрачно махнул рукой:

— Кем же мне работать? Сторожем, что ли?

Они закончили уборку. Валентин молча топтался на одном месте, не зная, что дальше делать. И Наташа вдруг решила. Она быстро отыскала небольшой чемодан, сложила в него пару сорочек Валентина, пару белья, несколько пар носков и свитер. Потом коротко сказала:

— Надевай пальто. Поживешь пока у нас.

На улице их охватила тишина. Дома стояли мрачные, без единого огонька. Наташа вытащила из сумочки небольшой фонарик. С ним было удобнее идти по темным улицам.

Валентин послушно шел за Наташей. Он даже не решался взять у нее чемодан, и от этого казался сам себе еще более неловким.

Дома у Наташи их встретила Александра Леонидовна. Удивленно смотрела на Валентина, которо-

го хорошо знала по госпиталю, но, увидев в руках дочери чемодан, стала о чем-то догадываться. А когда Наташа рассказала, что Валентину одному тоскливо, что в комнате у него очень холодно, а в буфете пусто, и что сам он неизвестно когда ел в последний раз, Александра Леонидовна помогла Валентину раздеться, провела в комнату, усадила около печки.

За столом Валентин сидел повеселевший, с потеплевшими глазами. Александра Леонидовна подкладывала ему вареной картошки, подливала горячего чая. Она ухаживала за ним, и все жалостливо качала головой. Наташе это наконец надоело, и она сказала:

— Мулик, не думай, пожалуйста, что Валентину нужна нянька. Просто ему скучно одному. И нам будет веселей. И потом, мы на работе, а он, по крайней мере, уберется в квартире. И обеды ты его научишь готовить. Ну, пока на работу не устроится...

Валентин вспыхнул, но тут же улыбка разлилась по его лицу. У Александры Леонидовны отлегло от сердца. Она с благодарностью смотрела на дочь, умевшую так решительно и быстро помогать людям.

4

«Фуражная команда» во главе с обер-лейтенантом продолжала двигаться на восток. Ночи стояли тихие, светлые, морозные. Узкая дорога петляла в редколесье, пробегала среди застывших болот, змейкой вилась по лесной чаще. Дорога — хуже быть не может. Разрытая в осеннюю распутицу тяжеловесными подводами, грузовыми машинами, бронетранспортерами, танками, она превратилась в сплошное месиво. Рано нагрянувшие холода схватили промоченную дождем разбитую колею. Мороз их сковал крепче цемента, и проехать по ней стало почти невозможно.

Колеса гулко стучали по замерзшим ухабам. Тряска такая, что нутро выворачивает. Партизаны соскакивают с подвод, бегут рядом, разминая затекшие ноги. А раненым приходится худо. Стиснув зубы, они терпят, кусают обветренные, иссушенные холодом губы. Только бы не поддаться боли, не засто-

нать, не закричать... Выдержать. Но как это трудно. То там, то здесь раздается приглушенный стон, вскрик, ругань...

Стылая зимняя ночь, которой, кажется, нет конца, все же кончается. Блекнет лунный опаловый свет, длинные синие тени становятся бледнее, а звезды, что светились огнями далекого мирного города, одна за другой гаснут, тонут в бескрайнем холодном небе. Далеко впереди светлеет край над горизонтом и медленно разгорается розовая каемка утренней зари. Разведчики, высланные вперед, уже нашли место для очередной стоянки.

На рассвете походный госпиталь разместился в одной из ложинок, густо поросшей молодыми елками и соснами. В наспех вырытых в снегу ямках запылали костры, в прокопченных котелках и ведрах забулькала вода, запахло вареной картошкой, мясной тушенкой. Партизаны помогали раненым перевязывать раны, торопливо рубили сосновые мохнатые ветки, сооружали нехитрые постели. Вскоре лагерь затих. Только боевое охранение и посты, расставленные вокруг дневной стоянки, притаившись за елками и соснами, взобравшись на вершины деревьев, всматривались вокруг, прислушивались.

Качуевский сидит на охапке веток у самого костра и, раскрыв на коленях планшет, отмечает по карте пройденный за ночь путь. Впереди еще долгая дорога. Он внимательно рассматривает карту, стараясь разобраться в местности, запомнить повороты, спуски, подъемы, чтобы потом ночью не блуждать. Пальцы не слушаются, но он упрямо сжимает карандаш, делая на карте пометки. Пламя охватывает березовые поленья, взвивается, пляшет оранжево-красными языками, распространяя вокруг спасительное тепло.

— Пал Палыч, оторвись от бумаг. Вот пожуй немного горяченького.

Качуевский поднял голову. Перед ним стоял Ухванов в немецкой шинели, надетой поверх стеганой ватной куртки, в русской ушанке и держал в руках дымящийся солдатский котелок.

— Пока горячая... Тут, Пал Палыч, гречневая с тушенкой...

— Раненых кормили?

— Как всегда, им в первую очередь. Сам проследил.

— Постовым?

— Понесли уже.

Качуевский взял котелок. Приятно ощущать ладонями тепло, и особо приятно, когда в нос бьет такой, ну просто сногшибательный дух! Котелок быстро опустел. Кружку чая Пал Палыч пил не спеша, вдыхая горячий пар. «Сейчас бы в избу, в тепло,— мелькнуло в голове,— поспать вдоволь этак минут шестьсот... Раненых разместить, обмыть раны, перевязать, согреть...»

От этих мыслей голова идет кругом. Знал, что путь будет трудным, но он оказался еще трудней.

— Через два часа разбуди,— Качуевский расстелил сверху веток брезентовый плащ.

— Хорошо, товарищ командир, разбужу. Как сосновая перина?

— Перина, говоришь? Неплохо придумано... Выйдем к своим, будет и перина и банька.

— В баньку бы сейчас... Да с паром!.. Прогреть кости, попариться.

— Так не забудь, через два часа!

Качуевский, подставив спину костру, сунул руки в рукава полушубка, спрятал лицо в поднятый воротник и моментально уснул. Но спать ему долго не пришлось. Командира растормошил Бобровнич, ездовой одной из подвод, рослый партизан с небольшой белокурой бородкой.

— Сергей... Корниенко то есть!.. Надо скорей.

— А? Что? — Качуевский с большим трудом открыл глаза.

— Корниенко, говорю... Худо совсем ему...

Качуевский взял в ладони снег, обтер лицо. Быстро встал и зашагал к подводе, на которой лежал Сергей Корниенко. Разгреб солому, приподнял кусок замерзшего брезента, положил ладонь на лоб. В ладонь полыхнуло жаром. Осунувшееся лицо партизана было в красных воспаленных пятнах, губы обметал темный налет. Он бредил...

— Снять с подводы, положить между кострами,— велел Качуевский. — Перезбинтовать рану.

Когда раскрутили грязные длинные куски простыни, служившие бинтами, осторожно оторвали набрякшие кровью и гноем ватные тампоны, в нос ударил тяжелый запах гниения. Около раны, на распухшей ноге, темнели разводами багряно-синие с прозеленью пятна.

— Антонов огонь!..— Бобровнич посмотрел на командира.— Гангрена... Сгорит парень... И доктора у нас нету...

— Забинтуйте рану,— велел Качуевский.— Надо срочно принимать меры... Срочно!..— Павел Качуевский оглядел хмурые лица партизан.— Придется здесь задержаться.

5

В небольшой деревне Королевки, что затеряна в лесах Смоленщины, в третьей избе от края, добротной, перед самой войной срубленной, всю ночь горел свет. В просторной горнице светили четыре керосиновые лампы, но ни один лучик не выходил из окон, они были плотно занавешены одеялами. Стены, пол и потолок начисто вымыты, выскоблены.

На печке стоял большой луженый чугунок, и в нем кипятились три льняные тонкие скатерти. Во дворе партизаны рубили дрова, складывали в сени. А в лесу, примостившись около костра, два партизана по очереди драили старую слесарную пилу, которую нашли в деревенской кузнице, доводя ее до зеркального блеска песком и куском шинельного сукна... Нашелся и кусок парашюта. Из этого шелка выдергивали по ниточке, скручивали, вдевали в иглу и кипятили в отдельном котелке. Наточили до бритвенной остроты два финских ножа и тоже прокипятили...

Пока шли приготовления к операции, в лесу партизаны наспех соорудили две длинные узкие землянки и в них разместили других раненых. А вокруг расположили боевое охранение. К Павлу Качуевскому то и дело приходили посыльные и докладывали: «Изда готова...», «Скатерти, нитки, ножи прокипятили...», «Пила, как зеркало, осталось пропарить...». Наконец прибыли партизаны, которым было поручено обследовать ближайшие деревни — найти медицин-

ского работника, врача, фельдшера или хоть сестру... Вести были неутешительными.

Раненый чувствовал себя все хуже и хуже... «Надо делать самим»,— решил наконец Качуевский. Он перебрал в уме бойцов охраны. Нет, с медициной никто из них не знаком. Кому же доверить операцию?.. Если не отнять ногу сейчас, то потом будет поздно... И тут он вспомнил о Степанове, отчаянном разведчике, который, кажется, учился в ветеринарном техникуме, а там преподавали и анатомию... Сейчас Степанов готовил «хирургическую пилу».

Качуевский направился к костру. Степанов, лихо сдвинув на затылок шапку-ушанку, полировал куском шинельного сукна слесарную пилу.

— Послушай, Семен,— обратился к нему командир,— ты в каком техникуме учился?

— Я? В педучилище. Один курс остался... Почти учитель,— мечтательно закончил партизан.

— Анатомию проходили?

— Проходили. У меня пятерка была. Каждую жилку и косточку зубрили. Как вспомню, до сих пор мороз пробирает по коже.

— Вот что, Семен,— в голосе Павла прозвучали строгие нотки,— операцию будешь делать ты.

— Я? Да вы что?!— от неожиданности Степанов выронил на снег слесарную пилу, лицо его вытянулось, глаза округлились.— Как же так?.. Нет, нет!.. У меня не получится.

— Получится. Все помогать будем.

— Не смогу, товарищ командир. А вдруг... Ведь человек же, друг мой...

— Другого выхода нет. Если не отнимем ногу, Корниенко сгорит. Ты же знаешь, что такое гангрена,— Качуевский положил руку ему на плечо.— Вспомни, Сеня, все вспомни. Ты же учил. Надо спасти товарища.

6

Ночью Корниенко доставили в избу, подготовленную для операции. Ему ничего не говорили до самого последнего момента. Хозяйка дома, моложавая женщина, со слезами на глазах помогала обмыть рану. Потом подошел Качуевский.

— Плохи мои дела, Пал Палыч,— одними губами произнес раненый.

— Да, у тебя гангрена. Как говорят в народе, антонов огонь. Жизнь твоя в опасности,— сказал Качуевский, глядя в глаза.— Мы нашли врача, хотим спасти тебя.

Корниенко закрыл глаза, несколько минут лежал молча, только по заросшим, впалым щекам медленно катились слезы. Наконец он открыл глаза и тихо, твердо произнес:

— Режьте!..

Качуевский поднес к губам раненого стакан самогона-первача. Тот торопливо, большими глотками выпил и сразу обмяк.

Корниенко положили на стол, застланный хорошо прокипяченными скатертями. На деревянной скамье разложили нехитрый медицинский инструмент: финку, пилу, иголки с шелковыми нитками... Степанов, выбритый, в чистой нижней рубаше с закатанными до локтей рукавами, сосредоточенно мыл руки и вспоминал, повторяя одними губами: «Главное найти артерию, перевязать... Потом вену...»

— Семен Васильевич, все готово,— Качуевский позвал «врача».

Три партизана сидели на лавке, у окон. В сенях находилась охрана. Хозяйка дома, отослав детишек к соседям, помогала партизанам. Рядом с ней, охая и причитая, суетились две пожилые колхозницы.

Закусив губу, Степанов взял в руки финский нож: «Главное, отыскать артерию...» Смирная нервную дрожь, он выбрал место повыше колена, где не было пятен, и быстро разрезал кожу по кольцу.

Одна женщина, не выдержав, глухо охнула и, прижав платок ко рту, попятилась к кухне. Качуевский метнул на нее строгий взгляд, та сразу притихла.

Больше часа длилась операция. Корниенко дважды давали самогон, он лежал потный, напряженный, кусая до крови свою руку. Наконец отпиленная нога с гноящейся раной соскользнула со стола... Все вздохнули облегченно. Хозяйка чистым полотенцем вытерла пот на лице «врача», когда он зашивал рану.

За окном наступало позднее зимнее утро. Качуев-

ский устало присел на лавку. В горле першило. «Кажется, все благополучно,—пронеслось в мозг.— Выживет». Корниенко уложили на кровать, он был без сознания. Послышались крики петухов. Вдруг в комнату вбежал партизан и выдохнул сиплым простуженным голосом:

— Немцы! — И добавил, переводя дыхание: — Колонна!.. Входит в деревню... Их много.

От неожиданности все встрепенулись. Женщины с криком кинулись к выходу. Партизаны торопливо защелкали затворами.

— Стой! Ни с места! — Качуевский с пистолетом в руке в два прыжка очутился у двери и загородил ее.— Назад! Никто не выйдет... Женщины, за печку, сидеть без звука!..

Решительный, резкий голос командира восстановил относительное спокойствие. В избе стало тихо. Только слышно было, как тяжело дышит Корниенко.

— Друзья мои, к бою! — приказал Качуевский.— Финки, гранаты!

Степан неотмытыми от крови руками схватил автомат и занял место у окна. Женщины присели за печкой.

— В дом гады не войдут! — Качуевский обнажил финский нож.— Бобровнич, Зотов... за мной!

Схватив оружие, партизаны поспешили вслед за командиром.

Время тянулось томительно медленно. Послышались чужие голоса, застучали по обледенелой дороге тяжело груженные повозки. Чуть отодвинув одеяло, Степанов прильнул к подоконнику. Горячие ладони грели сталь автомата.

А немцы все ехали и ехали. В доме, где прошла операция, стояла напряженная тишина. В сенях, сжимая в онемевших руках финки, приготовив гранаты, застыли партизаны. Каждую минуту в избу мог забежать гитлеровец, чтобы поживиться чужим добром или просто за водою, кружкой молока...

Почти полчаса по деревне двигалась колонна фашистов. Наконец прогремела последняя тяжелая повозка. На деревенской улице стало тихо и пустынно. Из горницы доносился монотонный стук стенных часов. Качуевский осторожно выглянул. Деревня

словно вымерла. Сельчане долго не решались выйти на улицу. Они как будто не желали дышать воздухом, отравленным дыханием фашистов...

— Теперь в лес к своим, — приказал Качуевский, пряча оружие.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ ВОВРЕМЯ

1

 а носилках, очень осторожно, партизаны перенесли Корниенко в лес, в наскоро вырытую землянку. Уложили поближе к костру.

К вечеру раненый пришел в себя и слабым голосом попросил поесть. Хмурые, заросшие лица партизан посветлели, появилась надежда, что жизнь товарища спасена.

Сергея накормили жидкой кашей, теплым молоком, и он тут же снова уснул. Качуевский, не отходящий от него ни на шаг, облегченно вздохнул: кажется, все благополучно... Эти сутки, пока делал операцию, а раненый находился в беспмятстве, командир не в силах был сомкнуть глаз. На усталом лице еще резче обозначились скулы, под глазами появились синие круги.

Качуевский оглядел землянку. Товарищи, возбужденные радостным событием, тихонько перешептывались, кое-кто уже мирно дремал. Да, боевые друзья его устали. Выспаться бы как следует. Но тревога не покидала командира. Через полчаса он отдал приказ: «С наступлением сумерек сниматься, уходить».

Молча партизаны стали готовиться к выступлению.

Вдруг со стороны леса раздался выстрел, потом загрохотали автоматные очереди. Партизаны хватали оружие и стремглав вылетали из землянок.

Качуевский был уже у порога, когда его остановил срывающийся голос раненого Корниенко:

— Пал Палыч... постой! — кричал он, хватая ладонью воздух. — Дай гранату!.. Только одну!..

Качуевский понял: партизан решил не сдаваться. Отказать товарищу Павел не мог. Он вынул из бокового кармана лимонку и сунул ее в протянутую, трепещущую ладонь раненого.

Заряжая на ходу пистолет, Павел бежал в ту сторону, откуда слышались выстрелы, где нес охрану Нехода с двумя партизанами. Помощь подоспела вовремя. Раненый Нехода продолжал отстреливаться, около него лежал один из караульных.

Гитлеровцев было около сотни. Они шли со стороны болота узкою тропой, проложенной партизанами. Кто мог их провести? Враги рассчитывали напасть с тыла и быстро расправиться с группой раненых, которая забилась в лесную глушь. Фашисты были так самонадеянны, что даже не предприняли обычных мер предосторожности. Это и решило исход боя. Молча, без обычного крика «ура» двинулись партизаны на врагов, рассыпавшихся на небольшом участке, почти в упор стреляя из автоматов. Немцы, не ожидавшие такого яростного сопротивления, дрогнули. А когда поняли, что ряды их неумолимо тают, повернули назад, беспорядочно отстреливаясь.

Через полчаса в зимнем лесу снова воцарилась тишина. На снегу темнело более двадцати трупов в грязно-серых шинелях. Потери партизан, хотя и небольшие — двое убитых, пятеро раненых, — основательно подорвали силы отряда.

Качуевский приказал выступать немедленно. Он знал, что после первого боя нужно ждать нового нападения.

Раненых уложили на подводы, укрыли потеплее. Сергея Корниенко партизаны решили нести на носилках: подмерзшая бугристая дорога подбрасывала и трясла подводы. Вокруг стояли темные сумрачные леса. Суровая неизвестность завтрашнего дня довлела над медленно движущейся группой партизан. Раненые, те, что не могли отстреливаться, по примеру Корниенко припрятали для себя лимонки и уже не расставались с ними.

Шли всю ночь. На пути вставали плохо замерзшие болота, приходилось продираться сквозь колю-

чие заросли, идти по пояс в снегу, подталкивая подводы... Дважды переправлялись через речку вброд. Мокрая одежда обледенела, стала похожа на панцирь.

Двигались по компасу. Качуевский несколько раз пытался определить местонахождение отряда, но вокруг была однообразная лесистая местность, в ночной темноте трудно было найти ориентир. Перед самым рассветом Качуевский решил сделать привал. Выбрали поляну в густом ельнике, быстро развели костры, стали сушить одежду.

— Женья, Женья,— Корниенко позвал Бобровнича, который сушил ватную куртку у костра.— Разуи... Что-то и последней ноги не чувствую...

Бобровнича попытался было снять сапог, но тот словно пристал к ноге: тогда партизан позвал на помощь Ухванова. Вдвоем они стащили поношенный сапог, размотали шерстяные портянки и ахнули. Нога была бледно-восковой, обмороженной. Ухванов растерянно посмотрел на Бобровнича. Бобровнича поспешил к Качуевскому.

Командир сидел у костра и, положив на колени карту, определял маршрут.

— Пал Палыч! Беда!..

— Говори толком. Не кричи, спокойнее...

— У Сереге... У Корниенко то есть, нога последняя подморозилась...

Павел Качуевский рывком вскочил и, на ходу сворачивая карту, кинулся к раненому. Вокруг уже стояли партизаны. Ухванов и Степанов, хватая пригоршнями снег, быстро растирали ногу.

— Спирт,— приказал Качуевский.— Из запаса.

Через некоторое время на лице Корниенко появилась бледная улыбка. Он пошевелил пальцами ноги и тихо сказал:

— Горит... Спасибо, ребята!

Один из партизан отдал раненому свои шерстяные носки, и их натянули на одну ногу, потом, закутав в портянки, обмотали куском сукна от немецкой шинели.

— Ты шевели ногой-то, пальцами двигай,— советовали Сергею партизаны,— чтобы не застывала кровь.

— Хорошо, хорошо,— шептал еле слышно раненый.

Качуевский обошел место привала, поговорил с ранеными, подбодрил их, потом сел у костра и задумался. Корниенко очень слаб, он может не выдержать сурового похода. Его надо уложить в тепло, ему нужен уход. А до линии фронта еще далеко, пробиваться придется с боями. И все время на морозе, под открытым небом. Выдержит ли он?

Подсушив одежду, отряд снова двинулся в путь.

Через два дня Корниенко совсем ослаб, впал в беспамятство. Партизаны хмуро несли носилки с раненым. Каждый понимал, что Сергею необходимо тепло, покой, хороший уход... А что могут сделать они, когда спать приходится под открытым небом, греться у костра?

Посоветовавшись с товарищами, Качуевский пришел к выводу — найти надежных людей и у них оставить раненого. Но кто решится взять партизана в свой дом, когда вокруг рыщут оккупанты, кто рискнет собой и своей семьей? За укрытие партизан гитлеровцы жестоко карали.

Каждый раз, отправляя разведчиков вперед, Качуевский давал им и второе задание: найти надежного человека. Второе задание оказалось выполнить не так легко. Отряд продвигался глухими тропами, лесными чащобами, в стороне от больших населенных пунктов.

2

Разведчики, как правило, уходили вперед днем, возвращались в сумерках, а с наступлением темноты отряд двигался дальше на восток. Однажды под вечер в лагерь вернулись Ухванов и Бобровнич. Они привели с собой девушку. Закутанная в платок, в овчинном полушубке, на ногах валенки. Щеки покраснелись от мороза, в серых глазах искорки радости встречи со своими и тревога.

— Учительша,— доложил Ухванов командиру, не отнимая ладони от заиндевелой шапки.— У нее можно... Живет одна. Ее во всей округе уважают... Надежная.

Качуевский представился и пожал маленькую твердую ладонь девушки. На вид ей было не больше двадцати лет. Светлорусая, круглолицая, слегка курносая, лишь в серых глазах спокойная строгость и внимание.

— Анна Петровна Баренцова,— назвалась она.— Преподаю родную литературу... Уже второй год, кончила пединститут в Смоленске.

— Как село называется, где вы живете?

— Деревня Карачевка,— и добавила почти шепотом,— я вашим уже говорила... Живу одна, дом у меня просторный, колхоз построил нынешней весной. Вы не беспокойтесь, товарищ командир! Книги по медицине раздобуду... Мне соседи помогут, свои кругом...

— Вы знаете, чем рискуете?— в упор спросил Качуевский.

— Я комсомолка,— учительница сунула руку в потайной карман полушубка и вынула завернутый в промасленную бумагу комсомольский билет.— Вот, смотрите!

— Верю,— уже ласково ответил Качуевский.— Просто должен предупредить.

— Не надо, сама знаю: сейчас все мы в опасности.

— Простите, но это мой долг. Я не думал вас обидеть.

Павлу начинала нравиться эта молодая учительница, решившая взять раненого к себе. Командир записал адрес учительницы и рассказал ей подробно о Корниенко, что тот без ноги, в тяжелом состоянии и надо приложить много сил, чтобы его выводить. Хватит ли у нее стойкости?

— Ваши мне уже говорили. Я все обдумала, не надо стращать и агитировать.

— Идемте со мной,— Качуевский повел ее к костру, где были устроены носилки с Корниенко.

Баренцова присела возле раненого, положила ладонь на пылающий лоб, и на ее круглом лице появилась строгая озабоченность. Она посмотрела на командира.

— Прошу вас, по возможности, скорее... Уже темнеет, а идти нам далеко.

Вяло и медленно поднимался рассвет над ноябрьской Москвой. Небо почти не светлело. Холодное, равнодушное солнце, едва показавшись над горизонтом, спряталось за тучи. Безветренное, морозное, сумрачное утро вступило в свои права. Москвичи, в основном работницы столичных заводов и фабрик, ремонтных мастерских и других промышленных предприятий, зябко поеживаясь, спешили на свои рабочие места.

Женщины стали решающей силой в тылу. Они трудились самоотверженно, не покладая рук.

Выпуск военной продукции возрастал с каждым днем. Вся Москва работала под лозунгом: «Все для фронта, все для разгрома врага!»

И днем и ночью прифронтовая Москва продолжала работать, обеспечивая фронт необходимым. Ускоренными темпами велся ремонт танков, бронемашин, самолетов, бронепоездов, орудий, пулеметов и автотранспорта.

Женщины и подростки сутками не выходили из цехов. Давали по две, по три нормы. Намечалась бесперебойная, четкая работа Московского железнодорожного узла. Непосредственная угроза Москве поставила железнодорожников в особо сложные условия, они должны продвигать к фронту эшелоны с пополнением, вооружением, боеприпасами и снарядами. Дороги, ведущие к московскому узлу — Московско-Рязанская, Московско-Курская и Ярославская, — приобрели исключительно важное значение.

Железнодорожникам приходилось работать под огнем врага, под обстрелом вражеской авиации. Но, несмотря ни на какие трудности, день и ночь продолжали идти в сторону фронта военные грузы. Фронт пополнялся личным составом, высокой техникой и всем необходимым войсковым оборудованием.

Краснопресненский райком комсомола лихорадило от перенапряжения. Пропагандисты и агитаторы выступали среди рабочих, колхозников, интеллигенции, донося до трудящихся важнейшие документы Коммунистической партии, сводки Совинформбюро, рассказывали о подвигах советских воинов. Массо-

вым тиражом издавалась выпускаемая работниками райкома районная газета. С утра и до ночи художники района трудились над созданием злободневных плакатов. Выпускались лозунги, листовки, в которых можно было найти ясные ответы на все насущные вопросы. Массовыми тиражами были выпущены и распространены плакаты с изложением правил противовоздушной и противохимической обороны.

4

Вечером Наташа с группой райкомовцев возвращалась из подмосковных колхозов. Охрипшие от выступлений, усталые, только во втором часу ночи добрались они до города. Едва раздевшись, не ужиная, Наташа бросилась на кровать и тут же уснула.

На следующее утро Наташа проснулась поздно. Едва взглянув на часы, она ахнула: до начала работы оставалось полчаса, а еще предстоит приготовить завтрак. Перед сном не хотелось есть, зато утром голод дал о себе знать. Александра Леонидовна на очередном ночном дежурстве в госпитале, и Наташа пожалела, что мама не рядом с ней.

Натянув шерстяную юбку, а затем вязаную фуфайку, Наташа кинулась в кухню. Но еще в гостиной она с удивлением отметила, что железная голландка растоплена и дышит жаром. Она отворила дверь в кухню — так и есть, у примуса стоит Валентин и ножом переворачивает на шипящей сковородке оладьи. От сковороды шел такой аппетитный дух, что Наташа ахнула.

— Вот это сюрприз! — воскликнула удивленно она. — Ты, как моя мама. Она тоже потихоньку что-нибудь такое приготовит, от чего голова закружится.

Валентин молчал.

— Это, во-первых, — сказала Наташа. — А во-вторых, почему не разбудил меня, коль уж раньше поднялся?

— Да ладно уж, — неторопливо ответил Валентин. — Вчера вернулась за полночь.

— Пожалел? — быстро спросила Наташа.

— Ну, пожалел.

— Эх ты, Фома жалостливый! — передразнила

девушка. — А знаешь, твое поведение в принципе заслуживает пятерки.

— Да ладно уж, — опять повторил Валентин, аккуратно снимая ножом со сковороды картофельные оладьи. — Иди лучше умойся. Опоздаешь.

За завтраком Наташа сказала:

— Написала письмо в Куйбышев твоим родителям.

У Валентина рука застыла в воздухе. Он растерянно глянул на девушку...

Наташа знала, что отец у Валентина работает в городе Куйбышеве директором завода. Знала, что матери у него нет, есть мачеха, очень добрая женщина. Знала, что она любит Валентина и писала ему теплые письма, звала к себе.

— Я написала только, что жив-здоров и тебе в Москве хорошо.

Валентин недоверчиво покосился и тихо сказал:

— Покажи письмо.

Наташа пожала плечами. Целая пачка писем из Куйбышева лежит на столе, а он молчит, не отвечает родным. Правда, нелегко ответить на письмо, в котором от первой до последней строчки один мотив: «Сынок, приезжай немедленно в Куйбышев». Но ответить надо.

— Я опустила письмо в почтовый ящик, — твердо сказала Наташа. — Я написала твоим, что ехать в Куйбышев ты не хочешь. Правильно? Что скоро выйдешь на работу. Правильно? Я пока не сообщила, где будешь работать. Это ты напишешь сам.

Валентин облегченно вздохнул. После завтрака он вышел в переднюю проводить девушку. Молча и как-то нежно поправил на девичьей голове теплую шапочку, и Наташа поняла, что Валентин благодарен ей.

— Сегодня я им напишу. Слово!

5

Торопливо сбежав с лестницы, Наташа распахнула парадную дверь и в удивлении замерла: у парадного, ссутулившись, как бы прячась от холода, стояла незнакомая девушка. Точно так же она стояла и вчера, и позавчера. Каждый раз, едва увидев Наташу,

она вспыхивала и, делая вид, что кого-то разыскивает, торопилась к другому подъезду. И каждый раз, проходя, Наташа чувствовала спиной ее взгляд.

Сегодня незнакомка тоже вспыхнула, но никуда не ушла. Бесцветными усталыми глазами она смотрела в лицо Наташе, силясь заговорить. Наташа быстро окинула ее взглядом: поношенное коричневое пальто, затянутое в талии, шляпа из старого желтого меха и желтые перчатки. Глаза ее, казалось, просили помощи, и Наташа не выдержала:

— Вы кого-нибудь ищете?

Незнакомка нервно моргнула. Потом вдруг решительно шагнула к Наташе.

— Я хочу вас спросить... Хочу у вас спросить,— повторила она,— вы... вы жена Валентина?

У Наташи округлились глаза. Она не успела ответить, как незнакомка обрадованно воскликнула:

— Нет!.. Не жена!..

Но тут же ее глаза опять потухли.

— Вы, наверное, невеста его. Да? Да?

Наташа ошеломленно молчала. Откуда эта девушка? Что ей надо? Зачем весь этот разговор? К тому же так можно опоздать на работу. И вдруг вспомнила слова, сказанные Антониной: «...Если эта сволочь Верка покажется на его горизонте, гони ее, пожалуйста. Я прошу тебя».

— Вас звать Вера? — сурово спросила Наташа.

— Да. Да, Вера,— быстро ответила девушка.— А кто вам сказал? Валентин сказал?

Наташа отступила на шаг. Какая она жалкая, эта Вера. Какая жалкая...

— Я знаю, Валентин теперь живет у вас,— продолжала она, торопясь, будто боялась, что ее будут перебивать.— Мне сказали его соседи. Они сказали, что вы подруга его сестры. Это правда? Вы не невеста его? Вы подруга его сестры? Это правда?

— Успокойтесь, это правда,— сухо ответила Наташа.

Глаза Веры вспыхнули какой-то жалкой радостью. Она порывисто прижалась к Наташе.

— Вы такая хорошая. Такая спокойная... Разрешите я сейчас зайду к вам, к Валентину. Я должна его видеть... Вы ведь не против? Нет?

Когда Наташа, наконец, вышла на улицу, до начала работы оставалось меньше четверти часа. Она плотнее запахнула шубу, а шапочку надвинула на самые брови. Почти бегом кинулась по переулку, свернула на улицу Герцена.

Навстречу и рядом торопились усталые, с ввалившимися глазами женщины, закутанные в шубы и шерстяные шали. Они спешили на работу. Изредка пробегали школьники в залатанных валенках, с портфелями в руках.

Подходя к Садовому кольцу, она услышала тяжелый грохот и догадалась, что идут танки. Наташа прибавила шагу и скоро присоединилась к большой толпе женщин и подростков, ожидающих, как и она, перехода.

Танки шли ровным строем — грозные, тяжелые, тускло поблескивающие новой броней. От этих машин веяло силой и уверенностью. У Наташи захватило дух. Вот они, железные воины, которых так ждет действующая армия под Москвой.

У людей, етовавших вдоль улицы, теплели взгляды. За танками шла колонна грузовиков, в кузовах рядами сидели солдаты. Сквозь грохот гусениц и шум автомашин слышалась боевая, задорная песня. Фигуры у солдат крепкие, подтянутые, лица молодые, розовые от леденящего встречного ветра.

— Бабоньки, — сказал кто-то в толпе, — а ведь они без шапок! Шапки-то в руках держат!

— Это они тебе кланяются, — шутливо подхватила молодая женщина.

Наташа тоже заметила, что некоторые из солдат держали шапки в руках. Теплые полушубки у них были распахнуты на груди. Красивые, с озорными глазами, они широко улыбались женщинам, стоящим вдоль дороги. И неулыбчивые лица женщин светлели. Они взмахивали варежками, кидали вслед тревожно-радостные взгляды, что-то ласково кричали. А машины шли и шли.

— А ведь это сибиряки! Не иначе! Наш московский мороз им нипочем, — сказала стоявшая рядом пожилая женщина ласковым голосом. — Вся страна встала на защиту Москвы. А такую силу никакому Гитлеру не одолеть!

Это были сибиряки. В райкоме знали, что на помощь Москве идут эшелоны сибирских стрелков, составы с бронемашинами и боевым оружием.

Колонну грузовиков сменила тяжелая артиллерия. Вся эта силаща спешила на передний край, туда, где насмерть стояли за Родину, за Москву, за Жизнь!

6

Качуевский сел на охапку еловых веток и, сняв рукавицы, протянул ладони к веселым оранжевым языкам, которые плясали по смолистым чуркам, березовым поленцам. Как приятно ощущать тепло! После длинного ночного перехода хотелось спать, хотелось есть, но больше всего хотелось тепла. Павел прикрыл глаза и, ощущая ладонями, лицом ласковое дыхание костра, мысленно увидел себя в натопленной избе. Хорошо бы вздремнуть часок на широкой нагретой лежанке русской печи, отогреться...

— Пал Палыч, перекуси, — Бобровнич протянул два коричневых сухаря. — Твоя порция.

Качуевский взял холодные, как ледяшки, сухари, повертел в руках. «Да, дела наши печальные, — невесело подумал он, — через пару дней и сухари выйдут...» Он сунул один сухарь в карман, а второй опустил в жестяную кружку, наполненную кипятком, заваренным, как шутили бойцы, «партизанским» чаем — сухим мхом. Сухарь скоро размяк, превратился в мягкую кашицу. Павел размешал кашицу и, обжигаясь, стал отхлебывать из кружки. «Как там Серега? — подумал он о Корниенко, оставленном в деревне. — Первые дни самые трудные. Полицаи, староста... Только бы удалось Анне продержаться, укрыть его от посторонних... А как будем обратно идти, обязательно заберем Серегу, переправим через линию фронта в госпиталь».

Качуевский повернулся заочневшей спиной к огню, сжал ладонями горячую кружку и, вдыхая приятный аромат распаренных сухарей, смешанный с прелым кислотатым запахом мха, неторопливо доел кашицу. Потом снова налил «чая». «Таких бы кружек пять за раз можно прикончить, — подумал он, располагаясь возле костра на отдых, — не меньше».

Но только успел закрыть глаза, как почувствовал, что его теребят за плечо.

— Пал Палыч! Товарищ командир!

Не открывая глаз, Качуевский сквозь дремоту узнал голос Ухванова.

— Пал Палыч, немцы!

Дремоты как не бывало. Качуевский рывком сел, зачерпнул ладонью снегу, спешно протер лицо.

— Где?

— Тут, недалеко. С километр будет,— в голосе Ухванова, в его лице не было тревоги. В голосе звучала скрытая радость.— Разведка наша, Иванов и Степанов то есть, обнаружили. Три машины там. Костры жгут, греются фрицы.

— Давай сюда Степанова.

Степанов, держа в руке кружку с кипятком, подробно доложил, что у дороги, пролегающей чуть в стороне, расположились на привал гитлеровцы. Жгут костры, варят в котлах мясо, по запаху определили. Шинели у фрицев черные — отряд карателей.

— Нельзя их упускать, Пал Палыч,— закончил Степанов.

Качуевский раскрыл карту, нашел поворот дороги, где остановились каратели. Места глухие, лес на десятки километров вокруг. Да, Степанов прав, упустить врага нельзя. Сейчас самый благоприятный момент. Гитлеровцы могут напасть на след отряда. Тогда бой будет вести тяжело. Обоз с ранеными, маневренности почти никакой... Необходимо действовать немедленно.

— Собрать боевые группы,— приказал Качуевский.— Притушить костры.

Через несколько минут в густом ельнике на партизанском привале остались только раненые и пять человек охраны. Все остальные двинулись по глубокому снегу к дороге. Качуевский разбил отряд на две группы. Одну группу повел сам, а вторую Степанов.

Гитлеровцы толпились возле больших костров, подпрыгивали, топтались, тянули руки к огню. У некоторых поверх шинелей были надеты крестьянские тулупы, головы закутаны в женские пуховые платки. Над двумя кострами темнели большие котлы, из которых валил густой пар. Несколько солдат стояли

возле костров с котелками и выстукивали ложками веселые ритмы.

— Совсем, гады, хозяевами себя на нашей земле чувствуют,— сквозь зубы прошептал Бобровнич.— Даже охраны никакой.

— Сейчас мы их угостим по-русски,— Павел, прислонившись плечом к стволу сосны, поднял пистолет.— Приготовиться! — Из чащи леса, с той стороны дороги, послышался условный сигнал. Гитлеровцы насторожились. Двое схватили автоматы.

— Огонь! — громко скомандовал Качуевский.— Огонь! — Сухо, как треск сломанной ветки, прозвучал выстрел. Вслед за ним длинная автоматная очередь вспорола лесную тишину. Захлопали винтовочные выстрелы.

— Получайте закусочку! Горячую! — Бобровнич палил из трофейного автомата.

Гитлеровцы кинулись в противоположную сторону, надеясь укрыться в неглубоком кювете, но вдруг с той стороны, прямо в упор из чащи леса гулко заработал ручной пулемет, раздались автоматные очереди. Каратели в панике метались возле своих машин...

Немецкий офицер, без шапки, в расстегнутой черной шинели, с перекошенным от страха длинным узким лицом, вскочил на подножку грузовика и что-то яростно кричал шоферу. Шофер, втянув голову в плечи, пытался развернуть машину. Но партизанская пуля сразила его, и грузовик, потеряв управление, уткнулся в сугроб.

Качуевский бежал прямо к машине. Вдруг в руке офицера сверкнул «вальтер». Павел едва успел присесть, как над самой головой просвистела пуля. В следующее мгновение Бобровнич длинной очередью прошел гитлеровца. Офицер неестественно дернул головой и повалился в пушистый снег.

— Готов! — радостно крикнул Бобровнич.

Но он ошибся: раненый офицер судорожно вытянул длинную руку и разрядил пистолет. В общем грохоте пальбы этих одиночных выстрелов почти никто не слышал.

Павел почувствовал, как что-то горячее и острое хлестнуло по ноге чуть ниже колена.

— Пал Палыч! — к командиру сразу кинулось несколько партизан.

— Живой! — в голосе Бобровнича прорвалась радость. — Живой!

— Оставьте меня!.. Добивайте! — Качуевский махнул в сторону карателей. — Я сам...

Павел попытался встать, но острая режущая боль в ноге заставила снова опуститься на снег. Тогда, закусив губу, Качуевский приподнялся на руке и начал стрелять по гитлеровцам.

Скоро все было кончено. Трупы гитлеровцев погрузили в машины, их отогнали в сторону и подожгли...

Партизанам достались богатые трофеи. Пополнился запас продовольствия: ящики с овощными консервами и мясной тушенкой, печенье и сухари. Раненым достали медикаменты, бинты. Много теплой одежды, обуви. Чугунные котлы, в которых варилась мясная похлебка, партизаны тоже захватили с собой.

Однако радость победы была омрачена потерями — двое убитых и среди раненых — командир. Степанов наклонился над Качуевским, вспорол голенище сапога, осмотрел рану, ощупал осторожно ногу. Сомнения не было — пуля прошла через кость...

Из двух винтовок и немецких шинелей соорудили носилки и на них понесли командира. На таких же носилках доставили и других раненых в лагерь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ

1

Качуевского устроили на первой подводе. Его обложили со всех сторон сеном, укрыли крестьянским тулупом.

Партизаны выступили в поход. Каждый понимал, что надо как можно дальше уйти от места недавнего боя. Гитлеровцы, узнав о разгроме карательного отряда, наверняка примут все меры, чтобы найти партизан. Так оно и

произошло. На следующий день над лесом появился самолет-разведчик, который окрестили «рамой». Самолет медленно, круг за кругом пролетал над лесной чащей, просматривая каждую впадину, каждую просеку.

О появлении самолета-разведчика доложили Качуевскому. Отряд после тяжелого ночного марша располагался на дневной отдых. Люди устали, лошади выбились из сил. Партизаны спешно рубили сухие березы и сосняк, готовились разводить костры.

— Дневка отменяется,— приказал Качуевский.— Все по местам.

Кое-кто недоуменно посмотрел на командира. Всю ночь на жгучем морозе провели, руки одеревенели, а ноги стали чугунными... Ему, командиру, хорошо было, на подводе катился, а мы — пешим ходом... Может быть, не стоит торопиться, может, денек отсидеться в чаще, переждать. Мало ли самолетов летало над лесом?

— Привести в порядок маскировку,— приказал Качуевский и обратился к Степанову.— Проверь, чтобы наша колонна по всем статьям походила на фрицевскую фуражную команду. Одежду особенно, чтобы у всех только немецкая была.

— Ясно, товарищ командир,— Степанов осмотрел себя, на свою шапку-ушанку натянул немецкую солдатскую каску, а поверх стеганой ватной куртки у него была надета серо-зеленая шинель. И уже потом с педантичностью гитлеровского ефрейтора стал придирчиво осматривать каждую подводу, каждого партизана.

Качуевский, подняв бинокль, просматривал небо. Вот-вот должен появиться самолет. Павел разгадал замысел летчика. Сверху ему видна вся округа, заснеженный негустой лес похож на чистый лист белой бумаги, и любой след зверя, человека ясно виден. А здесь целый отряд, подводы, лошади. «Хорошо еще, что от дороги далеко не отошли, не углубились в глухие заросли,— подумал Павел,— надо сейчас же вернуться на дорогу по своему же следу».

«Рама» выплыла неожиданно, хотя ее давно ждали. Самолет пересек дорогу на незначительной высоте. Конечно, летчик заметил отряд, который нетороп-

ливо двигался по узкой лесной дороге. Партизаны притихли, настороженно вслушиваясь в гул мотора. Самолет далеко не улетал, сейчас он развернется и снова появится над ними. Качуевский, накрытый брезентом и сеном, держал руку на автомате. Он строго-настрого приказал: без команды не стрелять. На каждой «фуражной» подводе притаились раненые, руки партизан сжимают оружие.

— Летит,— почему-то шепотом сказал Петр Громцов, шагавший рядом с повозкой, на которой лежал Качуевский.

Громцов положил руку на повозку, готовый в любой миг броситься, закрыть своим телом раненого командира.

Гул нарастал. «Рама» летела низко, почти касаясь верхушек сосен и елок. Самолет промчался вдоль дороги. Видно было, как летчик в кожаном шлеме и очках высунулся из кабины и внимательно рассматривает «фуражную команду». Степанов, сидевший на первой повозке, привстал, чтобы отчетливее виделась его форма, и помахал рукой летчику.

Наступили тягостные минуты. Всех мучил один вопрос: поверил гитлеровский пилот или не поверил?

— Сейчас еще раз прилетит, немцы, они народ дошный,— сказал Степанов и наклонился к командиру.— Разреши, Пал Палыч! Мы залпом, со всех стволов... прочешем по брюху, и конец птичке.

— А у нее стальное брюхо, тогда как? — спросил, в свою очередь, Качуевский.

— Такое тоже может быть, Пал Палыч,— неуверенно произнес Степанов.

— Надо делать все, чтобы поверил. Нельзя нам рисковать напрасно... Без команды не стрелять!

Самолет, вынырнув из-за сосновых вершин, пролетел низко над дорогой вдоль всего отряда. Летчик, снова высунувшись из кабины, помахал рукой в кожаной перчатке. На повозках раздался вздох облегчения: кажется, поверил, принял за своих...

— Смотри, что-то кинул!

От самолета отделилась небольшая точка, она быстро росла, приближаясь к земле. Небольшой продолговатый предмет с темной лентой. Он упал впереди, в густых зарослях молодых елок. Двое партизан

побежали к зарослям, достали вымпел и принесли командиру.

— Коробка жестяная, а в ней вот записка. На ихнем собачьем языке.

Качуевский пробежал глазами записку, улыбнулся устало. Потом сказал:

— Предупреждает нас,— и перевел записку: — «Будьте осторожны. Где-то рядом партизаны».

Партизаны засмеялись. С подводы на подводу полетела новость: летчик принял их за своих, за немцев.

— Счастливо отделался,— Степанов положил свой автомат на подводу.

Степанов взглянул на Качуевского, и улыбка тут же погасла. Тот лежал с закрытыми глазами, закусив нижнюю губу. Осунувшееся небритое лицо командира землисто-серое, с темными кругами под глазами, нервно сдвинутые брови, которые чуть вздрагивали на каждом ухабе, колдобине. «Тяжело ему,— сочувственно думал Степанов,— и ничем помочь не можем. Эх, ничем!»

2

Четырнадцать томительных суток раненый Качуевский вел отряд, держа путь на северо-восток. Он знал, что так скорее можно выйти к своим. Бессонные ночи быстрых переходов, когда повозка подпрыгивает на обледенелых наростах проселочной дороги, длинные часы дневных стоянок, когда от боли в ноге хотелось криком кричать. Он кусал руки, грыз рукав, варежку. Только бы никто не знал, не видел его слабости, не слышал стона...

Все ближе линия фронта. Позади остались села Бейликово, Базуево, Гусевка, Черная Грязь, Кукушино, Дмитриево. Когда отряд вышел лесом севернее Селижарова, партизаны на рассвете явственно услышали канонаду.

— Кажись, артиллерия,— Бобровнич наклонился к Качуевскому и тронул того за плечо.— Пал Палыч, слышишь? Артиллерия!

— Ага... слышу...— одними губами ответил тот.

— Скоро к своим выйдем,— не скрывая радости, продолжал Бобровнич.— К своим. Уже близко.

Днем, когда молча грелись у бездымных костров, в морозной тишине чуть слышно доносились и пулеметные очереди.

Партизаны не знали, что фронт стремительно движется к ним навстречу. В тот день, 5 декабря, когда они разгромили карателей, началось историческое контрнаступление советских войск. Враг был отброшен от Москвы на десятки километров.

3

Армии Калининского фронта перешли в наступление. Перед наступающими стояла цель — прорваться к Калинин и захватить его. В районе города была прочная, хорошо организованная вражеская оборона. Здесь действовала северная ударная группировка врага, оснащенная всевозможным оружием, боеприпасами и тяжелой техникой. Это был наиболее опасный участок фронта, так как он ближе других находился к Москве.

5 декабря 1941 года войска Калининского фронта под командованием И. С. Конева по всему фронту открыли ураганный огонь. 29-я армия, атаковав противника западнее Калинина, форсировала по льду Волгу и завязала бой на южном берегу. Это был трудный участок. Наготове стояли дальнобойные орудия, из которых враги надеялись обстрелять нашу столицу. Все здесь было готово к новому мощному наступлению на Москву. Но... неожиданно яростный контрудар русских смешал фашистские планы. Удар был такой силы и мощи, что гитлеровцы, не выдержав, отступили. За несколько часов советские части продвинулись на десятки километров. И только у Калинина гитлеровцы опомнились. Вражеское командование понимало — оставив Калинин, оно лишается главного опорного пункта всей северной группировки. У стен этого старинного города развернулись кровопролитные бои. Они не прекращались несколько суток. Враг нес тяжелые потери. Наконец, 15 декабря под прикрытием заслонов, оставленных на занимаемых рубежах, фашистские войска начали поспешный отход в юго-западном направлении. 16 декабря Калинин был полностью очищен от врагов. Армия же

продолжала преследовать врага вдоль обоих берегов Волги, в общем направлении на Старицу.

6 декабря выступили в контрнаступление армии Западного фронта, командовал которым генерал Жуков. На этом участке фронта наиболее важным населенным пунктом, который предстояло захватить, являлся город Клин. Позиции врага были хорошо укреплены. Здесь, совсем близко от Москвы, находились штабы немецких моторизованных полков, артиллерийские дивизионы. Советское командование решило захватить город Клин, нанеся главные удары двумя группами с севера и востока. Уже к 16 часам 6 декабря нашим войскам удалось занять двенадцать населенных пунктов и захватить в плен значительное количество вражеских солдат и офицеров, огромное число всевозможного оружия и другие трофеи.

К концу дня фашисты начали отход, похожий на паническое бегство, по всему Западному фронту.

Достигнув Клина, оставшиеся в живых солдаты и офицеры гитлеровских армий засели в городе и, получая из тыла пополнение, отчаянно отстреливались. Несколько суток осаждали наши бойцы город. 14 декабря развернулось тяжелое решающее сражение за Клин. Фашисты не выдержали. В ночь с 15 на 16 декабря после ожесточенного боя город был освобожден. Противник потерял важный узел дорог и сильный опорный пункт.

На день позже других — 7 декабря вышла в контрнаступление 16-я армия Западного фронта под командованием генерала Рокоссовского. Перед ним стояла задача: нанести удар главными силами в направлении Дедовска, Истры и частью сил — в районе Крюково, чтобы уничтожить здесь крупные части 4-й танковой группы противника.

Гитлеровцы яростно обороняли свои позиции, но город Крюково необходимо было взять в кратчайший срок. Это знали наши бойцы. Бой шел весь день, не прекращаясь ни на минуту, и только к вечеру мужественные гвардейцы-панфиловцы очистили от фашистов Крюково. Были захвачены большие трофеи: десятки танков, сотни автомашин, бронемшины, мотоциклы, орудия, снаряды, мины и другое военное имущество...

15 декабря освободили Ясную Поляну, разграбленную, разоренную и оскверненную гитлеровцами, а затем повели наступление на Калугу.

Полностью была разбита группировка противника, действовавшая на Елецком направлении. Войска Брянского фронта за период с 1 по 25 декабря продвинулись вперед на 150—200 километров, освободив от немецко-фашистских оккупантов сотни населенных пунктов и города Елец, Чернь, Ливны и Ефремов.

В это же время части 50-й армии выбили фашистских оккупантов из городов Лихвин, Козельск, а затем и из Калуги. Южная ударная группировка фашистских войск, 2-я танковая армия Гудериана, была разбита и отброшена за Оку и как крупная группировка перестала существовать.

Контрнаступление Советской Армии было неожиданным и сокрушительным. Оно отбросило захватчиков далеко от Москвы. Развеелась в прах легенда о «непобедимости» немецкой армии. Парад гитлеровских войск в Москве не состоялся. Парадное обмундирование, приготовленное загодя немецким солдатам, было разрешено в связи с большими холодами надеть на себя в бою.

Под Москвой были разбиты лучшие вражеские дивизии, не знавшие до этого серьезных поражений. Фашисты потеряли под Москвой сотни тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными, обмороженными. На поверку вышло, что весь путь на Москву и обратно превратился в колоссальную мясорубку, через которую немцы прогнали массу своих кадровых войск.

На всех фронтах шло яростное, победное наступление Советской Армии. Враг бежал, оставляя за собой разрушенные города и селения. Оставляя на наших заснеженных полях тысячи трупов своих солдат и офицеров, оставляя всевозможное оружие, боевую технику. И в этой суматохе отступления гитлеровцы не обратили внимание на отдельную «фуражную команду», которая упрямо продвигалась к рваной линии фронта.

Днем 19 декабря группа партизан, высланная вперед, на глухой лесной тропе неожиданно натолкнулась на лыжников в белых маскировочных халатах,

которые разговаривали между собой по-русски. Это были наши разведчики.

В ту же ночь разведчики помогли отряду благополучно перейти линию фронта, выйти на Большую землю, к своим. Сейчас они находятся где-то под Москвой и готовятся к новым рейдам в тыл врага.

4

Павла Качуевского поместили в московский госпиталь. Вот так он попал в столицу, в Москву, о которой столько мечтал. На тумбочках — белые салфетки. На окнах — белые занавески. Все чисто, стерильно и непривычно. Давно отвык он от такого покоя и тишины.

До войны здание, в котором расположился госпиталь, занимала школа. Классы просторные, окна большие. В палате, где лежал Качуевский, стояли десять коек. Сегодня в нее поместили новенького. Легко раненный в ногу ниже колена, он все время пытался встать. Однажды он допрыгал на здоровой ноге до половины палаты. Но нянечка рассердилась за такую самостоятельность, накричала на него и уложила в постель. Новенький был молод. Звали его Гришей. После того как его устыдили, он не пытался больше вставать, но зато стал приставать то к одному раненому, то к другому: просил рассказать о Москве.

— В какой стороне Кремль? — взмолился он, обращаясь к соседу по койке. — Где Москва-река?

— Откуда мне знать? Чего пристал? — отмахнулся тот.

— Да врешь, что не знаешь! Ты ж давно тут лежишь.

— Ну лежу, так что? — разозлился наконец раненый.

Ничего не добившись, Гриша успокаивался на койке и, опасливо оглядываясь на дверь, вопрошал:

— Ну, братцы, хоть кто-нибудь Москву знает? Хоть один москвич имеется?

Раненые молчали, только один москвич лежал в этой палате, сосед Качуевского слева. Темноволосый

мужчина средних лет, с седыми, будто подкрашенными висками. Шея его и левое плечо были густо перевязаны бинтами. Несколько дней назад ему сделали операцию — удалили осколки из плеча и шеи и что-то там зашили в горле. Первые дни врачи боялись: выживет ли... Теперь врачи спокойны. Сосед живет и, хотя целыми сутками молчит, палата по поводу этого раненого уже имеет определенное мнение, а именно: не напрасно товарища вырвали из цепких лап смерти. Настоящий фронтовик! По званию он капитан, воевал в артиллерии, на передовой! Но не только это возвышало его в глазах раненых. Всем было понятно, что рана болезненна, но никто так и не услышал от него жалобы. Лицо капитана выражало скорее радость. Радость, что остался жив. Вопреки всему жив. Но разговаривать ему пока нельзя. Каждый день к капитану приходил кто-нибудь. Жена с двумя маленькими детьми эвакуировалась. Но знакомых у него было немало. Он знал Москву. Он смотрел на Гришу понимающими глазами и молчал.

— Эх! — с горечью воскликнул Гриша. — Хоть бы койку около окна поставили! Да я об этой Москве, может, с самого дня рождения мечтал. А попал — так на тебе! В машине везли — закрыта! В палату поместили — так встать не дают!

— Помолчал бы, — миролюбиво откликнулся один из лежащих.

— Вот поднимемся и пойдем с тобой по Москве. Костыли в руки, и айда. Дойдем до Кремля.

Павел отвернулся к стене. Было тоскливо. Рана на ноге заживала. Боли уже не мучили. Потянулись однообразные дни. Павел скучал. О своих боевых товарищах, с которыми расстался совсем недавно, о Степанове, о Бобровниче, которые, по-видимому, уже присоединились к отряду, готовятся снова в поход. И более чем когда либо все эти дни не покидали его тревожные мысли о раненом Сергее Корниенко, оставленном ими в тылу врага, в глухой деревушке. Как он там? Выходит ли его молоденькая учительница?

Вечером после обеда к соседу опять пришли: молодая уже женщина с конвертом в руках. Оказа-

лось, жена раненого прислала письмо, и та скорее поспешила сюда, чтобы передать это письмо. Радость так и заискрилась в его глазах. Павлу стало еще тоскливее. К нему-то, пожалуй, никто не придет, и письма ему не дождаться: село, где он родился, где живут его родные, оккупировали немцы.

5

Павлу надоел госпиталь настолько, что в голову стали приходить мысли: не удрать ли? Палочка у него уже есть. Взять да и махнуть... Здравый смысл удерживал, зная, что придется держать ответ перед командиром. И еще одно удерживало его в госпитале... Наташа. Она жила в Москве. Адреса ее Павел не знал. Знал только одно, что найдет Наташу. Там в отряде, в лесу, он не раз мечтал о том, как встретится с девушкой... Но сейчас вдруг стали одолевать сомнения. Найдет. Придет к ней домой, хромая, опираясь на палочку. Что скажет ей? О том, что искал? Но ведь ни разу не видел! Или, может, о том, что думал о ней... И в часы затишья, и в часы тяжелых боев. Какими словами расскажет, что чувствовал, когда слушал Наташины письма, которые читал Сергей Невгоров? Поверит ли она, что можно вот так, не увидевши, полюбить?

В окно гляделся тополь. Голые его ветки вздрагивали от ветра и тихонько постукивали о стекло. Тук, тук, тук. А вокруг тишина. Спокойная бестревожная ночь. Может, это стучит запоздалый путник, мечтающая разбудить жалость хозяев. Качуевский вспомнил, как в далеком детстве поздним вечером его разбудил осторожный стук в окно. Это приехал в их село учитель. В новую школу, которую только начали строить. Школа была не готова, и учитель пока поселился у них.

В палате давно потух свет. Остался только ночник у соседа. Тук, тук, тук. В окно видны ветки, покрытые снегом, как ватой. Покачиваются, вздрагивают. Сбоку висит тонкий месяц. Он слабо освещает сад за окном. Деревья, убранные снегом, кажутся причудливыми, как в хорошей сказке или как в детстве. Далеком беззаботном детстве на Днепровщине.

Заснеженный сад в родном селе... Какие яблоки! Маленький Павлик, цепляясь руками за ветки, лез все выше. Там были особенно крупные. Лез, пока не обломилась ветка. Упал вместе с веткой. Мать так и не узнала. А летом, когда ему было пять лет, научился плавать. Чуть вставало солнце, убегал к речке. Мать спешила следом, но Павлик был уже далеко.

Палата спит. Но если кто и не спит — молчит, даже если тяжело и болят раны. Туча совсем закрыла месяц. Но если взглядеться внимательно, то видно, как поблескивают снежинки на ветках тополя. Скованные морозом, они крепко держатся на заснувших ветках, тянут их вниз... Заснеженная суровая зима. В тот год его не пустили в школу — мал. Жгучей завистью завидовал Павлик соседским ребятам, что ходили в школу. И книги у них, и карандаши. И за столами сидят. А у Павлика дома книги другие. Буквы маленькие. Сколько думать надо, пока отличишь одну от другой... В тяжелых мамкиных валенках Павлик тайком убегал в школу. Сначала прятался за домами, пока ученики не рассядутся за парты. А потом подкрадывался к закрытой двери класса и стоял там весь урок. Затаив дыхание, слушал, что говорит учитель. А как прозвенит колокольчик — за бревенчатый угол школы спрячется. Или и вовсе за ворота уйдет. Так день за днем, всю зиму. К весне стало легче. Буквы знал, задачи решал. И уголек дома мягкий нашел. Писать на деревянном полу в коридоре школы начал. Что на доске в классе, то и у него. Здорово выходило. Дальше пошло бы, может, еще лучше, да в школе переполошились — пачкает кто-то пол... Нашли виновника. Отец за баловство выпорол. Зато осенью мать привела его в школу. К тому самому учителю. Привела глупого, как ей казалось, непутевого. Со слезами просила принять.

У Павлика захватило дыхание, как посадили за парту. В тот же день он вернулся домой второклассником. Проверил его учитель и перевел во второй класс. Арина Спиридоновна, мать Павлика, долго потом рассказывала соседкам: «Павлушка мой сразу во второй пошел. Учитель говорит — башковитый парень! Нам-то с отцом что. Пускай во втором учится. Меньше баловаться будет».

Учился Павел хорошо. В 1933 году, окончив семилетку, уехал в Кривой Рог поступать в институт. Но его не приняли: надо иметь среднее образование. «А если за год выучу, примете?» «Примем»,— ответил директор, и Павел за один год сдал экстерном за десятилетку. И его приняли. После института вернулся в свое село, сначала работал учителем, а вскоре заменил ушедшего на пенсию директора. Но тут призвали в Красную Армию, направили в училище. Война разрушила все планы. Разбила мечты. В первые же дни войны Павел Качуевский на фронте. Тяжелые месяцы лета сорок первого. Ранен фронтовой друг Виталий Северцев. После боя Павел сопровождает Виталия до полевого госпиталя, там они прощаются. Мог ли тогда Качуевский думать, что больше с Виталием Северцевым они не встретятся никогда..

Неожиданно заныла нога. «От безделья,— думал Павел, растирая ладонью место выше раны.— Лежать пластом, когда твои товарищи воюют, это не лучший выход. Надо отсюда вырваться».

6

Как-то после ужина в палату заглянула медсестра. Она подошла к Качуевскому и сказала:

— К вам пришли!

Павел чуть не вскочил. Он еще более удивился, когда молоденькая медсестра, заботливо расправив подушку, на которой лежал Павел, ласково, будто хотела подбодрить, сказала:

— Очень симпатичная девушка.

Заметила ли медсестра, как заволновался Павел. Кто, и почему к нему? Нет, никого он не знает в этом большом городе, где он впервые!

Девушка появилась тотчас же. Она остановилась в дверях и, окинув взглядом палату, сказала ласково, как говорят давно знакомым людям: !

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

Темные ее волосы мягко ложились на плечи, покрытые белым больничным халатом. Лицо чуть тревожное, доброе. Она обводила взглядом каждого раненого и наконец остановилась на Павле. Павел понял: это Наташа! Глядел на гостью, не в силах отве-

сти замороженного взгляда. И она, будто подчиняясь его воле, медленно пошла к нему. Раненые с возрастающим интересом разглядывали ее. А она обходила то одну, то другую койку, пока, наконец, не подошла к Павлу.

— Вы Качуевский? — мягко спросила она, подойдя.

У Павла перехватило дыхание. Он как будто забыл, что надо отвечать на вопросы. Он продолжал смотреть на девушку так, как смотрят на что-то нереальное. Может быть, ему припомнились его сны.

— Он! Он самый! — громко сказал Гриша, в усердии привстав на койке.

— Будем знакомы. Наташа Спинова.

Не ожидая приглашения, Наташа придвинула стул ближе и устроилась рядом с койкой Качуевского. Несколько секунд она разглядывала Павла серьезно, не улыбаясь, потом сказала:

— Вы точно такой, каким я представляла вас.

— Вы... представляли? — наконец смущенно отошел Павел.

— Я получаю письма от Сергея Невгорова. А он в каждом рассказывает о вас. В последнем, вот в этом, — она вытащила из сумочки синий конверт и подала Качуевскому, — он пишет, что вы оба ранены. Сергея, как тяжелораненого, отправили в глубокий тыл, на Урал, а вас поместили в московский госпиталь. От него-то я все и узнала.

— Узнали, что я ранен?

— Да. И находитесь в московском госпитале. Ну, а разыскать вас было делом нетрудным, — закончила Наташа.

В палату заглянула нянечка и попросила всех ходячих пойти в столовую.

Павел отказался. Он уже оправился от первого смущения и со счастливым лицом слушал рассказ Наташи о ее работе, о товарищах, о Москве.

Почти весь вечер пробыла Наташа в палате, где лежал Павел. Раненые охотно вступали в разговор. Наташа была хорошей собеседницей, и, когда она уходила, каждый пожалел, что настала пора расставаться. Ее просили приходить почаще, и она обещала.

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ

1

И двигался февраль, последний месяц зимы. К сильным холодам прибавились еще и выюжные метели. Вечерами, возвращаясь с работы, Наташа плотнее куталась в теплый серый шарф, связанный Александрой Леонидовной из козьего пуха. Иногда Наташу охватывала тоска по теплу, по лету. Казалось, холодам не будет конца. Теперь ей часто приходилось выезжать в командировки в освобожденные от врагов районы для налаживания комсомольской работы.

Наташе не забыть первую такую командировку. Вместе с Румянцевой, инструктором школьного отдела Ириной Сорокиной и другими работниками на старом райкомовском газике они мчались по Ленинградскому шоссе к недавно освобожденному городу Крюково. Телефонная связь с городом уже была налажена.

Выехали райкомовцы в шесть часов утра. Утро обещало быть солнечным и по-декабрьски морозным. Встречный ветер пробивал насквозь брезентовый верх машины. Мелькая заснеженными обочинами, ускользала назад укатанная дорога. Впереди линия недавнего фронта. Несколько дней назад здесь хозяйничали враги. Наташе приходилось не раз бывать вместе с концертной бригадой в прифронтовой полосе. Но это было совсем не то, что сейчас.

Изрытые снарядами поля, словно черные бугристые раны на белом снегу. Вдоль дороги бесформенные, искореженные остовы машин. Разбитые орудия как попалло валялись то там, то тут. Дорога, наскоро очищенная, укатанная, стлалась под колеса газика.

Наташа, сидевшая рядом с шофером, глядела во все глаза. Они ехали мимо села, от которого остались только печные трубы да черные обгорелые деревенские околицы... Ни единой души, ни одного живого существа. Мертво и страшно. И лишь кое-где не-

движно стояли полусожженные деревья, раскинув голые обугленные ветки.

Но самое страшное их ждало впереди. Город, который Советская Армия освободила несколько дней назад, не был похож на город... Это были развалины, черные от огня и пепла, кое-где еще дымящиеся. Почти ни одного целого дома, ни одной сохранившейся улицы. Тут кого угодно охватила бы жуть, от которой цепенеют руки и сердце, если бы не люди, еще недавно жившие под властью немцев! Ввалившиеся глаза светились радостью и какой-то лихорадочной жадной работы. С лопатами и кирками группы горожан расчищали дороги и улицы, складывая кирпичи и мусор в ручные тележки и тачки. Каменщики чинили дома, восстанавливая жилье. В городе уже работали магазины, в столовых готовили горячие обеды. Налаживалась работа учреждений.

Здание городского комитета комсомола было полностью разрушено. Горком комсомола временно поместился в уцелевшей школе на соседней улице. Школа была в печальном состоянии. Окна выбиты, двери сорваны, но стены и крыша уцелели. Нужно было привести в порядок здание. Московские райкомовцы срочно организовали молодежную группу, к которой присоединились пионеры и комсомольцы — ученики этой школы.

Почти неделю пробыли Румянцева, Наташа и Ирина Сорокина в командировке. Все это время они почти не спали, но все необходимое, все зависящее от них было сделано. Наконец райкомовский газик тронулся в обратный путь. Вечером Наташа была уже дома, где ее встретила встревоженная Александра Леонидовна.

Мама всегда остается мамой. Она прижала к себе Наташу и долго не отпускала. Вдвоем они нагрели ванну, и, пока Наташа отмывалась, Александра Леонидовна жарила на керосинке подмороженную картошку. Потом они пили чай.

— Ну, как там? Что? — допытывалась Александра Леонидовна. — Чем вы помогли городу?

У Наташи слипались от усталости глаза. Прислонившись к материнскому плечу, она не спеша отхлебывала из чашки горячий и мутный, приправленный

сладкой свекольной пастой чай. Отвечала она неохотно:

— Создали новый горком. Почти новый. Старый состав или на фронте, или расстрелян этими мерзавцами. На всех предприятиях восстановлены комсомольские ячейки. Хотя комсомольцев-то там раз, два — и обчелся.

Она замолчала. Видно было, ее что-то тяготило. И только ночью, прижавшись к Александре Леонидовне, Наташа зашептала срывающимся голосом:

— Мама, я видела столько убитых детей! Нет ничего страшнее. Фашисты — жуткие звери, мамочка! Жуткие звери! Даже уходя, они оставляют после себя смерть...

И Наташа рассказала страшный случай. В школе, где временно обосновался горком комсомола, девушкам-ремонтникам помогали пионеры школы. Они узнали, что как только закончится ремонт, начнутся занятия в классах. Со всех окрестных улиц стекались на школьный двор мальчишки и девчонки. С утра в классах мыли парты, подметали полы, выносили осколки стекла и другой мусор. Мальчишки чинили двери, конопатили рамы. А вечером... Вечером — Наташа видела из окна — большая группа ребятшек радостно выбежала во двор. В руках у высокого мальчика был глобус. Обыкновенный школьный глобус. И было чудо, что он сохранился. И надо было только чуть-чуть починить его. За это и взялся высокий мальчик. Уставшие за день мальчишки и девочки, веселой гурьбою окружившие глобус, тыкали в него пальцами, отыскивая города, реки и горы. И вдруг — глобус взорвался. Взорвался в руках у детворы...

— Их похоронили, — тихо продолжала Наташа. — Но я уж никогда не смогу забыть этого, мама, никогда!

Потом последовали новые командировки. Город за городом освобождался нашими войсками. Райковский «газик» мчался туда, где еще дымились обуглившиеся стены зданий, где добровольные отряды строителей, состоящие наполовину из стариков и детей, восстанавливали школы, конторы, фабрики, жилые дома.

В этот день освободили город Можайск. Радиокомментатор чуть взволнованным и торжественным голосом сообщил: «В 8 часов утра 20 января войска 5-й армии генерала Говорова ворвались в Можайск и полностью овладели им! Наши потери невелики...»

Александра Леонидовна недавно вернулась с ночного дежурства в госпитале. Несмотря на усталость, спать не хотелось.

Она ждала Наташу, чтобы вместе порадоваться. День, когда какой-либо город освобождали от фашистов, всегда был праздником.

Но Александра Леонидовна, видевшая и оборотную сторону этих побед, расстраивалась. Она еще не привыкла спокойно смотреть на изувеченных войною солдат. Она жалела каждого, и часто можно было видеть слезы на ее глазах. Тяжело было и в это ночное дежурство. Предыдущим утром прибыла новая партия раненых. Среди них бросился в глаза боец со светлыми курчавыми волосами. Совсем еще юноша. Он был весь в бинтах. Когда он открывал глаза, казалось, что кусочек голубого неба заглядывал в палату. Парень мучился, и только однажды Александра Леонидовна увидела улыбку на его губах. Была она нежная, даже беспомощная и делала его совсем похожим на мальчишку. Ночью, дежуря в палате, она услышала, как он кричал во сне: «Вперед! За Родину! Вперед!» Александра Леонидовна торопливо подошла к койке. Лицо юноши, покрытое испариной, посуровело до неузнаваемости. «Наши потери невелики», — обычно сообщал радиокомментатор. Фраза не только не тревожная, но даже какая-то бодрящая: «...потери невелики». Как жестоки законы войны. «Невелики» — в масштабах армии, в масштабах страны. А для матери? Для жены, для ребенка? Чем заменить потерю?

В комнате нетерпеливо зазвенел телефон.

— Мулик, ты? Сегодня задержусь. Не волнуйся. Александра Леонидовна повесила трубку. Ну что ж, опять придется идти в райком к дочери.

Она подождала, пока сварится свекла, завернула

ее горячую в чистую бумагу, отсыпала из солонки соли и сложила все это в сумку.

До райкома комсомола она шла пешком.

Хрустел под ногами снег, шли с работы усталые, озябшие люди. Медленно плыли по небу тяжелые свинцовые тучи. Медленно надвигались ранние зимние сумерки. Вдруг ее окликнули. Голос показался очень знакомым. Обернувшись, она увидела, что ее догоняет мужчина в полушубке.

Это был отец Наташи.

Они оба обрадовались случайной встрече. Пошли рядом. Он рассказав, что только вчера вернулся в Москву. Вернулся один. Жена пока в Горьком. Сегодня надеялся увидеть Наташу. Улучив свободную минуту, пришел к ним, а там замок. Хорошо, что успел догнать.

Александра Леонидовна расспрашивала, коротко рассказала о себе, как они жили с Наташей. Отец пообещал завтра прийти. Прощаясь, он передал Александре Леонидовне несколько пачек печенья и конфеты.

— Это гостинец Наташе. Поцелуй за меня дочь.

Давно уже стал чужим ей этот человек, но Наташа любит его. Для нее он не чужой. Для нее он остается отцом...

3

В райкоме ее уже знали. Не раз свободные вечера она проводила здесь с Наташей. Помогала дочери разбирать бумаги, письма.

В отделе пропаганды, кроме Наташи и Румянцевой, уже никого не было. Обе сидели за столами, заваленными папками и заставленными телефонами. Особенно удручала Александру Леонидовну Наташа. Вряд ли она успела пообедать сегодня.

Увидев Александру Леонидовну она радостно воскликнула:

— Мулик! Вот хорошо! У нас заболела машинистка.

Пишущая машинка стояла на маленьком столике, покрытая черным чехлом, безмолвная и скучная. Александра Леонидовна кивнула. Печатала она

хорошо. В комнате было тепло и по-деловому уютно. Она разделась и присела к дочери.

— Наташенька, из эвакуации вернулся отец. Как я поняла, вернулась вся их организация. Завтра он обещал зайти. А это,— она раскрыла сумку,— гостинец тебе.

Искрящиеся глаза Наташи вспыхнули:

— Ура!!! Папка здесь!!! — Она схватила сумку и вытряхнула ее содержимое на стол. Конфеты, пачки сливочного печенья и вареная свекла произвели ошеломляющее впечатление. Румянцева поднялась из-за стола. От свеклы шел по комнате неизъяснимый дух. На радостный крик сбежались комсомольцы других отделов.

Скоро уже весь райком знал о Наташиных гостинцах. Нянечка тетя Нюша раздобыла стаканы и принесла кипяток в белом алюминиевом чайнике. Устроились за соседними свободными столиками. Работники райкома, в основном девчонки, замученные командировками, дежурствами и ежедневной текучкой, все же оставались веселым жизнерадостным народом! Они не упускали случая пошутить, посмеяться. Приятно хрустело печенье на зубах, согревал чай. В сторону дела, благо рабочий день кончился. Даже всегда серьезная Румянцева хохотала до упаду, когда Наташа рассказывала, как в первый раз она бежала от бомбежки прятаться... на дерево.

Александра Леонидовна знала этот случай: Наташа с подругами работала тогда в Вязьме. Бомбежка застала девчат ночью. Они выскочили из палаток и кинулись врассыпную. Но на дерево влезла не Наташа, а ее подруга Таня, несмотря на то, что была в положении. Пришлось Наташе снимать ее с дерева.

Когда свекла, конфеты и печенье были съедены, чай выпит, комната опустела. Последней ушла Румянцева. Она дала Наташе на завтра ряд поручений и попрощалась с Александрой Леонидовной. Они остались одни, и тогда Наташа засыпала мать вопросами: как выглядел отец? Как его здоровье, настроение? Когда придет к ним? Наконец, успокоившись, они вернулись к делам. Александра Леонидовна

села за пишущую машинку, Наташа углубилась в свои бумаги.

Давно уже наступил вечер. Наташа тщательно зашторила окно, включила две настольные лампы. Тихо посапывал ветер, стучала машинка.

— Мулик, ты у меня просто чудо! Все-то ты умеешь, даже печатать.

Наташа прошла по комнате, чтобы размяться. Александра Леонидовна прекрасно разбиралась во всех бумагах и почти не спрашивала что к чему. Наташа подошла к матери и долго смотрела на тонкие пальцы, быстро перебирающие клавиатуру пишущей машинки.

— И когда научилась?

Александра Леонидовна усмехнулась:

— Давно. Еще до тебя. А точнее, еще до театра. Ведь у моей мамы нас было девять. Нужно было помочь. Пришлось научиться.

— А я у тебя одна. И мне ничему не надо учиться. Да? И вязать я не умею. Да?..

— Нет, почему же, вязать научиться недолго. Было бы желание и время. А времени тебе как раз не хватает.

— Наверное, я никогда не буду такой ловкой, как ты.

— Да-а? — Александра Леонидовна хитро посмотрела на дочь. — Почему тогда ты всякий раз отбираешь у меня утюг, объясняя это тем, что я неважно глажу.

— Ну, мулик, — укоризненно возразила Наташа, — наш утюг не совсем исправный. А если ты надышишься угарного газа и заболеешь, я ведь себе не прощу.

Наташа взяла на себя всю домашнюю работу: стирку, глажение. Она во всем была последовательна и настойчива. Все время она кого-нибудь опекала. А с того дня, как началась война, в число опекаемых попала и Александра Леонидовна. Отчасти она жалела мать, которую судьба не щадила, не баловала и совсем недавно преподнесла новый удар, разлучив ее с театром.

— Мама! — вдруг сказала Наташа настолько серьезно, что Александра Леонидовна вздрогнула. —

Мама, завтра к нам придет мой друг, Павел Качуевский. Прими его, как родного.

Александра Леонидовна кивнула. Ох уж эта фраза: «Прими, как родного». Сколько раз она слышала ее от дочери, сколько встречала, как родных. Это были знакомые Наташи, или знакомые Наташиных знакомых. Тяжело раненные или отдохавшие после ранений перед отправкой на фронт. И чаще совсем незнакомые, проходившие переподготовку или проводившие в Москве свой короткий двух-трехнедельный отпуск. Комсомольцы, они и в чужом им городе тянулись в райком, как к теплу, как к давно оставленному дому. Там они и встречали Наташу. Она тут же брала телефонную трубку, и Александра Леонидовна снова слышала: «Мамочка, прими, как родного». Конечно, принимала. Кипятила чай, ставила на стол все, что имелось в буфете. За чаем расспрашивала о родных, о доме, о боевых делах. И воин отогревался, оттаивал, мягчал. Домашняя обстановка, уют, участливое внимание... Глаза становились растроганными. Он с нежностью рассказывал о своих, о далеком милом доме... Уходил благодарный, называл Александру Леонидовну мамой и обещал писать.

— Кстати, мама, он и твой знакомый. Я ведь тебе читала о нем.

Александра Леонидовна подняла брови.

— А помнишь, мама, письма? Письма Невгорова? И в каждом он рассказывал о своем командире.

Да, Александра Леонидовна вспомнила... Но почему так светятся глаза у дочери, когда она рассказывает о том, как они встретились в Москве? Почему голос ее стал нежным, а сама она ластится, словно боится, что останется непонятым ее новый знакомый, какой-то неизвестный матери Павел Качуевский?

— Ты наговорила так много хорошего о нем!

— Мама, он именно такой.

— А может быть, это лишь первое впечатление, и оно пройдет?

Мать заметила, как застыло лицо Наташи.

— Ну что ж,— кротко сказала она.— Ты скоро увидишь его. И сама убедишься.

В гулкой тишине пустых кабинетов вдруг раздался нетерпеливый звонок. Звонили по внутреннему телефону. Наташа взяла трубку. Александра Леонидовна прислушалась. Говорил мужской голос. Наташа вмиг подтянулась как перед командиром, отвечала четко и ясно.

Серьезно, почти сурово звучал Наташин голос:

— Да. Да, поняла. Четверо хорошо проверенных. Да, поняла, могут не вернуться. Да, только добровольцы...

Александра Леонидовна тревожно глядела на дочь.

Подтянутая, решительная, она уже не походила на ту Наташу, которая была несколько минут назад. Быстро записывая что-то, она кивала головой и смотрела мимо матери, куда-то в сторону. Вдруг она выпрямилась.

Сильно, радостно зазвучал ее голос:

— Будут, товарищ секретарь. Всего четверо. Один уже есть!

— Кто? — услышался голос в трубке.

— Я! — последовал короткий ответ.

Домой возвращались поздно.

Ночь была тихая. Большая луна светила ярко. Ее ровный свет мягко ложился на крыши домов, на ровную утоптанную дорожку и на огромные вдоль улицы сугробы.

Наташа была возбуждена. Она без умолку говорила, смеялась, подпрыгивала на ходу то на одной, то на другой ноге, словно озорная девчонка. Она молчала только об одном, о том, что, наконец, выдалась возможность попасть на фронт. Она умышленно молчала. Надо бы еще убедиться, что возьмут. Но радости скрыть не могла. Жила уже завтрашним днем. Завтра все решится. Кто будет против, если райком дает рекомендации? Всем четверым. Конечно, это не просто фронт. Это особое задание. Возможно, тыл врага. И отбирать кандидатов будут круто. Ничего, если по-честному, то у нее все шансы попасть. Во-первых — стрелок-разрядник, во-вторых — закончила курсы медсестер, в-третьих — какое-то знание немецкого языка. Здесь она еще поборется!

Перед сном она крепко расцеловала мать, потушила ночник и скоро заснула счастливым сном. Александра Леонидовна не могла уснуть. Минуты казались долгими, как часы, а часы бесконечными, как жизнь. Чего только не передумала Александра Леонидовна, а все выходило — не удержать ей Наташу дома. Не тот характер, чтобы думать о себе. И некого винить. Да и стоит ли винить, когда сама внушала, вкладывала в ее голову извечные истины: «будь доброй», «заботься о людях», «живи для людей». Только так Наташа и поняла жизнь. Для других. Для людей. Ну, а теперь можно ли удержать на привязи того, кто одержим состраданием и знает, что где-то он в сто крат нужнее?

Предраассветные сумерки были хмурыми. Печь остыла, и в комнате гулял холод. Надев теплый фланелевый халат, она вышла на кухню, чтобы принести сухих поленьев. Достала спички. Их приходилось экономить.

Через несколько минут в печке весело затрещали дрова, и отблески огня запрыгали по холодным стенам. Александра Леонидовна погрелась чуть-чуть перед открытой дверкой печки и пошла опять на кухню ставить на примус остывший чайник.

Наташа ушла раньше обычного. Она рвалась в райком. Едва затихли шаги дочери на лестнице, Александра Леонидовна кинулась к телефону. Номер она уже знала.

Трубку взял сам секретарь.

Задыхаясь от волнения, осипшим голосом Александра Леонидовна представилась и робко спросила, что это за отряд, когда он уходит и нужна ли там Наташа... Она ждала ответа, как ей казалось, очень долго. Наконец услышала сначала добродушное покашливание, потом хриловатый мягкий голос:

— Наташа не годится. Нет! Нужны люди покрепче. Мужчины в основном. А Наташа и здесь пока необходима. Это точно. Ну, будьте в здравии.

Александра Леонидовна тихо повесила трубку. Тихо опустилась на табурет, прижала руки к бьющемуся сердцу: никогда, никогда Наташа не должна знать об этом звонке. Об этом предательском звонке...

ЛЮБОВЬ

1

пираясь на палочку и прихрамывая, Павел медленно шел по улице Горького. Она казалась ему широкой и оживленной. Впереди проглядывались остроконечные башни Кремля и красные звезды над ними. Рядом с Красной площадью величественное, словно сказочный дворец, здание Исторического музея. Его поразило удивительное сочетание темно-красных кирпичных стен с белыми заснеженными узорными крышами дворца. Рядом с Историческим музеем такое же высокое и красивое здание музея Ленина..

Еще в госпитале Павел решил как можно больше ходить. Надо успеть осмотреть город. И главное, тренироваться, тренироваться. В любой конец — пешком. Надо расшевелить ногу, заставить ее слушаться. За несколько недель отдыха нужно привести в порядок здоровье и, по возможности, смягчить хромоту.

Павла Качуевского выписали из госпиталя, он сразу направился в главный штаб партизанских отрядов. Встретили его хорошо. Там уже знали о молодом, отважном командире. Поместили в общежитие, выдали свежее обмундирование. Павел повеселел. Сразу почувствовал себя в своем кругу. Здесь он узнал, что главный штаб готовит мощный партизанский отряд, который должен будет действовать в лесах Белоруссии. Отряд с особым заданием, о нем знают лишь единицы. Павел тоже пока не совсем в курсе дела, знает только, что отряд строго засекречен и называется коротко: «Вторые». Павел верил и надеялся, что попадет в этот отряд. Он знает леса Белоруссии, он будет добиваться назначения.

Готовясь к предстоящему походу, Качуевский рано уходил из общежития и целыми днями бродил по городу, стараясь не обращать внимания на нудную боль в ноге. За день нахаживал многие километры. Ночью отлеживался. Ночью рану ломило,

будто кто-то натирал кость наждаком. А утром чуть свет он уже был на ногах. Он как бы учился ходить заново. И город помогал ему. Улицы столицы, знакомые ему по описаниям в книгах, по рассказам товарищей, побывавших в Москве, притягивали его. Они манили его, уводили все дальше и дальше. Хорошо зная историю столицы, он особенно любил отыскивать места, сохранившие старинные названия, о которых упоминали в своих произведениях русские писатели. На некоторое время это стало его увлечением. Иногда он надолго останавливался у дома, в котором жил кто-либо из писателей или революционеров, обстоятельно осматривая его. Особенно поразила дом, где когда-то жил Николай Васильевич Гоголь.

Во дворе дома на Никитском бульваре Павел увидел старый памятник. Качуевский молча сел на деревянную скамью напротив, забыв смести с нее снег, и долго смотрел. Он не мог отвести взгляда от памятника. Павел не знал, чья талантливая рука создала это чудо. Он глядел на профиль писателя, четко вырисовывающийся на фоне голубого морозного неба, а потом переводил взгляд на резной пьедестал у ног великого писателя: там располагались герои его книг. Они казались живыми, и Павлу было жутко от их фигур, лиц, таких нагих и таких жалких...

Вот и сегодня Павел прошагал не один километр.

У театра Ермоловой Качуевский остановился. Прочел афишу. Мелькнула мысль: пригласить бы Наташу на спектакль. Сразу представил себе: Наташа красивая, веселая, и он с палочкой... Нет, без палочки. Они входят в фойе театра. Тепло, много света, красиво одетые люди... И они вдвоем, как два близких человека. А потом он провожает ее домой и говорит ей о том, что мучит его уже не одну неделю.

Кассы театра были закрыты. Окна занавешены. Подъезд театра как бы замер. Стоял пустой и тихий. Павел побрел прочь. Снова к нему вернулись мысли о Наташе. Хотел он этого или не хотел, он все время думал о Наташе. И во время своих бесконечных походов, и в часы отдыха, и за едой. Это обрушилось на него, как ненастье, неожиданно. Он уже

не мог не думать о девушке. И он страшился этого. Вместе, может быть, было бы легче.

Дни меж тем шли. Уходило драгоценное время. И на ветру горел Павел жарким пламенем, и в тепле бледнел, охваченный зябкой дрожью, пока не понял, что счастья своего должен добиваться сам, а не ждать доброй оказии. Пусть не вовремя встретился он со своей любовью, но, коль встретился, отступить поздно. Только как сказать ей, комсомольскому вожаку, об этом? Павел видел, Наташа жила, горела событиями, временем. Одни тревожные сутки сменялись другими. Бесконечные дела, бесконечные хлопоты. Она мало спала, мало ела. Она ездила в частые командировки и возвращалась еще более уставшая и озабоченная. Как сказать ей, что и в сегодняшнем мире, несмотря ни на что, продолжает жить любовь? Что не могут изгнать ее ни война, ни голод, ни смерти. Любовь! Нежданная, незваная, она все равно приходит. Не спрашивает, не слушает ничьих советов. Едва явившись, она начинает властвовать, и нет для нее законов, кроме тех, которые создает она сама!

Как сказать обо всем этом Наташе?..

...Опомнился Павел, когда вдруг увидел себя на небольшой тихой улице. Знакомый Скарятинский... Ноги сами вели его к дому № 21. Не спеша поднялся он на второй этаж. Прислушался к тишине. Звонить не стал. Все равно нет никого дома. Наташа в райкоме комсомола или в комитете комсомола театрального института, где она замещала ушедшего на фронт секретаря комсомольской организации института. А Александра Леонидовна в госпитале.

Он уже был не один раз у Наташи в гостях. Наташа познакомила его со своей мамой. Какие же они разные, мать и дочь! Темноглазая, волевая, энергичная Наташа и голубоглазая, чуткая, добрая Александра Леонидовна.

Павел прислонил к стене свою палочку и опустился на деревянную лестницу передохнуть. Он перебирал в памяти все свои встречи с Наташей. Он ждал 22 февраля. Он очень ждал этот день, день рождения Наташи. Павел больше не мог, да и не хотел молчать о томившем его чувстве.

Продукты достать было нелегко, а еще труднее их сохранить. Сбереечь так, чтобы Наташа ничего не знала. Александра Леонидовна готовила для дочери сюрприз. Наташа и думать не смела о дне рождения. Такое ли время? До праздников ли?

«Праздник будет»,— решила Александра Леонидовна. И она готовилась. Она достала еще и свечи, хотя до сих пор ей казалось, что достать их просто невозможно. Достала с помощью Пелагеи.

Двадцать тонких белых свечек лежали рядышком на столе. Тут же разместились запасы продуктов, все, какие имелись в доме: свекла, морковь, картофель, круглая липкая, посыпанная сахаром карамель, которую удалось выменять на базаре, кукурузная мука, предназначенная для пирога, бутылочка кунжутного масла и три железные баночки тресковой печени — гостинец Наташиного отца. Правда, не удалось достать яиц. Что ж, придется отказаться от салата.

Разместив на кухонном столе все это богатство, Александра Леонидовна и Пелагея, как заправские кулинары, долго прикидывали и даже спорили, как лучше использовать продукты, как эффектней накрыть стол. В общем, как сытнее накормить всех приглашенных.

Было раннее утро. Засучив рукава, женщины принялись за работу. Для начала они поставили опару из кукурузной муки для именинного пирога, затем, промыв под краном овощи для винегрета, залили их холодной водой и поставили варить на примус.

Увлечшись работой, Александра Леонидовна почти прослушала телефонный звонок. Спohватившись, подбежала к телефону. Звонил Валентин. Он поздравил Александру Леонидовну со знаменательным днем и предложил свою помощь, если таковая понадобится. Узнав, что не понадобится, он все-таки пообещал прислать Веру.

Два дня назад, без ведома Наташи, Александра Леонидовна обзвонила друзей Наташи с просьбой прийти к ним 22 февраля. Не забыла пригласить она

и Валентина с Верой. После той утренней встречи с Наташей Вера зачастила к ним, а вскоре, собрав немногие его вещички, увела Валентина к себе домой. Весной они собирались пожениться, а пока она отхаживала Валентина, нежно заботясь о его здоровье. Она любила Валентина, это видели Наташа и ее мать и потому со спокойной душой отпустили парня, к которому уже успели привязаться.

Вера пришла вскоре. Она сразу принялась за уборку комнат. Вынесла на снег старый персидский ковер и долго выбивала его длинной деревянной скалкой, потом вытрясла половики, а когда в ванной нагрелась вода, принялась мыть паркетные полы. Увидев все это, Александра Леонидовна невольно ахнула:

— Вера! Я ведь намеревалась натереть паркет мастикой! А ты моешь?

— Мою, Александра Леонидовна,— звонко ответила Вера.— Сначала вымою, выскоблю, потом мастикой покрою, а потом сама и натру. Что же на грязный пол-то краску накладывать? Негоже!

Александра Леонидовна молча ушла в кухню. Эта бойкая девушка и распорядиться, оказывается, умеет. Ну что ж, пусть моет на здоровье.

После обеда неожиданно пришла Румянцева. Она поздравила хозяйку и расцеловала ее в обе щеки. Эта молодая женщина нравилась Александре Леонидовне. Высокая, статная, густые каштановые волосы, брови вразлет, резко очерченные полные губы и властный требовательный голос говорили о силе ее характера. В отделе ее любили и уважали за организаторские способности.

Раздеваясь в передней, она коротко поведала Александре Леонидовне, что Наташа уехала с концертной бригадой в дальний госпиталь, что к ужину обязательно вернется, а сама она пришла сюда, чтобы помочь и таким образом заменить на некоторое время Наташу.

Не дожидаясь особых приглашений, она прошла на кухню. Выложила на стол две большие маринованные, вкусно пахнущие селедки и стала помогать Александре Леонидовне и Пелагее готовить угощение.

Вечер подошел незаметно. За окном по-зимнему быстро стемнело. Вера закончила уборку и отправилась домой, чтобы переодеться и привести себя в порядок.

Спустя полчаса в передней раздался несмелый звонок. Это пришли первые гости. Ими оказались Наташины подружки Аня Тарасевич и Лора Ольшадская. Церемонно раскланявшись, они разделались и прошли в чистые, сверкающие натертым паркетом комнаты. Потом все вместе раздвинули стол, застелили его белой льняной скатертью и стали расставлять столовые приборы и блюда с едой. Один за другим стали подходить остальные. Явился и Павел Качуевский. Он пришел в штатском костюме, далеко не новом, но старательно отутюженном, к тому же, на удивление хозяйки, без палочки. Александра Леонидовна приветливо встретила Павла. Провела его в комнаты, познакомила с Наташиными друзьями.

К назначенному времени собрались все гости, не было только Наташи, самой именинницы. В комнатах слышался смех, играла музыка. Александра Леонидовна, заканчивая последние приготовления, прислушивалась из кухни к праздничному гомону. Там, где собирается молодежь, всегда шумно. Кое-кто уже громко спорил, кто-то рассказывал анекдот, кто-то шутил по адресу виновницы сегодняшнего вечера, пропавшей без вести.

За окном уже совсем стемнело. Встревоженная Александра Леонидовна готова была уже бежать разыскивать дочь, когда раздался знакомый Наташин звонок. Быстро раздевшись, именинница заспешила к гостям. Радостно улыбаясь, она появилась на пороге в своем обычном синем костюме, в котором каждый день ходила на работу.

До чего же красивой показалась она Павлу, сидевшему у окна. Он встал навстречу. Но ее уже затормошили. Со всех сторон сыпались поцелуи, шутки, объятия. Кто-то попытался поднять ее за уши, как это делают с очень маленькими детьми, и небольшой «сборный» хор уже трубил по этому поводу

знакомый всем жизнерадостный туш: «Тра-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та...» Куча подарков — здесь были и книги, и открытки, и раскрашенные гуттаперчевые и маленькие резиновые куклы, и даже цветные карандаши...

Выбрав удобную минуту, Павел Качуевский подарил Наташе свой подарок — книгу Шота Руставели. Он знал, что Наташа давно искала ее. Экземпляр далеко не новый. Достать удалось лишь в букинистическом. «Но не это главное», — думал он, радуясь, что все-таки достал.

Наташа ахнула.

— «Витязь в тигровой шкуре»! — воскликнула она и благодарно поцеловала Павла в щеку.

Потом помчалась в кухню показывать матери книгу. Павел, побледневший и смущенный, молча отвернулся к темному окну. Доверчивый, еле ощутимый поцелуй просто жег его. Он стоял у окна, пока не прошло смятение. Меж тем на кухне, удивившись редкой книге, Александра Леонидовна отложила ее в сторону.

— Должен прийти Геннадий, — сказала она и добавила: — А ты, может быть, все-таки переоденешься?

Надев платье, Наташа поправила белый вязаный воротничок и долго смотрела в небольшое висячее зеркало. «Двадцать лет, — подумала она. — Мне двадцать лет, это, наверное, уже очень много...»

Когда она вернулась в комнату, гости уже сидели за столом. Она застыла в радостном удивлении. Сверкающая белизной скатерть! В центре стола, уставленного тарелками с овощами, селедкой, тресковой печенью и другими яствами, стояла мамина хрустальная ваза на короткой толстой ножке. У нее было плоское дно и невысокие зубчатые края. На ней возвышался круглый кукурузный пирог! По краям его выстроились двадцать стройных тонких свечек. Ровно столько, сколько лет именинице. Белые язычки нетронутых фитилей, словно поднятые по команде носики, когда к каждой из них поднесут горящую спичку, и все они вспыхнут маленьким праздничным костром.

Наташу усадили на почетное место. Подняли

тост за здоровье именинницы, а также за скорое победное окончание войны. Вино было чуть терпкое, нежное и душистое. У Наташи закружилась голова. Она вспомнила, что сегодня не успела пообедать, и с благодарностью посмотрела на Павла, который уже подкладывал ей на тарелку еду. Он сидел рядом, и Наташе было приятно от его близости, от того, что он все время смотрел на нее добрыми восхищенными глазами.

Следующий тост подняли за маму Наташи и снова за окончание войны. Александра Леонидовна благодарила и просила гостей не стесняться, кушать все, что подано на стол. Молодые шумные гости не заставляли просить себя дважды. Особый успех имел винегрет. Блюдо быстро опустело. Александра Леонидовна пошла на кухню, чтобы наполнить его снова.

Третий тост за будущее Наташи и вместе с нею за всех сидящих за столом подняли при горящих свечах. Их зажгли одну за другой над именинным пирогом.

Язычки пламени трепетно вздрагивали, клонясь то в одну, то в другую сторону.

В комнате как-то сразу стало иначе. Все окуталось странными сумерками. Тени закачались на стенах. Стало тихо. Тишина притаилась в каждом темном уголке, и кое-кому уже показалось, что оттуда вот-вот выглянут сказочные друзья детства, теперь забытые, маленькие таинственные гномы.

Наташа притихла. Может, и вправду в комнату пришли сказки. К каждому своя. И будет она длиться долго-долго. В это Наташа наивно верила каждый год, верила, пока горели свечи, пока бродили в комнате старенькие гномы, пока все сидели тихо-тихо, боясь шелохнуться, боясь нарушить это очарование. Молча сидел Павел, осторожно взяв руку Наташи. Замерла Вера, прижавшись щекою к пустому рукаву Валентина. Тихо сидел отец, поддавшись общему настроению. Он полузакрыв глаза и устало откинулся на спинку стула. Слабый свет делал бледным его осунувшееся лицо. Задумчиво смотрела на горящие свечи Румянцева, может быть, вспоминая своего мужа, воевавшего где-то на юге. Горестно под-

жав губы, застыла Пелагея, не отрывая взгляда от горевших свечей. Что видела она в их мерцающем свете? Притихли подружки. Аня и Лора, обнявшись, сидели, склонив головы. Каждый думал о чем-то своем.

О чем?..

В это короткое время, пока горят свечки, можно прожить, наверное, целую жизнь. А может быть, написать книгу или сочинить симфонию. Ведь у каждого своя сказка. Об этом позаботились старенькие гномы, давние друзья детства...

— Натуля, пора!

Как во сне, услышала Наташа голос мамы. С сожалением оглядела комнату, как будто расставалась с кем-то, затем осторожно придвинула хрустальную вазу к себе. Маленькие тени отчаянно запрыгали на стенах. Наташа, прежде чем потушить свечи, еще раз посмотрела на маму, как бы спрашивая разрешения, глубоко вздохнула. Это была традиция тушить свечи. Если ей удавалось погасить все свечи сразу, а ей всегда удавалось, то, значит, год у нее должен быть счастливым. Разом загасились язычки огня. Свечи погасли все, кроме одной, самой тонкой, той, что была ближе всех. Она упрямо горела, и Павел увидел при свете этой маленькой свечки, как опечалилось лицо Наташи. Она беспомощно оглянулась на Павла и тихо сказала:

— Все это чепуха. Смешно верить в какие-то приметы. Правда?

Кто-то щелкнул выключателем. Зажегся яркий свет, все зашумели, как бы очнувшись от гипноза, и в эту минуту неожиданно раздался звонок в передней. Тут же он повторился снова. Открывать пошла Румянцева. Она вернулась с удивленным лицом, пропуская вперед молодого, щегольски одетого человека.

Навстречу гостю вышла из-за стола Александра Леонидовна.

— Я ждала вас, Геннадий,— сказала она тихо и доверительно.— Какой вы сегодня красивый!

Сказано это было вполголоса, гости, сидящие за столом, ничего не слышали и лишь увидели, как галантно молодой человек поцеловал руку хозяйке.

Раскланявшись со всеми остальными, он подошел к Наташе, протянул ей подарок, завернутый в гладкую, белую бумагу.

У Павла, сидящего рядом с Наташей, перехватило дыхание. Он не знал почему, но вид этого незнакомого молодого человека больно кольнул его. Он заставил обратить внимание Павла на свою одежду, которая явно проигрывала. Павел молча сжал руки и тяжело опустил их на колени.

Наташа усадила гостя за стол, а сама развернула шуршащую лощеную бумагу. В ней была книга, новая, в роскошной суперобложке.

— «Витязь в тигровой шкуре»! — удивленно воскликнула Наташа. — О, мне сегодня везет!

Геннадий продолжал улыбаться, довольный эффектом, произведенным на собравшихся своим подарком и самим собою. Он был искренне рад, что снова видит Наташу. Он сел рядом, считая, что его место именно здесь, и ждал, когда Наташа обратит на него свое благосклонное внимание.

Они не виделись более трех месяцев. Где-то в глубине души Геннадий надеялся и ждал, что Наташа за этот долгий срок соскучится и потеплеет, что он снова сможет начать разговор, затеянный в октябрьские праздники. Его очень обрадовала любезность, с которой он был принят Александрой Леонидовной. Значит, слово остается только за Наташей.

Геннадий искоса взглянул на нее. Как он скучал по ней! По теплоте ее ласковых глаз. По ее ровному, успокаивающему голосу. Даже по ее довольно едкой усмешке. Как долго он искал этого злополучного «Витязя», чтобы угодить ей. Оценит ли она это?

Захлопнув книгу, Наташа подошла к Геннадию и просто, в знак благодарности, чмокнула его в свежевыбритую, надушенную щеку.

— Ты что-то запропал, дружище? — чуть насмешливо сказала она.

В эту минуту ее глаза встретились с глазами Павла Качуевского. Секунду они смотрели друг на друга. Затем Наташа медленно отвела глаза. И вдруг почувствовала, как жар залил щеки.

Что же случилось? Наташа сидела с чылающим лицом и не находила ответа. Что же случилось?..

Перед чаем подали торт. Вздох восхищения прошел по комнате. Наташа глядела на цветные фигуры из холодного пломбира и все пыталась понять, что же произошло. В одно короткое мгновение, едва встретившись взглядом с Павлом, она вдруг потеряла покой. Потеряла потому, что оказалась бессильной решить задачу, заданную его тревожным взглядом.

Удобно устроившийся рядом, Геннадий разговаривал с ней, она отвечала и даже смеялась. Краем глаза она видела, как Павел положил на ее блюдо кусочек торта и поставил перед ней. Она не обернулась. Она боялась смотреть в его сторону, боялась, что он опять поймает ее взгляд. А ведь надо еще понять. Понять, что же именно произошло, прежде чем ответить на его взгляд.

Чуть заскрипел стул.

Павел осторожно встал из-за стола, негромко спросил у Наташи разрешения закурить и вышел в переднюю. Кто-то завел патефон. Патефон старый. На проигрывание одной пластинки его приходилось заводить дважды, на что требовался постоянный дежурный. Геннадий обрадованно посмотрел на Наташу. Она кивнула, и они вышли в круг. Танцевал он хорошо. Наташа молча следовала за ним и молча слушала его торопливую и жаркую речь. Геннадий говорил о том, что ждал этого вечера, что не в силах забыть ее, что ему обещают комнату и он переберется скоро из заводского общежития. И наконец, что недавно его назначили старшим инженером завода...

Наташа перестала слушать, что он говорил. Она смотрела на дверь, ведущую в переднюю, даже тогда, когда ее загоразивали танцующие пары, и не могла понять, ждет она Павла или боится его появления. Медленное танго исполнял джаз. Пластинка чуть слышно шипела, громко шуршали о паркет ноги танцующих. Чему-то улыбалась мама, глядя на молодежь.

Дверь вдруг резко распахнулась. В ней показался Павел. Он стремительно отыскивал глазами их — Наташу и Геннадия. Увидел. Успокоился. Молча из-под прихмуренных бровей следил за их движениями. Когда танец кончился, он выпрямился, вытянулся, напряженно глядя на Наташу. Не выдержав, она подошла к Качуевскому и тут же поняла, что он очень ждал этого.

Глаза их снова встретились.

— Побудь со мной,— прошептал он одними губами.

Стоявший поодаль Геннадий ничего не понял. Да и никто не понял, не заметил, как захватило дух у Наташи после слов, сказанных Павлом. Таких обычных слов и таких необычных. Она смотрела в лицо Павла ясным радостным взглядом. Теперь она поняла все! Теперь она знает, что ответить ему.

Запела Шульженко. Задумчиво лился голос. Кружились под вальс пары.

...Пока война не кончится,
Нам свадеб не собирать.
Притихла наша улица,
Лишь клен шумит весной,
Но мне порою чудится
Оркестр наш духовой...

Они медленно танцевали с Павлом. Он двигался осторожно, слегка прихрамывая. Вела, скорее, она, мягко, незаметно. От вина или, может, от вальса кружилась голова. Наташа старалась не выдать своего волнения и дышала осторожно, чтобы Павел не ощущал ее неровного дыхания. Ей казалось, что что-то, что-то сейчас должно произойти. Она ясно слышала, как бьется сердце Павла. Она слегка прислонилась лбом к его подбородку и почувствовала, как напряглись его руки. Теперь она знала, что всегда будет так. Знала также и то, что никого, никого, кроме Павла, не будет в ее жизни...

— Наташа, нам нужно поговорить.

Наташа быстро кивнула. Да, им нужно поговорить. Им очень нужно поговорить. Как же до сих пор она не могла понять этого! Как она раньше не догадывалась об этом... Им срочно нужно поговорить.

Песня кончилась. Некоторое время слышалось шипение крутящейся пластинки. Наташа вопросительно взглянула на Павла. Он мягко улыбнулся. И лишь пламень в глазах выдавал его состояние.

В передней он подал девушке пальто. Нежно заправил под шапочку непослушные темные локоны. Отстраняя сопротивление Наташи, сам повязал вокруг ее шеи серый пуховый шарф. Потом отыскал варежки, такие же серые и пушистые. Но прежде чем надеть их на руки Наташе, он наклонился и прижал к губам маленькие, жесткие, чудно трепещущие девичьи руки.

5

Александра Леонидовна с трудом открыла глаза. Несколько часов сна едва освежили ее. Усталость от вчерашнего вечера продолжала бродить в теле.

Утренние сумерки быстро таяли. Солнце еще не взошло, но вокруг было светло. Это от снега. Белый, белый, он лежал всюду, где только можно: огромными сугробами вдоль протоптанных дорожек, маленькими — на подоконниках. Пухлым покрывалом залег на карнизах, затейливо устроился на водосточных трубах. Густо запорошенные деревья даже при дневном свете выглядели причудливо. Не хватало только солнца, чтобы все это белое царство засеребрилось, заискрилось, засверкало. В комнате было тоже как-то радужно. И неярко, но свежо и удивительно хорошо, будто в ожидании чего-то необыкновенного.

Наташа уже встала. В теплом фланелевом халате, в мягких комнатных туфлях на босу ногу, она сидела перед большим овальным зеркалом и расчесывала волосы. Изредка она поглядывала на мать ласково, выжидающим взглядом.

— Ты, наверное, не ложились совсем, — сказала Александра Леонидовна, прибирая постель. — После гостей я успела и перемыть посуду, и убрать в комнатах, а тебя все не было. Я уснула, так и не услышав, как ты пришла.

— Я была с Павлом Качуевским, мама.

— Это нетрудно было заметить, — усмехнулась

Александра Леонидовна.— Исчезли, никого не предупредив. Геннадий остаток вечера не отходил от меня. А что я могла ему сказать? Ты, как девчонка!

— Мама, мне уже двадцать! Я уже старая. А ты говоришь, девчонка.

— А как прикажешь понять тебя, Натуля? Выйти на мороз, когда в доме четыре комнаты. Ну, сидели бы в какой-нибудь да разговаривали. Промерзла небось до косточек.

— Мама, знаешь, что мне сказал Павел? Он мне сказал, что с Геннадием я счастлива не буду. Что Геннадий, конечно, красивее, а может быть, и удачливей, чем он. Так же, как и подарок, шикарнее и эффектнее, чем подарок Павла, но такие люди, как Геннадий, больше думают о себе.

— Ты рассказала ему о Геннадии?

— Нет, он обо всем догадался сам.

— Не понимаю...— задумчиво произнесла Александра Леонидовна.

— Ничего удивительного,— хитро улыбнувшись, сказала Наташа.

Александра Леонидовна присела рядом с дочерью, внимательно и строго посмотрела на нее.

— Вы, конечно, посмеялись над Геннадием. Но он любит тебя, и у него серьезные виды.

Наташа расхохоталась:

— Как старомодно ты говоришь, мама! Ну какие виды? Если он не дурак, он давно все понял.

— Что понял, Наташа?

— Что нельзя делать виды на человека без согласия самого человека.

Александра Леонидовна покачала головой, как бы удивляясь непрозорливости дочери.

— Он обожает тебя и будет обожать всю жизнь. Он будет счастлив с тобой.

Наташа резко встала.

— Мама! Ты говоришь так, будто ты не моя, а его мать. Ты заботишься о его благе, печешься о его интересах. Ты думаешь о нем! Только о нем!

Александра Леонидовна испуганно посмотрела на дочь.

— Откуда ты все это взяла, Натуля?

Наташа порывисто обняла мать.

— Ну, муленька!.. Не будем говорить о Геннадии. Не напоминай мне больше о нем. Ну, прошу...

— Что ж,—после некоторого молчания упрямо сказала Александра Леонидовна,—допустим, он перестал тебе нравиться, хоть он и достоин того, чтобы нравиться девушкам. Допустим. Ну, а Павел? Ты уверена, что он тебе нравится?

Наташа стихла. Она села рядом и как-то сжалась вся. На лбу ее появилась маленькая морщинка. Александра Леонидовна поняла: серьезный вопрос задала дочери.

— Знаешь...—наконец сказала Наташа.—Ты, наверное, не так спрашиваешь... Нравится — не нравится... Это бывает в детстве. Я люблю Качуевского. Да! Люблю! — твердо повторила она.

— Наташа, опомнись! Ты совсем мало знаешь его!

— Я люблю Качуевского. Я знаю его всю свою жизнь. Я без него не могу, мама...

Александра Леонидовна растерянно смотрела на капельки слез, катившиеся по щекам дочери. Куда-то на последний план ушел Геннадий, далеко назад отодвинулся вчерашний вечер со всеми его событиями. И не было сейчас ничего, кроме Наташиных слов, кроме ее больших встревоженных глаз, из которых все катились и катились слезы.

— Натуля! Это бесповоротно? Это навсегда? Так ли я поняла?

— Да, мама...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СВАДЬБА

1

Сергей Корниенко, подмяв подушку, приподнялся на локтях. В доме было светло, радужно, солнце светило прямо в окно и как бы рассыпалось по комнате. «Скоро весна. Наконец-то и здесь скоро весна,—радостно подумал Сергей,—а у нас в Одессе она уже началась, снег уже тает. У берега лед хрупкий, пористый, и с моря дует влаж-

ный теплый ветер... Одесса! Увижу ли я тебя когда-нибудь, пройду по Фонтанке?»

— Сереженька, ты проснулся?

Сюда, за занавеску, где у печи стоит простая деревянная кровать, на которой вот уже второй месяц лежит Корниенко, заглянула Анна Баренцова.

Она только пришла, от всей ее фигуры веяло морозом.

— Проснулся, Анна Петровна,— Сергей подмигнул солнечным зайчиком, что прыгали в серых глазах, и сказал: — Подниматься пора мне, учиться ходить... Костыль нужен. Я вот думал и решил, чтобы раздобыла ты мне крепкую палку. Для опоры, понимаешь? Смастерю костыль.

— Еще рано ходить, не окрепла раненая нога. Кровотечение может открыться.

— Лежать осточертело... Прошу, раздобудь палку.

— Давай сначала, товарищ начальник, позавтракаем, на голодный желудок трудно говорить о серьезных вещах. У меня пшенная каша готова.

— Анна Петровна, хоть ты и строгая учительница, но я тоже с характером и могу настаивать.

Анна подошла и села на край кровати, положила теплую ладонь на плечо Сергея.

— Я тебе подарок принесла. От дяди Васи, помнишь, в прошлую субботу заглядывал поздно вечером? Хмурый такой. Только, чур, дай честное слово, что ровно неделю не будешь даже думать, чтобы встать.

— Анечка, ты ставишь такие условия... Я же твой пленник и так!

— Нет, дай твердое слово бойца!

— Скажи сначала, что за подарок?

— Вещь, которая тебе крайне необходима.

— Тряпки мне не нужны.

— Даешь слово?

— Да, при условии, что раздобудешь хорошую палку.

— Хорошо, если потребуется, достану тебе палку. А теперь давай слово.

— Даю честное слово, ладно...

Анна ушла в сенцы и через минуту вернулась,

держа в руках новенький, хорошо оструганный самодельный костыль. Сергей порывисто сел:

— Вот это штука! Сейчас испробую.

— Ровно через неделю,— Анна отступила и спрятала костыль за спину.

— Учительница — моя мучительница! — Сергей сидел с протянутыми руками.— Дай хоть подержать!

— Ровно через неделю. Дал слово, выполняй.

Анна ушла и унесла костыль. Потом послышалось, как она достает из шкафа посуду.

— С молоком или с маслом? — спросила она.

— Давай с молоком.

— Оно холодное. Кашу сразу остудит.

— Ничего, сойдет.

Кто-то настойчиво и требовательно постучал в дверь. Анна кинулась к окну, из которого было видно крыльцо.

— Староста...

— Староста?

Сергей машинально сунул руку под подушку и нащупал теплую рукоятку пистолета. «Черт возьми, костыль далеко! — с горечью подумал он.— Даже не встанешь с кровати...» Он задернул занавеску, оставил щель. Щелкнула глухо щеколда. Со скрипом отворилась дверь.

— Как живешь-можешь, учительша?

Голос почти бабий, резкий и самоуверенный. Сергей прислушался. Никогда не видел в лицо старосты, но много о нем наслышался. Не человек, а зверь.

— Как все, Семен Кириллович, времена такие... Школу открывать надо, давно пора.

— О школе пока нечего толковать. Будет сверху указ, мы задерживать не станем, учение, оно людям полезно. Так-то, барышня! Или, вернее, молодуха. Только на свадьбе твоей не гулял, в рот пива не попало.

— О чем это вы, Семен Кириллович?

— Все о том, кого скрываешь. Такая скромная вроде, а гляжу в окно и глазам не верю. Идет наша учительница и костыль под полою прячет. Для кого, думаю, ить она незамужняя у нас? Вот и пришел проведать по пути в свою контору.

— Костыль, говорите? — голос у Анны спокой-

ный, только Сергей сразу уловил за спокойствием напряжение и тревогу.— Вот этот?

— Он самый...

— Муж у меня... Возвратился недавно, по дороге на минное поле наскочил, поранил сильно ногу. Без ноги он теперь будет...

— Значит, есть человек?

— Муж, говорю. Зайдите, Семен Кириллович, в дом-то, чего в сенях разговор вести.

— Мне недосуг по гостям ходить. Ты вот что, учительша, разве порядков не знаешь? Появился новый человек, то обязана...

— Так какой же он новый, если муж мой?

— Не перебивай! Появился, говорю, в деревне, так зарегистрируй. Порядок для всех один, а с меня спрос. Понятно, учительша?

— Хорошо, Семен Кириллович.

— Я через час буду у себя, так ты, учительша, захвати документы этого самого мужа твоего и принеси. Каждый житель обязан быть на учете, мало ли какая проверка выйдет. Служба наша такая.

— Хорошо, Семен Кириллович.

Староста ушел. Сергей так и не увидел его, какой он из себя, этот подонок, прислуживающий гитлеровцам не за страх, за совесть. С какой охотой всадил бы в его плоский лоб — Сергей думал, лоб у старосты должен быть именно плоским и узким — всю обойму немецкого пистолета.

— Слыхал? — Анна раздвинула занавеску и устало опустилась рядом.

— Да.

— Надо что-то делать, — Анна нервно сжала свои пальцы. — Выследил.

— Уходить... Уходить отсюда и как можно скорее, — Сергей рывком сел и потянулся к рубашке, висевшей на гвозде. — Не теряй времени... Они могут нагрянуть очень скоро, прийти за мной... Подумай, куда можно хоть на время спрятаться... Хоть на чердак, хоть в погреб... Хоть в стог соломы!..

— Хорошо, что он тебя не видел.

— Какое это имеет значение? — Сергей торопливо одевался. — Время дорого. Как мы раньше о запасных позициях не подумали?

Анна вскочила и, накинув на плечи полупальто, поспешила к двери.

— Есть добрые люди у нас... Сережа, ты... В общем, я скоро, я сейчас же вернусь... Мы спрячем тебя!

2

Мороз охватил лицо. Солнце светило ясно, по-весеннему. Анна огородами вышла на другую улицу и кинулась к крайней избе. Постучала. Тишина. Она сильнее постучала. Снова молчание. Тут ее взгляд упал на окно: оно было крест-накрест заколочено досками. У Анны опустились руки. Ушли! Она вспомнила, как еще на прошлой неделе сидели при коптилке, и дед Антон, шевеля запорожскими усами, тихо говорил, что лесные тропы ему знакомы давно, и там появились «свои люди».

Заколоченный дом говорил о том, что дед Антон вместе с внуком ушел к партизанам.

Утопая по колено в снегу, Анна поспешила огородами к другому концу деревни, к дому дяди Василия. Она знала, что в доме хромого старого кузнеца, человека хмурого и нелюдимого, скрываются жена и дочь партийного работника из Смоленска. Принять к себе раненого он не сможет, но у Анны не было выбора.

Кузнец молча выслушал Анну, сворачивая крупными корявыми пальцами самокрутку, потом, чиркнув самодельной зажигалкой, не спеша раскурил, выпуская клубы едкого дыма.

— Да, елки-моталки, сплошные палки в наши колеса.

Анна вдруг заметила, что он тщательно приодет, будто собрался в дальнюю дорогу. Не было на нем лишь тулупа. На столе стояла закупоренная бутылка самогона.

— Надо до темноты припрятать партизана... Но куда? — Хозяин хаты задумался и потом произнес: — Давай до ночи в бане Михасевых... Идти через улицу не надо, дворами проведем.

— Там, как ледник, давно не топлено.

— Оденем потеплее. А что не топлено, так хорошо: в глаза полицаям не бросится, — и повернулся к печи: — Маринка!

— Я тут, папаня,— из-за лежанки вышла десятилетняя девчонка, остроглазая и шустрая. Одета она была тепло. Как будто была тоже собрана в дальнюю дорогу.

— Дуй к Семеновым, скажи, мол, дядя Вася зовет Ивана... дело есть.

Маринка, накинув на голову теплый платок, оглянувшись на учительницу, шмыгнула к двери.

Кузнец посмотрел в окно, как побежала дочка, повернулся к Анне.

— А ночью переправим в лес. Есть свои люди, только предупредить их надо.

— Спасибо, дядя Василий.

— Не за спасибо шкурой рискую, а за землю свою, за народ,— глухо произнес кузнец и снова затянулся.— Немцу у нас не вековать, жилки слабые. Стряхнем!

От спокойных слов кузнеца стало немного легче, однако беспокойство, вызванное внезапным приходом старосты, не проходило. Анна нервно мяла в пальцах вязаные варежки.

Предчувствия не обманули ее. В комнату не вошла, а влетела Маринка:

— Там немцы!

— Где? У Семеновых? — кузнец шагнул к дочке, разминая в корявых пальцах самокрутку.

— Нет... У Анны Петровны... Полицаи, два немца и староста... Я издали видела, как они дверь сорвали.

Анна птицей метнулась к выходу.

— Сереженька!..

Кузнец резко и грубо схватил ее за плечи и осадил.

— Не дури, девка! Не высовывай носа, не то и тебя заграбастают.

— Сереженька... Ой! Бедный мой...

Анна обмякла и, закрыв ладонями лицо, медленно опустилась на скамью.

— Кто выдал? Какая стерва? — кузнец мял в пальцах остатки самокрутки.— Раньше бы тебе признаться, Анна. Своих-то я уже переправил в лес. Общее наше дело — помочь... А теперь что? Теперь все, конец парню.

— Серезенька! — беззвучно плакала Анна.

На улице было пустынно. Но десятки глаз прильнули к пяточкам в оконных стеклах, отогретых жарким дыханием: два плюгавых немца и четыре пьяных полицаев волоком протащили полураздетого, одного партизана по морозному снегу. Бросили в сани на голые доски и погнали подводу в соседнее село, где находилась комендатура.

Все стихло, но еще одна беда траурным холодом легла на сердце сельчан.

Вдруг хлопнула входная дверь. Небольшой хлопек, младший сынишка Семеновых, живших в центре села, торопливым шепотом передал кузнецу:

— Учительницу ищут. Полицаи ходят по дворам.

Он покосился на окаменелую от горя Анну и исчез за дверью.

Кузнец спешно поднялся. Из-за печки достал большую, наполовину набитую торбу и повернулся к женщинам:

— Пойдешь, Анна, с нами. А ты, Маринка, момент собери для учительши что потеплей. Из маткиного. И сужари захвати. Давай все сюда.

Девочка суетливо металась, складывая в мешок то одну, то другую вещь и непрерывно оглядываясь на Анну. Сама она уже успела накинуть тулупчик и поверх него повязаться платком. Мать у нее умерла перед войной, и Маринка смотрела на Анну добрыми глазами, как смотрела бы на мать.

Кузнец надел свой тулуп, спрятал на груди бутылку самогона, поднял торбу и осторожно, чтобы не скрипнула, отворил дверь.

На улице было пока тихо. Здесь полицаев еще не было. По одну сторону боязливо замерли деревянные избы, по другую, почти касаясь последней околицы, вставал заснеженный сосновый лес. Притворив за собой дверь избы, кузнец повел обеих спутниц к темнеющему невдалеке лесу.

3

Свадьбу справляли в марте.

В главном партизанском штабе о свадьбе Качевского знали все, и каждый чем мог старался быть

полезным ему. Молодые командиры договорились забрать из штабной столовой питание за два дня сухим пайком.

Ранним мартовским утром накануне свадьбы из штаба, где значился Павел, пришла легковая «эмка» с продуктами. Водитель «эмки» молоденький шофер Валя Карамышев быстро снес кульки с продуктами на второй этаж, а потом помог Александре Леонидовне уложить все это в одной из нетопленных комнат. В то же время коллеги Наташи по работе ломали головы, какой свадебный подарок преподнести молодым.

И вот свадьба.

Были приглашены все Наташины друзья, а также товарищи Павла Качуевского, соратники по оружию.

В этот безветренный вечер падал ровный густой снег. Веселый громкий смех то и дело нарушал тишину заснеженного переулка.

Просторные комнаты, оставленные эвакуированными родными, быстро заполнялись. В большой комнате партизан Коля Кравченко играл на аккордеоне. Друзья Павла, подруги Наташи очень быстро перезнакомились и скоро узнали о каждом все. Девушки рассказывали подружкам, тем, которые пришли позже, что партизаны через несколько дней уйдут в поход, а партизанам было известно, что почти каждая из новых знакомых уже проводила своего милого и теперь живет ожиданием его писем с фронта. И все же в комнате царило оживление.

Наташа появилась под руку с Павлом. Как и полагается невесте, она была в белом платье. В комнате стало торжественно. Многие из товарищей Павла впервые видели его невесту: темные волнистые волосы до плеч, нежная улыбка, большие глаза, глядевшие чуть виновато, будто стеснялись своей радости, будто извинялись перед другими, перед всеми за то, что, может быть, не вовремя, некстати, но пришло оно, счастье, и ничего уж тут не поделаешь.

Очарованием веяло от невесты. Павел не мог не заметить восхищенные взгляды своих товарищей. Нет, он не ревновал. Он верил, что друзья рады и, конечно, понимают, не зря их командир потерял голову. Видел в глазах товарищей — он выглядит сча-

стливчиком. Кое-кто и позавидовал бы ему, если б не знал, что через месяц на опасное задание уходит в глубокий тыл врага отряд особого назначения, командиром которого будет Павел Качуевский. Гости шумно рассаживались.

Первый тост сказал комиссар отряда. Он поздравил молодых, пожелал им здоровья и долгих лет счастливой жизни. Потом он сказал:

— Горько! Все горько! Не могу пить вино. Не могу есть. Все горько!..

Гости хитро поглядывали на молодых. Наташа стала пунцовой от смущения и не знала, куда глаза девать.

За первым тостом последовали следующие. Молодых поздравляли, жали им руки, кричали «горько». Потом попросили Александру Леонидовну исполнить что-нибудь на пианино. Она не заставляла себя просить дважды. Ее сменил Сеня Юзин, давний товарищ Наташи. Он недавно выписался из госпиталя и ждал медицинской комиссии. Сеня очень хорошо играл и мог сидеть часами у пианино. Он знал почти всего Бетховена и по просьбе Павла начал исполнять девятую симфонию. Здесь тема радости преобладала над всеми другими и как бы аккомпанировала настроению Павла. Он сказал, обращаясь к Наташе:

— Жаль, что здесь сейчас нет моего друга Виталия Северцева. Порадовался бы за меня. Он тоже прекрасно играет.

Поднял тост отец Наташи. Поздравил молодых, пожелал здоровья, совета да любви. Пожелал Павлу и его боевым друзьям побед и удач на фронте. Поднялся молодой лейтенант Коля Кравченко. Он сказал, что ему, так же как и Павлу, уходить в леса, что у него еще нет девушки, а есть мать и младшая сестренка, которым отдает он всю свою солдатскую любовь. Но, если бы у него была невеста, нашел ли бы он силы уйти от нее так скоро?

К Коле Кравченко подсел сержант Михаил Дыбин, обняв товарища, опустил захмелевшую голову ему на плечо. Кравченко успел увидеть в черных глазах сержанта слезы.

— Ну, это ни к чему,— тихо сказал Кравченко...— На свадьбе слезы — плохая примета.

— Мою невесту звали Тася. Мы хотели пожениться осенью, после сбора урожая. У нас в колхозе после уборки хлеба праздник урожая начинался... Мы хотели в эти праздничные дни свадьбу справить...

Михаил Дыбин рукавом гимнастерки смахнул слезы и продолжал:

— А теперь село под немцами. Звери теперь там хозяйничают! Болит у меня сердце. Ох как болит!..

Кравченко увел вконец расстроенного сержанта на кухню, пока никто ничего не заметил. К чему портить праздничное настроение? Но скоро туда же пришла невеста. Она заметила слезы у сидящего на табурете Дыбина, наклонилась над ним, стремясь узнать в чем дело.

— Ты зря распустил нюни,— с досадой сказал лейтенант, чувствуя неловкость перед Наташей,— зря!

— Мою невесту расстреляли немцы,— тихо, с расстановкой продолжал сержант Дыбин.— Всю их семью расстреляли...— Ужас в его зрачках наводил ужас и на нее.

— Уже шла война... А мы собирали хлеб... Мы торопились, а моя Тася все пела «Синий платочек». Девушки очень спешили. Мой комбайн едва успевал. И сквозь его шум я все слышал и слышал, как поет Тася...

Вы не страдайте,— вдруг обратился он к Наташе.— Я уже все перестрадал... Я уже отомстил... гадам... И я буду еще мстить, пока жив! А вот только спойте мне «Синий платочек». Нет лучше этой песни для солдата.

В кухню вошел Павел. Он давно уже знал трагедию сержанта и, заметив расстроенное лицо Наташи, кинулся к ней.

Когда они ушли, сержант уронил голову на свои большие руки, лежавшие на столе, и никем больше не сдерживаемый, тяжело зарыдал. Кравченко молча сидел рядом.

За столом меж тем по-прежнему было шумно. Молодежь веселилась, развлекалась кто как умел. И никто не мог понять, почему посерьезнело лицо невесты.

Перед чаем она подошла к Александре Леонидовне и сказала:

— Мама, спой «Синий платочек». Я тебя очень прошу. Я бы хотела сама спеть, но боюсь расплакаться. Это в мой-то счастливый день. Вот будет смешно.

Когда собрались к столу, чтобы выпить горячего чая, Александра Леонидовна снова открыла крышку пианино. Пела она под собственный аккомпанемент:

Синенький, скромный платочек
Падал с опущенных плеч.

Гости молчали. Тревожно застыли партизаны. Павел бережно обнял невесту, стараясь не думать о скорой разлуке.

4

Буйствовал март.

Изменчивый, капризный, как избалованный ребенок, которого лишают возможности действовать самостоятельно, он то заводился слезами дождя, то вдруг крепчал морозом.

И в самом деле. С марта начинается весна. Долгожданная, многообещающая. Песнями встречала его капель, теплыми лучами солнце. Март врывался, обуреваемый тяжестью собственных сил и замыслов, спешил свершить переворот в природе. Юный, уверенный в силе своей благородной миссии, он не брал в расчет хитростей уходящего февраля. Едва появившись, он заявлял о себе властно, и оттаивали ледяные кружева на стеклах окон. Но не дремал и февраль: налетела вьюга, и отступал март, заснеженный, запорошенный. Отступал, а не сдавался весенний месяц. Негодующий, нетерпеливый, удвоив силы, он снова и снова пронзал теплыми стрелами дымящиеся сугробы. И опять растапливалось снежное царство: текли по дорожкам звонкие ручьи, с грохотом рушилась вниз гвардия ледяных сосулечек. Буйствовал март. День ото дня теплел воздух. Отступали морозы.

Был один из тех счастливых дней, когда оба они, Павел и Наташа, были свободны и вместе. Совсем

одни. Наташа смотрела в окно, и тающие сугробы казались ей просто бутафорией на сцене.

— Павел, ты помнишь свое обещание?

Качуевский вопросительно посмотрел на Наташу.

— Ах, ты уже забыл?

Наташа прыгнула с подоконника и подошла к мужу.

— Так быстро забываешь? А я-то думала, что командир партизанского отряда отвечает за свои слова.

— Наташа, в чем дело?

Он обнял жену за плечи, заглянул ей в лицо. Что еще она задумала? В ее темных глазах прыгали хитринки, так знакомые ему теперь, и которых, честно говоря, он уже начал побаиваться. Что еще она придумала? Все это короткое время, пока они вместе, Наташа наполнила таким обильным содержанием, что большего, кажется, уже не придумаешь. Теперь он воочию убедился, сколько деятельной энергии в его милой жене: чуть ли не на другой день после свадьбы они вместе с бригадой артистов-исполнителей, организованной при помощи Наташи, ездили в часть, и там Наташа заставила Качуевского выступить перед бойцами с воспоминаниями о своих боевых делах; в нескольких московских госпиталях ему пришлось рассказывать не только боевые эпизоды из своей фронтовой жизни, но и читать стихи Маяковского, Блока, Есенина, Симонова, которого Наташа любила. На курсах стрелков, над которыми отдел пропаганды райкома комсомола держал шефство, он поделился опытом применения боевого оружия, а на курсах медсестер прочел лекцию о том, как держаться в бою, когда вокруг летят пули и рвутся снаряды. И все это в свободное время. То время, которое они могли бы провести наедине друг с другом. Он не сетовал на свою жену. Он принимал ее такой, какая она есть, и только опасался новых «поручений», которые могут укоротить и без того короткое счастье.

Наташа посмотрела на него снизу вверх. И вот уже вместо хитринок в ее глазах покорность и просьба.

— Павел, ты обещал, что возьмешь меня в свой отряд. Ты можешь. Ты обещал, помнишь?

Качуевский побледнел.

Он вспомнил, как поздно вечером увел Наташу с ее веселого дня рождения. Как бродил с нею по ночной морозной Москве, согревая дыханием ее маленькие руки, закутанные в пушистые варежки. Вспомнил, как говорил ей о своей любви, как сделал предложение и как в ответ Наташа взяла с него слово взять ее с собой в леса, в партизаны. Тогда для него самым важным было услышать положительный ответ. И он готов был дать Наташе любое обещание. Неужели теперь расплачиваться за эту маленькую необдуманность?

— Я очень пригожусь вам. У меня разряд по стрельбе, ты же знаешь. Я закончила курсы медсестер.— Наташа помолчала. — Я пригожусь и для разведки, — снова начала она. — Я немного знаю язык. Ты не пожалеешь, если возьмешь меня.

Качуевский молчал. Он смотрел на Наташу и с горечью думал о том, что не в силах подобрать слова, которыми он мог бы объяснить, как она дорога ему. За нее, за только что обретенное сокровище, он мог бы отдать всю кровь каплю за каплей, он мог бы пойти на любые муки. Все — только не это.

— Ты ведь не шутил тогда, Павел,— в голосе Наташи тревожные, почти отчаянные нотки.— Ты ведь согласился со мной. Ты сам сказал, мы никогда и нигде не расстанемся.

Качуевский отстранил жену и прошелся по комнате. Посуровевшее лицо Павла стало чужим, и это как-то сразу отдалило их друг от друга. В отчаянии Наташа воскликнула:

— Я перестану верить тебе, Павел, если ты не сдержишь своего слова!

Что-то случилось: сбился четкий шаг. Сразу стало видно, как чуть прихрамывает левая нога. Боль, как от удара, пробежала по его лицу. Наташа отвернулась, стараясь не видеть этих укоризненных глаз.

Качуевский медленно подошел к жене:

— Ты вынуждаешь меня, Наташа. Ты знаешь, нет ничего сильнее моей любви к тебе.

— И моей тоже,— быстро и серьезно ответила Наташа.— Я все равно уйду на фронт. Но я хочу

уйти с тобой. Я без тебя не могу. Я буду всюду, где будешь ты. Мы должны вместе защищать Родину. Как же ты не понимаешь этого, Павел?

В тот же день, ближе к вечеру, когда короткий весенний закат угасал и повсюду как бы нехотя зажигались тусклые уличные фонари, Александра Леонидовна возвращалась из госпиталя. Несмотря на усталость, настроение у нее было солнечным. В каком-то радужном счастье она жила все эти дни, после свадьбы дочери. Павел оказался чудным малым. Любящим, нежным. Почему счастлива она? Наверное, потому, что счастлива дочь. Ей, Александре Леонидовне, не посчастливилось встретить в жизни преданную верную любовь. Дочери — посчастливилось. Она и сама не питала такой жертвенной, всепоглощающей любви к отцу Наташи. Ее дочь любит! И эта любовь превратила девочку в сгусток радости, красоты, счастья. Благословен тот, кто любит, кто может любить.

По улице Герцена она свернула к дому, где жила Пелагея.

На звонок открыла соседка. Она шепотом рассказала, что Пелагея болеет. Правда, сейчас ей уже лучше, но беда была большая: на той неделе ей прислали извещение о гибели старшей дочери. Дочь ее, Зиночка, служила не на передовой. Пуля, сразившая ее, была случайной, как говорится, шальной. И что лучше не напоминать ей о ее Зиночке.

Александра Леонидовна сочувственно выслушала все это и осторожно постучала в дверь. Комната была чистой, убранной, но какой-то неуютно-одинокой. Пелагея полулежала на широкой железной койке. Увидев гостью, она приветливо кивнула. Но улыбка у нее вышла грустной. Удрученная Александра Леонидовна молчала, не находя слов. Не вовремя пришла она в эту печальную комнату со своим счастьем.

Усадив гостью, больная женщина тихо сказала:

— Я рада за вас, за вашу дочку. Я ведь получила от вас приглашение, но вот... не смогла.

— Ничего, ничего, — ободряюще говорила Александра Леонидовна. — Не тревожьтесь.

— Теперь вы должны быть спокойны, — продолжала больная. — Дочка останется с вами. Это лучше.

А еще лучше, если у нее родится малыш. Тогда уж точно не уйдет.

Мать Наташи вздрогнула. Она задумчиво посмотрела на больную женщину, как будто бы хотела узнать, не читает ли та ее мысли. Ведь в самом деле, неотступно за Александрой Леонидовной ходит надежда, что у Наташеньки родится малышка, и тогда...

Она виновато-радостно опустила глаза:

— Я тоже мечтаю, чтобы у нас был малыш.

— Будет, — умиротворенно заключила Пелагея. — И все обойдется... Даст бог...

5

В раздумье возвращалась домой мать Наташи. Ни разу не приходилось ей видеть старшую дочь Пелагеи — Зиночку. Но поразила стойкость, с какой приняла горе мать. Не жалуется. Не обвиняет. А дочери больше нет.

На повороте сноп света бросился в глаза. От неожиданности Александра Леонидовна остановилась: что это? На том месте, где раньше был просто угол, сейчас оказался огромный плакат. Зовущий и страстный. Встревоженно глядела Александра Леонидовна на него, и кровь ее медленно леденела: на плакате выписана фигура молодой женщины в военной форме. Она протягивала своего ребенка седой матери и уходила, хотя ручки сына тянулись к ней.

Дома ее встретила Наташа. Глаза дочери светились. Она помогла матери раздеться и вообще старалась быть услужливой. Потом они пили вместе чай.

За столом Наташа осторожно поведала матери, что они с Павлом решили воевать вместе.

Ничего не дрогнуло в Александре Леонидовне, даже выражение лица не изменилось. Успокоенная Наташа, помолчав немного, стала подтрунивать над Павлом, который еще сомневался, брать ее на фронт или не брать.

Александра Леонидовна молча допивала чай. Ни слез, ни возражений, ничего она не могла себе позволить. С тоской смотрела на большое светлое пятно на стене, оставшееся от старого персидского ковра.

Недавно он висел здесь. Недавно. Тогда, когда Наташа еще принадлежала ей, только ей одной. Как они были счастливы вдвоем! Нет старого ковра. В день свадьбы молоденький шофер подполковника, начальника базы, Валя Карамышев привез на полковой «эмке» гору кульков с продуктами. Когда машину разгружали, случайно распорол наискось кожу на спинке заднего сиденья. Шофер Карамышев ахнул и побелевшими губами сказал, что теперь ему крышка, что подполковник снимет с него голову.

Наташа, видевшая все это, не раздумывая, бросилась домой. Она торопливо сняла со стены тяжелый ковер, висевший здесь почти четверть века, и потащила его вниз. Этим ковром она застелила заднее сиденье «эмки».

Что ж, ей теперь останутся лишь воспоминания. Как легко Наташа рассталась с ковром, так легко расстанется и с ней, Александрой Леонидовной. А она-то считала, что незаменима для Наташи. Что нет никого роднее для ее девочки, чем она, ее мать.

Серьезно, без улыбки, Александра Леонидовна сказала:

— Куда же ты ее берешь, Павел? Или ты в самом деле веришь, что она такая сильная?

У Наташи взметнулись брови.

— Мама!

Все замерло в комнате. Тишина, сначала незаметная, все нагнеталась. Нестерпимым звоном оборвалась в ушах.

— Мама! — горько вымолвила Наташа. — Ты у меня такая... передовая, современная женщина. Ты хорошо понимаешь обстановку сегодня... А вот если коснулось твоей дочери, так ты сразу стала обыкновенной мамой!

Александра Леонидовна медленно и как-то потерянно поднялась, собрала чайные чашки и молча ушла в кухню. Наташа сразу погрузилась в задумчивость.

Вечер смотрел в темные окна. За стеклом чуть покачивались мокрые веточки липы. Весенняя капель мерно постукивала по подоконнику.

Подождал Павел. Сел рядом. Обнял Наташу.

— Может, мама права.

Наташа молчала. Павел привлек ее к себе. Она не сопротивлялась, но и не отвечала, как будто бы ей был безразличен этот порыв нежности. Павел целовал ее руки, потом встал на колени. Она по-прежнему была безучастна. Тогда он сказал:

— Ну, хорошо! Предположим, что ты на фронте.— Качуевский встал.— Предположим. Кругом бой. Свистят пули. Раненые, а их много, просят помощи.

Наташа, быстро подобравшись, вскочила с тахты. Она с интересом смотрела на Павла.

— Вот я — раненый. Учти только, что на мне еще шинель и оружие. Перевяжи меня, возьми мое оружие, подними и тащи.

И Качуевский, будто сраженный невидимой пулей, как подкошенный, повалился на паркет и застыл, скорчившись.

Удивление на лице Наташи сменилось торжествующей радостью. Она опустилась на коврик возле Павла. Вытащила из предполагаемой санитарной сумки несуществующий бинт и принялась перевязывать «раненого».

— А кругом стреляют,— предупредил Павел.— Рвутся снаряды. Ты должна сохранить не только меня и мое оружие, но и сама не попасть под пулю.

Наташа стала поднимать Павла, пробуя ползти с ним. Для этого пришлось напрячь все силы и, к сожалению, убедиться, что это совсем не легкое дело.

В этот момент в комнату вошла Александра Леонидовна. Она сразу поняла, в чем дело. И уже не было комнаты, паркета, а было поле, неровное, взрытое снарядами, усеянное телами раненых. И надо ее дочери вынести не только Павла, а еще многих других. С побледневшим лицом она смотрела, как Наташа, сконфуженная собственным бессилием, пытается улыбаться. Но от смеха и сконфуженности сил становится еще меньше, и вот уже нервный смешок дочери готов перейти в слезы. Нет, не осилить ей раненого. Но Наташа вдруг гордо выпрямилась, затянула поясok потуже и сказала:

— Когда нужно будет, смогу!

Столько было уверенности в ее голосе, что Павел не стал спорить. Поднялся с пола, обнял ее и сказал:

— Верю, что сможешь.

ВЕСНА

1

Была весна. Люди, измученные холодом, голодом, тревожными бессонными ночами, радовались теплоте солнца. Вместе с весной придет облегчение. Люди верили в это. Верили в весну, в свой нелегкий труд, в победу.

Наташа глядела на окна домов. Чистые, умытые, они светились, как будто заигрывая с теплыми лучами. И даже бумажные полосы, наклеенные крест-накрест, не портили настроения.

Вместе с весной в райком пришли новые заботы. Особые, весенние. Пахнувшие талым снегом и землю, от которой шел легкий пар.

В райкоме еще не знали, что Качуевская собирается уходить вместе с мужем на фронт. Наташа молчала, но торопилась в работе. За оставшееся время надо успеть многое сделать.

Румянцева уходила в горком на очередное заседание. Одеваясь, она сказала Наташе:

— Завтра опять в командировку. В Рузу. Жаль, конечно, разлучать тебя с мужем. Но, сама понимаешь, надвигаются дела: посевная, Первомайские праздники. Тебе придется поработать в колхозах и МТС. Докладчиков проси в горкоме.

Наташа кивнула. Завтра чуть свет в район. А сегодня надо закончить срочные дела.

С машинки принесли заявку, адресованную в Московский городской комитет комсомола, которую нужно было срочно отправить. Наташа прочла:

«Прошу обеспечить докладчиками на комсомольско-молодежном собрании по теме «Комсомол в Отечественную войну» следующие предприятия Краснопресненского района...»

Выверив фамилии, она поставила подпись и запечатала конверт. Потом взяла чистый лист бумаги, написала четким почерком:

«Тов. Высотский!

К сожалению, никак не могу Вас дождаться. Мне

необходимо уехать. Позвоните мне в субботу или утром в воскресенье домой: К-1-86-26.

Необходимо, чтобы Вы сделали доклад «Комсомол в Отечественной войне». Как его делать, свяжитесь с т. Чернаковой, оставляю Вам список литературы к докладу. Вы будете работать в комиссии по агитации при РК ВЛКСМ.

Н. Качуевская».

Наташа оставила записку на столе Румянцевой и попросила передать ее Высотскому, который должен явиться завтра. Затем она снова взяла ручку и лист бумаги.

«Тов. Киевский!

28/IV — 42 г. в 6 ч. вечера в помещении ДОК им. Павлика Морозова состоится общерайонный первомайский вечер молодежи. РК ВЛКСМ Красной Пресни очень просит Вас помочь нам пригласить на этот вечер нескольких писателей, поэтов-фронтовиков. Помня Ваше обещание, мы очень надеемся на Вашу помощь!

Если разрешите, я позвоню Вам по этому вопросу. Очень жалею, что не застала Вас лично, чтобы поговорить об этом. Очень прошу помочь нам.

Инструктор РК ВЛКСМ Кр. Пр.

Качуевская».

Наташа попросила машинистку отпечатать все это. В апреле, возможно, ее уже не будет в Москве, но дело должно быть сделано.

2

Проводив жену в командировку, Павел отправился к-себе в штаб на Тверской бульвар. Начальник штаба партизанского движения встретил его сухо. Павел немного удивился. До сих пор полковник относился к нему тепло, почти с отеческой заботой. Он вникал во все детали будущего похода и всячески помогал молодому командиру. Сегодня он был мало расположен к душевному разговору. Уладив текущие вопросы, Качуевский встал, чтобы попрощаться. Полковник жестом остановил его:

— Разрешите один вопрос. Суточно личный... касающийся вас.

Павел остановился. Тон сказанного, а также лицо начальника штаба, ставшее сразу каким-то скучным, насторожили его. Что случилось? Ведь все уже оговорено, подробности похода разработаны до деталей.

В кабинет полковника просунулась седовласая голова штабного снабженца. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но, увидев строгие глаза начальника штаба, тут же скрылся за дверью.

Павел почувствовал себя неуверенно. Недобрые предчувствия охватили его.

— Вопрос, касающийся вас...— холодно повторил полковник. Он встал из-за стола, прошел к карте, висевшей на стене напротив, внимательно посмотрел на нее, повернулся.— В штабе стало известно, товарищ Качуевский, что вы берете в партизанский отряд свою жену. Так это?

Качуевский прямо глядел в лицо командиру. О том, что Наташа идет с ними, почти решено. Об этом знают все в штабе. Знает и полковник. Ни от него, ни от кого другого Павел не скрывал этого.

— Я волен выбирать людей в свой отряд,— сказал он.

— Ваша жена в вашем отряде?— снова переспросил начальник штаба.

— Да,— четко ответил Качуевский,— Наталья Качуевская имеет диплом санинструктора. Имеет разряд по стрельбе. К тому же она неплохо владеет немецким языком.

У полковника дрогнули седые брови. Он сухо сказал:

— Прежде всего, она ваша жена. Разрешите напомнить, что мужу и жене быть в одном отряде не положено. Короче, штаб не рекомендует. Учтите это! Вам надлежит быть дисциплинированным и в этом вопросе... Вы свободны.

Выйдя из кабинета, Павел осмотрелся. Ему казалось, что его окатили ушатом воды. Навстречу ему устремился снабженец. Он вытащил из полевой сумки несколько пачек папирос и сунул их в руки Павлу. Укоризненно качая головой, он сказал:

— Товарищ Качуевский, вы же знаете, хороших людей я сам люблю обслуживать. Мне нетрудно лично доставить папиросы. Лучшие папиросы. Я знаю, как их ждут. Но полковник смотрел таким зверем! Что мне остается делать?

— Да, да, вы правы,— ответил Качуевский, почти не вслушиваясь в слова собеседника.— Я тоже думаю, что мне делать... что?

Махнув рукой, снабженец снова направился к кабинету начальника штаба. Павел видел, как он скрылся за широкой, обитой черным дерматином дверью.

— Ну, а что делать мне? — снова вслух подумал он, шагая вдоль коридора.— Что делать, что предпринять?

Николай Васильевич Зебницкий, к которому зашел Качуевский, пытался успокоить товарища шуткой. Но, увидев, что тот не успокаивается, твердо сказал:

— Понимаешь, друг, Наташа не подходит для партизанского отряда. Девушки в отряде нужны в основном для разведки, а куда ее такую пошлешь? Если ее и переоденешь, то руки, ее походку, чёрты лица не скроешь. Попадется врагу в зубы — и себя и других погубит.

Раздосадованный Павел ушел из штаба ни с чем. Разболелась нога, и он снова захромал. Навстречу вдоль Тверского бульвара маршировал батальон девушек в гимнастерках и защитных юбках. Они пели: «Идет война народная». Мимо проехала автомашина с красными крестами.

Павел нащупал в кармане гимнастерки билеты в театр. Тогда, у кассы, он думал отпраздновать этим их счастливый уход, теперь это будет вечер расставания.

Дома никого не было. В почтовом ящике он нашел письмо от Сергея Невгорова. Он быстро прочел его и сел писать ответ. Телефонный звонок заставил его оторваться. Звонил Зебницкий. Он просил незамедлительно явиться в штаб.

— Что-нибудь о Наташе? — спросил Качуевский, надеясь, что ему разрешат взять Наташу в свой отряд.

— Нет,— услышался ответ.— С Наташей все по-прежнему. В штаб пришли две шифрограммы с той стороны. Необходимо кое в чем разобраться. Павел торопливо накинул шинель.

3

Быстро темнело мартовское небо. Яркие звезды мигали и, казалось, переговаривались с кем-то. Сбоку повис желтый серп месяца. Здания вдоль улиц, застывшие, как дозорные, в белых нахлобученных шапках, провожали запоздалых пешеходов поблескивающими глазницами зашторенных окон.

Наташа и Павел шли из театра. Чуть-чуть морозило. На углу Никитской два офицера проверяли документы. У Павла был пропуск, и их быстро отпустили. Они прошли мимо солдат зенитной батареи, которые грелись у небольшого костра, разведенного прямо на площади. В Скарятинском переулке они оказались единственными пешеходами.

— Какие звезды! — тихо сказала Наташа.

— Жаль, что они не греют,— промолвил Павел.— Зенитчики мерзнут. Всю зиму жгут костры.

— Только ли зенитчики. Я видела ребятшек, таких счастливых от солнца, от тепла! Они, наверное, тоже крепко мерзли.

Павел молчал. Кроме звезд он видел небо, в котором, как эскадра кораблей, плавали аэростаты.

— О чем ты думаешь, Павел? — живо спросила Наташа.— Мне иногда так хочется научиться читать чужие мысли!

— Чужие? — переспросил Павел.

— Не то, чтобы чужие, ну, скажем, твои. Слышишь, Павел, очень хочу угадывать твои мысли. Ты часто молчишь, и я, пожалуй, скоро научусь этому.

— Не надо,— серьезно попросил Павел.— Все, что для тебя, я расскажу сам, а для врагов пусть останется со мной. Только ты должна помнить, Наташа, я люблю тебя. И это будет вечно.

Наташа засмеялась:

— Ты говоришь так, будто мы расстаемся!

«Наташа, мы расстаемся», — мысленно сказал Па-

вел и тут же обрадовался, что Наташа не слышала этих слов. Как страшно они звучат сейчас, когда все так хорошо.

— Павел, тебе понравился спектакль?

— Да.

— Мне тоже. Я ведь и раньше видела эту пьесу. А сегодня я все время глядела на тебя. Мне так хотелось, чтобы ты полюбил театр и все, все, что люблю я.

— Мне понравилось,— тихо отозвался Павел.

— Я сразу поняла это. У тебя были такие глаза! И волосы, светлые даже в темноте! Они падали на лоб, и лицо твое казалось лицом благородного рыцаря, только что совершившего подвиг... Ты очень красивый, Павел,— призналась она совсем тихо.

Павел обнял жену. Как мало им осталось быть вместе.

— Наташа, через три дня мы расстанемся!

Наташа все еще улыбалась. Такая нелепая шутка. Но когда муж снова повторил, она как бы очнулась.

— Расстанемся? — переспросила она.

И вдруг все стало ясно. Застыли в жалостливой боли глаза мужа. Закружилась безлюдная улица.

Усилием воли она взяла себя в руки.

— Ты уходишь в поход... без меня?

Молчание Павла было красноречивее слов. Она высвободилась, пошла вперед. Павел догнал ее, обнял за плечи.

— Я ничего не могу изменить, Наташа,— горько признался Качуевский.— Но я рад, что ты останешься в тылу. Ведь если бы с тобой что-либо случилось в лесу, я не пережил бы. Почему ты молчишь, Наташа? — снова заговорил Павел.— Ты скоро поймешь сама, что так лучше.

Наташа кусала губы. Слова, которыми она могла бы возразить мужу, застыли где-то в самом сердце и превратились в тягучую боль. Она почувствовала, как слезы жгут щеки. Павел что-то продолжал говорить, она слушала и не слышала и вдруг увидела звезды. Яркие, чистые, они мигали, двоились в глазах и падали. Тихо-тихо было вокруг, молчал и Павел, только звонко переговаривались звезды. Они

двоились, двоились и падали. Падали куда-то вниз. Радужными огоньками расплывались по всему небу и исчезали совсем близко, у самых глаз.

Наташа вытерла слезы.

4

На следующий день Наташа отпросилась с работы пораньше. Она спешила домой, чтобы собрать в дорогу мужа. Дома ее ждали два письма. Одно — от Нины Суржиковой, второе — от двоюродного брата Игоря Миклашевского.

Наташа обрадовалась, особенно письму брата. Уже четыре месяца не было от него никаких известий. Они с мамой волновались, не случилось ли что. Враг рвался к Ленинграду. Оттуда доходили до москвичей печальные вести. Наташа нетерпеливо разорвала конверт и увидела, что письмо датировано еще октябрем. Оно шло пять месяцев, в то время как несколько других писем, написанных гораздо позже, они уже получили и написали ответы. Наташа прочла:

«Дорогая сестренка. Вот уже четыре месяца идет война. От многих я получаю письма, и ты не забывай своего брата. Ты не можешь себе представить, как приятно получить теплую весточку от близкого человека. Ну, да ладно! Я ударился в лирику, а это мне не идет. Чувствую себя хорошо. От своей мамы узнал, что ты с тетей Алей в Москве, ну и сразу решил черкнуть. Напиши мне подробно о себе. Все время несем боевую вахту против фашистских стервятников на подступах к городу Ленина. Им дали здесь жизни так, что они отказались брать город и назначать числа, когда они будут в Петербурге. Им не видать этого города, как своих ушей. Мы еще повоюем. Будет и на нашей улице праздник...

...Поцелуй за меня маму. Передай всем привет.

Узнай, что с Лесковыми, почему я ни от кого из их семьи ничего не имею. Передай им мой горячий привет. Только что написал письмо нашей дорогой бабуле. У меня с собой несколько фотографий. Я часто в свободное время смотрю на них и вспоминаю былые золотые денечки. Ну, целую тебя, жду ответа.

Твой брат Игорь»

Наташа грустно подошла к окну, прислонилась лбом к теплomu стеклу. Ровное предвечернее солнце спокойно заглядывало в глаза. Война раскидала всех родных и знакомых. Игорь под Ленинградом. Андрей где-то на Минском фронте. Бабуля с Гутей и Тамарой в Кирове. Родители Игоря тоже далеко. Обо всех болело сердце. Письма приходили редко, от этого беспокойство увеличивалось.

Осторожно разорвала конверт с письмом от своей подружки Нины Суржиковой. Письма ее всегда утешали. Она заранее радовалась всякий раз, едва получила ее маленький солдатский треугольник.

«Здравствуй, Наташенька!

Моя родная, любимая! После двухмесячного молчания получила твою открытку, даже глазам не поверила, хотя все время ждала. Никаких твоих длинных и подробных писем я не получала. А если бы ты знала, Наталочка, как я боялась за тебя, волновалась, думала, что-то случилось с тобой! Я маму буквально осаждала просьбами сходить к тебе. Совсем ничего не знаю о том, как вы там, ничего не знаю ни о тебе, ни о Пал Палыче. (Я даже не знаю, кто он. Откуда-то вдруг появился и полонил мою подружку?) Словом, ничего не знаю. Пиши побыстрее и подлиннее. Очень прошу тебя, моя славная, ласковая.

А у меня теперь еще новое дело есть: при политотделе дивизии организовали агитбригаду. Пока в ней только девять человек, вместе с Наташей Залка и со мной. Я пом. реж. и участник. Каждый должен делать все, что умеет. Я теперь даже пляшу. За пять дней подготовили программу и уже дали несколько концертов.

Наташенька, родная, жду от тебя подробного письма, как хочется тебя видеть и все-все узнать самой... Крепко, крепко целую.

Твоя Нина».

Наташа подняла голову. Она уже написала Нине, где рассказала все о свадьбе, о Павле и даже об их решении идти вместе в тыл врага. Письмо это Нина, наверное, уже получила. А потом в следующем письме она узнает, что Наташа никуда не ушла, по-прежнему живет и работает в Москве. Не везет, так не везет! Постоянные барьеры, хуже не

придумаешь. Мало того, Павел взял с нее твердое слово, что она не будет проситься на фронт до его следующего возвращения на Большую землю.

Наташа вспомнила, что отпросилась она с работы, чтобы помочь Павлу собраться в дальний путь. Эх, Павел, Павел, мало ты еще знаешь свою жену!

Она подошла к письменному столу, где в рамке под стеклом стояла фотография Качуевского, и долго смотрела в его лицо. Около фотографии лежал лист бумаги. «Здравствуй, Сергей...» Дальше ничего не было, но Наташа обрадовалась, что Павел, прежде чем уехать, вспомнил своего однополчанина. Письмо от Сергея Невгорова они получили неделю назад. Он поздравлял и завидовал их счастью. Ему обязательно надо ответить. Сергей в госпитале, ему предстоит тяжелая операция. Как она могла забыть и задержаться с ответом?..

По радио сообщали последние известия.

Наташа открыла теплую дверцу железной печки, щипцами вытащила оттуда несколько тлеющих угольков и осторожно ссыпала их в чугунный утюг, потом крепко завинтила чугунную крышку утюга. Поставив его на железную подставку, она открыла платяной шкаф. Теплая фланелевая сорочка, подаренная Павлу Александрой Леонидовной в день свадьбы, лежала выстиранная, но неглаженная. Достала теплое нижнее белье, две пары шерстяных носков, связанных мамой для Павла. Из комода вынула полотенце. Она не знала еще, понадобится ли это Павлу, но на всякий случай решила все приготовить и сложить в небольшой чемоданчик, с которым сама часто ездила в командировку.

Когда все дела были закончены, чемодан лежал на краю кушетки, набитый всякими «необходимыми» вещами, она наконец подошла к письменному столу. Одиноким забытым лежал на нем чистый лист бумаги с единственной строчкой.

Наташа склонилась над письмом:

«Сереженька, дорогой!

Получили твое чудесное, такое родное письмо. Если бы ты знал, как мы волновались за тебя. Ведь от тебя так давно не было писем. Сереженька, семейный друг наш хороший, спасибо за поздравления.

Как бы хотелось поскорее тебя увидеть. Рады, что ты приедешь к маю. Но, к сожалению, в мае Пал Палыча уже не будет. Завтра он уходит в поход. Уходит без меня. Я очень с ним в отряд просилась, они меня ни за что не берут и слушать даже не хотят. А Павел утешает, пойми, говорит, ты у меня одна на свете, что я буду делать, если тебя потеряю. Но знаешь, Сергей, я поступаю на специальные военные курсы при РК ВЛКСМ. Может, если кончу, пошлют на фронт. И хотя Павел взял с меня слово, что я не пойду снова проситься на фронт, я все равно решила закончить эти курсы. Он об этом не знает. Конечно, мне очень тяжело делать ему больно, но сидеть в тылу, когда друзья мои и подруги дерутся, отдавая свою кровь и жизнь на фронте, мне тоже тяжело.

Страшно мне подумать о том часе, когда придет пора прощаться с Павлом. Страшно, но знаю, что так надо, ничего не поделаешь — война! Буду терпеть и ждать. Очень жаль, что не могу быть всегда с ним рядом, как бы хотела.

Сергей, как хорошо, что ты теперь уже в благоустроенном госпитале и будут тебя оперировать. Мы с Павлом надеемся, что все будет в конце концов хорошо, непременно будет, Сережа! Поддерживаю твоё желание делать дипломный спектакль. Завтра-послезавтра непременно схожу по этому вопросу в комитет. Думаю, что это можно будет ускорить, хотя несколько сложно из-за того, что в Москве мало кто есть из комитета по делам искусств. Гусева нет. Ну, да все-таки сделаем! Только ты поправляйся поскорее и получше, приезжай в Москву, погостишь у нас, подумаем, обсудим, отдохнешь и будешь работать.

В ГИТИСе сейчас очень мало кто остался из тех, кого ты мог знать. Кто на фронте, кто в Саратове. Оставили официально: режиссеров, сцен. реч., 1-й курс театроведов и аспирантуру влили в ЛЕТУ, в который сейчас вошли и ИФЛИ, юридический, геологоразведочный и многие другие институты. Занимаются театроведы в помещении ГИТИСа, а холод такой, что они в перерыве бегают на улицу «погреться». Сейчас они заняли все места, и бригадам негде репетировать.

Наши бригады продолжают работать — обслужи-

вают воинские части, вокзалы, эшелоны и так далее. Подобралась безумно забавная, жизнерадостная и очень интересная бригада (настоящая своеобразная «республика ШКИД» со своими законами, устоями).

Сегодня я опять выступала в концерте. Я ведь работаю в РК ВЛКСМ Кр. Пресни в качестве инструктора по агитации и пропаганде, и на выступления совсем не остается времени. А в ГИТИСе сейчас нет ни секретаря, ни одного члена партии, никого из комитета ВЛКСМ, кроме меня, и даже нет никого из крепких ребят, кого я могла бы сделать своим заместителем. Дело-то в том, что с началом посевной работы в райкоме утроится, предвидятся частые командировки на предприятия района, в колхозы, МТС района города Рузы. (Он нашему РК подшефен.)

...А знаешь, Сереженька, так учиться бешено хочется, бывает моментами особенно. Просто физически хочется! Ведь мы-то только-только приобщились еще к святым святым, только окончили стадию этюдов и перешли к пьесе, настоящей пьесе! 1-й акт «Любови Яровой» и «Трех сестер» и монтаж по «Собаке на сене», и мне дали Дину в «Собаке» и Наташу в «Сестрах». Я чуть с ума не сошла от счастья! А в октябре уже была эвакуация, и все рухнуло.

...Сейчас в Москве весна, солнце светит днем всю. С крыш повсюду сбрасывают снег, так что и здесь ежеминутно грозит опасность «погибнуть» в собственном тылу от снежных комьев и льдин с крыши. Шутка, но ты, конечно, помнишь это время, когда весна чувствуется даже в воздухе, и настроение поднимается само собой. Но мне, скажу честно, даже весна не помогает. Страшусь разлуки с Павлом.

Я очень счастлива с ним, Сережа. Я никогда не была счастлива и не думала, что буду так... Ты прав, Сереженька, такому человеку не страшно доверить свою жизнь, он идет по правильной хорошей дороге и никогда не сделает ничего нечестного. Он часто относится ко мне, как к маленькой, хотя ведь только на три года меня старше, но любовь его настоящая, хорошая, большая. Знаешь, у меня такое чувство, что мы уже сто лет женаты и всю жизнь друг друга любим. А то иногда он спит, а я смотрю на него и

думаю, что как это все же странно: жили два человека на свете, никогда не встречались, ничего не слышали друг о друге и так могли пройти в жизни мимо, не встретиться, если бы не случай, которого могло и не быть. А теперь вот он мне самый родной и близкий на свете. Когда я говорю это Павлу, он со своею решительностью (ты ведь, наверное, ее знаешь) заявляет: «Чепуха, не может этого быть, чтобы я тебя не встретил. Непременно бы встретил, на дне морском нашел бы». И с такой уверенностью трудно спорить...

Сереженька, родной, мне больно писать тебе о своем счастье, в твоих строчках сквозила грусть и горечь. Так хочется, чтобы и ты был счастлив, как ты того заслуживаешь. Но все еще будет хорошо. Я уверена, не может быть плохо, не имеет права, слышишь! Главное, чтобы ты поскорее поправлялся и чтобы у тебя больше ничего не болело.

Знаешь ли ты, что ты представлен к ордену Красного Знамени? Вероятно, когда поправишься и приедешь в Москву, то сможешь уже его получить. Павла представили к ордену Ленина.

Сереженька, с удовольствием писала бы это письмо все еще и еще, говорила бы с тобой обо всем на свете, да надо кончать, и так слишком длинно, цензура может не пропустить его. Послала тебе телеграмму, а то письмо будет долго ведь идти, так чтобы ты знал, что мы тебя вовсе не забыли.

Когда пришла домой, на столе увидела лист: «Здравствуй, Сергей...» Павел начал писать тебе письмо, так что жди от него письма. Ну, кончаю, пиши мне, Сережа, почаще и поподробнее, главное, о здоровье, и откровенно, правду. Я скоро напишу еще и о результатах комитета. Целую крепко. Мама и папа тебя целуют.

Твои Павел и Наташа».

5

Зазвонил телефон. С бьющимся сердцем Наташа подняла трубку: может быть, Павел.

Звонила мама. Она сообщила, чтобы сегодня ее не ждали домой. В госпиталь привезли тяжело ранен-

ного партизана и сейчас будут делать операцию. «Беда в том, — волновалась Александра Леонидовна, — что он потерял много крови и очень ослаб. Ночь, конечно, придется дежурить около него».

Как всегда, в тех случаях, когда Александра Леонидовна рассказывала о смертельно раненном, прибывшем в ее госпиталь, у Наташи тяжело сжималось сердце. Раньше, каждый раз после такого звонка она бежала в госпиталь, чтобы быть чем-то полезной. Но последние недели, загруженная работой в райкоме и институте, она совсем редко стала бывать в госпитале. Но уж, появившись там, она прежде всего забежала в свою «трудную палату», где ее по-прежнему ждали раненые. По-прежнему. Только теперь там лежали совсем другие. Комиссар Иван Семенович поднялся все-таки на ноги, долго отдыхал в специальном партизанском санатории и, прежде чем уехать куда-то в Среднюю Азию к своим родным, подарил Наташе в память дружбы маленький перочинный нож с острым лезвием и перламутровой ручкой немецкой работы. Они попрощались. Разъехались и другие. Кто на фронт, кто в глубокий тыл.

Наташа часто вспоминает свою первую «трудную палату». Как она страдала тогда за каждого раненого. Они лежали безучастные, отказывались есть, принимать лекарство. Приходилось уговаривать. Это она умела. Она кормила их с ложечки, давала лекарство и при этом все время рассказывала, рассказывала: о городе, о Кремле, о трудфронте, о старинном русском городе Вязьме, обо всем, что знала сама и чем могла заинтересовать других. И раненые стали тянуться к ней, ожидать ее, как ожидают родного человека. Иногда, при сильных налетах, ей приходилось помогать выносить раненых в бомбоубежище. Успокаивать и сидеть с ними. В бою хоть и страшно, но они сами могут сражаться, а здесь, в постели, они беспомощны. Долго не могла она забыть голубоглазого юношу с солнечной улыбкой, за которым так самоотверженно ухаживала Александра Леонидовна. Несмотря на общие усилия врачей и всего лечащего персонала госпиталя, его не удалось спасти. При Наташе это был первый смертельный случай, и она восприняла его как тяжелый удар. Не-

сколько дней боялась появляться в госпитале и ночами тихонько плакала. Наташа сама не знала, жаль ли ей именно этого малознакомого раненого или в его лице всех юношей, разбросанных по всему большому фронту, всех раненых, которых пытаются спасти врачи, за которыми ухаживает ее мать и другие женщины. Всегда радостно провожают из ворот госпиталя выздоровевшего бойца. И долго снится тот, кто не сам уходит из лечебницы — кого выносят, накрытого черным покрывалом.

Чтобы немного успокоиться, Наташа прошлась по комнате. Взгляд ее снова упал на фотографию мужа в деревянной рамке. Спокойное лицо. Командирские кубики в петлицах. Что ждет его? Как предугадать? Как сложится его судьба там, в лесах?

Она взяла фотографию. Спокойный, почти безразличный взгляд. Как будто бы Павел уже ушел, уже далеко, где-то в немецком тылу, а с ней осталась лишь эта фотография. И слышится Наташе, как свистят пули, рвутся снаряды. Трудно Павлу одному с горсткою храбрецов партизан... Не хватает ему его Наташи!

— Ты уходишь без меня, Павел? Ты уходишь? — тихо промолвила она. — Но я пойду следом. Слышишь? Пусть моя любовь тебе поможет. Пусть заслонит от пули, спасет от плена. Ты останешься жив, Павел. Слышишь? Я хочу этого. Хочу!.. Хочу...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В ТЫЛ ВРАГА

1

В а исходе марта 1942 года были наконец закончены формирование и подготовка отряда особого назначения имени Дзержинского. В его состав вошли опытные бойцы, прошедшие практику партизанской войны: пограничники, чекисты, отобранные и проверенные добровольцы. Штаб партизанского движения утвердил командиром Павла Павловича Ка-

чуевского, комиссаром отряда — Николая Васильевича Зебницкого.

В последние дни дел было много. Партизаны тщательно упаковывали оружие, боеприпасы, взрывчатку, продовольствие, медикаменты... Все придется нести на своих плечах. Учитывали каждую мелочь, каждый грамм.

Радистка Тося Образцова до позднего вечера засиживалась в тесной комнате радиостанции, уточняя коды и позывные, запасные позывные на случай провала... Командир и комиссар за день успевали побывать в десятках различных учреждений, на складах, получая по нарядам дефицитное продовольствие, медикаменты, оружие... В штабе партизанского движения уточняли маршрут отряда, знакомились по карте с районом боевых действий, изучая обстановку по донесениям разведки... Запоминали пароли, места явок, фамилии командиров, действовавших в ближайших районах партизанских отрядов.

А дни стояли по-весеннему светлые, солнечные. Снег стал пористым и заметно осел, только по утрам, схваченный ночным холодом, он приятно похрустывал под сапогами, но уже днем, едва солнце пригревало, раскисал и на улице под ногами пешеходов и колесами машин превращался в жидкую грязную кашу.

Павел не замечал ни красоты синего ясного неба, ни солнечных теплых весенних лучей. Природа существовала как бы сама собой, не касаясь Павла. Вместе с тем он не мог не заметить в себе перемены. Он был тот же самый Качуевский, что и раньше, — требовательный, внимательный командир. Охваченный подготовительной лихорадкой, он старался не упустить ни одной мелочи, всюду вникал и тщательно контролировал подготовку отряда, каждого бойца к трудному и тяжелому походу. Качуевский мысленно уже был там, в мартовских лесах Могилевщины, стараясь предугадать возможные проблемы и ситуации и сейчас заранее решить их...

И в то же время в нем продолжал жить другой, странно мирный, чувствительный, которому вовсе не хотелось уезжать черт знает куда, где жизнь будет висеть на волоске и опасности глухой стеной

окружат со всех сторон. Это новое и властное чувство нельзя было назвать страхом, ибо Павел не боялся ни смерти, ни опасности. Да и не о себе он думал, а о ней, о Наташе, радость которой была дороже своей радости, жизнь которой была дороже своей жизни. Что бы он ни делал, куда бы ни спешил, мысленно рядом с собой он всегда видел Наташу.

Строевой командир мог ставить долг выше всего, подчиняться приказу, а сердце никак не мог отделить от любимой, от тягостной мысли, что оставляет ее здесь. Была бы она рядом, возможно, и поход в тыл врага показался бы ему в других, более ярких красках.

Последний день... Последний вечер... Последние часы...

Наташа провожала без слез. С улыбкой обняла, прижалась.

— Пусть пуля тебя минует. Моя любовь защитит...

И — все! Позади Москва.

Думал он о Наташе в пути, когда на грузовиках отряд перебрасывали к Сухиничам, где предполагалось перейти линию фронта. Но переправиться незаметно через Жиздру не удалось. Первая же группа, которая пошла после полуночи, напоролась на гитлеровцев. Взлетели осветительные ракеты, и яростно захлопали выстрелы. Ударил пулемет.

Унося двоих раненых, бойцы повернули назад. Прикрывая их, заговорили наши минометы и орудия.

Представитель штаба, пожилой подполковник, смял в пальцах папиросу и глухо сказал:

— Грузи, командир, отряд. Здесь не пройдет.

Снова по промерзлой ночной дороге катили машины, не зажигая огней. На рассвете погрузились в вагоны и по железнодорожной ветке доехали к станции Фаянцево Калужской области. Потом на подводах добирались к штабу дивизии, занимавшей оборону в этих местах.

Бойцы расположились на отдых, им отвели два класса в чудом уцелевшей школе. А командир и комиссар направились в штаб, расположенный в другом конце приземистого школьного здания.

— Командир разведки, — представился сухоща-

вый капитан с лихими рыжими усами на круглом лице.— Мы тут кое-что наметили.

И капитан, вода указательным пальцем со сломанным темным ногтем по карте, стал показывать маршрут перехода линии фронта.

— Минные поля, но саперы уже сделали для вас дорожку... Проволочные заграждения... Сегодня ночью прорежем проходы... Смотрите сюда, вот огневые точки... Первая линия, вторая... Наши ребята позавчера прошли оборону насквозь.

— Сегодня ночью не пойдем, бойцы устали,— сказал Качуевский и, придвинув табурет, уселся возле стола, на котором была разостлана карта.— Садись, комиссар, мозговать будем.

— Можете не беспокоиться, маршрут перехода линии фронта разработан дивизионной разведкой,— уверенно произнес капитан.— Мы тут каждый метр знаем.

— Мы полностью доверяем вашим орлам-разведчикам,— уважительно произнес Качуевский,— но нас интересует не только линия фронта, но и то, что за ней... Работать-то там придется! Так что не обессудь, мы тоже помозгуем.

Зебницкий, вооружившись циркулем и линейкой, стал вместе с Качуевским тщательно изучать по карте положение войск гитлеровцев, рельеф местности, дороги, поселки... Командир разведки давал пояснения, отвечал на вопросы, которые сыпались на него с двух сторон.

После обеда Качуевский снова засел за карту.

— Ну как, нашел себе туристскую тропу? — спросил капитан, зажигая керосиновую лампу.

— Как эти болота? — в свою очередь спросил Павел, показал на карте обширные места.

— Топь непролазная. Солнце весеннее пригрело, и корка льда тонюсенькая.

— Охрана?

— Жиденькая. Только туда и наши ребята уже давно не хаживали. Провалишься — считай, пропал, засосет трясина...

— Нас устраивает, что болота меньше всего охраняются,— сказал Зебницкий, доставая папиросу из деревянного портсигара.— И за болотами глухие ча-

щобы. Есть возможность прошмыгнуть поглубже в тыл.

— Что болота охраняются слабо, так это верно. А вот что там, за теми болотами, прошупать не удалось. Да и командование этими местами мало интересуется,— как бы оправдываясь, закончил капитан.

— Кто по болотам последний раз ходил? — спросил Качуевский.

— Сержант Варгашин. Недельки три назад.

— Пригласите его, если можно.

— Для дела все можно.

Сержант Варгашин явился через несколько минут. Невысокого роста, плотный, кряжистый, с сильными руками. Качуевский невольно обратил внимание на шею сержанта, мускулистую и широкую.

— Борьбой раньше увлекались? — спросил Павел.

— Штангист я, к тяжелой атлетике сердцем прикипел... Перед самой войной на прикидках норму мастера спорта в сумме троеборья показывал. Готовился на чемпионат, да выступить не пришлось... Война все смахнула! А тут не до тренировок, правда, гирьки двухпудовые с собой таскаю, разведчики тоже к гирькам интерес проявляют,— рассказал Варгашин и закончил вопросом.— Вы прямо из Москвы? А в нашем институте физкультуры, случаем, не бывали?

— Нет, не приходилось.

— Письма-то я получаю, а вот с человеком оттуда не встречался. Хотя там вроде и никого не осталось, по разным фронтам ребята...

Потом Варгашин подробно рассказывал о том, как они ходили в тыл к немцам по этим самым болотам, но это было три недели тому назад.

— Пройти там можно и сейчас, дело нехитрое, если двигаться перед самым рассветом, когда морозец держит лед. Только нас та дорожка не устраивает.

— Почему? — спросил Качуевский.

— По чисто тактическим соображениям. Нам же и обратно надо вернуться, да еще и «языка» тащить.

— Бойтесь увязнуть в болоте?

— Именно боимся увязнуть. Рисковать надо обдуманно. Тут такое дело... Нам за одну ночь надле-

жит туда и обратно, в оба конца, как говорится. А в оба конца по болоту нынче не получается. Рано пойдешь, лед еще не окреп, может не удержать, а поздно пойдешь, назад времени не хватит, день наступит. Ну, а торчать целый день у немца в гостях не больно хочется...

— А если только в один конец идти? — спросил Зебницкий.

— В один? В один можно, перед самой зорькой лед на болотах крепкий да морозец еще приличный. Только предупреждение сделать хочу, на всякий случай. Вот тут на карте бугры видите? Они над лесом чуть приподымаются, — он показал на карте небольшие возвышенности, что находились сразу за болотами. — Немцы там что-то строили. Землей свежавынутой пахло, когда проходили неподалеку. Хотели тогда разузнать, да «язык» строптивый попался, идти сам не хотел, тащить пришлось. И не только фрица, а еще и двоих раненых нашж... На буграх тех, может, немцы что-то соорудили, имейте в виду.

— Будем иметь в виду.

— До середины болота будете сопровождать отряд, — приказал капитан разведчику. — А сейчас идите отдыхать.

— Есть сопровождать отряд, — Варгашин лихо козырнул и вышел.

Представитель штаба партизанского движения согласился с предложением Качуевского: отряд будет переходить линию фронта через болота, которые простирались почти на пять километров.

Начальник дивизионной разведки вызвал саперов и поручил им в течение ночи проделать проходы в минных полях и в проволочных заграждениях.

2

Темная и холодная мартовская ночь шла на убыль, когда разведчик Варгашин подал знак «пора!» и первым вылез из окопа. Следом за ним цепочкой пошли бойцы отряда особого назначения. У каждого на спине объемистый вещевого мешок, на

груди автомат. Бойцы одеты в белые маскхалаты. Качуевский приказал на сапоги накрутить бинты.

Представитель штаба партизанского движения и начальник разведки дивизии проводжали партизан.

— Желаю удачи! — представитель штаба обнял Павла Качуевского, поцеловал. — Ждем добрых вестей.

— Будем стараться, товарищ подполковник.

Павел пожал руку начальнику разведки, натянул меховые варежки, поднялся по выдолбленным в стене окопа ступенькам и зашагал в сторону болота.

Отряд двигался беззвучно. Только белые призраки мелькали впереди. «Молодец, сержант, — подумал о Варгашине Павел, — доброе посоветовал!» Опытный разведчик подсказал бойцам, когда те обматывали бинтом сапоги, чтобы они к подошвам прибинтовали куски ваты, ветоши, тряпок. «Мы так всегда перед вылазкой к фрицам сапоги свои обкручиваем. По самому хрусткому подмороженному снегу топаем беззвучно, как кошки».

Благополучно миновали минное поле. Подошли к проволочным заграждениям. Немцы здесь соорудили три ряда, проволоку натянули густо и навешали пустых консервных банок.

У каждого ряда находился сапер, который показывал проход. Бойцы наклонялись и на четвереньках проходили под проволокой.

Едва прошли проволочные заграждения, начался мелкий кустарник, а за ним ровная гладь застывшего болота. Отряд растянулся цепочкой. Варгашин уверенно вел партизан, он хорошо ориентировался в темноте.

Павел на минуту остановился, пропуская вперед бойцов, и невольно оглянулся. Ни проволочных заграждений, ни тем более своих окопов не было видно. Его охватила грусть. Там, на востоке, где через несколько часов взойдет неяркое весеннее солнце, там осталась Наташа... Когда теперь они встретятся? Он мысленно выругал себя, что не проявил настойчивости, не добился разрешения взять в отряд жену. Впервые его одолели сомнения.

Вдруг далеко справа, где-то за лесом, раздались взрывы. Огненные всполохи запрыгали на краю

неба. Послышалась артиллерийская канонада. «Нас прикрывают», — Качуевский зашагал быстрее, стремясь добраться к голове отряда. Он знал, что полчаса будет длиться обстрел, потом ложная атака... Отвлекут немцев, чтобы прошел отряд. «Может быть, и лучше, что Натулька не со мной, — грустно подумал Павел, мельком наблюдая, как небо прочертили трассирующие пули, — уж пусть лучше что случится со мной, чем с ней...»

На краю первого болота разведчик Варгашин прощался, пожимая проходящим бойцам руку.

— Впереди те холмы, — тихо шепнул разведчик Павлу. — Через пару километров.

— Помню, — так же тихо ответил командир.

— Держитесь левее.

Однако обойти стороной небольшие возвышенности бойцам не удалось. Они напоролись на фашистские дзоты. Полусонный часовой гитлеровец заметил белые призраки. Гулко и неожиданно застрекотала автоматная очередь. Бойцы залегли. С шипением взлетела осветительная ракета и блеклым мертвым светом озарила кочковатое болото. Заработали немецкие пулеметы. По линиям трассирующей пули Павел видел, что фрицы бьют наугад.

— Как погаснет ракета, уходить перебежками влево к лесу! — приказал Качуевский.

Ракета горела долго, а когда потухла, то стало так темно, что и в двух шагах ничего не видно.

Бойцы бросились бежать. Когда вспыхнула вторая ракета, отряд снова распростерся на кочковатом болоте.

Так перебежками бойцы ушли из опасной зоны. Гитлеровцы еще некоторое время разрывали темноту ночи осветительными ракетами, били наугад из автоматов и пулеметов, потом постепенно успокоились, стрельба прекратилась.

Продвигаясь по краю болота, отряд все дальше и дальше углублялся в тыл врага. Раненых и убитых не было.

Перед самым утром повалил густой снег. Крупные мягкие хлопья оседали на плечи, слепили глаза, таяли на лице. «Природа тоже за нас, — подумал Павел, — заметет следы. Хорошее начало!»

К утру отмахали добрых пятнадцать километров. День провели в густом молодом сосняке. Костра не разжигали. С наступлением ночи снова тронулись в путь.

3

Отряд шел только ночью. Фронт далеко позади. Шли глухими проселками, обходили населенные пункты. Лесные чащи скрывали надежно, и напряжение первых дней немного спало.

Комиссара мучили сомнения, правильно ли движется отряд. Он несколько раз предлагал послать разведчиков в села, мимо которых проходили ночами, но Качуевский лишь отрицательно качал головой. Павел хорошо знал повадки немцев, знал, что прифронтовые села под усиленным контролем полиции и гестапо.

— Есть вещь, которая не выдаст и не подведет,— говорил Павел и разворачивал карту.— Будем ей доверять.

И днем, когда бойцы отдыхали, Качуевский тратил много времени, чтобы отыскать ориентиры, определить местонахождение отряда. А ориентиры в однообразной лесистой местности, испещренной мелкими речушками да болотами, весьма не броские. Ни у речек, ни у болот нет табличек с названиями. Да и спросить не у кого. Приходилось пользоваться немецкими знаками. Гитлеровцы с педантичной точностью ставили на развилках дорог указатели с названиями ближайших деревень. Павлу самому часто приходилось выбираться с разведчиками к развилкам дорог или, расположившись на опушке, с биноклем в руках издали рассматривать населенные пункты, отыскивая верные ориентиры.

Но на «засаду» все же нарвались.

Отряд благополучно добрался почти к железнодорожной станции Жуковка Брянской области. Качуевский рассредоточил отряд, и партизаны по лесной просеке двинулись группами. В лесу стояла полутьма. Вдруг впереди ударила автоматная очередь и пули просвистели над головой бойцов, сбивая ветви деревьев.

— Ложись! — крикнул Качуевский. — К бою!

Бойцы залегли в снегу. Качуевский всматривался в глухую чащу, откуда прогрохотали выстрелы. «Кто там, немцы или полицаи? — Павел силился распознать врага. — Сколько их?» Томительно прошло несколько минут. В лесу стыла ночная тишина, словно тут никого и не было. Но тишина была обманчивая. И с той и с этой стороны готовились к решительному броску.

— Кто такие? — откуда-то сбоку, издали раздался хриловатый властный голос.

— Свои, — отозвался Павел, сжимая маузер. Теперь он понял, откуда в них стреляли.

— Еще узнать надо, чьи свои... Кто старший? Выходи!.. На дорогу выходи до кривой березки, видишь?

У Качуевского мелькнула мысль: «Может быть, все-таки наши? Местные партизаны?» Вспомнил наставления в штабе партизанского движения, там предупредили, что по радио сообщают партизанам, и те помогут выйти в намеченный район. И Павел ответил:

— Эй! Кто там! Выходи и ты!

— Давай! Но учти, что и тебя мои хлопцы держат на мушке.

Павел хотел было уже подняться, как почувствовал на своем плече ладонь. Рядом находился адъютант Николай Жмакин.

— Не надо, командир... — шепнул Николай, не произнося слова «рисковать». — Лучшепусти меня.

— Так надо, — ответил Павел и встал.

На изломе лесной дороги, возле кривобокой березы, что отчетливо белела в темноте, сошлись два человека.

— Давай пароль, — выдохнул напряженным шепотом бородатый незнакомец.

— Говорит Москва, — тихо ответил Качуевский и, в свою очередь, спросил. — Отзыв?

— Красная площадь, — отозвался тот и громко, с радостью крикнул, обращаясь в чащобу. — Сюда, хлопцы! Свои!

Из-за густого ельника вышли пятеро. У каждого немецкий автомат. То были дозорные партизанского

отряда, которым командовал Воробьев. Бойцы обступили партизан, которые радостно пожимали им руки и спрашивали:

— Из Москвы?

— Из Москвы.

— Как она там, Москва-то?

— Полный порядок!

— А мы давно вас встречаем. Что-то запоздали вы.

— Пешим ходом топали.

Примерно через час, пройдя две засады, узкой тропой бойцы вышли на просторную поляну, где находились землянки партизан, «главная наша база», как сообщил Павлу бородач, встретивший отряд.

4

Качуевский и Зебницкий спустились по земляным ступенькам в штабную землянку. Там было относительно просторно. Желтый язычок пламени фонаря «летучая мышь» освещал тесовые стены, широченный стол, длинную скамейку, три табуретки, просторные нары. Возле нар, уходя жестяной трубой в потолок, пылала чугунная печурка, и подле нее на корточках сидел человек в меховой жилетке, надетой на суконную армейскую рубаху, и белых валенках. Он резко повернулся к вошедшим и, кинув поленце в дверцу печурки, быстро встал. Пытливые глаза его заискрились.

— Товарищ командир, доставил к вам командира и комиссара московского отряда, — отрапортовал бородач.

— Можешь отдыхать, Евсеич, — мягко произнес командир партизанского отряда и, тепло улыбаясь, протянул руку вошедшим. — С благополучным прибытием в наши края! Будем знакомы, Воробьев.

На широком столе через минуту появились соленые огурцы, квашеная капуста, котелок с вареной картошкой, от которой исходил ароматный пар, куски поджаренной говядины, немецкие галеты и темная литровая бутылка из-под шампанского, заткнутая плотно скрученной бумагой.

— Москва сегодня опять о вас запрашивала, —

рассказывал Воробьев, разливая в чайные чашки бесцветную жидкость.— Беспокоятся в Центре... Мы тоже не знали, что и подумать, ни слуху ни духу... Теперь, как говорится, все в порядке... Без потерь перешли фронт?

— Без единой царапины, если не считать, что при первой попытке двоих ранило.— Качуевский, очистив пару вареных картошек и оглядев стол, вид которого вызывал аппетит, выбрал себе кусок жареной говядины.— Богато живете!

— Сейчас не жалуемся, а в начале зимы туговато было... Немцы приперли, пришлось уходить сюда, в болота, бросать склады и тайники... Натерпелись, будь здоров! Потом пообвыкли, научились понимать фрицевскую тактику, присмотрелись к войскам, главное, к их обозному хозяйству и стали жить за счет фюрера.

— А жидкость тоже немецкая? — Качуевский кивнул на темную бутылку.

— Жидкость чисто русского производства, из запасов местного спиртзавода. Как говорят, остатки роскоши. Знал, что прибудете, сберег бутылку... За ваши успехи!

Выпили, закусили. Зебницкий расстегнул ворот гимнастерки, с удовольствием вытянул ноги под столом:

— После ночевки в лесу приятно посидеть в тепле.

— Хотите попариться? — предложил Воробьев.— Партизаны одну из землянок под баньку приспособили.

— Некогда нам, спешим,— ответил Качуевский, расстегивая планшет и доставая карту.— Вводи в обстановку. Сегодня же уходим дальше.

— Находимся мы вот тут,— Воробьев показал пальцем на карту.— Москва приказала встретить отряд и сопровождать его через Брянщину. А как дальше действовать, сами знаете.

— Как будем двигаться?

Воробьев подробно рассказал о предполагаемом маршруте, а Павел тем временем нанес на карту ориентиры, расположение гитлеровских гарнизонов, полицейских управ, посты полевой жандармерии.

— Поведет вас Евсеич,— продолжал Воробьев.— Он здешние леса насквозь исходил, лесничим был. Ловкий мужик. Клад для нас.

Неожиданно без стука отворилась дверь землянки, и на пороге в облаке пара выросла женская фигура. Меховой полушубок, лицо закутано платком. Она рывком дернула за собой дверь, но следом за нею в дверную щель втиснулся партизан в ватной стеганке и шапке-ушанке. Он схватил женщину за руку и потянул назад.

— Нельзя к командиру, он занят! Тебе же человеческим языком объяснили, а ты, не спросясь, лезешь.

— Мне не к нашему командиру надо, а к московскому. Он, может, знает товарища Качуевского! По важному делу. Пустите!

Услышав свою фамилию, Павел поднялся с лавки. Как ему казалось, в отряде Воробьева нет у него знакомых бойцов, тем более женщин. Он шагнул к дверям, внимательно всматриваясь в лицо молодой партизанки. Оно было знакомым. Из-под платка выбивались светло-русые волосы. На круглом лице строгие серые глаза.

— Я — Качуевский. Слушаю вас.

Партизан отпустил руку женщины. Она дернула плечом и вдруг как-то сразу обмякла, шагнула вперед, опустила голову и тихо произнесла:

— Виновата я, товарищ Качуевский... Наказывайте! По всей строгости... Не смогла выполнить обещание...

И заплакала навзрыд, закрывая лицо ладонями.

Зебницкий, ничего не понимая, вопросительно смотрел на своего командира. Воробьев, пружинисто встав, подошел к партизанке, обнял ее за плечи и усадил на табурет.

— Успокойся, Аня... Анна Петровна!.. Нету твоей вины, проверяли мы... Я же тебе уже говорил.

А Качуевский смотрел на Анну и все никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах они встречались, хотя и лицо и голос молодой женщины были ему знакомы. Какое же задание он поручал этой женщине?.. И вдруг вспомнил: учительница из деревни! Заснеженный лес, зверский холод, и у ко-

стра на носилках раненый партизан Сергей Корниенко... Неужели случилось что-то с ним, с Сергеем? Нет, такого не может быть! Уверяли, что в надежные руки отдадут бойца... Павел вспомнил, с какими трудностями удалось тогда сделать операцию, отнять ногу... Ночь в избе, надраенная пила... И в темных глазницах горящие зрачки Сергея Корниенко, человека невероятной смелости и дерзости. После операции он совсем ослаб.

— Что... Что с Сергеем? — выдохнул Павел вопрос.

Анна снова закрыла лицо ладонями и заплакала еще громче. Плач ее был красноречивее ответа. Качуевскому все стало ясно. Он закусил губу и отвернулся...

— Четырнадцать дней блуждала по лесу, все искала партизан, — кивнув в сторону Анны, рассказывал Воробьев. Он уже хорошо знал историю безногого партизана, которого в доме Анны схватили гитлеровцы. — А вашего товарища выследил староста... Он и привел немцев... Анна еле ушла, помогли свои люди... Две недели блуждала, чуть не замерзла... Наши дозорные ее нашли, едва живую привели на базу. Как только немного отошла, сразу же хотела уйти, хотела искать отряд Качуевского. Еле растолковал ей, что нету поблизости нигде такого отряда.

Павел продолжал стоять, не находя в себе сил ни ответить, ни обернуться к женщине. Молча вытирал набегавшие слезы. Эх, друг Корниенко!.. Не свирепствуй тогда морозы, может быть, вывезли бы его к своим, как других... Качуевский видел смерть в глаза, много смертей. Сам убивал, видел, как падали сраженные враги... Хоронили погибших товарищей. Но Корниенко был дорог ему, особенно дорог после той тяжелой ночи, когда пилой отпиливали партизану ногу.

— Так что же стало с тем партизаном? — не выдержав, стал допытываться комиссар Зебницкий.

— Страшная история, — ответил вместо Анны Воробьев. — Полицаи и гитлеровцы безответного, безногого бойца в одном нижнем белье повезли на санках в деревню Ильино, где находилась комендатура. Представляете, на таком морозе почти нагишом...

В комендатуре, как у них принято, допрос с зуботычинами. Что они у него допытывались, что тот отвечал, нам неизвестно. Только после допроса парня выволокли на улицу, привязали к телеграфному столбу проволокой... Обложили соломой и из канистры облили бензином. Очевидцы рассказывают, что черный дым долго клубился над костром, а из пламени неслись проклятия фашистам. Крепкой воли, видать, был человек.

Качуевский пододвинул к себе карту и стал искать село Королевку. Воробьев сразу понял, что задумал Качуевский. Он положил ладонь на карту и сказал:

— Старосту того мы осудили по всей строгости военного трибунала. И хату его сожгли. Отомстили сполна за смерть твоего бойца.

Качуевский сжал кулаки, грузно положил их на стол:

— Мсть наша только начинается... И за Серегу, и за других. За все получают, гады, сполна! Полной мерой выдадим!

Анна Баренцова только теперь почувствовала себя прощенной, увидела, как за эти несколько минут посуровело и ожесточилось лицо Качуевского. Она подошла к столу, за которым сидел командир:

— Товарищ Качуевский, возьмите меня в свой отряд... Очень прошу! Все эти месяцы я искала вас... Хочу быть чем-то полезной, что-то нужное сделать... Оправдать ваше доверие!.. И еще отплатить им за Сергея... В разведку пойти смогу, стрелять умею... Только одна дума у меня, единая цель — отплатить им за Сергея!

Качуевский молча оглядел Анну. Да, пожалуй, он сам виноват. Она, хотя и учительница, но совсем еще девчонка. Даже строгость в глазах не делает ее старше. Как же он мог довериться девчонке? Эх, Корниенко, друг. Простишь ли? Выхода другого не было. Сам ведь знаешь, в лесу диктуют обстоятельства...

— Возьмите с собой. Очень прошу! — повторила Анна, продолжая ожидать ответа. — Хочу воевать с теми, кто знал Сергея. С вами, товарищ командир. Вы знали его. Мне будет легче жить... и мстить. Возьмите...

Качуевский отвернулся. Ни участия, ни тепла не было у него к Анне Баренцовой. Хотя и знал уже наверняка, что не виновата в гибели партизана, но не в силах был полностью оправдать ее. Нужен ли такой боец отряду?

— Дальний путь у нас, учительница. Лучше оставайся здесь,— сурово ответил он.

В серых глазах Анны мелькнула тень, они стали иными, во взгляде появилась спокойная сила и твердость человека, что-то раз и навсегда решившего для себя.

— Все равно следом пойду за отрядом. Нету мне другой жизни.

Земницкий, который молча слушал просьбу Анны, неожиданно для командира поддержал ее:

— Хорошо, Анна, мы еще подумаем.

— Тогда я побегу собираться! — Баренцова повернулась и поспешила к выходу.

Когда она вышла, Качуевский хмуро посмотрел на комиссара:

— К чему? Да и тяжело ей будет с нами, путь знаешь какой предстоит?

— А Тосе Образцовой, думаешь, легче?

— Так та специально готовилась, тренировалась.

— А у этой ненависть в душе, ненависть! Она через все пройдет, но добьется своего, разве не видишь по ее глазам?

— Может быть, ты прав,— сухо сказал Качуевский и кивнул на Воробьева.— С ним согласуй.

— Такую и цепями не удержишь,— примирительно сказал Воробьев.— Боец она хороший, стойкий. Твердого характера человек.

5

Отряд быстро продвигался вперед. Надо было поскорее выйти в заданный район. Путь преградила Десна. Широкая спокойная река. Лед только недавно сошел, и речная гладь отливала свинцовой холодностью.

Посланные разведчики вскоре вернулись с тревожным донесением.

— Большая опасность! Ниже по течению в селе Дятловичи расположен крупный немецкий гарнизон!

Весть быстро облетела весь отряд.

— Уходить бы надо, чтобы не напороться,— предложил комиссар Зебницкий.

Качуевский молчал. Он отметил на карте местонахождение гарнизона и, немного подумав, спросил:

— Сколько лодок раздобыли?

— Только одну,— ответил Семен Вихрев.— Крепкая посудина. Четыре-пять человек возьмет.

Партизаны задумались: одна лодка, а река довольно широкая и вся на виду у немцев...

— Переправляться будем ночью возле Дятловичей,— твердо сказал Качуевский.— Там, где много солдат, больше беспечности.

До рассвета отряд на одной лодке успел переправиться через Десну. Переправлялись чуть ли не на виду у заснувшей деревни, под боком у гитлеровцев.

— Теперь двигаем скорым маршем,— приказал Качуевский, когда перевезли на западный берег последнюю пятерку бойцов.

Шли весь день, делая краткие привалы, густой лес надежно скрывал отряд. К наступлению темноты уже находились неподалеку от железнодорожной станции Беленковичи. Разведчики, обследовав местность, сообщили:

— Станция усиленно охраняется. Лес по обе стороны железной дороги вырублен и выжжен метров на триста.

Качуевский и Зебницкий долго сидели за картой, молча курили.

— Вот и дошли, Павел,— сказал комиссар.— Пора расставаться.

У станции Беленковичи Могилевской области партизанский отряд должен разделиться на две группы. Так предусматривалось еще в Москве. Перед ними была поставлена задача: произвести широкую и всестороннюю разведку коммуникаций гитлеровцев в Гомелевской и Могилевской областях, дислокацию войск, установить связь с местными партизанскими отрядами, с подпольными группами в населенных пунктах, вести работу среди населения и, главное, наносить удары по оккупантам, перерезая жизненно

важные линии снабжения фронта, как говорили в штабе, «пульсирующие артерии».

Отряд разделился и тут же, попрощавшись, партизаны двинулись по своим маршрутам.

Гомельскую группу возглавил комиссар Николай Зебницкий, а во главе могилевской стал Павел Качуевский. Анна Баренцова добилась, чтобы ее оставили в отряде Павла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВОЕННАЯ ВЕСНА

1

самый разгар весны от Сергея Невгорова пришло письмо, он сообщал, что выписывается из госпиталя и едет в Москву.

Наташа и Александра Леонидовна очень сожалели, что Невгорову не удалось застать в столице Павла.

На вокзале, узнав, что Сергей намерен поселиться в общежитии, Наташа возразила. После госпиталя он был очень слаб, за ним требовался уход. Наташа, закончившая курсы медсестер, могла быть ему полезной. Ранения у Сергея серьезные — врачи ампутировали ему руку по локоть, плохо заживали раны на ноге.

Привели в порядок одну из комнат, оставленных родственниками, затопили печку, и с вокзала Наташа повезла Сергея к себе домой.

Худой, осунувшийся, он произвел на Александру Леонидовну удручающее впечатление. Сергей Невгоров, которого она знала до войны, был другим, — жизнерадостным, энергичным, уверенным в себе. Парень же, около которого заботливо хлопотала Наташа, был сутул, немногословен, с потухшим взглядом.

Александра Леонидовна торопливо готовила ужин, когда Наташа вошла в кухню. Дочь была расстроена, со слезами в голосе обратилась к Александре Леонидовне:

— Мама, я не сумела догадаться по письмам, сколько перестрадал Сергей, и теперь чувствую себя виноватой. Мы с тобой должны поставить его на ноги.

Каждое утро Наташа делала Сергею перевязки, утешала его, доказывала, что не все потеряно, что его еще ждут большие дела.

Александр Леонидовну она всякий раз просила:

— Мама, не оставляй Сергея одного со своими мыслями. Пусть он молчит, а ты говори, говори! Нам надо поднять его, мамочка, заставить поверить в собственные силы.

Невгоров был в самом деле плох. Он мало спал, почти ничего не ел. Какие-то мрачные раздумья дожимали его.

Женщины самоотверженно ухаживали за раненым. Едва возвратясь с работы, Наташа подсаживалась к нему, допытывалась, как он провел день, вставал ли, все ли съел, что ему приготовила Александра Леонидовна. Приносила с собой книги, которые были нужны Сергею. Невгоров готовился к сдаче государственных экзаменов. На фронт он ушел студентом последнего курса, и теперь ему разрешили сдать весной экзамены.

В ответ на трогательную заботу, проявленную к нему женщинами, Невгоров теплел, сердце его как бы отогревалось. Он стал чаще улыбаться и, в свою очередь, интересовался работой Наташи, ее комсомольскими и институтскими делами. Ему предоставилась возможность увидеть Наташу, энергичную, полную постоянной заботы о других. Ее жизнеспособность встряхнула его, заставила найти силы выбраться из тяжелого душевного состояния. Все чаще, придя из райкома, Наташа заставляла Невгорова сидящим за письменным столом. Работа его двигалась успешно. Это было видно и по стопке испитых бумаг, и по горящим вдохновением глазам. Стали меньше беспокоить раны.

Застав однажды на кухне Александру Леонидовну одну, Наташа радостно обняла ее:

— Мулик, все хорошо! За Сергея я теперь спокойна. И вообще в последнее время мне везет, кажется, для Сережи нашлась хорошая работа!

А еще через несколько дней она вернулась счастливая. С самого порога она кинулась к Сергею, растормошила его и, подхватив, закружилась по комнате. Оказывается, что Всесоюзное театральное общество организует из многочисленных фронтовых бригад несколько прифронтовых театров. В один из этих театров Невгоров назначен директором!

Они долго разговаривали за чаем. Мечтали. Листая конспекты Невгорова, Наташа сказала:

— Теперь-то придется потруднее, чем было до сих пор, надо и работать, и готовиться к экзаменам.

Невгоров с улыбкой ответил:

— Наоборот, как бы я получил диплом режиссера, не поставив за сезон ни одной пьесы? Теперь же мне карты в руки... •

Так была устроена судьба Сергея Невгорова. Он рано уходил из дома и поздно возвращался. Стал носить с собой старый Наташин портфель, который с каждым днем становился все более пухлым. У молодого директора забот было по горло. И нет лишней минуты, чтобы посидеть с Александрой Леонидовной, как это было прежде.

Все это только радовало Наташину маму. Она по-прежнему всячески помогала Невгорову, разбирала его конспекты, печатала на машинке его дипломную работу.

Однажды Сергей Невгоров вернулся домой раньше обычного. Он спешил, чтобы застать Александру Леонидовну, в ночь она уходила на дежурство в госпиталь, а ему не терпелось сообщить, что отныне будет жить в своей собственной комнате, которую ему помогли получить работники театрального общества.

Сергею было тяжело уходить из семьи, где его так тепло встретили, где нянчились с ним до тех пор, пока не выздоровел. Нет, он навечно обязан Наташе и ее маме за все их заботы.

Когда Наташа вернулась домой, она застала Александру Леонидовну грустной. Узнав, что Невгоров ушел, забрав тощий чемоданчик со своими вещами, она воскликнула:

— Мулик! Ты полагала, что Сергей на всю жизнь останется под твоими крылышками?

— Наточка, он без руки, не забывай об этом. Я спокойно отпустила Валентина в Верочкины руки. Она его любит. А Сергей один.

— Пока только, мамочка. Придет время, их станет двое.

— Ах, Наташа, не все так просто.

— Пусть не просто,— ответила Наташа, продолжая успокаивать мать.— Но ведь он не ребенок. Он директор театра, мулик!

В ответ Александра Леонидовна только качала головой.

2

Давно позади весенняя распутица. Снег сошел. Лишь в западках да в глухих чащобах, на дне оврагов можно еще встретить залежалый снег, посеревший и хрусткий, он тихо истекал талой водой. Взбухшие и норовистые реки и протоки опали, вошли в свои берега, давно унесли ледяные крыги, ушла паводковая муть, вымывшая землю, очистив ее от всякого хлама. Весна, как добрая и заботливая хозяйка, наводила чистоту в природе. Лес стоял просветленный, в нежной зеленой дымке первых распутившихся листочков. Война в этом краю, видать, прокатилась стороной, не оставив даже следов, не изуродовав землю. Буйно щетинилась иголками молодая напористая трава. Пестрели желтые цветки калужницы, белели лесные ландыши, тянул к солнцу свои цветы бесхитростный лютик, и вот-вот готовы распусться липкая смолка и белая дрема.

Павел сидел на разостланной плащ-палатке, поджав ногу, и торопливо записывал химическим карандашом в пухлую тетрадь сведения о боевых делах отряда. Он ежедневно вел записи. Каждая страница — итог схваток с немцами. Чуть в стороне, распалив бездымный костер, два партизана варили похлебку из мясных немецких консервов и молодой крапивы. Адъютант командира Николай Жмакин, раздевшись до пояса, подставив спину солнцу, наигрывал на баяне вальс. Рядом, сложив в пирамиду винтовки и автоматы, расположились партизаны, свободные от дежурства и нарядов. Одни, как и

Жмакин, загорали, другие зашивали дыры в одежде, третьи чистили оружие. Повозки с боеприпасами и продуктами стояли под березой. Лошади паслись невдалеке на поляне. Окончив писать, Качуевский спрятал тетрадь в планшет и с удовольствием вытянулся на плащ-палатке. Прямо перед его лицом чуть покачивался полуоткрытый лютик. По его стеблю карабкался муравей. Павел вспомнил свою школу, занятия по ботанике, тетрадку, в которой поздним вечером при свете керосиновой лампы вырисовывал пестики и тычинки немудреного цветка... Давно, как давно это было!

Павел протянул руку, расправил примятый чьим-то каблуком стебелек мяты. Но тот не держался и клонился к земле. Павел сорвал нижний листок, растер пальцами. Приятный душистый запах мяты распространился вокруг. «Жаль, нет рядом Натульки, — грустно подумал он. — В Москве еще и зелени настоящей нет, весна там попозже приходит. А тут — раздолье цветов!» Ему хотелось нарвать огромный букет душистых весенних цветов, положить их на колени Наташе, чтобы она сплела из них яркий венок и надела себе на голову. Он прикрыл глаза и представил себе Наташу с венком. Она цветы любила! Вспомнил родные ласковые глаза, ощутил тепло женских рук, обнимавших его, горячую нежность губ... Он почти засыпал, когда услышал голос Василия Удодова:

— Товарищ командир, на минуту!

Качуевский открыл глаза. Перед ним стоял Удодов, рослый и тощий, с острым взглядом небольших цепких глаз. Гимнастерка на груди чуть растегнута, в руках немецкий автомат.

— Задержали тут одного, товарищ командир. Прямо на лагерь наш пер со своей подводой. Говорит, что ехал за валежником, хотя черт его знает, за чем в такую глушь приперся?

Качуевский сел, стиснув зубы, чтобы не зевнуть, хотя так хотелось широко зевнуть и потянуться, распрямиться.

— Где он?

— Тут рядышком, Пал Палыч. Привести к вам?

— Веди.

Крестьянину было лет шестьдесят, а то и больше, хотя выглядел он бодрым и крепким. Одет в поношенную тужурку, на ногах сапоги. Невысокого роста, кряжистый. Седые запорожские усы свисали и чуть вздрагивали, в глазах удивление и настороженность.

— Фамилия, имя? — спросил Качуевский.

Задержанный назвал себя Феодосием Пантелеймоновым, он охотно отвечал на вопросы командира и с нескрываемым любопытством оглядывал поляну, на которой расположился отряд. Вооруженные люди, явно не местные, их спокойные, уверенные лица произвели на Пантелеймонова сильное впечатление. Он, видимо, впервые находился в кругу партизан. Партизан настоящих, прибывших «оттуда», из-за линии фронта.

— А как там Москва, столица-матушка? — спросил Пантелеймонов. — Немчура всякое говорит и пишет...

— Нас вместо привета прислали, чтобы убедительнее было. А как вы тут?

— А куда нам деваться, скажи? — Пантелеймонов говорил с горечью. — Вы все вона куда удеру дали! Защитнички!.. Все наступаете спиной к супротивнику, пятки салом смазываете. А мы к земле привязанные люди, нету нам без нее, кормилицы, жизни... Вот так-то! И теперь приходится терпеть, извини, пожалуйста, куда подашься? А?

И Пантелеймонов рассказал, что деревня с приходом немцев стала волостью, что есть бургомистр и полицейскомиссариат. Начальник полиции, бывший мельник, да бургомистр из кулаков лютуют и зверствуют. В первые же дни сами ловили коммунистов и рыскали по домам, все вверх тормашками перевернули, пока всех не поймали. Многих тут же расстреливали, пятерых повесили, а председателя колхоза увезли куда-то в город...

— А нынче говорят, что списки будут заготавливать на молодых парней и девчат. Не сегодня-завтра собирать начнут их и погонят в Германию.

Качуевский задумался. В этот район партизаны пришли вчера, совершив тяжелый марш. Взорвав железнодорожный мост, уходили от карателей. Командир дал бойцам день отдыха, сделал неболь-

шую передышку. А тут этот Пантелеймонов... Конечно ж уничтожение бургомистра и полицейкомиссариата вызовет ответные действия со стороны гитлеровцев, придется снова уходить. А уходить отсюда далеко нельзя, сегодня утром из Центра пришла шифровка, в которой отряду предписывалось произвести углубленную разведку... Но оставлять предателей безнаказанными Павел просто не имел права. Он должен помешать отправке людей в Германию.

— Списки готовят, говоришь? — Качуевский остановился перед Пантелеймоновым, глянул в спокойные глаза, спросил прямо: — Взять тех стервцов сможешь?

Пантелеймонов не отвел взгляда, кивнул.

— Помочь дело нехитрое. Только и вперед подумать надобно...

— О чем же?

— Вы-то уйдете, а нам оставаться и ответ держать перед немцами придется. Горькую кашу расхлебывать.

— Сделаем чисто, чтобы тень ни на кого не упала, — произнес успокаивающе Качуевский и сразу же приступил к делу.

Пантелеймонов обрисовал расположение улиц деревни, указал дома полицейкомиссариата и бургомистра, удобные подходы к ним. Немного поразмыслив, он предложил:

— Сегодня у Харковича крестины. Оба там будут... Хорошо бы там же и взять, чтобы шум не успели поднять.

— Добро, — сказал Качуевский и распорядился: — Нагрузите громадную повозку хворостом.

— А брать когда тех будете? — Пантелеймонов уже сам торопил партизан.

— Мы никогда не откладываем на завтра то, что можно сделать сегодня, — сказал Качуевский.

Пантелеймонов только почесал затылок:

— А я надолго тут?.. Меня заподозрить могут...

— К вечеру вернешься, но другой дорогой. Чтобы быть вне подозрения. Будто собирал валежник, когда в деревню нагрянули партизаны. Ясно?

Пантелеймонова отвели в сторону, и он увидел, как к командиру подошли два рослых партизана.

Они долго о чем-то говорили, видимо, уточняли детали операции, затем до Пантелеймонова донеслись слова:

— Бургомистра и полицейкомиссара доставить живыми.

3

Как-то в конце мая Наташа пришла домой оживленная.

— Мама,— сказала она ласковым голосом, на какой была только способна,— сегодня у меня очень важный день. Я звонила в ЦК комсомола Писаревскому: может, есть запрос из какой-нибудь части. Писаревского не было, разговаривал со мною товарищ Позднышев. Он ведает в ЦК комсомола военным отделом. Он попросил меня позвонить ему сегодня вечером.

По-видимому, необходимость из дома звонить в ЦК комсомола заставила Наташу сказать это матери. Сгорбившись и как-то подобрившись, Александра Леонидовна торопливо вышла из комнаты.

Нашла ее Наташа на кухне. Александра Леонидовна плакала, вытирая глаза кухонным полотенцем. Девушка принялась успокаивать мать. Она уже пожалела о том, что сказала матери правду. Прежде ей следовало бы дозвониться до Позднышева откуда-нибудь, только не из дома. Но вместе с тем она чувствовала себя так, как будто бы сбросила тяжелый груз. Пусть тяжело, но ее мама, добрая, сильная мама, должна знать, должна понять и посочувствовать, наконец, Наташе.

Увы, от радостного настроения скоро не осталось и следа. Кто может спокойно перенести слезы матери. Стараясь успокоить Александру Леонидовну, Наташа говорила ласковые слова, гладила ее по голове и наконец сказала:

— Mamочка, даю тебе слово, если и сейчас мне скажут, что для меня ничего нет, я больше не стану звонить и буду терпеливо ждать.

В ЦК комсомола, куда Наташа позвонила час спустя после разговора с матерью, ответили, что есть требование на медработника в авиадесантную бригаду. Оформляться завтра же с утра.

А через два дня Наташу Качуевскую провожали в часть друзья и подруги. Пришла Румянцева, отпросившись с работы. Всю дорогу, не переставая, она твердила, что Наташа поторопилась, что в райкоме сейчас горячая пора и нужны хорошие работники. Пришли Валентин и Вера. На майские праздники они поженились. Наташа вместе с мамой была на их свадьбе. Вера рассказала Наташе, что они уже списались с родными Валентина и едут к ним жить насовсем. Оба предполагают работать на заводе. Комната, в которой они жили до сих пор, должна будет остаться Антонине, которая уже знает обо всем.

Раньше других явился Невгоров. Он шутил, стараясь скрыть свою грусть, и ни на шаг не отходил от Александры Леонидовны.

Счастливая, с сияющим лицом, с большим букетом цветов, Наташа распрощалась со своими друзьями у ворот воинской части, куда никого из провожающих не пустили. Долго прощалась она с мамой, потом сказал тихо, так, чтобы ее слышала только мать:

— Мамочка, если со мной что случится, возьми на воспитание мальчика. Помнишь, мы говорили об этом?..

И вот она уже шагает по мощеной дорожке, ведущей в штаб части.

Оставшись за воротами, Наташины друзья некоторое время смотрели ей вслед, пока легкая фигурка девушки в белой кофточке, в цветном сарафане не скрылась за поворотом...

4

На краю деревни Николай Тюганов остановил подводу и предложил Удодову с партизанами остаться и ждать его:

— Чего зря всем рисковать!

Он кивнул Ивану Бережному, человеку небывалого спокойствия и выдержки, который не терялся даже в самых невероятных ситуациях и умел бить из пистолета без промаха.

— Иван, ты со мной!

Тюганов отдал свой автомат, сунул в один карман пистолет, а в другой две гранаты-лимонки.

— Пошли!

На главной улице деревни безлюдно. Весеннее солнце клонилось к закату. Лишь кое-где на огородах копались женщины, да у одной избы на лавочке сидел щуплый старик и курил.

— Папаша, где тут Харковичи живут?

— А вы что, тоже на крестины? — дед окинул оценивающим взглядом незнакомцев. — Родня, что ли?

— Вроде родни, — ответил Тюганов.

— Я вот ноне тоже вроде бы выпил, только в рот не попало, — в тон ему ответил дед и махнул рукой в даль улицы. — Шагайте до угла, а там свернете, третий от краю... Под железом, крыша зеленой краской покрашена... Председателя нашего, Екима Анисимыча — царство ему небесное! — дом будет. А нынче там братаня бургомистра проживает.

— Ясно, папаша!

Едва партизаны свернули за угол, как сразу увидели любопытных, толпившихся возле дома. Тюганов кивнул Ивану Бережному:

— Разговор вести буду я. Ты же будь готов. В случае чего, пали в упор.

— Не беспокойсь, Никола, — Бережной сунул руки в карманы куртки, в каждом лежали заряженные немецкие «вальтеры».

Дом был добротный, из толстых отборных бревен. Резные наличники, над железной темно-зеленой крышей краснохвостый петух-флюгер. Из дома в открытые окна неслась пьяная песня, залиvisto играла гармошка и слышался дробный стук каблуков.

— Полицайкомиссар и бургомистр у Харковичей? — спросил громко Тюганов.

На него сразу уставилось несколько пар любопытных глаз. По виду вроде и не здешний, а знает хозяйина дома. Кто такой? Однако спрашивать не решились. Вихрастый мальчишка лет тринадцати опередил старших:

— Тут они оба, дяденька! Крестины справляют! — И сразу окликнул девушку, направлявшуюся в дом: — Галюха, стой! К вам еще гости, вот эти двое дядей.

Галюха круто повернулась и холодно серыми гла-

зами хозяйки уверенно посмотрела на Тюганова и Бережного.

— Кто такие?

— Дело есть. Важное,— сказал Тюганов.— Вызови пана полицейского комиссара и пана бургомистра на минуту.

— Вы приезжие? Из центра? — спросила она.

— Из центра,— ответил Тюганов, делая упор на слово «центр». — Важное дело.

— Так входите же, будьте гостями!

— Некогда.

Галюха скрылась в дверях, и через минуту-другую на крыльце появился краснорожий детина с рыжими усами. Тюганов по описанию Пантелеймонова опознал в нем бургомистра. Следом за ним выкатился краснощекий толстяк в полицейской форме, расстегнутой на груди, с автоматом на шее.

— Чего надо? — бургомистр дыхнул самогонным перегаром.

— Дело есть,— спокойно сказал Тюганов.— Я из центра.

— Привез? — сразу оживился полицейский комиссар, принимая Тюганова за кого-то другого.

— Привез,— ответил уверенно Тюганов, не зная о чем идет речь.

— Как там в Могилеве? — подобревшим голосом спросил бургомистр, сходя со ступенек вслед за полицейским комиссаром.

— Бери выше,— ответил Тюганов.

— Из Минска? — удивленно-радостно спросил полицейский комиссар.

— Выше! Из Москвы,— и тут же выпалил:— Я — партизан!

И с этими словами Тюганов небрежно и весьма выразительно стал перекачивать на своей широкой мозолистой ладони яйцевидную гранату-лимонку.

— Руки вверх!

Оторопевшие бургомистр и полицейский комиссар поднимают над головами дрогнувшие руки.

— Бережной, обыскать! — приказал Тюганов.

Иван Бережной быстро обезоруживает их, обшаривает карманы, доставая оттуда небольшие пистолеты.

— Руки за спину,— повелевает Тюганов.— Пошли, панове!

Но тут из дома выскакивают пьяные гости, некоторые хватаются за оружие.

— Назад! — командует Тюганов своим громким голосом.— Кто высунется из дому, дырку в голове сделаю! И дом сожгу! А ну, быстро в хату! И ложись на пол!

Гости и хозяева, бледные и растерянные, торопливо пятятся к двери.

Чуть в стороне собирается народ. Сельчане удивленно смотрят на «хозяев волости», которые понуро шествуют с руками за спиной, на смелых незнакомецех, которые днем, словно нет гитлеровцев, ведут бургомистра и полицейского комиссара. Слышатся одобрителльные возгласы:

— Допрыгались, подлюки!..

— Эти и взаправду партизаны! А говорили, что их нету...

Через час Тюганов докладывал командиру отряда о том, что задание выполнено.

Качуевский, выслушав партизан, сам приступил к допросу «хозяев волости». Пантелеймонов присутствовал на допросе. Бургомистр попытался было запугивать, повел себя нагло-уверенно, но Качуевский быстро его осадил. Полицейский комиссар стал выкручиваться, юлить, выдавать себя за «страдальца», которого «насильно посадили на такой пост» оккупанты...

Однако счет, предъявленный им обоим, был весьма красноречивым. Пантелеймонов перечислял фамилии расстрелянных, изувеченных, отправленных в гестапо...

После каждой названной Пантелеймоновым фамилии Качуевский спрашивал задержанных:

— Ваше участие?

Ответы следовали стереотипные: «лично опознавал», «ловил», «подписывал приказ», «принимал участие в расстреле»...

После допроса Качуевский и Иван Сурков, ставший комиссаром отряда, пользуясь своими высокими полномочиями, составили приговор.

Выстроив бойцов отряда, Качуевский велел вывести предателей. Потом командир огласил приговор:

— Бургомистра и полицейкомиссара за преступления, совершенные против Советского государства, злодеяния и издевательства над советскими людьми, убийства ни в чем не повинных граждан и активное личное участие в подобных акциях — расстрелять!

Приговор был тут же приведен в исполнение.

4

Отряд Качуевского прошел рейдом по югу Могилевской области, наводя страх на полицейкомиссариаты и мелкие гарнизоны. Взорванные мосты, уничтоженные склады, строгий суд над предателями.

Партизаны действовали быстро, дерзко и решительно. Они появлялись внезапно и мгновенно исчезали. Только дым пожарищ, взорванные комендатуры да трупы предателей свидетельствовали о смелом налете. Оккупанты не чувствовали себя спокойно, хотя находились в глубоком тылу.

Гебитскокомиссар Могилевщины в начале весны, когда отряд только начинал действовать, попытался было справиться с ним своими силами. Однако все «карательные экспедиции» оканчивались безуспешно. Отряд был неуловим. Партизаны появлялись там, где их меньше всего ожидали. Действия их были настолько ощутимы, что оккупанты заволновались. Из Минска пришла шифровка, в которой гебитскокомиссару предлагалось «немедленно ликвидировать большевистских десантников». В Могилев нагрянули «специалисты» по борьбе с партизанами, прибыли два батальона отборных головорезов и роты, сколоченные из предателей. На базарах, вокзалах, в деревнях, на людных местах запестрели обращения.

Разведчики сорвали несколько таких обращений и принесли в лес своему командиру:

— Читай, Пал Палыч, как немцы тебя оценили.

Качуевский развернул серый лист и пробежал глазами обращение гебитскокомиссара к населению:

«100 000 рейхсмарок награды! 100 000 рейхсмарок, двадцать гектаров земли, новую усадьбу, пять лошадей и четыре коровы получит тот, кто поймает и выдаст властям преступника Качуевского.

В конце марта 1942 года в окрестных лесах Мо-

гилева была опознана ватага бандитов, переодетых в гражданскую одежду. Германскому командованию стало известно, что возглавляет эту банду лейтенант русской армии Качуевский Павел Павлович.

Запрашивается все население о месте нахождения главаря этой бандитской шайки. Особые приметы Качуевского: рост 180 сантиметров, широкая грудь, прямое правильное лицо, серые глаза, светлые волосы.

Каждому, кто укажет местонахождение базы этой бандитской шайки, будет немедленно выдано крупное вознаграждение».

Качуевский, не скрывая улыбки, посмотрел на разведчиков:

— Как, по-вашему, хорошая цена?

— Маловато, товарищ командир!

А Тюганов добавил:

— Мы на одном объявлении, что у ворот базара повешено, ответ написали. Вывели красной краской такие слова: «За твою башку, гебитскомиссар, и ломаного гроша не дадим, и так поймаем и вздернем на сосне».

— Верно написали,— сказал комиссар отряда и взял у Качуевского обращение.— Дай-ка мне эту бумагу. Надо прочесть всем бойцам, пусть знают, как мы насолили фрицам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВСТРЕЧА

1

Директор фронтового театра Сергей Невгоров работал за столом в своем маленьком кабинете, когда к нему пришла Александра Леонидовна. Увидев ее, он поспешно встал навстречу.

У Наташиной матери был убитый вид, и Невгоров с тревогой стал спрашивать, как ее дела.

Прошел не один месяц с той поры, как ушла на фронт Наташа. Оба они первое время очень ждали

от нее писем. И они приходили, но редко. В своих письмах Наташа прежде всего успокаивала мать нежными, ласковыми словами, а потом уже кратенько сообщала о себе. Подробностей о Наташиной солдатской жизни они почти не знали. Девушка писала лаконично: «Жива, здорова, скоро буду бить фрицев, с нетерпением жду дня, когда наша часть вступит на передовую».

По последнему письму они догадались, что полк, в котором служит санинструктором Наташа Качуевская, находится где-то в районе Сталинграда.

Сергей Невгоров частенько наведывался к Александре Леонидовне. Вдвоем они перечитывали Наташины письма.

Однажды почтальон принес солдатский треугольник на имя Наташи. Развернув письмо, они прочли:

«Здравствуй, дорогая Наташенька! Извини за мое долгое молчание. Все было некогда. А вот теперь, когда попала в госпиталь, время нашлось. Но ты не волнуйся, рана у меня пустяковая, недели через две думаю обратно в свою часть. Пугает меня другое: перестали приходить письма от Ванечки. Я потеряла покой. Может быть, ты чем-нибудь поможешь мне? А еще, дорогая моя, поздравляю тебя с законным бракосочетанием (к сожалению, не знаю теперь, как твоя фамилия). Теперь, наверное, не будешь рваться на фронт...»

Александра Леонидовна положила письмо в ящик комода и тихо сказала:

— Это от Антонины. Около года она на фронте, и ничего. Рана, к счастью, тоже пустяковая, если, конечно, верить письму. А я вот что думаю, Сережа, напрасно я так терзаюсь. Воюют же девушки! Сколько их, молодых, красивых, на фронте!

Невгоров подивился тогда мужеству этой женщины. Мать верила, что все обойдется, без этой веры ей невозможно было бы жить. А Сергей, побывавший в самом пекле войны, хорошо знал, что это такое.

— Дела по-прежнему, — ответила на вопрос Александра Леонидовна. Она села на предложенный стул и посмотрела в глаза Невгорову.

— Сереженька, — сказала она, помолчав, — возь-

ми меня в свой театр. Стаж артистической работы у меня, как ты знаешь, есть.

Невгоров заморгал глазами. Долго думал. Потом сказал:

— Александра Леонидовна, мне трудно понять все это. Зачем вам такие сложности? Ведь прифронтной театр — это же почти фронт!

— Вот это как раз мне и надо. Доченька моя тоже на фронте. Возможно, каким-нибудь образом удастся свидеться с ней.

Директор театра опустил голову:

— Александра Леонидовна, шансы так малы. Фронт ведь большой!

— Ничего, Сереженька. Работая в прифронтном театре, я буду иметь хоть какие-то шансы. А здесь...

Она умолкла.

Просьба эта показалась Невгорову святой, и он оформил Александру Леонидовну на работу в театр.

2

Павел понимал, что обстановка резко обострялась. Лазутчики карателей рыскают буквально по следам отряда. На Могилевщину стягиваются войска, специализированные по борьбе с партизанами. Не сегодня-завтра, через неделю, но все равно встреча неизбежна, они начнут крупную операцию, начнут прочесывать леса и навяжут невыгодный для отряда встречный бой. Партизанам придется туго. Надо уходить как можно скорее из опасной зоны.

Качуевский почти до дыр «зачитал» топографическую карту, изучив окрестные леса и долины. Мысленно он даже наметил несколько вариантов движения отряда. Однако Качуевский не имел права покинуть этот район, пока не выполнит задание Центра.

Две недели назад из Москвы передали, что где-то на Могилевщине гитлеровцы создают секретный объект под кодовым названием «Дуппельфенстер». В руки чекистов попали материалы гестаповского агента. Там фигурировал этот объект. Подробнее узнать не удалось — немец убит.

«Дуппельфенстер» — в переводе на русский означает «двойные рамы». И перед отрядом Качуев-

ского стояла задача: найти эти самые «двойные рамы», иными словами, определить местонахождение секретного объекта, разыскать его и сообщить координаты Центру. А если представится возможность, уничтожить объект. Но вот разыскать эти чертовы «двойные рамы» пока не удается...

Отряд прошел рейдом почти по всей Могилевщине — и безуспешно. Хоть сообщай в Центр, расписывайся в собственной беспомощности.

— Вернемся еще раз на юг,— сказал Качуевский комиссару Ивану Суркову и провел пальцем по карте по лесным массивам.

— Знакомые края,— произнес Сурков таким тоном, словно спрашивал: «А что мы там можем найти?»

— Навестим Феодосия,— сказал Качуевский.— Что-то давно он нам вестей не подает.

— Вот именно, что не подает. Кабы что знал, наверняка сообщил бы отряду.

— Проверим на месте, комиссар. Может, с ним что случилось, а?

От Феодосия Пантелеймонова уже более месяца не поступало известий. Обычно через доверенных людей в отряд передавал он краткие записки, подписанные условным именем «Пан Федот». И вдруг замолчал...

На рассвете следующего дня отряд был уже в пути. Шли лесом, обходя редкие селения. Июль выдался жаркий. Дожди перепали редко, и в лесу густела знойная духота. Деревья стояли словно сонные, листья не шевелились, и в душном безветрии роем носились комары. От них не было спасения ни днем ни ночью. Под пологом мохнатых красновольных сосен весь день царит полумрак. То там, то здесь растут редкие куртины кислички, двулистого майника. Ковром стелется пушистый зеленый мох. А другим травам тут расти трудно: солнце сюда почти не заглядывает. Местами вообще никакой травы нет, на оголенной земле мягким ковром лежит сухим опадом хвоя. Она пружинит под ногами, тихо потрескивают сухие веточки под подошвами сапог. Зато на вырубках да на полянах раздолье травам. Косить ее некому, и она тянется в рост. Нежатся под лучами

солнца ромашки, подняв любопытствующие головы в белых платочках, мелькают голубые огоньки васильков, тянутся вверх метелки иван-чая, проглядывают из травяных зарослей нежный белый седмичник, душистая лесная фиалка, колокольчики... А в болотах еще не успела созреть морошка. Ягоды ее пока жестки и кислы, похожи на ярко-алые розочки. Но придет время, они пожелтеют, размякнут, наберутся сладости. Зато сейчас созрела земляника, и ее медовый запах разносится далеко. Много в этих лесах ягоды. Когда же встречается на пути малиник, то трудно удержаться, чтобы не замедлить шага, не собрать пригоршню-другую...

— Не отставай, ребята! Шевелись бодрее!

А впереди снежным белым цветом встал высоковольтный березняк. Вытянутые в струнку стволы деревьев четко вырисовываются на густой зелени. Под ногами в траве то там, то здесь похрустывают грибы. Их уродилось много. С появлением грибов и ягод проблема питания была частично решена. Что может быть вкуснее наваристой грибной похлебки?

По приказанию Качуевского отряд сделал солидный крюк и вышел к деревне Лесная. Качуевский давно хотел попасть на это место. Еще весной, когда отряд находился на юге Могилевщины, Павел намеревался было пройти через эту деревню, однако тогда обстоятельства сложились так, что отряд был вынужден уходить другой дорогой. На сей раз Качуевский повел партизан именно через Лесную. Впрочем, ему была нужна не сама деревня, которая почти ничем не отличалась от других лесных селений. Павел хотел показать своим бойцам, большинство из которых не были местными людьми, знаменитый памятник мужества и стойкости русских воинов.

Высокую монументальную церковь увидели издали, едва приблизились к опушке леса. Сооруженная из красного кирпича, четырехгранная массивная церковь уступами тянулась вверх. Она напоминала кремлевскую башню. Рядом с ней на открытой площадке выросло гранитное сооружение, на вершине которого был виден бронзовый орел, широко распластавший крылья.

— Товарищ комиссар, что там за орел? — спрашивали бойцы. — Кому поставили памятник?

Партизаны подошли ближе. Кирпичные стены церкви во многих местах были выщерблены пулями и осколками, а справа зияла воронка.

— Ишь ты, снаряд не взял! — удивлялись бойцы.

— Русские умели строить, и нынешней пушкой не прошибешь!..

— Настоящая крепость! Дот — и только, а?

А около гранитной глыбы, над которой распластал крылья орел, партизаны стояли молча, читая буквы мемориальной надписи, выведенные на плите твердой и красивой вязью: «В память сражения при Лесной — матери Полтавской победы».

— А что за сражение? — спросил Николай Тюганов, смущенный своим незнанием.

— Было такое. Когда шла война со шведами, — пояснил комиссар. — Кино «Петр Первый» смотрел? Шведы шли этими местами на Россию. Тут и был, значит, первый и важный бой, как написано на памятнике.

— Ясное дело. Россия для многих была жирный пирог, да не по зубам.

— Здесь, под Лесной, боем командовал сам Петр, — сказал Качуевский, останавливаясь около памятника. — Этот бой весьма знаменателен.

— Расскажите, товарищ командир!

— Шла война России со Швецией. Петр отвоевал исконно русские земли и выход к морю. Шведы не примирились с поражением и решили пойти сухопутным путем через Литву и Польшу, ударить, так сказать, с тыла и пройти до Москвы. В этих местах, на Могилевщине, крестьяне сами нападали на шведов, сообщали русскому командованию ценные сведения о противнике. Народ поднялся, одним словом. Как сейчас против фашистов. А здесь, под деревней Лесной, у шведов был большой лагерь. Они готовили силы для главного похода. И об этом лагере стало известно Петру. Но как подобраться незамеченными? У шведов сил тогда было больше. И вот нашелся смельчак, один местный крестьянин. Имя его, к сожалению, осталось неизвестным. Он предложил Петру Первому пройти лесными тропами. Возможно, теми самыми,

по которым мы с вами нынче прошли. Русские полки повел сам Петр. 28 сентября 1708 года здесь произошло крупное сражение. Оно продолжалось от зари до зари, целый день гремели пушки, хлестал свинец, сходились в рукопашной. Шведами командовал их лучший генерал, Левенгаут. Несмотря на большое численное превосходство, шведы были разбиты, они потеряли более восьми тысяч одними убитыми, много пушек и весь обоз с боеприпасами и провиантом. Русские в том сражении показали чудеса храбрости и одержали важную победу. Не зря же эту битву называли матерью Полтавской победы.

Вечером в расположение отряда вернулась Анна Баренцова. Она ходила на встречу с Пантелеймоновым. Вернулась хмурая и, ни слова не говоря, направилась к шалашу Качуевского.

— Присаживайся, Аня,— сказал Качуевский, освобождая ей место рядом с собой.

Павел по ее лицу догадался, что принесла недобрые вести, протянул кружку березового сока.

— Выпей, а потом расскажешь.

Баренцова устало опустила на разостланную шинель, взяла обеими руками кружку, поднесла к губам, и тут пальцы у нее задрожали. Она закусила губу, несколько минут смотрела опустошенным взглядом прямо перед собой и тихо произнесла:

— Нету больше Феодосия, нету Пантелеймонова... Всех!.. Всю семью его немцы... И хату спалили. Одна печь с трубой, как памятник, торчит в золе... Верба около дома вся обожженная, без листьев...

— Когда? — спросил Павел.

— Почти месяц назад, в июне. Выследили его.

— А в «почтовом ящике» была?

— Была. Сунула руку в дупло, а там только сухие листья да хвоя. Это когда еще туда шла, в село. А на обратном пути снова вернулась к дуплу. Долго шарила. На самом дне охотничий патрон нащупала. В нем записка. Последняя, видать, от него.

— Читала?

— Да. Пантелеймонов о каком-то дуплете сообщает.— Анна вынула записку и протянула командиру.

Качуевский развернул донесение. На половинке

листа из ученической тетради в синюю клеточку Феодосий своим неровным почерком писал: «Наслыхан о каком-то «дуплете». Он находится здесь под Быховом. Немцы секретно возют туды свежее молоко, яички да курей. Разузнаю, сообщу».

— Хороший был человек,— сказал Качуевский и, свернув записку, повернулся к Баренцовой.— Иди отдыхай.

После ухода Баренцовой Павел снова разостлал карту. Завтра надо будет посылать разведчиков прощупывать округу. А из головы не выходило последнее донесение Пантелеймонова. «База, наверное, там под Быховом»,— подумал Павел и тут же невольно остановил свое внимание на слове «свежее». А зачем немцам свежие продукты? Для какой надобности? Для высокого начальства?..

Павел еще раз внимательно перечитал донесение. «Наслыхан о каком-то «дуплете»...

— Дуплет, дуплет,— произнес тихо Качуевский и вновь уставился на коряво выведенное слово.— Может быть, не дуплет, а дуппель?.. Ведь говорили-то немцы, лопотали по-своему... «Дуппельфенстер»? Та самая «двойная рама», которую ищем?

Качуевский потер лоб ладонью. Все может быть. И Павел подумал, что Пантелеймонов, возможно, попытался разузнать что-либо подробнее о том объекте, и вот реакция — уничтожили и его и семью. Немцы, видно, тщательно охраняют тайну неизвестного «дуплета», как пишет Пантелеймонов, или, скорее всего, «дуппельфенстера»...

Рассуждая таким образом, Павел внимательно разглядывал карту, всматривался в леса, окружающие город Быхов, что стоит на правом, западном, берегу Днепра. Если двигаться туда, то придется снова на подручных средствах переправляться. Надо, так надо! Где-то там, в лесах, притаился таинственный объект. Что он из себя представляет? Тайный склад? Учебное заведение?..

В шалаш, нагнув голову, вошел Иван Сурков. Он проверял посты вокруг стоянки отряда.

— Что нового?

Качуевский протянул донесение Пантелеймонова.

— Анна принесла из «почтового ящика». А само-

го уже нет, даже хату сожгли,— Качуевский рассказал о гибели Пантелеймонова.

Комиссар внимательно слушал и всматривался в строчки донесения. Потом высказал предположение, о котором думал и Павел. Качуевский сосредоточенно мял зубами травинку. Помолчав, он сказал:

— Может быть, это и есть как раз то, о чем запрашивает Москва, но может статься, это совсем не то. Наша задача проверить,— Павел провел ладонью по карте.— Садись, вдвоем покумекаем!

3

Наташу оформили в 16-ю авиадесантную бригаду. Это была несколько необычная воинская часть. Она формировалась в очень сжатые сроки. По путевкам комсомольских организаций и военкоматов Москвы, Саратовской области, Башкирии, Сибири и других мест нашей страны Центральный Комитет ВЛКСМ и Главное командование Военно-Воздушных Сил принимали в армейскую семью лучших из лучших, волевых, закаленных, преданных и хорошо физически подготовленных, главным образом, спортсменов и физкультурников.

Очень ответственные операции на фронте предстояло выполнять десанникам. С утра до позднего вечера шла напряженная учеба и тренировка. За короткие месяцы десанникам надо было обучиться тому, на что раньше уходило два-три года. Война пересмотрела все нормативы мирного времени, сократила и уплотнила сроки.

Не отставали от бойцов и медицинские работники. Им нужно было не только учиться, повышать квалификацию, но еще и зорко следить за здоровьем десантников. И девушки, одетые в военную форму, с объемистыми брезентовыми сумками, на которых выделялись красные кресты, старались поспеть всюду. А кроме того, тренировки — бегали кроссы, стреляли, знакомились с приемами рукопашного боя, совершали марш-броски, осваивали прыжки с парашютом. В самых трудных условиях учились быстро перевязывать, останавливать кровотечение, накладывать шины, переносить раненых...

Война внесла свои поправки в дальнейшую судьбу бригады, в судьбу всего воздушно-десантного корпуса. Шло жаркое лето 1942 года. Прорвав фронт под Харьковом, гитлеровские войска, имевшие превосходство в самолетах и танках, устремились на восток. В сводках Информбюро замелькали названия городов и населенных пунктов, еще недавно далеких от линии фронта: Воронеж, Ворошиловград, Краснодар, Армавир, Майкоп...

Советские полки отходили с тяжелыми боями, оставляя врагу богатейшие области Дона. Вновь, как и летом 1941 года, страна переживала горечь отступления...

Враг рвался к Волге, к Сталинграду и на Кавказ. Не считаясь с огромными потерями, фашистские полчища двигались вперед. Немецкое командование стремилось осуществить новую директиву Гитлера: разгромить советские войска, прикрывающие Сталинград, и с ходу овладеть этим крупным промышленным центром, а потом, нанеся удар вдоль Волги на юг, захватить район Астрахани.

Шли тяжелые бои. Измотанные и поредевшие советские полки с трудом сдерживали натиск гитлеровских войск. На отдельных участках фронта приходилось отбивать за сутки по шестнадцать атак пехоты и танков.

Но особенно неблагоприятная обстановка сложилась на левом фланге Сталинградского фронта. На рассвете 31 июля четвертая танковая армия противника в районе Цимлянска перешла в наступление и танковым ударом прорвала фронт. На следующий день, первого августа, гитлеровцы ворвались в Сальск. Советское командование разгадало замысел гитлеровских генералов и приняло решительные меры, стремясь задержать продвижение немцев на Астраханском направлении. Сюда спешно перебрасывались войска. Но их было пока мало.

Ставка Верховного командования, сообразуясь с обстановкой, превратила воздушно-десантное подразделение в 34-ю стрелковую дивизию. Приказом Народного Комиссара Обороны СССР дивизии было присвоено звание гвардейской. Центральный коми-

тет ВЛКСМ объявил шефство над гвардейской стрелковой дивизией. Ее бойцам поручалось важное задание — остановить немецко-фашистские войска южнее Сталинграда в степях Калмыкии и не допустить их к Волге, к Астрахани.

Шесть суток следовали на юго-восток эшелоны, делая краткие остановки лишь на небольших станциях или разъездах. В вагонах продолжалась боевая и политическая подготовка, изучалась материальная часть оружия. Наташа часто стояла у открытого окна. Мимо проплывали железнодорожные станции, деревни с пыльными проселками, время от времени голубой змейкой серебрилась какая-то речушка. Леса почти исчезли. Пошли степи. Чем дальше на юг, тем становилось жарче. Знойное солнце нагревало вагоны, раскаляло железные крыши. Когда вырвались на просторы саратовского Заволжья, сразу ощутили близость фронта.

Дважды на эшелоны совершали налет гитлеровские самолеты, но оба раза были отогнаны меткими очередями зенитных пулеметов и скорострельных зенитных орудий, установленных на платформах.

Недавние десантники умели определять направление движения эшелонов по солнцу. Все чаще в вагонах говорили: «Будем воевать под Сталинградом».

Но эшелоны шли дальше на юг. Железная дорога пролегла по берегу Ахтубы, одного из главных рукавов Волги. Берега, заросшие тальником и камышом, манили к себе, обещая прохладу. Но поезда катили без остановки.

Не доезжая несколько километров до Астрахани, эшелоны остановились. Бойцы быстро освобождали вагоны, снимали ящики с боеприпасами, скатывали по настилу орудия. И сразу же гвардейцы стрелковой дивизии выступили в поход. Сначала вышли к Волге. Переправившись на пароме через Волгу, двинулись на восток.

К астраханской дельте Волги подступают два моря. С одной стороны — Каспийское, а с другой — безбрежное «море» полупустыни с застывшими волнами холмов, с горько-соленой водой озер, с раскаленными песками, бесконечными степными просторами...

Степи встретили страшным зноем. Лето, как говорили старожилы, выдалось на редкость жарким, особенно август. Термометр даже в тени показывал за тридцать градусов. Палящие лучи солнца выжгли последние травы. Земля местами покрылась трещинами. Куда ни глянешь — всюду однообразная, унылая серая степь. На десятки километров вокруг все открыто, как на ладони. Пологие холмы и гряды сплошь заросли жесткими колючками, невысокими сизыми кустиками прутняка да метелками свёдой полыни.

Как тут воевать? Открытый характер местности затруднял маскировку войск и путей сообщения, организацию обороны. Военные думали о своем, тихо ругались. Кляли степь и медики. Где расположить госпиталь? Где его укрыть? А главное, где раздобыть воду?.. Колодцы встречались редко, воды в них мало, она горьковато-соленая на вкус. А без воды госпиталь не госпиталь...

5

Ночь — боевая спутница партизан. Она помогает скрыться, помогает передвигаться незаметно. Так было и на сей раз, хотя июльская ночь коротка и светла. Но помог туман, что стелется над поймой Днепра.

Высланные вперед разведчики обшарили прибрежные леса и доложили командиру:

— Пал Палыч, нашли заброшенную баньку. Можно разобрать.

— Дело, — сказал Качуевский.

Бревна были сухие и легкие. Быстро соорудили два плота. В ход пошли веревки, ремни, солдатские обмотки...

На первом плоту — Качуевский с партизанами, на втором — Сурков.

— Отчаливай!..

Вооружившись длинными шестами, бойцы оттолкнули плоты от берега. А дальше подхватило течение и понесло. И еще как понесло! Течение коварное и быстрое. Вырвавшись под Могилевом из узких гористых берегов, Днепр вольготно несет свои воды на

юг стремительным потоком. На середине, на самой быстрине, могучая река подхватила легкие плоты и понесла их прямо на тусклые огни города Быхова. По приказу Качуевского бойцы легли вдоль края и стали грести руками и шестами, стараясь выбраться со стремнины.

— Работай, ребята! Давай!..

Примеру Качуевского последовали и на втором плоту, который тоже сносило по течению.

Выбрались на берег совсем не там, где намечали. Километрах в трех южнее, почти рядом с городом.

Над рекой стлался предрассветный туман, закрывая молочной густотой все вокруг. Бойцы выбрались на сырой луг и шли по воде, по топи сквозь густые заросли травы и осоки.

— Скорей! Скорей! — торопил командир.

Наконец под ногами твердая земля. Сделали короткий привал и снова в путь. Надо успеть отойти от берега и скрыться в лесу.

Лесная чаща — партизанский дом. Она и приютит и укроет. Качуевский, поглядывая на компас, ведет людей. Все чертовски устали, вымокли.

Уже стал рассеиваться спасительный туман, и верхушки сосен озарили лучи солнца, когда отряд достиг лощины, где их поджидали бойцы, высланные командиром вперед.

— Маскироваться, — приказал Качуевский, — и отдыхать.

Удодов, водивший бойцов в разведку, не сидел сложа руки. Они успели соорудить в глухой чаще несколько шалашей. Качуевский с удовольствием опустился на охапку еловых веток, покрытых куском брезента. Стянул сапоги. Размотал портянки, пошевелил занемевшими пальцами.

Удодов присел рядом на корточки и, пряча довольную улыбку, поставил перед командиром крестьянский казанок:

— Ушицы наварили, Пал Палыч. Похлебай с дороги...

— Что ж я один буду? Зови комиссара!

— Иван Макарыч уже жует с разведчиками. Они его утащили, едва он пришел в лагерь.

За шалашом послышались голоса. Кто-то пытался пройти к командиру, но его не пускали.

— Погодь чуток, пусть Пал Палыч передохнет с пути.

— Дело важное, слышь? Пусти!

Качуевский узнал по голосу Анатолия Андропова, парня смелого и спокойного. Качуевский послал его на связь с отрядом Мальцева, и тот, судя по всему, возвратился назад.

— Пропусти,— велел Качуевский.

Андронов нырнул в шалаш и, оглянувшись, тихо произнес:

— Товарищ командир, важное письмо. От Мальцева, велено передать в руки, лично.

Качуевский распечатал небольшой конверт, склеенный из листа школьной тетрадки. Мальцев сообщал, что западнее Быхова, неподалеку от деревни Холстово, в сосновом бору немцы создали не то какую-то тайную школу, не то санаторий. Называют «дуппелем». Узнать подробнее не удалось, местность прочесывают почти ежедневно. Далее Мальцев писал, что его отряд уходит на запад, в партизанский край, где сейчас идут тяжелые бои.

— Что еще? — спросил Качуевский, **видя**, что боец не уходит.

— Письма, Пал Палыч.

— Кому?

— Многим. Полмешка набил.

— Давай скорее!

— Я их зарыл в ельнике. Тут неподалеку, километра с два будет. Боялся, что на немцев **напорюсь**, вот и спрятал. Я с ними пятый день блуждаю в лесу, понимаете... Разрешите сходить за ними?

— Только быстро!

— Слушаюсь!

Андронов ушел. Несколько минут назад Качуевский мечтал об отдыхе, о сне. Сейчас сна как не бывало. Он склонился над картой. Отыскал деревню Холстово, обвел вокруг карандашом.

Через час три группы разведчиков направились в сторону неизвестного объекта, расположенного где-то возле деревни Холстово в глухом сосновом бору.

Но перед тем как отправиться на задание, бойцы читали письма, пришедшие с Большой земли.

Качуевскому вручили сразу четыре письма. Он узнал знакомый родной почерк. Письма от Наташи! У Павла чуть дрогнула рука, когда он брал немудреные солдатские треугольники, и в его невозмутимоспокойных серых глазах мелькнула тревога. Он обратил внимание на треугольные штемпели «солдатское».

Бойцы, переглянувшись между собой, отошли в сторону. Чтобы не мешать командиру. А он ничего не заметил. Павел торопливо вскрывал треугольники. Он уже о многом догадывался — добилась-таки своего! Как же он по ней соскучился за эти месяцы, как ему часто ее не хватало!..

«Я служу... У меня теперь есть свои военные тайны, мой милый, — читал Качуевский, и сердце его наполнялось чем-то приятным и радостным, потому что он понимал состояние своей любимой. — Вчера делали марш-поход, и я наравне со всеми прошла все пятьдесят километров... Ты за меня не волнуйся, я стала выносливой. Знаешь, загорела, поздоровела, силы прибавились. Только уж очень о тебе, мой милый, соскучилась... Так хочется увидеть, посидеть вместе... Береги себя! Я сердцем всегда с тобой, хотя и не знаю, где ты сейчас и что происходит...»

«Вот и я уже, наконец, воюю, как и ты, мой милый и дорогой. Как мы давно не виделись!.. — читал Павел в другом письме. — Наша воинская часть прибыла на передовую. Находимся в знойных степях. Мы, конечно, в тылу. Сегодня я видела пять сирот. Такие чудесные ребятки! Младшего зовут Вовик. Они жили там, где теперь проходит передовая. Немцы заняли их степное село, убили мать и отца. Младший Вовик тянул ко мне ручонки и звал: «Мама!» Я, понимаешь, не выдержала и заплакала, а потом взяла себя в руки. Ненависть переполняет меня. Так хочется мстить за нашу разбитую молодость, за родных, у которых жизнь покалечили, за таких вот детишек, как Вовик, что ко мне тянется и называет мамой.

Но на передовую меня не пускают. Я хочу быть снайпером, чтобы, как Людмила Павличенко, самой убивать проклятых фашистов».

Павел пробегал глазами строчки, торопливо читал и за скупыми фразами письма видел Наташу, ее глаза, серьезные и жадно открытые, видел ее улыбку, но никак не мог представить ее хмурой и суровой, одетой в грубую солдатскую одежду, с санитарной сумкой на боку.

«Посылаю тебе копию статьи, которую я написала в нашу газету. Подписали ее все наши девушки», — читал Павел и тут же, в письме, лежала вырезка из газеты, он развернул ее.

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!..

Над нашей Родиной нависла угроза. Все, что мы годами создавали, уничтожается фашистским зверьем. Ежедневно, ежечасно на нашей земле они творят злодеяния, равных которым не было в мире. Но час расплаты близок. Весь советский народ в едином стремлении напрягает усилия, чтобы уничтожить и стереть с лица земли кошмар коричневой чумы.

Мы, девушки-гвардейцы, горды тем, что нам оказана великая честь участвовать в боях за любимую Родину! И где бы мы ни были, мы всегда будем помнить мужественную стойкость девушек-героинь Лизы Чайкиной и Зои Космодемьянской. Их образ всегда будет для нас путеводной звездой.

Почетное дело выпало на нашу долю — спасти жизнь нашим любимым бойцам, командирам и политработникам. Все свои силы, все уменье и ласку женской души мы отдадим для быстрейшего восстановления сил наших советских бойцов!

Мы горим желанием защитить Родину до последней капли крови. Нашим девизом будут слова пламенной патриотки, республиканской испанки Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Гвардии военврач 3-го ранга Бруевич,
Гвардии военфельдшер Шаповалова,
Гвардии санинструкторы Качуевская,
Борщева,
Гвардии медицинские сестры Сорокина,
Петровичева.

«Здесь жарко, и мы ходим без шинелей, — читал Павел. — Мне не раз было стыдно. Я слышала, как

люди мне вслед говорили: «Смотрите, такая молодая, а уже с орденом Красного Знамени». Здесь в глухом степном поселке живут калмыки, и они не разбираются, что это не орден, а гвардейский значок. Мне все время как-то неловко, как будто я их обманываю и еще не все сделала, что могу сделать. Но я сделаю обязательно! Ради нашей победы!»

Письмо заканчивалось нежными словами, и Павел как будто бы слышал рядом шепот любимых губ:

«Солнышко мое, родной мой! Пиши, пиши, пиши! На открытках, на листах, на клочках бумаги. Чтобы я знала, что ты есть, что мы встретимся. Береги себя! Я верю, что, если я вернусь, мы никогда с тобой больше не расстанемся. Письма идут так долго, что я не знаю что и подумать. Пиши чаще, мой милый! Вывела эти слова, что идут от сердца, а сама знаю, что если у нас с почтой не так уж налажено, то что можно говорить о твоих местах».

Павел дважды прочел каждое письмо и спрятал их в свой планшет. Присел, задумался. Из головы не выходили слова «находимся в знойных степях», «живут калмыки». И ему сразу стало ясно — гвардейский полк, в котором служит его жена, находится где-то южнее и западнее Сталинграда. Значит, сводки немцев, в которых они трубят о продвижении к Волге, близки к действительности. Там наносят гитлеровцы основной удар. Там воюет Наташа. В самом пекле. И ему стало больно, что он не смог отстоять, не сумел доказать своему прямому начальству и добиться разрешения ей пойти с отрядом. Как здесь ни трудно, как ни тяжело, но кочевая партизанская жизнь, пожалуй, легче по сравнению с тем огненным пеклом.

6

Третий день на исходе, а результатов пока никаких. Отряд буквально осадил секретный вражеский объект, огороженный несколькими рядами колючей проволоки. Взяты под контроль все подъездные пути и тропинки, которые вели к «двойным рамам». Разведка велась днем и ночью. Однако выяснить что-либо пока не удалось. «Дуппельфенстер» оказался крепким орешком, расколоть который не так просто.

После проведенных наблюдений Качуевский сделал вывод — гитлеровцы очень тщательно оберегают секрет «двойных рам». Проникнуть внутрь, за ряды колючей проволоки, по которым пропущен ток, невозможно. Немцы днем и ночью неустанно несут бдительную охрану. Со сторожевых вышек смотрят спаренные пулеметы и скорострельные пушки. Между колючей проволокой патрулируют солдаты с собаками. И разгромить это осиное гнездо лихим партизанским наскоком не удастся — немцы предусмотрели подобный вариант и не только установили сторожевые вышки, но и на ближайших буграх соорудили огневые точки.

Разгадать, что же творится в глубине густого соснового бора, нет возможности. А разгадать необходимо.

Остается последний вариант — взять «языка». Однако и тут гитлеровцы оказались предусмотрительными. На объект они выезжали на нескольких машинах под охраной мотоциклистов, и нападать на такую группу просто не имело смысла. Однако партизанам удалось заметить, что на территорию «дуппельфенстера» как-то прибыли сразу три армейских автобуса, в которых, судя по форме, ехали офицеры военно-воздушных сил. Качуевский сделал вывод, что «двойные рамы» имеют непосредственное отношение к авиации.

А время шло. Оставаться незамеченными в районе такого важного объекта партизаны долго не могли. Любая оплошность могла привлечь внимание немцев. Уходить, не разведав, Качуевский не решался. Как он будет докладывать Центру? Найти, мол, нашел, а что внутри — не знаю?..

Тося Образцова приняла радиogramму из Центра и, расшифровав ее, подала Качуевскому:

— Не очень веселое послание, товарищ командир.

Качуевский взял лист бумаги, исписанный карандашом. Центр сообщал, что в отряде Мальцева разоблачен гестаповский шпион, который успел войти в доверие. Предатель сообщил в Могилев, что отряд Качуевского будет пытаться проникнуть к «дуппельфенстеру». Центр предлагал: напрасно не рисковать.

Если удалось установить координаты секретного объекта, считайте задание выполненным...

— Час от часу не легче,— сказал Качуевский.

Командир приказал в трех местах, примерно на одинаковом расстоянии от «дуппельфенстера», подготовить сухой валежник для костров.

— Будем вызывать нашу авиацию!

Но под самый вечер все же добыли «языка». Это сделала группа, которой руководил комиссар. Бойцы подбили штабную машину, которая мчалась по лесной дороге без сопровождения мотоциклистов. Гитлеровский офицер был самоуверен и чувствовал себя хозяином на чужой земле.

— На повороте подкараулили,— пояснил Иван Бережной.— Шофера ткнули короткой очередью. Ну машина и махнула через кювет, между двух сосен. Дверцы заклинило, и офицерику пришлось вытаскивать через разбитое переднее стекло.

Немец был крупный, плотный. Руки в тонких кожаных перчатках. На груди — два креста с мечами. Он стоял, высоко вздернув бульдожьей крупной челюстью, держался высокомерно, но его выдавала бледность и нервное подрагивание раздувающихся широких ноздрей. Он ненавидел и смертельно боялся этих вооруженных лесных людей, которые с любопытством и нескрываемой неприязнью рассматривали его, отпуская едкие колкие словечки.

— Жирный гусь!

— Морду воротит, как боров!

— Отгулялся на нашей земле. Два креста заработал!

— Мы ему и одного деревянного не поставим!..

Пленного допрашивал сам Качуевский. Фашист не мог скрыть удивления, когда Павел заговорил с ним на чистом немецком языке.

Качуевский точными хлесткими фразами сбил спесь, и гитлеровец, спасая свою шкуру — «только не расстреливайте меня!», — быстро стал отвечать на вопросы.

Он рассказал, что «дуппельфенстер» — это лесной санаторий для летчиков Восточного фронта. Он сообщил, что там сейчас находится около двухсот пило-

тов и штурманов. Качуевский слушал и вспоминал донесение погибшего Пантелеймонова: «Немцы секретно возют туды свежее молоко, яички да курей», и теперь становилось ясным, для какой надобности возят свежие продукты...

— Готовится грандиозное наступление на Южном фронте, и летчики отдыхают перед боями,— выкладывал перепуганный штабист.

— Спрятали коршунов за «двойные рамы» и откармливают,— сказал зло комиссар, когда увели пленного.

— Сегодня мы им устроим веселый карнавал,— пообещал Качуевский.

Он сел и, раскрыв планшет, стал быстро писать радиogramму в Центр. Потом, вызвав Образцову, протянул ей лист:

— Срочно передай это в Центр и сворачивай рацию. Будем уходить.

Когда легла ночь, отряд удалился от «дуппельфенстера» километров на восемь. Ровно в полночь послышался гул моторов. И сразу же в трех местах вспыхнули партизанские сигнальные костры, обозначая треугольник, в центре которого находился тайный гитлеровский санаторий.

Партизаны слышали, как в лесу, в районе «дуппельфенстера» стали рваться бомбы...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ЮЖНЕЕ СТАЛИНГРАДА

1

 гитлеровские войска продолжали рваться к Волге. Бои шли на подступах к Сталинграду. Ударные группировки противника, сосредоточенные на узком участке фронта, были очень сильными. В них насчитывалось более двухсот тысяч человек, около трех тысяч орудий и минометов, более шестисот танков. Это бронированное полчище с воздуха прикрывал четвертый воздушный флот, имеющий тысячу двести самолетов... Во второй половине дня 23 августа немцы нанесли бомбовый

удар. Сталинград потонул в огне и дыме. Зарево пожаров было видно за десятки километров. Был выведен из строя водопровод, электростанция, городской транспорт. Десятки тысяч домов превратились в развалины...

Но взять город штурмом врагам не удалось. Лишь севернее Сталинграда, прорвав оборону, в районе Латошинк — Рынок, в конце удушливого вечера при всполохах огня немецкие танки и бронетранспортеры вышли к песчаному берегу Волги. Оглохшие от стрельбы, очумелые от пороховых газов, ошалелые от радости, фашисты срывали каски и черпали ими помутневшую воду великой русской реки, жадно глотали ее и мысленно предвкушали сладкое торжество победного окончания восточного похода. Казалось им, что еще один-два напряженных натиска — и Советская Россия капитулирует... Захватчики не предполагали, опьяненные радостью, что до окончания войны еще очень далеко, что битва за Сталинград лишь начинается, и именно здесь, на Волге, и совершится главный перелом в ходе великой битвы.

Южнее Сталинграда лежали безбрежные степи Калмыкии. Здесь было мало войсковых частей, и гитлеровцы почти беспрепятственно продвигались вперед. Поджигали с самолетов высохшие травы, захватывали отары овец, табуны коней; перехватывали колонны призывников, отступающие обозы. Днем 11 августа батальоны немецкой мотопехоты при поддержке тридцати танков подошли к Элисте, столице республики. Город оборонял передовой отряд 51-й армии под командованием полковника Зубкова, отряд народного ополчения и группа сотрудников НКВД. Сражение за город продолжалось всю ночь. Но силы были далеко не равными. Утром 12 августа немецкие танки ворвались в Элисту...

Используя сложившуюся обстановку, гитлеровское командование спешно начало перебрасывать в район Элисты свою 16-ю моторизованную дивизию и части 6-го румынского корпуса, ставя перед ними одну задачу: взять Яшкуль, Халхуту, Красный Худук, выйти к Астрахани и захватить ее.

Но осуществить эти планы захватчикам не уда-

лось. На пути уже стали части Сталинградского военного округа, выведенные по боевой тревоге на оборонительные рубежи. К ним присоединились отряды народного ополчения. Этими силами, конечно, сдержать врага было очень трудно. И сюда спешно была переброшена 34-я гвардейская стрелковая дивизия.

Гвардейцы задержали продвижение. Особенно ожесточенные бои разгорелись за Халхуту. Десять раз поднимались в атаку гитлеровские подразделения, их поддерживали танки и бронетранспортеры, а с воздуха — бомбардировщики. И десять раз они откатывались назад, неся большие потери. Но гитлеровское командование, не считаясь с потерями, снова бросало в бой солдат. За Халхутой, по их мнению, вставал лишь один последний опорный рубеж — Красный Худук, а дальше прямая дорога на Астрахань. Командующий 16-й немецкой моторизованной дивизией генерал-майор Шверин, завидуя своим удачливым коллегам, которые уже вышли к Волге, поспешил отправить в Берлин лживую телеграмму. В ней генерал, опережая события, хвастливо доносил, что он уже «видит в бинокль Астрахань, а завтра утром доблестные немецкие войска точно минута в минуту, как приказал мой фюрер, войдут в Астрахань и выкурят оттуда большевистский дурман».

Но прошло угро, прошел день, прошел еще день... А немецко-фашистские войска были далеко от Астрахани и топтались на подступах к калмыцкому селению Халхута, которого нет даже на крупномасштабных картах.

А тем временем другие гвардейские части занимали оборонительные рубежи в районе Красного Худука, готовясь огнем встретить захватчиков.

2

Ночью снова привезли раненых. На подводах. А их некуда размещать. Школьное низкое здание с плоской крышей, превращенное в полевой госпиталь, давно переполнено. Под палаты приспособили ближайшие мазанки. Раненые лежат прямо на полу, на сене, поверх которого постлан брезент. Операцион-

ное и перевязочное отделения расположились в домике, где еще недавно жили учителя. Сортировочная — в просторном сарае.

— Эй, командуй, куда сгружать раненых? — возницы торопятся. — Нам до свету надо на передовую снаряды еще доставить!..

Наташа, прогоняя сон, выглянула в окно. Ночь ясная. На небе ни единого облачка. От высокой луны, от звезд, безразлично мерцающих в далекой глубине, вокруг светло как днем. Раненые сидят на подводах, лежат на охапках сена, на разостланных шинелях. Согнутые фигуры с забинтованными головами, с наложенными наспех шинами, с разрезанными рукавами, распоротыми штанинами... Куда же их размещать?

Главный врач, заросший, усталый, в распахнутом халате, хриплым голосом отдавал команды. Из сортировочной спешили санитары с носилками. «Надо скорее одеться, — подумала Наташа, вялыми руками натягивая гимнастерку. — Скорее».

— Качуевская, почему вы встали? Вам лежать.

Это голос нового врача Зинаиды Власовны. Она прибыла в госпиталь неделю назад. Приехала в гражданском платье, в белых туфельках, вся запрошенная пылью. Скромная девушка с подстриженными черными волосами, она только окончила медицинский.

— Вам, Качуевская, лежать, — проговорила она, стараясь произносить слова как можно строже. — Вы триста пятьдесят кубиков крови отдали всего два часа назад. Вы еще не восстановились! А там и без вас обойдутся.

До позднего вечера делали сложную операцию. Привезли разведчика. Того самого Василька. Его из тыла врага вынесли на руках. Несли восемнадцать километров. А потом, оказав первую помощь, отправили в госпиталь. Еще несколько часов он трясся в кузове грузовика. Разведчик потерял много крови, и жизнь еле теплилась в нем. Прямо с грузовика его понесли в операционную. Разведчик не стонал, а только виновато улыбался пересохшими почерневшими губами.

— Крепись, герой, крепись. Сейчас подправим,

полечим,— как можно бодрее произнес хирург, подмигивая, как старому знакомому.— Мы сейчас тебя восстановим...

Хирург насчитал двадцать три ранения — осколочные и пулевые. И тут разведчик потерял сознание. Оперировать его в таком состоянии было нельзя. Требовалось немедленное переливание крови. А нужной группы законсервированной крови в наличии не оказалось. Все, кто был у операционного стола, выразили готовность отдать свою кровь. Но у них кровь была не той группы.

Наташа в тот момент находилась в лаборатории. Она, не раздумывая, кинулась к операционной.

— Возьмите мою! Моя группа подходит для всех...

Хирург внимательно посмотрел ей в глаза. Он не решался. Вчера Наташа отдала тяжело раненному бойцу двести кубиков. Тому требовалось переливание непосредственно от донора. У нее на руке еще не зажил след от вчерашнего укола.

— Берите,— Наташа протянула руку.— Чай послаще сделайте. Я пойду сразу спать, а к утру все будет в порядке.

И у Наташи взяли кровь. Триста пятьдесят кубиков. Разведчик очнулся. Операция закончилась успешно. Наташа, напившись чая с сахаром, пошла отдыхать.

Но вот сейчас пришлось встать.

— Качуевская, без вас обойдутся! — снова повторила Зинаида Власовна.

Но Наташа по опыту знала — не обойдутся. Работы всем хватит до утра. И санитарам, и сестрам, и врачам. Перенести, уложить, потом пересмотреть всех, пересортировать, выбрать срочных, которых сразу же на операционный стол, назначить очередность перевязок на завтра... А тут еще предательски замигала лампочка и погасла. В темной комнате была видна лишь тонкая красная нить в лампочке, а потом и она исчезла. Опять подвел движок. Его уже не раз чинили, перебирали. Хоть плачь, хоть кричи, не заводится — и все... Зажгли керосиновые лампы, фонари «летучая мышь», коптилки в палатках...

— Готовьте операционную,— командовал главный врач, надевая свежий халат.— В первую очередь «животы» и «груди», а потом того, который с коленкой.

В два часа ночи заработал движок, и операционная залилась ярким светом. Но керосиновые лампы не потушили. На движок надежды не было. Наконец перед самым рассветом пропустили через операционную всех «срочных».

— Теперь отбой,— главврач стянул с лица маску, вытер рукавом вспотевший лоб и прошел в перевязочную.— Чаю бы стаканчик.

Когда принесли чай, он уже спал на жесткой, обитой клеенкой кушетке для перевязок. На полу уснули врачи и сестры. Другого места у многих просто не было, все помещения отдали раненым.

— Кто ж будет чаевничать? — санитарка стояла с чайником и кульком сахара, оглядывая спящих.

Она поставила чайник на стол и выключила свет. Потом подняла светомаскировочные шторы, распахнула окна, и свежий предрассветный воздух потек в душное помещение...

3

Диверсионно-разведывательный отряд Качуевского ушел в глухие Чечерские леса на западе Гомельщины. Там, на левом берегу полноводного Сожа, находилась обширная лесная территория, которую контролировали партизаны. В освобожденных селах восстановлены органы Советской власти. Работал Чечерский райисполком, располагавшийся в селе Волосовичи, действовали сельсоветы, в населенных пунктах созданы хозяйственные комиссии.

Девственные труднопроходимые вековые леса, топкие болота да реки с илистыми берегами не позволяли немцам применять боевую технику. Танк напролом через чащобу не пройдет, а дорог мало, мосты почти все взорваны... Немцы не решались сунуться в глухие леса, они лишь хозяйничали в безлесных районах, в селах и поселках, граничащих с партизанским краем.

— Чечерские леса — места знаменитые и исторические, — рассказывал с нескрываемой гордостью местный житель, боец отряда, который до войны работал учителем в Чечерске. — В давние-стародавние времена на этих местах жили племена восточных славян — радимичей и дреговичей. Дреговичи занимали земли между реками Припять и Днепр, а радимичи располагались здесь на территории бассейна реки Сож. Это были сильные, выносливые, мужественные и свободолюбивые люди. Об этих племенах восточных славян известный византийский историк и ученый Лев Диакон писал, что сей народ отважен до безумия, храбр и силен. Они живыми никогда не сдаются неприятелю, убивают себя, чтобы в плену не быть рабом и не служить врагу.

— Во как дрались! — сказал Тюганов. — Славяне — они, брат, народ крепкий!

— А почему здешний лесной край зовут Чечерским? Барин такой тут хозяином был, что ли?

— Нет, слово «чечера», вернее, «чечеры» обозначает выплавленный воск, — пояснил бывший учитель, поправляя на плече ремень немецкого автомата. — Радимичи в этих местах занимались охотой и сбором меда от диких пчел, выплавкой воска. Свое поселение, где собирали воск, тоже называли Чечерским. От этого же слова произошло и название реки — Чечера. Так и пошло из века в век. Потом, позднее, на том месте выстроили большой замок, окружили его глубоким рвом с водой. А сейчас там хозяйничают гитлеровцы, замок превратился в гестаповский застенок.

И боец замолчал, опустив голову. Партизаны шагали рядом, не проронив ни слова, им были понятны тревога и волнение товарища. В его родном Чечерске бесчинствовали фашисты. В каменных подвалах томились сотни людей, схваченных палачами полевой жандармерии. Почти каждую неделю казни. Вывозят в закрытых машинах за город к противотанковому рву и там расстреливают...

— Почти весь район уже освободили партизаны, а вот город все еще никак.

— Погоди чуток, и оттуда вышибем! — пообещал Василий Удодов.

В Чечерском лесу произошла радостная встреча: отряд Качуевского встретился с бойцами Зебницкого.

По приказу из Центра отряд снова объединился.

И вот они опять все вместе: Павел Качуевский, Николай Зебницкий, начальник штаба Иван Кривенченко, политрук Иван Сурков. В просторном шалаше прохладно, пахнет свежей хвоей, сеном и наваристой похлебкой. На разостланном брезенте стоит закопченный котелок, лежат крупные ломти ржаного хлеба.

— Тут перед нашим приходом смешная оказия произошла,— начал рассказывать Иван Кривенченко.

— Которая чуть не кончилась трагически,— добавил Зебницкий.

А дело было так. В деревнях, расположенных в районах, контролируемых партизанами, стали появляться неизвестные, которые выдавали себя за окруженцев, за скрывающихся от немцев военных, за военнопленных, бежавших из лагерей... Однако уже по виду таких «окруженцев» да «военнопленных» было понятно, что они не переносили ни голода, ни лишения.

Постепенно партизаны научились распознавать лазутчиков и шпионов. Стало ясно, что гитлеровцы не оставили без внимания партизанский край и готовились его ликвидировать. Поэтому и засылали своих агентов, чтобы прощупать партизан и знать их основные базы.

— Представляешь, в такой напряженной обстановке вдруг докладывают командованию, что задержали пятерых парашютистов возле деревни Осиновка,— продолжал Зебницкий.— У командира группы имелось письмо первого секретаря Чечерского райкома партии, в котором тот обращался к своим товарищам-коммунистам, возглавляющим партизанский край. Письмо не вызывало сомнений — почерк секретаря райкома был многим знаком. А вот сама группа, заброшенная самолетом, вызвала подозрение. Почему двое в немецком обмундировании? Почему оружие, все вещи и документы немецкие? Да к тому же двое разговаривают с немецким акцентом и

фамилии у них нерусские. Командир пытался уверить партизан, что у них специальная разведывательная группа, засланная из Москвы, с особым заданием. Но их слушали с недоверием. Надо проверить. А как? Не пошлешь курьера к гебитскомиссару, чтобы тот удостоверил, что эти люди не его... Думали, ломали головы, а потом и говорят командиру группы: «У вас рация. Так вот свяжитесь с Москвой и сообщите, что партизаны Гомельщины восстановили Советскую власть в ста трех населенных пунктах, а 30 мая уничтожили немецкий карательный отряд. Если в течение десяти дней ваше сообщение передадут по московскому радио, значит, вы действительно свои, и мы вас отпускаем. Ну, а если Москва не передаст, то расстреляем как немецких шпионов. Другой возможности вас проверить у нас нет!»

«Ваши условия принимаем»,— ответил командир.

А потом пошли дни ожидания. Один, второй, третий... Радиопередачи из Москвы слушают партизаны от начала до конца, не жалея батарей для питания. Но оттуда ни слова о партизанском крае. И вдруг на пятый день в сообщении Совинформбюро, словно специально для гомельцев, диктор стал рассказывать о действиях партизанских отрядов, о лесном Чечерском крае, где восстановлена Советская власть в ста трех населенных пунктах. Догадливый радист включил динамик на полную мощность, и в лесу эвучал голос Левитана.

— Хорошо, что так благополучно окончилось, а то могло и худо,— сказал Иван Кривенченко.

— Теперь же здесь привыкли к посланникам с Большой земли,— Зebницкий сел удобнее на разостланном брезенте.— Нынче в Чечерском лесу действует отряд «Вперед» под командованием твоего тезки Павла Шемякина. Ребята все на подбор: спортсмены, чекисты, пограничники. Хорошо экипированы, у всех автоматическое оружие, ребята умеют действовать и днем и ночью в любой обстановке.

— Ты что, завидуешь?

— Радуюсь, что рядом с нами такие боевые парни. Как-то спокойнее на душе.

На следующий день прибыл посланец от секретаря подпольного обкома партии. Он прискакал на коне, черноусый, крепкий, на голове кубанка, перевитая красной лентой.

— Послезавтра состоится совещание партизанских командиров и комиссаров, — доложил он Качуевскому и, понизив голос, сказал о месте совещания. — Что передать Андрею Аверьяновичу?

— Передай, что прибудем!

Андрея Аверьяновича Куцака, секретаря гомельского обкома партии, который остался на оккупированной земле, Качуевский знал лично. Встречались с ним еще весной, когда отряд только прибыл. Хотелось вновь встретиться с этим внешне сдержанным, неторопливым в движениях человеком, который умел слушать людей и, казалось, как-то незаметно подсказывал решения, которые вроде бы приходили к тебе сами собой, по твоей воле, а не начальствующим приказом сверху. Однако нужно было срочно обработать добытые партизанами важные разведывательные данные и отправить их в Центр. Поэтому на совещание отправился комиссар Николай Зебницкий и начальник штаба Иван Кривенченко.

Своего начальника штаба отряда уважали партизаны и называли ласково: «старик». Он действительно был старше многих в отряде, но человека, которому за тридцать, трудно считать пожилым. Его так называли за расчетливость, за смекалку, за умение находить выход из любого положения. Когда перешли линию фронта и двигались в белорусские леса, отряд застрял возле небольшой речушки Судость. В летние дни ее, мелководную и тихую, перейти плевое дело. Но весной, в половодье, она стала иной, вышла из берегов и величаво несла на своих мутных волнах заскорузлые льдины. Вокруг — пустошь. кусты, ни деревни, ни даже захудалой лодки. Как быть? А переправляться надо. Павел помнит сосредоточенное лицо начальника штаба. Иван Павлович сел на берегу, разулся, снял одежду, связал все вместе с оружием в один узел и вошел в воду.

Держа узел над головой, двинулся к противоположному берегу, отталкивая другой рукой наплывающие льдины... Его примеру последовали другие бойцы. И отряд после короткого привала двинулся дальше...

Среднего роста, собранный, подтянутый, он и в лесных походных условиях всегда следил за собой и требовал от подчиненных такой же аккуратности, четкости. Глядя на него, трудно было представить себе, что этот человек, по виду кадровый командир, на самом деле до войны работал бухгалтером. Впрочем, бухгалтерская закуска в нем засела крепко, и сейчас, в таких трудных условиях, Качуевский всегда был спокоен за штабные бумаги — там был полный порядок. А если поручал штабу разработать разведывательную операцию, то обычно получал расписанный до деталей план.

— Передайте привет от меня Андрею Аверьяновичу, — сказал Павел, пожимая руки Зебницкому и Кривенченко.

Проводив их, Качуевский вернулся в свой штабной шалаш. Неподалеку, примостившись на поваленную сосну, адъютант командира Николай Жмакин стал негромко наигрывать на трофейном немецком аккордеоне, и по лесу полились мелодии песен, которые любил Качуевский. Жмакин так поступал всегда, когда его командир сосредоточенно работал над документами. Он полагал, что его музыка помогает Пал Палычу собраться, сосредоточиться. Впрочем, так, возможно, оно и было.

К вечеру, когда жаркое июльское солнце стало клониться к верхушкам сосен, Качуевский передал радистке срочные донесения в Центр. Тося Образцова ушла в свой шалаш, и Павел принялся составлять краткий отчет о действиях отряда в тылу. Павел, расположившись на охапке сена, быстро записывал своим ровным почерком: пущено под откос пятнадцать вражеских эшелонов с живой силой и техникой, разгромлено девять местных полицейских управ и комендатур, взорван склад с горючим, разрушено три моста...

Вдруг послышался голос радистки:

— Пал Палыч, скорее, передают из Москвы!

Качуевский оторвался от своих записей. Высу-
нулся из шалаша.

— Что передают?

— Для вас, товарищ командир... То есть нет, для
жены... для Наташи вашей,— и, повернувшись к
адъютанту, выпалила:— Да замолчи ты со своей му-
зыкой!

Одного упоминания о Наташе было достаточно,
чтобы Павел выскочил из своего шалаша, в два
прыжка пересек поляну и очутился возле приемни-
ка. Он сразу узнал женский голос. Шла передача из
Москвы для воинов-фронтовиков. Голос был такой
знакомый. Павел привык к нему и сразу же узнал
мать своей Наташи, узнал Александру Леонидовну.
Она говорила о жизни в Москве, о друзьях Наташи
из театрального института, о том, что Сергей Нев-
горов организовал артистическую бригаду и с ней
выступает на фронте. И вдруг жаром полыхнуло
лицо Качуевского, он услышал свое имя:

«А еще привет от Павла. Вчера приходил воен-
ный, он только выписался из госпиталя, его, ранено-
го, на самолете вывезли из партизанского края. Этот
военный и рассказал мне о жизни партизан, о своем
командире Павле Павловиче, твоём муже, как они
громят в тылу проклятых фашистов...»

У шалаша собрались бойцы отряда. Они внима-
тельно слушали передачу. То и дело слышались ти-
хие восклицания:

— Тише!

— А кто говорит?

— Из Москвы. Мать командира.

— Нет, его теща... Она артистка, как и жена Пал
Пальгча.

Краткое выступление у микрофона подходило к
концу. Потом диктор объявил, что артистка Алек-
сандра Спирова исполнит любимую песню своей до-
чери-фронтowички «Синий платочек». Заиграл ор-
кестр, и полилась знакомая родная песня:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч...

Качуевский слушал песню и мысленно перено-
сился в заснеженную Москву, вспоминал день сво-

ей свадьбы. Тогда Александра Леонидовна тоже исполняла эту песню.

Прошло с тех пор почти полгода, а кажется, было только вчера. Или вообще ничего не было, а ему все приснилось. Красивый сказочный сон! Но нет, нет... Он слушает голос матери своей милой Наташи. Перед глазами встали те радостные счастливые дни. Считанные дни безграничного счастья!..

Ты говорила, что не забудешь...

Наташа хотела, чтобы свадьба была веселой. Он помнит, как в один из вечеров, когда они остались одни, Наташа при нем примеряла белое платье своей матери. Оно было длинным, почти до пола. «Я немного ушью, и сойдет, верно?» — спрашивала она. Павел одобрительно кивал и грустно думал. Он не хотел ударить в грязь лицом и на следующий день поручил вездесущему и проницательному хозяйственнику из своей части, чтобы тот где-нибудь раздобыл на один вечер темный гражданский костюм: «Только на один вечер, понимаешь, женюсь!» Тот постарался. За несколько часов до свадьбы он повез Качуевского в какой-то странный склад, который, как потом выяснилось, был костюмерной одного московского драматического театра. Павлу предложили на выбор сразу несколько артистических фраков, от которых он тут же наотрез отказался: «Я же не лорд, черт побери!» Тогда начали спешно подбирать подходящий черный костюм. Наконец нашли приличную модную тройку, но и от жилета Павел отказался. Костюм был несколько узковат в плечах, но Павел терпел. Ведь рядом была Наташа! Его Наташа... И еще вспомнил, как потом, когда отговаривал ее от фронта, он, изображая раненого, свалился на коврик. «А кругом стреляют, — говорил Павел. — Рвутся снаряды. Ты должна перевязать меня и тащить. А на мне еще шинель да оружие». И Наташа, напрягая все силы, раскрасневшаяся, с трудом смогла сдвинуть Павла с места. Сконфуженная собственным бессилием, она пыталась улыбнуться. А потом вдруг гордо выпрямилась, затянула потуже поясок и произнесла уверенно и с внутренней силой: «Когда нужно будет — смогу!»

Глубокой ночью вернулся с совещания Николай Зебницкий. Сняв сапоги, он растянулся рядом с Качуевским. Восторженно рассказывал о совещании партизанских вожаков, которое проходило в лесу возле поселка Гута-Осиновская, выступлении секретаря подпольного обкома партии Андрея Аверьяновича Куцака, докладе командира отряда «Вперед» Павла Шемякина.

— Секретарь обкома предложил создать объединенный координационный штаб всех партизанских сил зоны,— докладывал Зебницкий своему командиру.— Это же большое дело! Такой штаб сплотит все отряды и группы в единую боевую организацию.

— Ну и как? Создали?

— Конечно! Все высказались за такой штаб. Командиром штаба выбрали Павла Шемякина, комиссаром стал секретарь обкома Куцак. А кто, по-твоему, занял место начальника штаба? Наш Иван Павлович Кривенченко. С чем тебя и поздравляю.

— Он дельный штабист. А еще что решили?

— Все отряды действуют самостоятельно, но обязаны увязывать намеченные боевые операции с планами соседей через координационный штаб. И еще решили в деревнях и поселках создавать вооруженные отряды самообороны.

Поздним вечером, стараясь не скрипеть дверью, Качуевская прошла в комнатку, где она жила вместе с медсестрой Олей. Не зажигая света, быстро разделась и, усталая, бросилась на кровать. Спать, только спать! Чтобы выспаться! Чтобы завтра чуть свет быть бодрой и сильной. Завтра у нее командировка в Астрахань.

Но уснуть не удалось. Оля Петрова села на кровати, свесив ноги, и вперила взгляд в темноту, отыскивая глаза подруги.

— Ты что, Оля? — спросила Качуевская.— Почему не спишь?

— Наташенька, не могу.

— Это необдуманно с твоей стороны. Ты же знаешь, что каждый час сна нам дорог.

— Наташенька, честное слово, ты первый комсомольский секретарь, которого я люблю. Они все такие сухие, требовательные.

Качуевская, опершись на локти, тревожно спросила:

— Ольга, что случилось? Говори, не тяни!

Обрадовавшись вопросу, Оля подседела поближе к подруге:

— Наташенька! Завтра ты едешь в Астрахань. Так?

— Так,— ответила Наташа.— И поэтому ты не спишь?

— Наташа, послушай, что я расскажу. Я была в Астрахани этим летом. Всего полдня была...

И Оля рассказала, как бродила по теплому южному городу, как случайно встретилась с курсантом. Он назвал себя Мишей. У него тоже было всего несколько часов отдыха. Они подружились. Можно сказать, с первого взгляда понравились друг другу. Взявшись за руки, ходили по городу. Пили чай в чайной. Ели рыбу и яблоки на астраханском базаре. Потом сидели на берегу реки. Там Михаил сказал, что у него никого нет, кроме родителей, даже сестры нет. При этом он посмотрел на нее, Ольгу, так пристально, что пришлось сознаться и ей в том, что до сих пор никто ей не нравился.

Оля замолчала. За глинобитной стеной тихо шуршал ветер. Вскрикивали во сне раненые. В темной каморке было жарко и душно. Наташа отбросила простыню. Сна уже не было. Тревожными глазами она вглядывалась в ровный, с чуть вздернутым носом профиль подруги, четко вырисовывающийся на фоне окна.

Оля сидела на койке, не опуская головы. Наконец она сказала:

— Когда мы расставались, я думала, это несерьезно. Думала, все равно не увидимся. А он... Он дал адрес. Он просил написать ему. Он очень просил.

— Ну? — не вытерпела Качуевская.— Ты написала? Что ты молчишь? Написала?

— Нет,— тихо и уныло ответила Оля.— Мне вдруг

показалось все это стыдным. Кругом война. Умирают люди. А у меня любовь.

Наташа всплеснула руками:

— Ольга! Хорошая ты моя девочка! Ну что же ты наделала?

— А что? — испуганно спросила Оля.

— Как же это что?! Ты сама говоришь, это любовь!

— Да. Теперь я точно знаю, это любовь. Прошло четыре месяца, но забыть его не могу. Каждый день слышу его голос.

Наташа вспомнила свою встречу с Павлом. И его слова, что он нашел бы ее, любовь свою, разыскал на земле, на небе или на дне морском. Этот Миша, может быть, тоже метался, искал, а она, Ольга...

— Эх ты! — только и сказала Наташа. — Как же ты жестоко обращаешься сама с собой!

Оля заплакала.

Наташа вскочила. Стала успокаивать подругу. Она дала обещание ей, что в Астрахани обязательно сходит в военное училище и разыщет Михаила.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА

1

Качуевская вышла из ворот госпиталя и только тут облегченно вздохнула: раненые бойцы наконец-то определены. Многих из них скоро отправят в глубокий тыл, в далекие города, где тихо, где нет войны.

Она грустно улыбнулась. Как далеко осталось то мирное время, когда никто не думал о войне, когда не рвались снаряды, не свистели пули и не было раненых, которых Наташа так жалела. Может быть, того недавнего времени и не было вовсе? Ведь только казалось, что вокруг мир и счастье, а война была, была в мире, и она не могла обойти стороной единственную республику, где креп социализм. Все верно,

и страна, окруженная врагами, не имела права надеяться на долгий мир. Право на мир, на счастье нужно завоевывать постоянно. Так всегда было, так всегда будет.

Качуевская медленно шла вдоль ограды, задумавшись и ничего не замечая вокруг.

По улице прошагала большая группа вооруженных людей в новом обмундировании. Они шли четко, но не так стройно, как кадровые военные. «Народное ополчение»,— подумала Качуевская. Она остановилась и посмотрела им вслед. В строю шагали в основном ребята комсомольского возраста и пожилые рабочие.

Наташа взглянула на часы. У нее еще есть два часа.

Разыскать 1-е Астраханское военное пехотное училище было делом нетрудным. Каждый второй житель Астрахани отлично знал, где находится и 1-е и 2-е военные училища. Сначала надо было ехать трамваем до конца, потом немного пройти пешком. Наташа во все глаза смотрела в окно. Астрахань удивительный город, мало похожий на другие. Всюду каналы, реки, через которые переброшены десятки мостов. Они-то и соединяют город в одно целое. «Точно в Венеции»,— подумала Наташа.

И каналы, и древний кремль поражали воображение. Но бросалось в глаза и другое. Город жил близостью фронта. Враг напористо рвался к Астрахани, и город должен быть готовым к любым неожиданностям. Вся территория Астрахани была разбита на участки. За каждым участком закреплялись коллективы предприятий и учреждений. На улицах устанавливались стальные «ежи», бетонные надолбы и другие заграждения. Противотанковые укрепления буквально вращались в улицы города.

Трамвай шел быстро. По улице проезжали грузовики с солдатами, спешили автобусы с детьми и стариками, мчались машины, груженные каким-то, по видимому, ценным инвентарем. По улицам то и дело строем проходили вооруженные группы людей. В конце широкого проспекта, по которому ехал трамвай, Наташа увидела сооружения из камня и металла. Качуевская поняла — это баррикады.

Трамвай, развернувшись по кругу, остановился. Наташа сошла. Сразу почувствовала, как сильно печет солнце. Время приближалось к середине дня. Это были самые жаркие часы. Зной Прикаспийской низменности пересиливал влажное дыхание Каспия. Горячий ветер часто врывается на улицы города и нес с собой удушливый зной.

Наконец ворота училища. У проходной прохаживается часовая.

На вопрос Качуевской он откозырял и ответил:

— Опоздали, девушка. Нет тут никого.

— Как, то есть, нет? Училище-то ведь здесь!

— Училище-то здесь. А вот курсантов уже нету.

Наташа растерялась. Отошла в сторону, раздумывая, что же делать дальше. Часовой, увидев расстроенное лицо девушки, посочувствовал:

— А ты, девонька, не переживай. Не одна ты. Столько подружек ихних приходило уже. И все в неведении. Они, курсанты-то,— продолжал добродушный часовой,— сами ничего не знали. Несколько часов дали на формирование! Было училище, а стал курсантский полк. Отправили его на оборонительные рубежи. Курсанты и попрощаться-то с астраханскими девчатами не успели. Где уж там! А теперь и встречай вот. Ходят одна за другой.

Наташа понимающе кивнула головой и спросила, не надеясь уже ни на что:

— Где, в каком районе находится сейчас курсантский полк?

Ответ, как и ожидала Качуевская, был неопределенным. Поняла только, что курсантский полк занял позиции где-то правее тех мест, где находился их полевой госпиталь.

Грустная, она возвращалась к трамвайной остановке. Села в полупустой вагон. Задумалась. Жаль подругу. Крепко не повезло ей. Им обеим. Есть в мире какое-то равновесие. И если его нарушить, все пойдет не так. И появляется на свет злосчастное понятие — «не повезло». Решив так, люди успокаиваются, и вот уже выползает на свет изречение: «Все что ни делается, все к лучшему». Наташа вздохнула. Она всегда была противницей слишком определенных и потому закоснелых понятий.

Взглянув в окно, Качуевская заторопилась к выходу. На улице, вдоль которой шел трамвай, она увидела большие ворота и вывеску с коротким словом «базар». Девчата из госпиталя просили привезти фруктов.

Базар поразил Наташу. Она никогда не видела такого обилия фруктов и овощей. Наташа прошла по рядам и убедилась, что война не помешала природе и людям вырастить все эти чудеса. На прилавках навалены и яблоки, и груши, и персики, и инжир. Много помидоров, огурцов, капусты, моркови, лука. Навалом лежали дыни. Особенно много было арбузов. Они лежали прямо на земле большими красочными горками.

Наташа приценилась и купила один арбуз. Продавец, пожилой татарин, протянул ей свой старый с длинным острием нож.

Арбуз оказался очень сладким. Таких ей не приходилось есть в Москве. Попробовала Наташа и персики. Их она любила и всегда просила маму купить. Сейчас она смотрела на кучу крупных, спелых, с розовыми бархатными бочками персиков и не знала, что с ними делать. Хозяйка отдает ей за бесценок все, что у нее осталось, уверив девушку, что она торопится домой.

Тут же, у длинного узкого деревянного прилавка, Наташа очищала плоды и ела, пока могла. Но осталось все равно так много, что Наташа расстроилась: **оставлять** фрукты ей было жаль, а взять с собой **не в чем**. Кроме санитарной сумки, ничего в руках не было. Не догадалась захватить.

Выручила одна из продавщиц-калмычек. Она незаметно наблюдала своими черными раскосыми глазами за Наташей, а потом сказала на ломаном русском языке:

— Такой молодая, а уже герой. Ой какой молодец!

Наташа покраснела. Старая история. Значок гвардейский. А людям малоопытным кажется, что на груди орден. Хоть бы скорей зима, чтобы надеть шинель.

Калмычка меж тем протягивала смутившейся девушке большую сумку, сшитую из холстины. Половину этой сумки уже заняли овощи: огурцы и еще что-то похожее на нашу репу.

Наташа отказывалась, качала головой. Калмычка глядела ласково и говорила:

— Твой друзья. Другие девочки. Всем надо. От меня.

Пока Наташа отнекивалась, женщина с добрыми раскосыми глазами неторопливо складывала в сумку Наташины персики и еще что-то, затем так же неторопливо протянула полную сумку.

С базара Качуевская ушла нагруженная. В одной руке сумка с фруктами, в другой — большой полосатый арбуз. Вот порадуются девчонки!

На одной из улиц Наташа остановилась пораженная. Прямо перед ней находился подъезд театра. Она прочла: «Астраханский драматический театр имени С. М. Кирова». Чуть было не прошла мимо!

Качуевская подошла к застекленной двери. Она сказала открытой. У Наташи забилось сердце. Невозможно не зайти. Она прошла в вестибюль, темное прохладное фойе, дошла до распахнутых дверей зрительного зала. Никого. Наташа осмелела, прошла к сцене.

Пустой театр! Как странно он выглядит! Поблескивают темные ряды полированных кресел. Замер бархат в ложах. Плюшевый занавес на сцене не дрогнет, словно прислушивается к чему-то... Откуда-то из глубины памяти к Наташе пришло воспоминание, что здесь, на этой сцене, в роли Баядерки выступала мама. Давным-давно! Тогда на гастроли она брала с собой подрастающую дочку. Конечно же! Вот в этой ложе сидела тогда девочка Наташа, а мама была там, на сцене.

Положив сумку и арбуз в углу, Качуевская легко взобралась на сцену. Огляделась. Какая это радость, стоять вот так. Стоять долго. Не уходить. Разве нельзя представить себе, что ряды кресел не пустые. Там, в зале, сидят люди. Да, конечно, они сидят, слушают ее, Наташу. Наташу ли? Нет, они слушают героиню шевченковской поэмы.

— Катерина! Катерина! — прозвучал в тишине пустой сцены проникновенный голос.

И вот уже Наташа забыла обо всем — о себе, о войне, о людях, которые сидят в креслах большого зрительного зала и смотрят на сцену. В глазах ее

слезы. Это не она, не Наташа. Это Катерина. Как тл-жела жизнь ее, как жестока к ней судьба, и только вера в лучшее дает ей силы выжить.

В проходе меж кресел показалась женщина. Шаги ее чуть слышны. Все ближе, ближе подходит она к сцене, останавливается, слушает. Растерянная Наташа смолкает. Потом сбегает со сцены, берет сумку с продуктами и идет к двери. На глазах ее еще не просохли слезы. Вдогонку она слышит мягкий с украинским говорком женский голос:

— Так я ж не гоню, девочка! Я ж просто хотела послушать. Наши-то артисты эвакуировались. Уж так скучно в пустом театре.

Наташа, стараясь быть поприветливей, попрощалась и заторопилась к выходу. Образ Катерины все еще владел ею.

На улице яркий свет ослепил Наташу. После сумрака театра солнце нестерпимо ударило в глаза. Качуевская огляделась. Что это? Просторная площадь напротив театра до отказа переполнена вооруженными людьми. Вокруг немало машин, повозок, запряженных лошадьми. В центре площади трибуна. На ней высокий плечистый боец. Он что-то говорит. Качуевская пробилась сквозь толпу и оказалась почти рядом с трибуной. Оратор с мужественным лицом энергично взмахивал рукою и громко говорил:

— Бойцы! Помните слова Кирова, сказанные еще в 1919 году в Астрахани? Такова и наша должна быть клятва. Пока жив хоть один наш боец, устье реки Волги должно быть и будет советским!

2

Жизнь Александры Леонидовны круто изменилась. Снова, как и до войны, разучивание ролей, репетиции, подготовка к выступлениям. Для переживаний и мрачных мыслей просто не оставалось времени. Она жила теперь новой надеждой. Надеждой на встречу с дочерью. Она просилась в те бригады, которые обслуживали районы фронта или прифронтовых полос по территории, близкой к местам Наташиной службы.

Она верила во встречу. И встреча состоялась. На

старом армейском автобусе члены концертной бригады долго ехали по сухой выжженной солнцем степи. Днем пекло солнце так, что даже ночь, несущая прохладу, не остужала землю. От нее веяло дневным жаром. Москвичей удивляла эта бескрайняя степь, где ничего нет, кроме небольших холмов. Ни кустика, ни деревца! Как же тут воевать? Негде укрыться, спрятаться.

Наконец автобус остановился вблизи небольшого селения, где были расположены полевой госпиталь и воинские подразделения. Артисты, уставшие от долгой тряски, разместились в крайней пустой мазанке. Бригадир и его помощники связывались с местным военным командованием. Артисты тем временем готовились к выступлениям. Кто-то подучивал роль, кто-то тихонько напевал.

Весть о том, что приехали московские артисты и собираются дать концерт, моментально облетела всю округу. К госпиталю стали стекаться люди: офицеры, солдаты, ходячие раненые и местное население.

Незадолго до начала концерта Александра Леонидовна, накинув на голову платок, чтобы не пекло голову, вышла из мазанки во двор. Хотелось внимательнее разглядеть, как устроена сцена, много ли народу. Народу было много, преимущественно воины. У многих на груди поблескивали ордена и медали.

Вдруг у Александры Леонидовны захватило дух. Сквозь толпу торопливо пробиралась девушка в туго подпоясанной выгоревшей на солнце гимнастерке и в зеленой до колен юбке. Вся ее тонкая фигура была так знакома, что Александра Леонидовна схватилась за сердце.

— Наташенька! — закричала она.

Девушка остановилась. В следующий миг бросилась навстречу.

— Mamочка!

Наташа без конца целовала мать. Обе плакали, хотя лица у них были счастливые.

Начался концерт, и им пришлось расстаться на некоторое время. Александра Леонидовна пела арии из оперетт. Наташа находилась в первых рядах. Влюбленными глазами смотрела на мать. Вспоминались ей годы раннего детства. Вот так же, затаив ды-

хание, слушала она свою мать, которая исполняла роль героини одной из оперетт. Всякий раз тогда мама казалась ей далекой-далекой. И она страстно ждала, чтобы увести любимую мамочку домой. Сейчас она тоже ждала, когда кончится концерт. У Александры Леонидовны и у нее сегодня так мало времени, а поговорить надо о многом. И нет дома, куда можно было бы увести маму, чтобы не расставаться с ней никогда.

Александра Леонидовна кончила петь, и на самодельную сцену вышел жонглер. Наташа увела мать за околицу, чтобы никто не видел, чтобы никто не мешал им. Обнявшись, они присели на пригорке и стали рассказывать друг другу обо всем. Наташа расспрашивала о Москве, о знакомых, товарищах. Александра Леонидовна рассказывала, а сама все всматривалась в лицо дочери. Ей казалось, что Наташа похудела, что у нее впали щеки, а глаза горят непонятым огнем.

— Ты не волнуйся,— спешила успокоить Александру Леонидовну Наташа.— Передовая от нас далеко. Уверяю тебя, что войны мы почти не видим. На нашу долю только раненые. Мы их лечим, ухаживаем за ними. Помнишь, как в твоём госпитале?

Александра Леонидовна еще пристальнее вглядывалась в лицо дочери. Оно было темным то ли от усталости, то ли от загара.

— Ты, наверное, не высыпаешься?

— Сплю, как ребенок, по восемь часов в сутки! Честное слово! Иначе нам нельзя. Не положено.

— А этот зной? А вода? — снова спрашивала Наташина мать.— Ведь вам, наверное, не хватает воды. Я все знаю о вашем гиблом крае.

— Мамочка, весной лучше этого края не сыскать. Степь покрывается тюльпановым ковром. Небо высокое, голубое-голубое. И столько солнца, столько воздуха. А какие здесь пастбища! А какие здесь люди, мамочка! Добрые, отзывчивые. За каждого болит у них душа.

Наташа опять прижалась к матери, спросила тихо, одними губами:

— Мама, от Павла ничего не привезла?

Александра Леонидовна опустила голову. Как ни

ждала она, как ни просила у судьбы встречи с дочерью, Александра Леонидовна где-то в глубине души и опасалась этой встречи. Наташа, конечно, станет допытываться о Павле. А что она скажет дочери? Перед отъездом, в Москве, ей позвонили из Центрального партизанского штаба. Просили сообщить жене Павла Качуевского, что тот тяжело ранен. «Возможно, это и не совсем так,— сказал незнакомый полковник,— мы еще проверим. Но там был большой бой».

Чтобы не расстраивать дочь, она ничего не ответила.

— Отсюда написала Павлу еще два письма,— сказала Наташа.— Может быть, он их уже получил.

К ним подошла медсестра. Оказывается, для артистов был устроен хороший обед. Путь концертной бригаде предстоял далекий, после обеда они сразу должны выехать в соседнюю дивизию.

Когда Наташа с мамой подошли к сцене, там еще толпился народ. Около сцены на ровной площадке были устроены общие танцы под радиолу. Сначала танцевали все — и воины, и приехавшие на машине артисты. Потом начались сольные танцы. Наташа стояла рядом с мамой — задумчивая, счастливая. Она смотрела, как ее товарищи по оружию отплясывали гопака, цыганочку. Вдруг, не выдержав, Качуевская птицей вылетела в круг и закружилась в лихой русской пляске. Наташины товарищи стояли пораженные. Никто из них не подозревал, что их строгий санинструктор умеет так зажигательно плясать. Ей стали дружно хлопать. Слышались голоса:

— Ай да Наташа!

— Вот молодец!

— Наташа, еще! Просим!

Прогудели позывные. Это автобус. Он был уже подан. Чуть в стороне артисты заканчивали поздний обед. Наскоро поев, Александра Леонидовна стала собираться. В эти последние минуты Наташа не отходила от нее. Она с трудом сдерживала слезы. Александра Леонидовна плакала беззвучно.

Машина тронулась. Прижавшись горячим лбом к стеклу, Александра Леонидовна жадно глядела затуманенными от слез глазами на Наташу, которая все

продолжала идти вслед за машиной и махать рукой. Вот к ней подбежали двое местных детишек. Она сначала тихонько отстранила их, продолжая тихо шагать. Затем остановилась. Одной рукой прижала ребятишек к себе, пальцами другой прикрыла свои губы.

Такой и запомнила ее Александра Леонидовна.

3

Жизнь полевого госпиталя постепенно наладилась. В добровольных помощниках не было недостатка. Женщины-калмычки просились в госпиталь на любую работу. С радостью шли санитарками, нянечками, работницами на кухню. Пятеро пожилых калмыков пришли к главному врачу. Один из них выступил вперед. Смуглый, скуластый, с чуть раскосыми глазами. Он пожевал жидкие с проседью усы, просительно посмотрел на главврача:

— Меня звать Муса, начальник.— Потом он кивнул в сторону своих товарищей и назвал каждого по имени.— Военкомат не берет нас на войну, говорит, что мы старые. А мы еще сильные! В гражданскую здесь против белых воевали. У нас есть лошади и подводы. Мы сами себя мобилизовали на войну. Принимай, начальник! Мы тебе будем служить.

— Будем служить,— подтвердили остальные.— Лошади есть, подводы есть.

Так при госпитале появился гужевой транспорт, во главе которого стал старый буденовец Муса. Калмыки доставляли топливо для кухни, сено для палат, перевозили раненых, возили воду.

А потом госпиталь обзавелся и своей санитарной машиной. Штаб дивизии передал автобус, который тут же приспособили для транспортировки раненых. Медсестры по очереди выезжали к передовой, на эвакуант, и доставляли раненых. Охотнее других и чаще других к передовой ездила Качуевская.

Так было и сегодня. Наташа привезла восемнадцать бойцов. И среди них девушку-калмычку. Наташа смотрела на нее с восхищением. Девушка с поля боя вынесла пятерых раненых. Ее обстреляли из миномета. Наташа не успела с ней поговорить, расспро-

сильнее. Как она попала на фронт? Давно ли воеет? Наташа только узнала, что калмычку зовут русским именем Антонина.

Женской палаты в госпитале не было. Антонину после операции должны были поместить в коридоре. Она потеряла много крови и чувствовала себя неважно. На операции, когда вытаскивали осколки, держалась молодцом, даже не вскрикнула. Лежала, искусав до крови побелевшие губы. Большие раскосые глаза смотрели с напряженным вниманием. В глубине их, как в степном колодце, тихо светилась тонким лучиком неумирающая надежда и затаенная тревога.

Наташа не знала, как нужно было утешить эту израненную девушку и можно ли было ее утешить сейчас.

— Несите к нам,— сказала она санитарам.

— Там же три койки не поместятся!

— Я на раскладушке буду спать,— ответила Наташа, имея в виду санитарные складные носилки.— Несите.

Антонина Хонинова была чуть старше своих подруг и до войны работала в Яшкуле, районном центре, школьной учительницей. А когда пришла война в калмыцкие степи, не раздумывая, записалась добровольцем в армию и сдала экзамены на медицинскую сестру. Она видела войну близко, и ей было известно многое такое, что неведомо другим людям, которые не бывали на передовой под огнем.

Антонина лежала на Наташиной койке и не могла согреться под шерстяным армейским одеялом. Ее знобило. Наташа укрыла девушку своим платком и шинелью.

— Спи, милая. Сон силы приносит.

Вскоре раненая ровно задышала, грустно улыбаясь во сне. Наташа достала из своей сумки школьную тетрадку, ставшую совсем тонкой. Вырвала двойной лист, взяла химический карандаш и задумалась. Почему-то ей вспомнился сержант, тот самый, который подошел сегодня утром на эвакуационном пункте, когда она заканчивала погрузку раненых в автомашину.

Наташа закусила карандаш. Сержант был очень

похож на Андрея. На Андрея Гончара, старшекурсника из театрального... Только, может быть, чуть выше ростом. А во всем остальном — прямо живая копия. Она даже чуть не вскрикнула, когда взглянула на него. Но голос у сержанта был чужим. И назвался он Виталием Северцевым. Он спросил, она ли Качуевская? И, получив утвердительный ответ, стал допытываться: не сестра ли Павла Качуевского. Станный какой-то. Но в тот миг, услышав имя мужа, Наташа очень разволновалась. Перехватило дух. Она сама, бросившись к сержанту, стала спрашивать его о Павле. Когда видел в последний раз? Где? Что с ним? Живой?

Но сержант Северцев сам ничего толком не знал. Они расстались с Павлом еще прошлым летом. Под Вязьмой. Гитлеровцы выбросили ночью на штаб десант. Тогда и ранило сержанта. Десант уничтожили. Павел проводил Виталия, когда грузили в санитарный поезд. Они были друзьями еще до войны. Вместе служили, вместе начали войну, отступали, выходили из окружения.

Странно устроена жизнь! Судьба разлучила их. Наташа помнила, как однажды Павел рассматривал особенно пристально фотографию, на которой была запечатлена студенческая компания, и спросил, указывая на Андрея Гончара: «Это Виталий? Как он сюда попал?» Наташа тогда посмеялась: никакого Виталия она знать не знает, а это — студент старшего курса Гончар. «До чего же они похожи», — сказал Павел. Потом он рассказал о Северцеве. Наташа смутно припоминала слова мужа. Разве она могла предположить, что именно здесь ей придется встретиться с другом Павла?

Северцев все допытывался, кем она доводится Качуевскому. Сестрой? Почему он принял Наташу за сестру?

Павлу, конечно, будет интересно узнать о своем друге. Наташа провела ладонью по лицу, разровняла лист бумаги и вывела первую строчку: «Здравствуй, родной мой, любимый»... Она писала и писала, слова приходили из сердца и ложились на бумагу. Наташа ничего не замечала вокруг, ибо мысленно была далеко отсюда, в незнакомых краях, в парти-

занской землянке... Наташа не замечала, как стала коптить керосиновая лампа и черный налет сажи затемнил верх стекла. Она не замечала, как внимательно и с добротой следят за нею большие, слегка раскосые глаза Антонины Хониновой. Раненая давно проснулась и молча смотрела на медсестру, на ее лицо.

Наташа кончила писать и, повернувшись, увидела открытые глаза калмычки. Их взгляды встретились.

— Тебе что-нибудь нужно, да? — участливо спросила Наташа.

Девушка покачала головой.

— Болит? — Наташа склонилась над калмычкой, заботливо поправляя сползшую с одеяла шинель. Антонина чуть улыбнулась бледными губами.

Наташа присела рядом на койке. Поправила рукой черные, разметавшиеся на подушке волосы.

Хонинова закрыла глаза.

«Уснула», — подумала Наташа и поднялась, чтобы уйти. Но тут же услышала тихий шепот, похожий на вздох:

— Посиди...

Качуевская снова присела на койку.

— Откуда? — уже громче спросила раненая. — Из Москвы?

— Да, из Москвы, — ласково ответила Наташа.

Антонина открыла глаза и долго смотрела ей в лицо.

— Ты актриса?

Наташа смутилась. Откуда эта девушка знает о ней? Они никогда раньше не встречались. Да и потом, какая же она актриса?

— Я только учусь на актрису... Училась, — ответила Наташа.

Хонинова понимающе моргнула ресницами. Немного погодя, тихим шепотом произнесла:

— У нас в роте тебя знают... Солдаты, которые после ранения вернулись, добрые слова говорят... Ты, как сестра родная, ухаживаешь за ранеными...

— Молчи, Тоня, молчи, — ласково приказала Наташа, видя, с каким трудом дается девушке каждое слово. — Все мы ухаживаем и заботимся, чтобы бой-

цы скорее возвратились в строй. И ты тоже скоро поправишься у нас.

Хонинова согласно кивнула. Долго задерживаться в госпитале она не намеревалась. Только бы скорей поправиться. Она даже не представляла себе, как там в роте могут обходиться без нее. Она чуть пошевелилась и закусила губу.

— Больно, да? — спросила Наташа и стала рыться в своей сумке. Вынула пакетик, достала таблетку бслеутоляющею.— Сейчас станет легче. Вот, возьми.

Приняв таблетку, Хонинова еще некоторое время лсжала с закрытыми глазами, а потом уснула. Наташа еще немного посидела на койке, думая о том, какая, должно быть, храбрая эта девушка. Была в боях, выносила раненых бойцов. Делала именно то, к чему стремится и о чем мечтает Наташа.

Все нравилось в ней Наташе. Пожалуй, они могли бы подружиться. А пока нужно помочь отважной медсестре. Поднять ее на ноги.

Убедившись, что Хонинова спит, Качуевская направилась к главному врачу. На той неделе она написала заявление, в котором просилась на передовую. Ей отказали, сославшись на то, что медсестры там пока не требуются.

Теперь Качуевская знала, что она скажет главному врачу. Знала, что ее отпустят. Знала также, что там, на передовой, в ней нуждаются. Там ее ждут.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ШАЛЬНОЙ ВЫСТРЕЛ

1

Из Центра сообщили: «Завтра ждите гостя». «Гость» — это транспортный самолет. Должен привезти взрывчатку, которой осталось очень мало, медикаменты, боеприпасы, вывезти тяжелораненых. В шалаше командира находился небольшой брезентовый чехол, в который партизаны сложили свои письма. Каждый спешил использовать такой

благоприятный момент и послать родным и друзьям хоть короткую весточку.

— Товарищ командир, а вы написали? — спросил адъютант Жмакин, упаковывая письма.

— Как раз сейчас и хочу заняться таким приятным делом.

— Я побуду у шалаша, чтобы вам никто не мешал.

Жмакин взял свой аккордеон и устроился неподалеку от шалаша. Полилась мелодия песни «Синий платочек».

Качуевский чуть улыбнулся, мысленно переносясь в недавнее прошлое, в то счастливое время, когда они были вместе. Но радость воспоминаний сменилась тревогой: как она там, на фронте? Все ли в порядке? Может, именно в эти вот самые минуты она нуждается в помощи. Павел глотнул воздух, провел ладонью по щеке. Брови сами собой сошлись у переносицы. Он как бы отключился от всего окружающего, только чуть вздрагивающие уголки губ выдавали внутреннее напряжение.

Взяв химический карандаш, Качуевский быстро написал:

«Здравствуй, Наташа! Моя родная, моя милая фронтовичка! Прими от меня самый горячий привет, от всего партизанского отряда и от меня лично. Как я соскучился по тебе! Каждый раз, когда бьем проклятых фашистов, когда идем, как у нас говорят, на железку подрывать эшелон, мысленно обращаюсь к тебе, и ты всегда рядом со мной. Твоя любовь хранит меня от пуль и осколков...» Павел задумался, перечитал написанное. Ему хотелось написать ей о своей жизни, о делах отряда, однако этого делать было нельзя. По чисто тактическим соображениям. А вдруг гитлеровцам удастся подбить самолет и письма попадут им в руки?

За шалашом послышались голоса. Качуевский прислушался. Какая-то женщина настойчиво требовала, чтобы ее немедленно пропустили к командиру. Павел отложил планшет с недописанным письмом и выглянул:

— Что за шум?

Перед адъютантом стояла уставшая и запылен-

ная невысокая грудастая светловолосая молодая женщина, одетая в простое ситцевое платье. Показывая на нее, Жмакин доложил:

— Рвется к вам, товарищ командир, и больше ни к кому не желает. Я их направлял к комиссару, не идет. Направлял к начальнику штаба, тоже отказывается. Подавай ей главного, и все тут!

— Слушаю вас,— Качуевский подошел ближе.

— Я из Кляпино, принесла вам привет от дяди Афанасия,— произнесла женщина, пытливо, напряженно всматриваясь своими серыми глазами в Павла, ожидая, какое впечатление произведут ее слова.

— Мы давно ждем приветов от Афанасия,— отзвонив ответил Качуевский, его лицо сразу посерьезнело,— заходите.

Женщина облегченно вздохнула: она попала по адресу. «Дядя Афанасий» — условная кличка подпольного секретаря райкома.

— Что-нибудь случилось? — не скрывая тревоги, спросил Павел, когда они зашли в шалаш. В Кляпино находился подпольный райком партии.

— Пока ничего,— ответила женщина.— Просто я торопилась. Дядя Афанасий велел передать, что из Пропойска к Гомелю едут какие-то важные немцы. Штаб какой-то. Несколько автобусов и бронированных легковых машин. Есть сведения, что в этих машинах находится особо доверенное лицо по делам оккупированных областей Белоруссии.

— Понятно,— сказал Качуевский.— Нас такие птички интересуют. Где они сейчас?

— Дядя Афанасий велел передать, что послезавтра они придут в Пильню.

— Что ж, встретим, как полагается. Так и передайте дяде Афанасию!

2

Качуевский стал разрабатывать предстоящую операцию. О таинственном «доверенном лице Гитлера», которое движется по землям Белоруссии, Качуевскому поступала информация и из других источников. Об этом высокопоставленном должностном лице, прибывшем из Берлина, сообщали в отряд и товари-

щи с Могилевщины Там партизанам не удалось перехватить эту важную персону.

После ухода связной Качуевский вызвал к себе Николая Зебницкого, Ивана Кривенченко, Ивана Суркова и командиров диверсионных групп. Предстоящую операцию обсуждали сообща, тщательно взвешивая и анализируя десятки вариантов. Промеха здесь не должно быть. Качуевский стремился предусмотреть все до самых мелочей.

— Внезапность — мать успеха. Это нами проверено не один раз, верно? Следовательно, и теперь мы должны сделать нашу ставку на внезапность, — сказал Качуевский, разглядывая карту, по которой красным карандашом был намечен маршрут движения фашистского штаба.

— Гитлеровцы наверняка основательно и серьезно продумали маршрут движения колонны, — рассуждал вслух Иван Кривенченко. — Прочесывают впереди на несколько километров леса, ставят своих наблюдателей, приводят в боевую готовность местные гарнизоны.

— Значит, мы их должны встретить там, где они меньше всего нас ожидают, — заключил Качуевский и показал пальцем на Пильню. — Вот здесь!

— Перед Пильней? Так там полно немцев!

— Не перед Пильней, а в самой Пильне, — уточнил Павел, показывая на мост, который находился на окраине Пильни.

И подробно пояснил свой замысел. В Пильне находятся большой полицейский гарнизон, жандармерия, комендатура. Когда гитлеровцы войдут в этот населенный пункт, им и в голову не придет, что именно здесь их подстерегает опасность. После трудной напряженной дороги, где нервы их были напряжены до предела, а руки неустанно сжимали оружие, фашисты несколько расслабятся — впереди отдых! Бдительность притупится.

— Но в этот самый момент на краю Пильни мы им и врежем! — закончил свою мысль Качуевский.

Потом стали детально обсуждать принятый план. Совет командиров решил, что двигаться всем отрядом в Пильню весьма рискованно. Отряду трудно оставаться незамеченным, о его появлении тут же ста-

нет известно гитлеровцам, и они примут ответные меры. Следовательно, на операцию пойдет мобильная группа в пятнадцать — восемнадцать человек. Полтора десятка разведчиков, переодетых в полицейскую форму, смогут свободно проникнуть в село, не вызывая особых подозрений. Эта группа и должна нанести главный удар по штабной колонне. А весь отряд, сосредоточившись неподалеку в лесу, будет готов в любой момент прийти на подмогу.

Ударную группу решил возглавить сам Качуевский. Весть об этом моментально разлетелась по отряду. Желающих пойти с командиром было предостаточно. Сила его обаяния была велика, а личная храбрость, неиссякаемая энергия и умение быстро ориентироваться в любой обстановке служили своеобразным эталоном для каждого бойца.

Качуевский отобрал пятнадцать человек и повел лесными тропами в Пильню. Следом за ним должен двинуться весь отряд. Перед самым выходом на операцию Николай Жмакин обратился к Качуевскому:

— Товарищ командир, где письмо? Завтра самолет, а вы еще его не давали.

— Не закончил я его, — Павел раскрыл планшет, вынул исписанный до половины листок.

— Жене будет приятно получить любую весточку. Припишите еще и от нас Наташе поклоны и приветы. А со следующей оказией пошлете новое письмо.

— Хорошо, — Качуевский быстро дописал несколько строчек и сложил листок треугольником.

3

На опушке леса, на небольшой возвышенности, прячась в кустах орешника, притаился Качуевский с тремя разведчиками. Они внимательно оглядывали большое село и, главное, дорогу. По ней должны ехать гитлеровцы. Впереди, заросшая осокой, протекала речка. Через нее перекинут деревянный высокий мост. Видимо, в половодье тихая речка становится бурной и своенравной, если так высоко подняли мост. На деревянных, потемневших от времени опорах затвердевший ил показывает, до каких пор поднималась вода.

Мост уже заминирован. Два часа тому назад возвратились четыре подрывника и двое бойцов с ручным пулеметом для прикрытия. Все обошлось тихо и благополучно. Сейчас по обеим сторонам дороги у самого моста замаскировались пулеметчики Максим Савченко и Володя Осипов. Огневые позиции для них выбирал сам Качуевский. На опушке леса притаились партизаны с автоматами.

В большом селе царило спокойствие. Там никто не подозревает о том, что скоро может произойти на самой окраине, где покосившиеся темные плетеные ограды разделяли огороды, спускающиеся к реке. Павел поднял бинокль и не спеша оглядел село, высокую каменную колокольню церкви с поврежденной снарядом луковицей купола, над которым темнел решетчатый резной крест.

Из глубины леса послышалось щебетание птиц. Николай Жмакин, заложив пальцы в рот, лихо, с переливом засвистел кенарем. В ответ донеслась веселая соловьиная трель. Потом закуковала кукушка.

— Едут, товарищ командир,— сказал он, прислушиваясь к голосу кукушки и пенью соловья. Зпреди бронетранспортер, потом легковушки две и четыре автобуса... И еще грузовик с автоматчиками.

— Приготовиться,— приказал Качуевский.

Взрыв произойдет в тот самый момент, когда головной бронетранспортер вкатится на середину моста. Это и будет сигналом к началу операции...

Из леса донесся чуть слышный гул машин. Он становился все сильнее. Вот на лесной дороге показался тупоносый темный бронетранспортер. За ним катили два автобуса, длинные легковые автомашины, следом за ними снова автобусы, и замыкал движение серый грузовик, в кузове которого сидели солдаты.

Качуевский расстегнул кобуру и вынул маузер. Бронетранспортер подкатывал к мосту. Павел взял в руку гранату и чуть привстал.

— Бросаем в первый автобус,— сказал Качуевский Жмакину.— А вы по второму.

Тот понимающе кивнул. И тут же раздался грохочущий взрыв. Бронетранспортер как-то неестественно подпрыгнул вверх носом и тут же вместе с на-

стилом моста стал падать в воду, переваливаясь на левый бок...

Качуевский, широко размахнувшись, запустил гранату. Она попала под колесо автобуса. Рядом упала еще одна — граната адъютанта. Грохнул двойной взрыв, и армейский автобус грузно свалился в кювет, обнажив грязное разодранное взрывом жестяное брюхо. И тут же загрохотали разрывы гранат, ударили пулеметы, отрывисто застрочили автоматы. Послышался треск разбитого стекла, яростная ругань, отчаянные вопли...

Качуевский, сжимая правой рукой маузер, выхватил левой из-за пояса трофейный «вальтер», встал в полный рост и с завидным хладнокровием, спокойно и точно, словно вбивая гвозди, стал посылать пули в мечущихся штабистов. Расстреливая почти в упор офицеров, выскочивших из длинных легковых машин, Качуевский в то же время лихорадочно спешил узнать, угадать среди этих обезумевших штабистов важного гитлеровского ставленника. Тот мог в суматохе напороться на партизанскую пулю.

— Братъ живьем! — приказал Качуевский бойцам перед боем.

И сейчас, в самый разгар схватки, Павел выискивал глазами важного гитлеровца.

Часть немцев бросилась в стороны, но на их пути лежали дренажные канавы, которые были вырыты еще до войны для осушки болота. Канавы были довольно широкими и заполнены илистой вязкой грязью и болотной водой. Преодолеть их оказалось не таким простым делом, и многих из гитлеровцев и здесь настигали партизанские пули.

Часть немцев, тех, что залегли у разбитых машин, стала яростно огрызаться, отстреливаться из автоматов и пистолетов. Другая часть, ведя бешеный огонь, пошла на прорыв.

— Палыч, берегись! — крикнул кто-то из бойцов.

Качуевский рывком повернулся, но впереди него выросла спина Василия Якусова. Тот успел прикрыть своего командира. Странно качнувшись, Якусов стал валиться на бок, приняв на себя всю автоматную очередь...

Павел увидел немецкого офицера, который с автоматом в руках приближался к ним. Без фуражки, в расстегнутом мундире, на котором блестели фашистские награды, он бежал, стреляя на ходу. Качуевский в упор, почти не целясь, выстрелил из маузера. Лицо офицера перекосилось, он, схватившись за грудь, повалился вперед.

К Якусову бросилось двое партизан и, подхватив его, понесли с поля боя. Все произошло быстро, в какие-то считанные секунды. Кругом трещали выстрелы, грохотали разрывы гранат. Качуевский продолжал вести бой, он мстил гитлеровцам за верного друга точными выстрелами.

— Вперед!

Вслед за командиром к дороге, к горящим и перевернутым машинам устремились партизаны. Последнее сопротивление было сломлено, и оставшиеся в живых три офицера да жалкая кучка солдат застыли с поднятыми вверх руками.

Павел бежал к штабным легковым машинам. Две из них, перевернутые взрывами, горели...

Гитлеровского генерала обнаружили в третьей машине. Она была почти без повреждений, если не считать разбитых стекол. Генерал был мертв. Моложавый, длиннолицый, худющий, весь какой-то гладкий, он полулежал на сидении, неуклюже поджав ноги, сжимая левой рукой увесистый портфель из толстой красной кожи. В правой руке на уровне полуоткрытого рта он держал пистолет. Кровь текла сгустками по бледным губам, пожелтевшему острому подбородку, на белый воротник рубахи, на мундир... Поняв безвыходность своего положения, гитлеровский ставленник покончил с собой.

— Застрелился, гад! — выругался Жмакин, неотступно следовавший за командиром.

Качуевский взял портфель, набитый документами. Жмакин сорвал с плеч фашиста витые погоны, кресты с мундира и сложил в генеральскую фуражку.

— Вещественные доказательства, — сказал Жмакин и, получив разрешение командира, выложил из карманов содержимое: кожаный бумажник, часы, оружие.

Сюда, к командиру, партизаны тащили портфели и пачки с бумагами, взятые в других машинах.

— Некогда сортировать,— и Павел велел всю документацию унести с собой.

Снова заговорили пулеметы. Партизанская засада встречала гитлеровцев, которые торопились на выручку своим. Поднятые по тревоге солдаты и полиция, не совсем понимая обстановку, сунулись прямо под пули.

Победа была полной.

— Отходить в лес!

Качуевский, разгоряченный боем, довольный успешной операцией, сунул пистолет за пояс и, не выпуская увесистого портфеля, зашагал к опушке. За его спиной на том берегу реки у взорванного моста метались растерянные гитлеровцы. Полиция поползла назад. Солдаты рассыпались по берегу и, подгоняемые приказами офицеров, торопливо палили из автоматов.

— Фу, черт! — Качуевский споткнулся о ногу немецкого офицера, растянувшегося подле перевернутого автобуса.

Гитлеровец, словно ждавший толчка, пришел в себя. Открыв глаза, он ошалело уставился на Качуевского и, видимо, собрав последние силы, в предсмертной агонии поднял пистолет.

— Доннерветер!..

Он еще что-то крикнул по-немецки. Павел рывком обернулся и увидел, как пламя выплеснулось из дула парабеллума. В то же мгновение Жмакин пальнул по фашисту длинной очередью, но уже было поздно.

Качуевский, не выпуская из рук кожаного портфеля, схватился правой рукой за сердце и откинулся назад. Подбежавший Жмакин успел подхватить падающего командира. Тот обессиленно повис на руках адъютанта.

— Кажется, все!.. — выдохнул Павел, скашивая глаза вниз, на свою ладонь, которой он зажал рану.

Между средним и указательным пальцами выскользнула красная змейка и побежала по тыльной стороне ладони к рукаву...

Качуевского уложили под сосной. Жмакин, срывая пуговицы, расстегнул гимнастерку на груди командира, разорвал набрякшую кровью нижнюю рубашку. Анна Баренцова, стоя на коленях, торопливо накладывала бинты на грудь, на пульсирующую при каждом вздохе рану командира. Качуевский лежал с закрытыми глазами, словно спал...

— Ребята, носилки! — крикнул Жмакин, когда перевязали Павла.

Принесли носилки, сооруженные из двух березовых жердей и немецких шинелей.

— Осторожнее, ребята, — Жмакин приподнял командира, и тут Качуевский открыл глаза.

Павел оглядел столпившихся вокруг него бойцов, облизнул языком пересохшие губы и тихо произнес:

— Не надо... Оставьте здесь...

— Мы сейчас, Пал Палыч!.. До стоянки отряда мигом донесем... А там врачи!.. Вызовем самолет — и на Большую землю!.. Там выходят! — быстро говорил Жмакин, стараясь придать голосу бодрость. — Ранение не такое уж, чтобы... Ну, доктора знают и умеют!

Павел быстро бледнел, и его обескровленное лицо как бы становилось восковым. И каждый видел, что наступают последние минуты жизни командира, что рана у него смертельная. Понимал это и сам Качуевский. На слова Жмакина он чуть пошевелил рукой.

— Не надо... нести, — чуть слышно, одними губами прошептал Качуевский. — Ты прав... насчет ранения.

Анна Баренцова держала голову Павла на коленях и не пыталась сдержать рыдания. Слезы катились по ее щекам и падали на спутанные волосы командира, на его лоб... Максим Савченко грозил Анне кулаком и сипло выдыхал:

— Замолчи, слышишь? Замолчи!..

Анна положила ладонь на щеку Павла, почти физически ощущая, как силы покидают командира, никак не могла унять рыдания. Это было выше ее сил. У нее на коленях умирал самый близкий, самый

родной человек... Она любила Павла, любила давно и тайно, боясь выказать неловким жестом, горячим взглядом или нечаянным словом свои затаенные чувства... Баренцова хорошо знала, что командир отдал свое сердце далекой и незнакомой ей москвичке, и, честно говоря, тайно завидовала Наташе... И боготворила ее. Ибо для Анны ничего более дорогого, чем Павел, чем его любовь, не было. И если он выбрал далекую москвичку Наташу, ставшую женой ему, то и она, Анна, всячески ей желала только добра. Значит, та лучше ее, достойнее. Но сейчас, в эти последние минуты жизни командира, Анна держала его голову у себя на коленях и больше не хотела скрывать своих чувств. Горе застилало глаза.

Николай Жмакин и Володя Осипов опустили на колени и наклонились над командиром. У Осипова вздрагивала нижняя оттопыренная губа и в расширенных зрачках застыла печаль.

— Пал Палыч!.. Пал Палыч! — голос у Жмакина срывался.— Командир наш!.. Мы понесем тебя, ладно?.. Может, еще можно жизнь удержать...

Качуевский с трудом поднял тяжелые веки и увидел над собой встревоженное лицо адъютанта, блестящие от слез глаза Баренцовой, разлапистые густо-зеленые ветви сосны и между ними бездонную синеву неба. Ему на какой-то миг стало легко и спокойно, словно ничего особенного и не случилось. Он попытался улыбнуться.

— Все, ребята... Отгулялся я... по тылам,— ему показалось, что он говорит громко, а с губ слетали чуть слышные слова.— Берегите Наташу... Передайте ей... Переда...

И смолк, плотно сжав губы. Только широко открытыми глазами удивленно смотрел вверх, и в стекленеющих зрачках отражались зеленые ветки сосен, синева бездонного неба, по которому плыли белые перистые облака. Казалось, он все это видел впервые или спешил запечатлеть в своей памяти навсегда и унести с собой в страну неизвестности.

Жмакин, напрягая слух, склонился к самому лицу Качуевского.

— Что передать, Пал Палыч? Скажи еще... Что? Что передать?

Прошло несколько томительных минут. Не хотелось верить в то, что уже произошло. Володя Осипов деревянными пальцами вынул из нагрудного кармана своей гимнастерки осколок зеркальца и поднес к бескровным губам командира. Зеркальная поверхность оставалась чистой...

Анна Баренцова вскрикнула и затихла.

Жмакин рывком встал, вытянулся как струна. Бойцы в скорбном молчании стягивали пилотки, фуражки, папахи...

— Все, ребята. — сказал через минуту Жмакин. — Надо уходить... Дорого заплатили мы за победу... Повесем Пал Палыча на базу...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

НА ПЕРЕДОВОЙ

1

рассветом все началось сначала. Наташа, оглохшая от вчерашней бомбежки, стрельбы, разрывов снарядов и гранат, невыспавшаяся, уставшая от нервного перенапряжения, от бесконечного боя, который прекратился лишь поздним вечером, с тревогой смотрела вверх, на чуть розовевшие по краям облака, на светлеющее небо, на котором двигался косяк самолетов. Мощный рев моторов повис над головой, заглушая все звуки на земле, дрожал, переливался и угрожающе густел. Самолеты меняли строй, растягивались, перестраивались на ходу в круг, в живую карусель, очерчивая ею большое пространство, весь передний край, блиндажи и пехотные окопы, огневые точки, свои и соседние противотанковые батареи, ближайшие тылы и подступы к ним... Вся полоса обороны как бы замкнулась этим гудящим плотным воздушным кольцом, и из него, как казалось Наташе, нет возможности вырваться. А далеко в стороне, за передовой, мирно светилась от восхода солнца свободная степь и поутреннему в голубой дымке розовели покатые холмы.

— Воздух! Воздух! — слышались надрывные крики слева и справа по углубленным и полужасыпаным окопам.

Она не испытывала того оупляющего страха, какой охватил ее неделю назад, когда впервые попала на передовую и сразу же очутилась под бомбами. Но тело ее туго сжалось, подобралось, словно хотело стать меньше, незаметнее. Она стояла не шеверясь, как в тяжком сне, когда не можешь сдвинуться с места, а тебя настигает что-то неотвратимое, огромное. Во рту стало сухо и неприятно.

— Четырнадцать, — зачем-то сосчитала она и с каким-то облегчением вздохнула, словно от этой цифры что-то менялось в ее судьбе. Наташа машинальным движением руки приладила волосы, машинально заправила выбившийся локон под пилотку, продолжая неотрывно глядеть в небо, на живую карусель самолетов. От их рева земля чуть содрогалась, и в ход сообщения осыпались комья земли.

Один самолет словно на мгновение застыл на месте, приостановился, споткнувшись в воздухе, и в следующую секунду отвернулся, отделился от стаи и косо пошел вниз, почти отвесно стал падать, оглушая нарастающим визжащим ревом моторов, слепя глаза сверкающим в лучах еще не поднявшегося солнца блеском металла. Наташа видела, как от этой летящей сверкающей тяжелой птицы отделились темные продолговатые предметы, чем-то похожие на вытянутые черные капли, они быстро неслись к земле, увеличивались в размерах, странно покачивались полированными боками.

А следом за первым самолетом из карусели отделился второй и, сверкнув продолговатым стальным брюхом и крыльями, с оглушительным ревом заскользил к земле...

— Ты чего под бомбы выставилась?! Назад!..

Жесткие грубые руки схватили ее за плечи и сильным втащили в темноту просторной пещеры, вырытой под холмом. Наташа рывком освободилась от рук, гневно сверкнула глазами, но встретила сухой взгляд Алексея Иванова, командира роты. Он стоял широко расставив ноги, с забинтованной головой и расстегнутым воротом гимнастерки.

— Мне санитарки живые нужны, а не мертвые! Ясно? Заменить некем!..

«Не санитарка, а санинструктор»,— хотела ответить Наташа, но не успела. Где-то неподалеку гулко треснул огромный шар, земля под ногами дрогнула и заходила, словно она была не твердой и цельной, а покоилась на водной глади. Потом раздался второй взрыв, третий... Грунт в подземном укрытии крошился и сыпался со стен. Наташа прижалась спиной к стене, ощущая ее живое вздрагивание.

— Позавтракать, сволочи, не дали... Пятый день прут без передыху,— выругался в сторону немцев старшина Чикасов.— Горячую пищу из-за них не подвозят, а какая еда всухомятку? Желудки портим себе.

Старшина был в летах, крупнотелый, осанистый, со спокойным взглядом серых, чуть навывкате глаз. Его ласково именовали в роте «папаня».

Кроме него и лейтенанта Иванова в подземной пещере находился связист Кашкин, остроносый солдат со значком ГТО второй ступени на гимнастерке. Он сидел, втянув голову в плечи, со своим телефоном, установленным на порожнем перевернутом снаряжном ящике. На его небритых щеках появилась бледность.

— Опять про жратву... Тут, папаня, целым бы хоть остаться!..

Иванов все так же стоял, широко расставив ноги и чуть нагнув забинтованную голову, и прислушивался к тому, что делалось снаружи.

Это по его приказу отрыли ходы сообщения, окопы и пещеры в глубине холма в глинистом водоупоре, глубже почвенного слоя. Копали дни и ночи напролет, сменяя друг друга. Иванов понимал, что глинистый сдавленный грунт выдержит тяжелые удары и заглушит гул канонады. Здесь можно находиться в сравнительной безопасности, потому что лишь прямое попадание бомбы или тяжелого снаряда может завалить подземное укрытие. Бойцы гвардейской роты находились почти в полной безопасности от осколочного и минометного огня, а завалы от близких попаданий снарядов или бомб тоже не пугали людей, укрытых в окопах и пещерах

и спаянных между собой армейским братством. По его приказанию гвардейцы роты укрылись в глубину прочной земли, чтобы сохранить себя для боя, а в ходе сообщения и двух огневых точках, которые были вынесены впереди окопов, остались шесть человек боевого охранения во главе с сержантом Северцевым.

— Товарищ гвардии лейтенант!.. Вас!.. Капитан на проводе,— прокричал Кашкин, протягивая трубку Иванову.

— Лейтенант Иванов у аппарата! Слушаю... Что? — на другом конце провода слышалось дыхание капитана Овчинина, командира батальона.— «Юнкерсы» карусель водят над головами. Какие потери? Точно не могу сказать. Прямых попаданий пока нет. Алло! Алло!.. Товарищ капитан?.. И вас тоже бомбят?.. Что?.. Не обращать внимания?.. Есть!.. Что у соседей? Танки?.. На первой линии?.. Будем готовы!.. Да! Да!..

Иванов отдал трубку связисту. Вступила в бой артиллерия противника, и содрогание земли стало теперь постоянным. Тяжелые снаряды ложились рядом, перепахивая и разрушая сооруженную оборону. Земля с потолка стала валиться комьями, и по ним Иванов определял силу и точность неприятельского обстрела.

— Теперь жди атаки,— сказал громко старшина, завязывая свой вещевой мешок.

— Как связь с Северцевым? — Иванов наклонился к Кашкину.— Давай мне Северцева!

Тот стал накручивать ручку телефона. Через пару минут протянул трубку лейтенанту.

— Говорите!

— Алло, Северцев? Как там?.. Все живы?.. Хорошо! Молодцы!.. Так и действовать!.. Да, да!.. Танки пропустить... Пусть танки идут! Сколько? Восемь?.. И два бронетранспортера?.. Пропускай!.. А пехоту отсекай! Отсекай, говорю, пехоту!.. Что? Что?.. Алло! Алло!.. А, черт! — Иванов кинул трубку в руки связиста.

Кашкин, приложив трубку к самому уху, покрутил еще раз ручку полевого телефона и, виновато моргая белесыми ресницами, сказал:

— Провод, кажись, перебило... Я сбегая проверить!

— Сиди!.. Туда не прорвешься,— Иванов застегнул ворот гимнастерки.— Позавчера у них было четыре, вчера шесть танков, сегодня — восемь. Вишь, паланя, цена как повышается?..

— Фашист, он ведь тоже вроде бы человек. Рыбки хочется,— отозвался старшина, засовывая в карман противотанковую гранату.— Астраханской селедочки знаменитой, балычка копченого, икорки... Вот и не жалеют, товарищ лейтенант, не стоят за ценою.

— Где комиссар?

— В первом взводе,— отозвался телефонист.— Он с ночи туда ушел.

— Я к бронейщикам. Если будут звонить, я — там. Скоро вернусь,— Иванов тоже сунул в карман противотанковую гранату.— Скоро вернусь! А ты,— он повернулся к Наташе,— будь пока здесь. Тебе работенка тоже будет, только я хотел бы, чтобы ее и вовсе не было!..

У Наташи была своя пещера, которая располагалась вдесь же, неподалеку от командирской. На полу разостлали камышовые циновки, натаскали сена, вход завесили куском брезента. Вчера поздним вечером, едва окончился бой, ей удалось связаться с медсанбатом, и ночью прибыла машина, увезла всех раненых, которые сами не могли двигаться. Теперь пещера была пуста, как свободная комната, из которой выехали жильцы.

Наташа вынырнула из подземного укрытия вслед за командиром. В воздухе, насыщенном противным перегаром тола, звенела тишина. Артналет прекратился. Самолетная карусель переместилась в тыл, и теперь немцы бомбили совхозный поселок, ныряли над степными дорогами, над холмами. А те самолеты, которые освободились от смертоносного груза, с натужно усталым гулом моторов уходили в прозрачное синее небо на запад за новой порцией бомб.

На какое-то мгновение Наташа почувствовала облегчение от звонкой тишины, как будто она вырвалась на свободу из тесноты, от сознания собственного бессилия и унижения, от томящего сердце ожидания

смерти. К бомбежке она никак не могла привыкнуть. Все вокруг было перепахано снарядами и бомбами. Свежие воронки чуть дымили. «Надо осмотреть все, может, где раненый лежит», — подумала Наташа и тут увидела взвившиеся в небо две ракеты.

Наташа взглянула туда, откуда они взлетели, и увидела, как по степи, из дали, затянутой сизой утренней дымкой, двигались, медленно шевелясь, восемь серых квадратов, освещенных первыми утренними лучами солнца, вставшего далеко за ее спиной над самым горизонтом. Она поняла, что это танки. Наташа смотрела на них, почти игрушечных, на таком большом расстоянии, не воспринимая никакой приближающейся опасности после только что пережитого арналета и бомбежки и почти не веря в эту опасность. Она поправила свою тяжелую санитарную сумку и двинулась по ходу сообщения, ведущего к первой линии окопов.

2

Первая линия окопов проходила поясом поперек отлогого склона холма, а перед ними лежала равнина, которая простиралась ровной степной гладью на несколько километров, а далее темнели две высотки, словно верблюжьих горбы. Там, на тех пологих высотках пролежала позиция немцев, оттуда они и вели свои наступления, посылая в атаку одну волну за другой.

К полудню гвардейцы отбили четыре атаки, перед первой линией окопов, где земля перепахана снарядами, бомбами, странно зеленели уцелевшие в огне и грохоте островки зеленой травы, буйно расцветшей в эти погожие осенние дни от теплых дождей и солнца. Три тупоносых подбитых танка, словно облитых мазутом, густо чадили черным дымом в синее небо, а вокруг по всему склону беспорядочно валялись немецкие солдаты, навсегда оставшиеся лежать на чужой им земле.

Но гитлеровцы не унимались. Снова в небе появились самолеты, подлетев к холму, образовали живую карусель. Снова дальнобойная артиллерия стала посылать снаряды. Земля качалась и вздрагивала,

в вырытых убежищах стояла духота от пота и сухого противного перегара, который проникал во все щели и надсадно царапал горло.

Раненые, которые сами могли двигаться, ушли своим ходом в тыл, в медсанбат. В подземном убежище остались лишь тяжелораненые. Они лежали вповалку на сене, сидели у стены, бредили, стонали, срывали окровавленные повязки, а земля под ними ходила ходуном, со стен и потолка сыпались комья и глинистые крошки...

Наташа выбилась из сил. Лицо ее стало бледным, заострилось, темные полосы гари пересекли лоб, губы прикушены. Ей нелегко достались эти часы боя. Она сделала все, что могла. Даже больше, чем могла.

Каждого она вынесла, вытащила из огня, оказала первую помощь. Перевязала раны, остановила кровотечение, наложила шину... Теперь им нужна помощь врача-хирурга. А до вечера, до темноты им придется терпеть и ждать в укрытии.

— Пить!.. — сухими потемневшими губами просили раненые.— Пить!.. Воды...

Боец с перевязанной до локтя рукой помогал Наташе. Он бережно наливал из канистры воду в жестяную кружку и давал каждому выпить по несколько глотков. Наташа с затаенным страхом поглядывала на канистру, которая быстро пустела. До вечера еще далеко. Колодца поблизости нет, воду возят издалека.

А бой все разгорался. Наташа выглянула из хода сообщения. Дробно стучали пулеметы, слышались разрывы гранат. Вдрагивала земля от гула снарядов. Шесть танков, слегка переваливаясь с боку на бок, медленно ползли по равнине, изрытой черными оспинами воронок, жадно поводя короткими стволами пушек. На коротких остановках они выплескивали сгустки огня и голубоватого дыма, стреляя в упор по высоте. За танками, пригибаясь к земле, скорыми шагами бежали немцы и на ходу палили из автоматов. За первой волной спешила вторая, третья, четвертая...

Загремела, заухала высота. Каждый бугорок, кустик полыни оцетинился. В сторону врага хлынул свинцовый ливень.

Наташа стояла и оглядывала линию окопов, позабыв, что и ей самой надо остерегаться. Над головой все чаще с тонким посвистом пролетали пули и осколки. Горячий воздух, спрессованный, перекрученный, толкая в грудь, хлестал в лицо, срывая с головы пилотку. Из того, что открылось ее взору, она ничего не могла и не должна была пропустить, потому что это и было ее долгом. Увидеть и поспешить на помощь.

Откуда-то сбоку вынырнул старшина Чикасов. Рукав гимнастерки разорван, лицо в темных налетах пороховой гари. Он шел торопливым шагом, пригибаясь под тяжестью ящика с гранатами, который нес на плече.

— Прут, ошалелые... А у нас патроны на исходе!.. Только бы танки не прорвались!

Он еще что-то крикнул, но Наташа не расслышала, а старшина тяжелой поступью поспешил дальше и скрылся за поворотом. Было видно, как над ходом сообщения движется угол замасленного ящика.

Наташа взглянула на правый фланг, где находились бронебойщики, и скорее догадалась, чем поняла то, что крикнул ей старшина. Там, в серой мгле пыли и дыма, рвались танковые снаряды. Сердце ее сжималось. В полузасыпанном окопе в странных позах застыли бойцы, и только один, без пилотки, карабкался вверх, к брустверу, нащупывая рукой свое длинноствольное ружье.

Не раздумывая, Качуевская устремилась к бронебойщикам. То пригибаясь, то ползком, то скатываясь в воронки, Наташа приближалась к полузаваленному окопу. Что бы там ни было впереди, а поворачивать теперь с полдороги назад она не станет. Чем бы это ей ни угрожало. Она уже не думала о себе, а мысли ее были там, в окопе, где требовалась ее помощь. Скорее, скорее!..

Бронебойщик даже не посмотрел в ее сторону. Он, казалось, сросся со своим ружьем, наводя длинный ствол на крестатый бок танка. Два бойца были убиты, это она поняла сразу, едва только скатилась в окоп, а третий, прижимая руки к животу, скрючившись, лежал на дне, и сухая глинистая серая

земля вокруг него медленно темнела от влаги. Сильное тело словно было переломлено в пояснице. Наташа выхватила из санитарной сумки бинт и стерильную вату.

— Уйди, сестра! Не надо... Живой я еще!..

— Потерпи, миленький... Сейчас повязку сделаю...

Но он не давался, корчась в судорогах, в беспомоществе, которое отделяло его от смерти. Наташа, удерживая его, раздирала выгоревшую промокшую от крови гимнастерку, спешно накладывала бинт на живот, стараясь унять кровотечение.

— Потерпи, миленький... Сейчас будет лучше!

Но тут почти у бруствера за ее спиной ухнул снаряд, окатил раздробленными комьями земли, толкнул в спину, чиркнул осколком по санитарной сумке, распарывая ее пополам. Наташа задохнулась от навалившегося тошнотворного клуба гари, никак не могла передохнуть, откашляться. В глазах плыл синий дым.

Раненный в живот вдруг затих, уткнувшись лицом в землю. Волосы на темени набрякли влагой, и красная струйка побежала по шее за воротник. Только вытянутая рука царапала стенку окопа, впиваясь черными ногтями в слежавшуюся глину...

Наташа привстала на колени, вытерлась рукавом, размазывая грязь и копать по лицу. Тяжелораненому ее помощь уже была не нужна.

— А, черт!.. Не ко времени задело! — скуластый бронебойщик, который стрелял по танку, сидел напротив Наташи и ругался, зажимая ладонью шею. Сквозь пальцы сочилась кровь.

Наташа из развороченной осколком санитарной сумки вынула бинт и стала торопливо перевязывать широкую загорелую шею. Она сразу вспомнила, как её фамилия, — Чулков.

— В тыл!.. В медсанбат!

— Отстань, сестра!.. Мне стрелять надо... Танк на первую линию прорвался!.. Худо там!..

И Чулков снова схватился за свое длинноствольное ружье, спешно на ощупь перезаряжая его, навалился всем телом на бруствер, выгоревшая задубленная от пота гимнастерка натянулась на его спине. Чулков склонил голову, и бинт сразу же набряк

кровью. Чулков стрелял торопливо, посылая броневые пули одну за другой в танк. Он бил по живому боку с белым крестом, по смертельно опасному зверю, который вырвался на первую линию окопов и, словно разъяренный стальной мамонт, фыркал клубами дыма, метался и топтал живое тяжелыми гусеницами. Но вдруг он с ходу неуклюже натолкнулся на что-то невидимое своей покатою грудью, дернулся назад и затих, тихо задымив над мотором тонкой струйкой, которая быстро разрасталась черным дымным шлейфом, и в следующую секунду из его нутра показались яркие оранжевые языки пламени.

— Попал! — выкрикнул Чулков. — Попал!..

Выскочившие из подбитой горящей машины немецкие танкисты были тут же скошены автоматными очередями. Наташа видела, как лейтенант, — она его узнала по перевязке на голове, — размахивая наганом, побежал навстречу фашистским солдатам, увлекая за собой остатки роты. Послышалось яростное «ура!»...

Наташа схватила автомат убитого бойца. Но тут сбоку, словно он вырос из-под земли, вынырнул немецкий танк. Он появился неожиданно и неотвратимо катил прямо на них, поводя черным отверстием короткоствольной пушки. Оглушающий рев мотора, лязг и скрежет гусениц били в глаза, в уши, вдавливая в землю. На миг представилось Наташе, как танк сейчас с неумолимой беспощадностью возникнет перед срезанным и развороченным бруствером, железными лапами сомнет и раздавит ее вместе с Чулковым, они не успеют ни отбежать, ни отползти, ни спрятаться... «Конец! Сейчас все кончится, — пронеслось жгучим током в голове. — Неужели вот так сейчас?»

Наташа в отчаянии вскинула автомат. Пули только высекали крупные искры на толстой броне.

— Ложись! — раздался над самым ее ухом отчаянный выкрик Чулкова.

В следующий миг тень броневика мелькнула у нее перед глазами. С тяжелыми противотанковыми гранатами в каждой руке Чулков вырос перед стальной машиной. Он двигался навстречу танку неправ-

доподобно замедленно, как в кино. Пулеметная очередь полыхнула по бронейщику, прошивая его насквозь. Наташа с ужасом видела, как взрывалась пулями гимнастерка на широкой спине Чулкова. Но он, вскинув вверх руки, удлиненные гранатами, со всего маху бросил их под набегающую туполобую стальную махину и тут же свалился сам.

Глухой взрыв толкнул танк назад. Огромный черный фонтан вырвался из-под него. Танк стал медленно разворачиваться на месте, распуская плоскую ленту гусеницы, обдавая Наташу выхлопными газами... Башня его тоже вращалась, рывком двигая стволом орудия. Но тут же желтыми ящерицами заскользили по железу языки пламени. Густо повалил дым. А стальная махина, объята пламенем, болезненно вздрагивала, словно была живой, словно мучилась от жалившего изнутри колючего огня...

Наташа, припадая к земле, поползла к огненному костру, к Чулкову. Он лежал в трех метрах от пылающей махины. И был еще жив. Его широкоскулое лицо было бледным. Взвалив бронейщика на спину, Наташа поползла обратно. В пылающем танке в любую минуту могли начать рваться снаряды. Наташа выбивалась из сил. Чулков обхватил ее за шею слабеющей рукой, затруднял дыхание. Наташа, стиснув зубы, тащила его непослушное тяжелое тело. Когда до своего окопа оставалось совсем немного, позади раздались гулкие взрывы.

3

В Берлине никак не могли да и не хотели понять, почему 16-я мотомеханизированная дивизия, которая триумфальным маршем прошла по дорогам нескольких стран Западной Европы, которая стремительно продвигалась и по югу России, вдруг неожиданно остановилась, остановилась на долгие недели в калмыцких степях перед Волгой, перед Каспийским морем, не могла овладеть ни в августе, ни в сентябре «незначительным куском территории у Астрахани».

В Берлине не только не понимали этого, но и сильно гневались. Фюрер не прощал ошибок своим прославленным генералам. В связи с провалом на-

ступления и неспособностью «сломить упорство русских» был снят с поста командующего дивизией генерал-майор Шверин и ряд других высокопоставленных немецких офицеров. Специальным приказом ставки командующим 16-й мотомеханизированной дивизии был назначен генерал-лейтенант Гопри. Но от этого положение на фронте не изменилось.

Гопри пытался активизировать наступательные действия. В бой бросал огромное количество людей и техники. Но прорвать оборону гвардейцев не смогли. Протянувшаяся на многие десятки километров в глубину оборона наших войск то сжималась под напором непрерывных атак, то разжималась, как стальная пружина невиданной силы, отбрасывая врага на его исходные позиции.

4

Осень пришла как-то незаметно и тихо. Солнце светило все так же добросовестно, но в его лучах уже не было той жгучей летней теплоты. Чаще плыли по небу облака, густо посевая землю дождевым просом. Березы и осины как-то быстро стали желтеть, появились желтые листья и на дубу. Лишь рябина стояла нарядная и ласкала взгляд сочными пунцовыми гроздьями. Но никого они не радовали. Стелились по низинам с вечера белесые туманы, и долгие ночи стали темными и холодными.

Партизанский отряд снова проходил лесами неподалеку от села Кляпино. Командиром вместо Качуевского был назначен Николай Зебницкий. Отряд увеличился, хотя многих из старых бойцов уже не было и в списках отряда против фамилий стояло краткое слово «убит»... На места погибших приходили новые бойцы, отряд своими победами наводил страх на оккупантов. Немцы пытались искоренить партизан, повернуть борьбу в свою пользу, но отряд болотами выходил из губительного кольца, и опять партизаны дрались с воодушевлением и яростью. Трудно сосчитать, сколько верст прошагали по лесным чащобам и открытым полям, то уходя от врагов, то настигая их.

Из Центра сообщили: ночью «ждите подарка». Это

значит, что самолет сбросит взрывчатку, медикаменты и письма.

На большой поляне с вечера подготовили кучи хвороста для костров. Щедро полили их немецким бензином. Ночью никто не спал. После смерти Качуевского самолеты еще не прилетали.

— Летит! Летит! — по цепочке пришла долгожданная весть.

Вскоре донесся приглушенный шум моторов. Казалось, что самолет пройдет где-то стороной. Ночь выдалась темная.

— Запаливай, — приказал Зебницкий.

И сразу вспыхнули ярким пламенем три условных костра. Гул моторов приблизился, стал громче, басистее, и самолет с зажженными бортовыми лампочками проплыл над поляной. Партизаны увидели на темном небе белые точки, которые приближались к земле, увеличиваясь в размерах.

— Сбросил парашюты! — послышались радостные возгласы.

Все четыре тюка были найдены. Один парашют зацепился на сосне, и пришлось немало повозиться, чтобы его стащить вниз. «Подарки» из Центра были самыми нужными. Минеры радовались взрывчатке, фельдшер — медикаментам, повар — консервам, радистка — новым батареям, а все — пачкам московских газет и писем.

Брезентовый мешок с письмами тут же опустел.

Анна Баренцова взяла письма Наташи, на которых стояла фронтовая треугольная печать, и перед глазами всплыли горестные минуты гибели командира. Сердце ее снова задрожало, мысленным взором она всматривалась в дорогое утихшее лицо Павла перед вечной разлукой. Глухая боль подкатила к горлу. Анна смотрела на письма и понимала, что жена командира еще ничего не знает, живет надеждами и верой в счастье.

Через час она уже шагала по лесной тропинке в сторону села Кляпино, где на кладбище был похоронен Качуевский. Прошла место большого пожара, который бушевал в лесу в прошлом году, когда здесь находились отступающие наши части, а немецкие самолеты засыпали их бомбами. Среди обгорелых

деревьев, черных остовов грузовых машин чудом уцелела небольшая осинка. За лето она вытянулась и теперь повзрослевшая стояла среди темных обугленных мертвых деревьев ярко-красным пылающим факелом, утверждая торжество жизни.

Не заходя в село, Анна Баренцова прошла на кладбище. В стороне от дороги, словно охраняя покой, стояли березы, ясени да буйные кусты черемухи. Кладбище было старое, не одно поколение кляпинцев нашло здесь свой последний приют. Среди покосившихся каменных белых надгробий, полугнивших деревянных и потемневших железных крестов стояло несколько самодельных памятников в форме пирамидок с красногвардейской звездочкой наверху. На памятниках написаны имена тех, кто погребен, но солнце, дожди и ветер быстро уничтожили надписи, чьи имена должны быть вечны в памяти живых.

Анна Баренцова быстро нашла могилу Качуевского. Она помнила, как хоронили здесь командира, как собралось почти все село и в почетном карауле встали два партизанских отряда, как прощально гремели салютные залпы...

Партизанка опустила на колени возле могилы, которая уже заросла травой, и положила у изголовья цветы, собранные в лесу. Несколько минут она сидела безмолвно, живя воспоминаниями. Ей было все равно, что сейчас делается на свете, и ничто в мире не могло ее ни потревожить, ни обрадовать. Анна провела ладонью по могильной земле, по зеленой траве, прижалась к ней лицом. В земле было тихо и прохладно, оттуда ничего не было слышно.

— Пал Палыч,— прошептала Анна. Пришла к тебе... Пришла с письмами...

Она отняла лицо от земли, достала из кармана треугольнички писем. Уселась поудобнее и сквозь слезы стала читать срывающимся голосом.

— «Здравствуй, Павел! Мой дорогой и любимый, здравствуй!.. Пишу тебе с самого переднего края, из окопа. А на передовой не так страшно, как я думала. Только надо привыкнуть, и я, кажется, уже привыкаю. Ты за меня не беспокойся, береги себя...»

НАСТУПЛЕНИЕ

1

Осень в тот год выдалась необычайно солнечной и теплой. Погожие дни радовали Наташу. Ей казалось, что в эти края пришла вторая весна. Калмыцкая степь, омытая дождями, пробудилась к жизни. Снова расцвели полевые цветы, радуя сердце нежной, неяркой окраской, зеленые дикие травы буйно тянулись к солнцу, и даже не верилось, что еще совсем недавно здесь была выжженная солнцем сухая безжизненная равнина.

Но с каждым днем тепло убывало, и солнце светило не так щедро. На исходе октября появились предвестники зимы. Рассветы стали тусклые и замедленные, по степи стлался влажный холодный туман, в предутренние часы легкий морозец схватывал на дремлющих травах обильную росу, превращая ее в серебристый иней. Днем еще было жарко, можно было ходить без шинели, словно летом, но к вечеру резко свежело, веяло по степи холодом и низины закрывал густой белесый туман. А едва только большое красное солнце опускалось за горизонт, наступала сразу синяя мгла и крупные звезды, казалось, снижались к самой земле, сверкая острым льдистым блеском. Словом, осень в тот год не торопилась уходить, она прощалась с землей и, как дорогой гость, любимый и любящий, медлила перед разлукой, топталась на месте, ласково и внимательно озираясь вокруг.

Но зима была не за горами. Она торопилась овладеть степными просторами. В начале ноября подул пронзительные порывистые ветры. Они погнали по небу табуны тяжелых, серых, набрякших влагой туч. Пошли чаще дожди. Дороги размыло. В окопах хлюпала вода, в подземных вырытых убежищах стало холодно и сыро. Солдаты мастерили печки из старых ведер и небольших железных бочек.

Основательно окапывались, глубже зарывались и гитлеровцы. Они понимали, что наступление за-

хлебнулось, фронт стабилизировался. Прорваться к Астрахани им не удастся.

Немцы сооружали оборонительные рубежи, огневые точки, блиндажи, опоясывали передние линии окопов рядами проволочных заграждений, минными полями. Гитлеровцы надеялись, что им удастся отсидеться в течение зимы за своими укрепительными рубежами, сохранить за собой захваченные территории, а с приходом летнего тепла, когда просохнет от снега земля, снова продолжить победное наступление.

Пропагандистское ведомство Геббельса трезвонило на весь мир, что Советская власть доживает свои последние дни. Берлинское радио и газеты несколько раз оповещали, что «войска фюрера взяли окончательно Сталинград», но через неделю-другую снова уныло констатировали, что «в городе на берегу Волги идут ожесточенные уличные бои», что «очищаются последние кварталы». Однако «очистить» их гитлеровцам никак не удавалось.

На южном крыле Сталинградского фронта, в бескрайних степных просторах Калмыкии наступило относительное затишье. После семидесяти дней ожесточенных боев, после длительной смертельной схватки, когда обе стороны на степных просторах мерили свои силы, стал обозначаться явный перевес советских войск, хотя численное превосходство в людях и технике было на стороне гитлеровцев. Понеся непоправимые потери, фашистские полки стали зарываться в землю и готовиться к зиме. Бои носили, как сообщалось в донесениях, лишь «местный характер». О таких днях в сводках обычно указывалось: ничего особенного не произошло. А на переднем крае, не затихая, бушевали бои. Черные столбы разрыхленной снарядами земли взлетали ввысь, а в атаку шли танки и пехота, по голубому небу чертили резкие белые перистые следы истребители, ведя беспощадные воздушные схватки. Но продвигнуться вперед, улучшить свои позиции гитлеровцам, как правило, не удавалось. Лишь в глубине их обороны вырастали рядами холмы могил.

Тяжелые оборонительные бои обескровливали немецкие войска.

Природа словно ждала своего часа. Сразу же после праздников, словно сорвавшись с цепи, налетел морозный ветер. Термометр опустился ниже нуля. С низких, набрякших, свинцово-серых туч посыпалась снежная крупа, и порывы ветра понесли ее по остывшей степи, навевая в воронки и низины белые наметы, словно накладывали бинты на раны земли.

Разведчики, ходившие ночью в тыл врага, принесли новость. Гитлеровцы держат на передней линии и возле своих блиндажей на привязи обученных сторожевых собак, а сами отсиживаются в тепле.

— Надежно зимовать готовятся, гады.

— Все равно выкурим из волчьих нор! — рассудительно говорил старшина Чикасов, скручивая козью ножку.

Настроение у гвардейцев, несмотря на холода, было хорошее. Острые глаза бойцов многое подмечали. Они видели перемены, которые не сразу бросались в глаза, но опытные фронтовики их подмечали. Улучшилось снабжение боеприпасами, продовольствием, и выдали теплую зимнюю одежду, а главное — в тылу появились новые воинские части. И на душе становилось радостно — идет подготовка к наступлению.

Но никто не догадывался, а фашисты и не предполагали, какое гигантское наступление готовит советское командование. Предполагаемое наступление 34-й гвардейской дивизии было составной частью общего наступательного плана советских войск под Сталинградом, которое поразит мир своими масштабами.

Подготовка к контр наступлению проводилась скрытно, соблюдались меры предосторожности. В праздничный вечер бойцы слушали радиопередачу из Москвы с торжественного заседания Московского Совета депутатов трудящихся. И той же ночью полки выступили в поход. Никто не знал точно, куда они двигаются под покровом темноты, но каждый догадывался, что предстоят большие боевые дела.

Передвижение войск продолжалось несколько суток. Было проявлено много заботы о маскировке дви-

жения, скрытности сосредоточения наших войск, чтобы дезориентировать противника. Днем демонстрировалась полная «безжизненность» тех мест, где на дневку останавливались полки. А если и двигались днем, то совсем в другом направлении, чем под покровом ночи.

Усиленно готовились к наступательным боям и гвардейцы 34-й дивизии. Перед ними были Халхута и Утта, крупные укрепленные гитлеровцами пункты. Рядом с гвардейцами сосредотачивались бойцы 152-й отдельной стрелковой бригады, 248-й стрелковой дивизии, 6-я гвардейская танковая бригада, 76-й гвардейский минометный полк (полк «катюш») и 565-й отдельный танковый батальон.

Другие соединения находились во втором эшелоне.

3

Этого дня ждали, к нему готовились, но все же он пришел неожиданно. Хмурым холодным вечером 19 ноября, когда ветер тоскливо мел по заледенелой степи снежную крошку, забивая ею все щели, наметая в окопы и ходы сообщения, в глубине обороны в просторном блиндаже капитана Овчина собралась команда рот, взводов, партийные и комсомольские вожаки. Была здесь и Наташа Качуевская как член комсомольского бюро. Все догадывались, зачем их собрал командир, но в то же время где-то в глубине души еще не верили, что наступил долгожданный час возмездия. Батальон уже вторую неделю находился в сравнительном тылу: после тяжелых боев его сменили, отвели на дальнюю линию обороны, и теперь после краткого отдыха, пополненный новыми бойцами, он снова стал грозной силой.

Капитан Овчинин только что вернулся из штаба полка, где услышал призывные слова приказа о решительном наступлении, которые зачитал комиссар дивизии. И вот сейчас он прочтет этот приказ своим подчиненным.

На сколоченном из неоструганных досок столе разостлана карта, и на ней красным карандашом наметена стремительная стрела, уходящая за линию

обороны противника, нацеливаясь на Халхуту, на Утту, а если мысленно продолжить острие стрелы, то выйдешь на Яшкуль и дальше на столицу Калмыкии — город Элисту...

— Наша задача — прорвать линию обороны врага и, продвигаясь вперед, при взаимодействии соседей занять эти высоты, — капитан Овчинин тупым концом карандаша водил по карте и давал задания каждой роте.

Все слушали, затаив дыхание. Стояла такая тишина, словно никого не было, кроме капитана. В его словах была долгожданная музыка, по которой истосковались сердца в долготерпении и надежде.

Овчинин поднял голову от карты.

В просторном блиндаже по-прежнему было тихо. Молча переживали счастливые минуты радостного известия. Тихо вздрагивала земля, тоненько дребезжали листы жести, закрывавшие узкое отверстие от проходивших недалеко тяжелых наших танков. Ветер с вольным степным гулом проносился над перекрытием, гулял по ходу сообщения, упруго толкался в заледенелый кусок брезента, которым был завешен вход.

— А теперь выводите своих бойцов на митинг, — приказал капитан Овчинин, складывая карту. — Прочтем приказ Военного совета Сталинградского фронта.

В блиндаже стало шумно. Все двинулись к выходу. Капитан взглянул на счастливое лицо Наташи и тут же отвел глаза. Он хотел было ее задержать, но не решился. Овчинин просто не мог в такие минуты радости обрушить на нее страшную весть. В потертом планшете капитана лежало письмо из Москвы, из Главного партизанского штаба, которое ему передал час назад на совещании комиссар полка. А в письме — сообщение о героической смерти ее мужа, командира партизанского отряда старшего лейтенанта Павла Качуевского. «Потом, после боя», — решил капитан, надевая полушубок.

Личный состав батальона стоял повзводно плотными рядами, образуя букву «П». Капитан любил такое построение не только потому, что так он находился ближе к бойцам и каждый в строю мог слы-

шать голос командира, но еще и потому, что живая буква «П» была первой буквой желанного и выстраданного в сердце окрыляющего слова победа.

Вдалеке, на линии горизонта светилась красная полоса, озаряя вспышками края низких темных туч. Там что-то горело. Неподалеку от построенного батальона по проселку двигалась колонна «тридцатьчетверок», а следом за ней торопливо шли грузовики с высокими квадратными кузовами в брезентовых чехлах.

— «Катюши»! «Катюши»! — послышались восторженные голоса гвардейцев.

«И нам надо завтра к четырем ноль-ноль выйти на исходный рубеж», — подумал капитан, выходя вместе с комиссаром в центр построения.

— «Приказ Военного совета Сталинградского фронта», — громким голосом начал читать Овчинин, держа в руках белый лист, шевелившийся на ветру. Текст приказа капитан уже знал наизусть и мог, не заглядывая в бумагу, произносить торжественные обжигающие слова.

Сержант Виталий Северцев, стоявший на левом фланге в первой шеренге, подался вперед. Слева от него стояла Наташа, и в вечерних сумерках он видел сбоку ее светящиеся радостью глаза. Вот оно, мгновение, которое так долго ждали бойцы по всему фронту.

О том, что готовится крупное наступление, Северцев догадывался по многим приметам, понятным каждому фронтовику. Шла перегруппировка войск, прибыло пополнение, много артиллерии, танки. И вот — читают приказ! И не полка, не армии, а всего фронта. Значит, начинается! И сердце колотится, и морозный ветер кажется даже ласковым.

— «Войскам Сталинградского фронта, — отчетливо звучал голос капитана, — перейти в решительное наступление на заклятого врага — немецко-фашистских оккупантов, разгромить их и с честью выполнить свой долг перед Родиной. В наступление, товарищи! Смерть немецким оккупантам!»

«В наступление, товарищи!» Эта фраза звучала для гвардейцев чарующей музыкой, полной могучей силы. Еще вчера, стиснув зубы, каждый говорил сам

себе: «Ни шагу назад!» А в приказах слышалось: «выстоять», «удержать», «стоять насмерть»... А вот сейчас начнет свершаться то, о чем мечтали в горькие дни отступления, в долгие месяцы обороны.

— Ура! — радостно вырвалось из сотен солдатских сердец.

— Ура-а! — кричала и Наташа, и в эту минуту вдруг острее почувствовала всеобщую объединенность десятков, сотен, тысяч людей в ожидании еще не изведенного близкого наступательного боя, и не без волнения думала, что теперь, именно в эти минуты перед движением к передовой, к исходному рубежу, она связала свою судьбу со всеми этими людьми в полушубках и шинелях надолго и напрочно. Она чувствовала в ликующих криках торжествующую радость уставших от долгого ожидания и великого терпения бойцов, как бы заново возродившихся, охваченных зажигающим порывом движения в еще не испытанное, новое, несущее облегчение и радость, сжатое в краткой стальной фразе — в наступлении, товарищи!

4

Соблюдая все меры предосторожности, двигались гвардейцы быстрым маршем в кромешной тьме по малопроторенной дороге к своему боевому рубежу. Часто приходилось буквально на руках вытаскивать из сыпучих песков орудия, буксующие автомашины. Где-то рядом, преодолевая препятствия, ползли танки. Приглушенно, на малых оборотах, рокотали моторы машин.

— Давай, давай, ребята! Шевели ногами!

Первое возбуждение почти прошло, постепенно смолкли голоса и смех. Бойцы шагали, подгоняемые порывами ледяного ветра, который сек снежной крупой, песком, шагали мокрые от пота, глаза слезились и болели. Промерзшая земля гулко стучала под каблуками, словно асфальт, а вокруг в сизой темноте ночи простиралась ледяная степь, без поселков, без жилья, пустынная до самого горизонта. Издалека, где-то справа впереди, глухо громыхали отдаленные громы.

Наташа шла, чутко вслушиваясь в темноту, время от времени нагибалась, хватала пригоршней сухой снег, наметенный вокруг какого-нибудь кустика, брала его в рот, глотала. Но сухой снег, смешанный с песком, противно скрипел на зубах, не утоляя жажды. Перед ее глазами неравномерно колыхались спины с бугристыми вещмешками, сбитые на шинелях ремни, оттянутые подсумками с патронами и гранатами. Где-то сзади то и дело завывали мощные моторы грузовых машин, везущих боеприпасы, буксующих на подъемах; натужно стрекотали тракторные тягачи, тащившие тяжелые пушки. Пустынная степь жила напряженной скрытой жизнью. Низкие тучи, снежная белесая пелена нависли над просторами и, казалось, оберегали войска от постороннего глаза, глушили звуки движения людей и машин.

За час до назначенного срока гвардейцы вышли к исходному рубежу и, не теряя времени, по ходам сообщения бесшумно стали продвигаться в первую линию окопов, на стартовую линию великого наступления.

На рассвете готовые к бою полки и бригады ждали сигнала к атаке. Ветер утихомирился, чуть потеплело, и пошел мокрый снег...

5

Утро наступало медленно. Тишина казалась злобщей. Туман серым покрывалом закрывал немецкие укрепления. Туда с ночи ушли саперы, они должны сделать проходы в минных полях и в проволочных заграждениях.

Сержант Северцев во главе штурмовой группы притаился в окопе. За поясом две гранаты, автоматный диск. Где-то рядом, из-за тумана не видно, в соседнем окопе находится Наташа Качуевская. Сержант завидовал тем, кто сейчас находится рядом с ней.

— На, сержант, курни,— Виталию протянули половину самокрутки.

Северцев, пряча самодельную папиросу в рукав, с наслаждением вдохнул теплый горьковатый дым.

— Скорее бы, что ли, начинали,— вздохнул кто-то.

Туман медленно рассеивался, открывая за прозрачной дымкой повлажневшие холмы, пожухлые травы, ряды колючей проволоки. Северцев докурил самокрутку и погасил окурок о стену окопа. Взгляд его задержался на желтых корешках, которые дрожали от его дыхания, храня в себе силу будущих степных трав. Он хотел было закрыть корешки куском глины, но успел только подумать об этом. Земля качнулась, он ощутил это подошвами, дрогнула, и блеклое серое небо распоролли огненные вспышки молний. Раздался знакомый шелестящий гул. Это ударили залпы гвардейских минометов. На сердце у сержанта стало сразу легко. Передний край немцев потонул в грохоте, дыме и огне невиданного артиллерийского хора.

А когда огонь пушек и минометных батарей перенесся в глубину обороны гитлеровцев, Виталий поправил ремень и снял предохранитель на автомате. И тут услышал голос лейтенанта Иванова.

— Вперед!.. За Родину!..

Северцев первым выскочил из окопа и, не пригибаясь, крупными прыжками побежал к линии врага. Рядом с ним, догоняя и опережая, молча бежали товарищи. Людская лавина катилась к разрушенным проволочным заграждениям, к окопам, к огневым, безмолвным пока, точкам врага. Каждый понимал важность этого первого броска, каждый спешил преодолеть расстояние, приблизиться к противнику. Там земля дыбилась от взрывов. Воющий и визжащий металл вместе с комьями промерзлой земли обрушивался на позиции. Над немецкими окопами вставали и оседали огромные дымные фонтаны.

Теперь нечего было ждать какой-то команды или побуждающего слова. Сплошной гром взрывов заглушал все. Трудно что-либо видеть и слышать. Каждый в эти минуты стал самим собой отдельно, наедине со смертью, и в то же самое время незримыми нитями оказался связанным с тем большим и вечным, что зовется Родиной, и в своем яростном броске на вражьи окопы, преодолевая проволочные заграждения, чувствовал и понимал сердцем личную

ответственность перед неведомым, но обязательно счастливым будущим своего великого народа.

Фашисты отчаянно сопротивлялись. Впереди высота запульсировала огненно-красными вспышками. Трассирующие линии расчертили воздух. Но артиллерийский налет бил в этом огне черные спасительные бреши, размолотив блиндажи и укрепленные позиции, и в эти бреши устремились гвардейцы.

— Ура-а-а!..— неслось над степью.— Ура-а!..

Северцев бежал, падал на мокрую холодную землю, на жесткие стебли пожухлых и схваченных морозом высохших трав, ожесточенно строчил, вскакивал и снова бежал, перепрыгивал через обрывки колючей проволоки. С каким-то облегчением и счастливой мыслью, что ему везет, что все обойдется самым лучшим образом, он с лета впрыгнул в глубокий, хорошо обстроенный немецкий окоп, на ходу стреляя по удаляющимся двум немцам, и со злой радостью видел, как они оба упали, скошенные пулями. Где-то сбоку грохнули взрывы гранат, послышался отчаянный предсмертный вскрик.

— Даешь! — обгоняя Северцева по ходу сообщения, выскочил вперед высокий боец.

Было в эти минуты трудно понять, где находится противник, где он укрылся, что делается на флангах. Все это понять Виталий мог лишь тем особым чувством, которое проявляется у воина в бою. Виталий не первый раз участвовал в сражениях, бывал в разных переделках, но такой сплошной круговерти он еще нигде не видел. Ярость наступления увлекала вперед. У него пересохло в горле, горячая волна спрессованного воздуха обжигала лицо, хлестала по глазам, перехватывала дыхание. Но сквозь оседающую пелену было видно, как наши спешили ко второй линии обороны. Глухо шлепались на землю немецкие мины и дымным веером разбрызгивали осколки. Северцев падал и снова вскакивал.

Вдруг что-то обожгло руку выше локтя. Северцев невольно присел, зажал ладонью рану. В ушах плыл странный звон. Во рту стояла противная сухость. «Угораздило так некстати,— подумал он, опасливо шевеля рукой.— Кажется, кость не задета, цела».

Словно из-под земли появилась Наташа. Ворот полушубка расстегнут, шапка сбита набок, влажная прядь волос прилипла ко лбу. Он услышал ее голос, похожий на приказ:

— Прыгай!..

И только тут увидел, что в двух шагах находится глубокая воронка от тяжелого снаряда. Наташа стремительно увлекла его на дно воронки, пахнувшей свежей землей, кисловатой гарью пороха и дыма.

Увидев, что у сержанта ранена только рука, она облегченно вздохнула. Быстро вытащила бинт и вату.

— Снимай шинель! Быстро!..

Северцев и сам спешил. Обнаженная рука остро почувствовала холод, а потом теплоту девичьих пальцев. Наташа действовала умело. Повязка легла плотно, надежно. Концы бинта она завязала двойным бантиком.

— Вот и все,— сказала Наташа и чуть улыбнулась.— Ты у меня сегодня восьмой. И у всех легкое ранение. Прямо везет нашим!

Наташа откинула голову, и Виталий близко увидел ее глаза, поразившие его своей темной глубиной, окаймленные черными с налетом пороховой гари ресницами. Они были озарены изнутри каким-то неясным ровным светом, ласковые и строгие. Он несколько мгновений восхищенно смотрел в их глубину, на всю свою жизнь запомнил эти краткие секунды. Потом высвободил свою руку и стал натягивать шинель.

— В санбат мне никак нельзя, понимаешь!..

— Не спорить! — Наташа отвинтила крышку баклажки и протянула Виталию.— Отхлебни немного и топай помаленьку в тыл.

Северцев с жадностью сделал несколько глотков. Наташа застегнула свою сумку, тыльной стороной ладони откинула волосы, заправив их под шапку.

Сбоку прошли тяжелые, поблескивающие мокрой броней «тридцатьчетверки». Прижимаясь к башням, на танках сидели десантники.

— Некогда, Наташа! — Северцев схватил свой автомат.— Такой день!..— И, не оглядываясь, поспешил вверх, торопясь выбраться из воронки.

Вперед! Вперед!

Преодолена первая линия обороны, вторая, третья... Блокированы долговременные огневые точки, по ним бьют прямой наводкой из пушек. Над тремя высотами, важными опорными пунктами, развеваются на ветру красные знамена.

Прорвав фронт на широком участке, 34-я гвардейская стрелковая дивизия, во взаимодействии с гвардейцами-минометчиками и гвардейцами-танкистами, устремилась вперед и вышла на подступы к Халхуте.

6

Короткий ноябрьский день оказался непомерно длинным. Качуевская уже несколько раз обессиленная садилась то на разбитую повозку, то на пушечный лафет, то просто опускалась на землю, чтобы передохнуть, набраться сил — и снова вперед. Она спешила следом за атакующими, оказывая первую помощь раненым, перевязывая их, выводя из-под огня. Санитары где-то отставали позади. Она злилась на них за медлительность и нерасторопность, не желая принимать своим сердцем то, что давно усвоили эти санитары, труженики войны: не лезь под пули, делай свое дело. Пулю или осколок схватить легко, а какой из этого будет прок? Живой санитар принесет куда больше пользы, чем раненый, не говоря уж про убитого. Минута, другая, в сущности, ничего не решают. Пусть откатится огневой вал подальше, а потом можно и, не пригибаясь, в полный рост нести носилки, доставлять сильно раненных к месту сбора, отвозить их в санбат.

— Скаженная девка, — сказал про Наташу один санитар, человек в летах, по близорукости направленный служить в санроту.

— Они, москвичи, все таковские, — поддакнул ему молодой напарник, хромавший с раннего детства на левую ногу. — Никогда нет покою.

Наташа встретила их сердитым взглядом. Она уже притащила сюда четырех раненных в живот бойцов и ждет не дождется, когда же появятся санитары, чтобы они скорее отнесли их на сборный пункт.

— Прошу вас двигаться поживее, — сказала она

санитарам и, взглянув на ручные часы, заторопила.— В пять часов машина должна прибыть, понимаете? А не то по вашей милости они останутся лежать до следующего рейса,— она кивнула на раненых.

— Да мы уж стараемся, как только можно,— миролюбиво ответил пожилой, устанавливая носилки на землю.— Которого брать первым?

— Лейтенанта,— ответила Качуевская и с сожалением посмотрела на Иванова.

Утром тот появился в окопах гладковыбритый, подтянутый, со свежим белым подворотничком на вороте гимнастерки. Казалось, что Иванов готовится к параду, а не к бою. Но именно этот наступательный бой и был для него самым настоящим праздником, которого он ждал долгие месяцы оборонительных сражений.

Час назад, когда захлебнулась атака возле высоты, когда бойцы припали к спасительной земле и застыли в бездействии, Иванов поднялся во весь рост и, не обращая внимания на пули и осколки, не оглядываясь, с гранатой в руке побежал вперед. Гвардейцы с криком «ура!» бросились за своим командиром, ворвались в окопы противника, в жаркой рукопашной схватке одолели врагов.

«Счастливей,— подумала тогда о нем Наташа,— бесстрашный, как Павел». Но счастье Иванова было непродолжительным.

Гитлеровцы перегруппировались и при поддержке артиллерии пошли в контратаку, стремясь во что бы то ни стало выбить гвардейцев, вернуть утраченные позиции. Бойцы отбивались, как могли. Наташа тоже стреляла из немецкого автомата, который подобрала в окопе. Отбита одна атака, вторая. На исходе патроны. Иванов послал одного бойца с донесением к капитану Овчинину, прося подмоги. Кончились патроны, наступила тишина. Что делать? И когда гитлеровцы были совсем близко, Иванов снова увлек за собой бойцов в яростную атаку:

— За Родину! Гвардия только наступает!..

Рукопашная была короткой. Половина фашистов была перебита, остальные, не выдержав натиска, бросились вспять. Но в том неравном жестоком бою Иванов и получил сквозное ранение.

Наташа долго не могла остановить кровотечение, пеленая бинтами широкую грудь лейтенанта. Иванова отнесли к окопам. Качуевская поспешила к другим раненым. И тут начался минометный обстрел. Наташа видела, как неподалеку от Иванова упала мина, как взметнулась оранжевая молния взрыва. Лейтенанта оглушило и отбросило в сторону, а несколько осколков жгучими осами впились в тело...

— Он уже... Помощь ему не потребуется, — глухо произнес пожилой санитар и уставился на Наташу взглядом уставшего человека.

— Вот его документы, — второй санитар протянул их Наташе.

Качуевская непонимающе смотрела на санитаров, на раненых, на мертвого лейтенанта. Ей никак не верилось, что жизнь покинула этого человека. Может, произошло какое-то недоразумение, может, все это ей только кажется или снится?

— Вот документы, санинструктор.

Наташа качнула головой, как бы сбрасывая оценку. Она сегодня видела много смертей, но эта ее поразила. Качуевская взяла документы. То был комсомольский билет, пробитый тонким осколком, весь в крови. Внутри лежала сложенная записка. Наташа развернула ее и пробежала глазами ровные уверенные строчки, выведенные чернилами:

«Товарищ, если я погибну за Родину, прочти эти строки и расскажи всем, что мне было 22 года и мне очень и очень хочется дожить до тех пор, пока я бы своими глазами увидел на русской земле последнего убитого гитлеровца, который ворвался в наш дом разбойником. Расскажи, что волжский комсомолец Иванов до последней минуты мстил фашистам и погиб в бою, считая себя коммунистом. Гвардии лейтенант *Иванов*».

Наташа некоторое время смотрела на лейтенанта, который, казалось, лишь спит, так спокойно и величественно было его выбритое лицо. Лишь на белом подворотничке алыми пятнами сохла кровь.

Качуевская бережно сложила записку и вместе с комсомольским билетом вложила в свою сумку. «Надо передать комиссару, — решила она, — пусть отошлет в редакцию газеты».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ШАГИ В БЕССМЕРТИЕ

1

Северцев отчетливо помнил, как он пробежал с двумя бойцами неширокую кривую улицу с полуразрушенными глинобитными заборами и возле полусгоревшего сарая с плоской крышей и зияющим проломом в стене увидел немецкую пушку. Северцев вскинул автомат и дал длинную очередь... Бежавший рядом боец бросил гранату. Один из немцев, нелепо раскинув руки, повалился спиной на дорогу, второй падал медленно, пытаясь ухватиться рукой за грязное колесо, и его ладонь скользила по плотной резине... Остальные кинулись бежать. Виталий с помощью подоспевших товарищей повернул пушку и открыл огонь по гитлеровцам. Вдруг рядом в подмерзлую грязь шлепнулся снаряд, и в следующую секунду вспыхнуло пламя, земля вздыбилась. Северцев инстинктивно упал на землю, в крутую грязь, но что-то тяжелое ударило его по ноге, по спине, и он потерял сознание...

Очнулся сержант в каком-то укрытии. Сколько времени прошло, он не знал. Стояли серые сумерки, шел мокрый снег. То ли это было утро, то ли вечер. Рядом стонали, разговаривали. Какой-то раненый бредил, выкрикивая одну и ту же фразу: «Ромашка», я — «Роза»! «Ромашка», я — «Роза»!» Северцев снова с усилием открыл глаза. Нет, не госпиталь. Это был блиндаж. Немецкий разрушенный блиндаж. Ни выстрелов, ни взрывов. Бой укатился вперед, куда-то за горизонт. Значит, наши продолжают наступать. Наши наступают!

Радость вновь охватила Северцева. Наши продолжают наступать! Он приподнялся на здоровой руке и вскрикнул от боли. Сильно резануло в спине, свело ногу. И тут же услышал знакомый, ласковый голос:

— Лежи. Лежи, не надо вставать.

Это была Нагаша. Она помогла Виталию удобнее лечь и заспешила в другой конец, где громко стонал боец, весь в окровавленных бинтах.

— Потерпи, дружок, — участливо просила Наташа. — Еще немного. Скоро за вами приедут.

Здоровой рукой Северцев стер рукавом пот со лба. «Цела одна рука, цела одна нога, и только... — думал он. — Значит, Наташа ждет машину или подводу. Скорее бы уж...»

— Ну и дивчина! — тихо говорил украинец, лежавший рядом у стены. — На вид щупленькая; а скольких вынесла.

— Спасла! — отозвался другой. — Меня тащила из самого пекла, где мы схватились врукопашную. А во мне под восемьдесят кило чистого весу...

Северцев обвел глазами укрытие. Полсотни тяжелораненых разместились кто где. Многие были без сознания. Наташа, побледневшая, осунувшаяся, бесшумно двигалась по блиндажу, оказывая то одному, то другому помощь. Ее тихий голос успокаивающе действовал на раненых.

Наташа... Северцев почти перестал чувствовать боль. Наташа рядом, и на душе стало спокойно.

Где-то далеко ухнула пушка. Наши атакующие части продолжали уходить вперед, на запад.

Надвигался вечер. Колючий ветер дул со стороны малиновой, придавленной к горизонту темными тучами щели заката, где, словно соревнуясь с красками неба, вспыхивали оранжевые языки пламени. Там шел бой. Через проем сорванной с петель двери ветер наметал в стынущий блиндаж снежную крошку, сдувая ее с бруствера. Остренькие льдистые снежинки, словно битое стекло, сыпались на раненых, кололи лицо, губы, глаза.

Наташа с трудом разожгла печку, сдирая со стен блиндажа цветные репродукции, еще недавно принадлежащие немцам, на которых были изображены сытые, довольные белокурые немки. Раненый старшина здоровой рукой наколол немецким тесаком немного дров, изрубив снарядный ящик. Печь чадила и давала мало тепла.

Старшина, сунув тесак за пояс, направился к выходу.

— Тут поблизости, кажись, повозка разбитая была. Принесу чего-нибудь для топки.

Но через минуту он вернулся и, обводя блиндаж напряженным взглядом, тихо выдохнул:

— Немцы!..

Раненые встрепенулись. Каждый, у кого были целы руки, схватил свое оружие. Защелкали затворы. Северцев нащупал в кармане трофейный пистолет, потом потянулся и взял тяжелую противотанковую гранату, лежавшую у стены. Он хорошо знал повадки врага.

— Будем занимать оборону,— сказал сержант, подползая к дверному проему, в который только что выскльзнула Наташа.— Кто может держать оружие, занимай место для боя.

2

Наташа выбежала из блиндажа в траншею, чуть приподнялась на носочки, чтобы лучше рассмотреть все вокруг. Ветер швырял в лицо снежную крупу. Неподалеку от блиндажа догорал подбитый немецкий танк, сорванная взрывом башня валялась сбоку, воткнувшись стволом в землю. Разбитая снарядная повозка с одним целым колесом покоилась перед окопом, и из разбитого ящика тускло светлели маслянистые снаряды. Серые трупы убитых врагов лежали вокруг блиндажа, и ветер уныло наметал на них снежную крошку.

«Где же немцы?» — Наташа пристально всматривалась в сторону заката. Но там не было видно никакого движения. Тогда она повернулась назад, и сердце ее сжалось болью. Она увидела их. Они были еще далеко. Шли кучно, уверенно. Их было больше полусотни. Они пробивались к своим, надеясь, что русские не могли далеко продвинуться вперед.

Гитлеровцы двигались прямо к блиндажу. Видимо, их привлекла струйка дыма, которая выходила из короткой жестяной трубы. На пути фашистов, чуть правее, располагалась небольшая безымянная высотка, обозначенная на картах цифрами «3,3», та самая, бой за которую шел почти два часа...

Одной секунды было достаточно, чтобы оценить обстановку и принять решение. Качуевская быстро вернулась в блиндаж. Раненые молча смотрели на нее, ожидая, что она скажет.

— Да, немцы,— сказала Качуевская спокойным голосом, словно речь шла о чем-то совсем не опасном.

Наташа высвободила свою санитарную сумку, положила в нее три гранаты, два полных диска и, схватив автомат, деловито добавила:

— Сейчас должна прибыть машина, там наши. Надо продержаться немного.

И вышла из блиндажа.

Северцев приподнялся и пополз к дверям. Он, не выпуская из руки гранаты, выбрался в траншею. Отсюда ему хорошо было видно, как девушка с тяжелой сумкой короткими перебежками устремилась к высотке. Она была почти у цели, когда ее заметили враги. Они повернули в сторону высотки и открыли огонь. Кто-то бил трассирующими, и тонкие голубые нити чертили вечерний сумрак. У Северцева похолодела спина, когда он увидел, как Наташа упала. Но в следующий миг сержант облегченно вздохнул. Наташа приподнялась и поползла к вершине. Немцы остановились и стали разворачиваться цепью.

На несколько минут воцарилась гнетущая тишина. Только ветер доносил выкрики немецкого командира, отдававшего приказания. И вдруг тишина была вспорота автоматной очередью. Это стреляла Наташа. Она укрепилась на гребне холма и сверху короткими очередями била по фашистам. Несколько гитлеровцев замертво попадали на мерзлую землю. Остальные залегли и, отвечая огнем, стали продвигаться вперед, охватывая полукольцом высотку.

3

Наташа берегла патроны. Пустой диск уже валялся рядом на покрытой морозным инеем жесткой траве. Левая нога ниже колена горела огнем. Пуля впиалась сильно, словно кто-то ударил палкой по ноге. Это было тогда, когда она еще бежала к вершине. Наташа упала вниз лицом, послушная мгновенному побуждению, тому острому чувству опасности, от которого глаз закрывается быстрее, чем в него попадет летящая песчинка. Наташа и сама не поняла сразу, как она упала, очутилась на земле, приникая к ней

всем телом, а смерть летела над нею долгими очередями пуль. Наташа торопливо перехватила рану, забинтовав ногу. А потом, переждав, стала делать перебежки. Вгорячах она не сразу ощутила опасность ранения. Но теперь нога давала о себе знать. «Главное, кость цела,— отмечала Наташа, стараясь не думать о ране,— патронов еще целый диск».

Она приподнялась на локтях, оглядывая сверху покатый склон, весь изрытый воронками от мин и снарядов. Проволочные заграждения, которые в свое время пришлось преодолевать нашим бойцам, сейчас встали преградой на пути гитлеровцев.

— Ну, кто следующий?

Двое гитлеровцев одновременно вскочили и бросились в проем, сооруженный нашей артиллерией в проволочном заграждении. Наташа дала короткую очередь. Один из них уткнулся в землю.

— Есть, еще один.

Она стреляла так, как ее учили в снайперской школе. Быстро и точно. Пули, казалось, сами находили цель.

Ветер утих. Из туч выглянула луна. Ее бледный свет озарил высотку, стало отчетливее видно каждого гитлеровца. Но и те тоже яснее видели своего противника. Пуля сбила с головы Наташи шапку, и волосы рассыпались по лицу. Она смахнула их рукой, но они снова лезли в глаза.

Эти волосы увидели и немцы.

— Фрау вольдат! — послышались удивленные крики.

То, что перед ними женщина, а не мужчина, с какой-то яростной силой подхлестнуло гитлеровцев. Они готовы были воевать с кем угодно, но не с женщиной. Что о них будут потом говорить? Не могли справиться с одной вооруженной русской!.. Позор на всю Германию...

Наташа потянулась за шапкой, но тут в ее сторону хлынули потоки пуль. Гитлеровцы не жалели патронов. Наташа прикинула к земле, чувствуя хлебный дух от холодных, уснувших на зимнюю спячку степных трав. Она приподняла голову и с тоской оглядела проселочную дорогу, которая петляла по покато́й холмистой степи. Дорога была пуста.

Гитлеровцы с криками бросились к проволочным заграждениям и, преодолев их, бежали к вершине. Наташа, не думая об опасности, а только о том, чтобы отвлечь гитлеровцев от блиндажа, где лежали тяжелораненые, била короткими очередями. Автомат ритмично дрожал в ее руках в такт выстрелам. Еще несколько фашистов упали на склон.

И вдруг острая раскаленная игла вонзилась в плечо. Наташа зажала рану, сквозь пальцы просочилась кровь. Перевязывать было нечем. Да и времени на это у нее не было. Наташа стиснула зубы и выпустила длинную очередь. В глазах у нее пошли разноцветные круги, тошнота подступила к горлу...

Наташа недолго была без сознания. Всего несколько минут. Холодная земля и крики вернули ее к жизни. Она тихо приподнялась и увидела бегущих к вершине врагов. Распахнутые грязные шинели, перекошенные от злобы лица, пульсирующие огнем автоматы... Она не поняла причины, почему снова повалилась на землю. Но тут же очнулась, открыла глаза, почувствовав, как холодеет, словно тает и уменьшается, как становится чужим и малопослушным ее тело. Но мозг работал по-прежнему ясно и жизненно, и Наташа понимала смысл и значение каждого своего действия. Одна рука повиновалась слабо. Наташа взяла автомат, навела на орущих гитлеровцев. Нажала слабеющим пальцем на спуск. Из ствола хлестнул огонь, враги тут же попадали на землю. Как бы она хотела, чтобы они так лежали, пока не придет подмога. Но автомат, горячий, обжигающий ладони, вдруг смолк. Она с надеждой жала и жала на спусковой крючок, но выстрелов не было. Словно ток, пронизала мысль: «Кончились патроны!»

Ей на миг стало холодно и страшно. Только на один миг. Попадать в руки врага она не хотела. Расстаявшая снежинка дрожала на реснице слезой. Наташа видела, как оживленно залопотали гитлеровцы. Они поняли, что у стрелка кончились боеприпасы. И, поднявшись во весь рост, бежали к вершине, охватывая ее полукольцом.

Качуевская, собрав последние силы, подтянула к себе санитарную сумку, ставшую непомерно тяже-

лой. Приподнялась, села и вытерла губы, лицо. Потом положила сумку себе на колени. Пальцы до онемения сжали чеку...

Гитлеровцы были уже рядом. Она видела их колючие взгляды и дышащие паром рты. Но ей не было страшно. Она не боялась их. Наташа зажмурила глаза и на какой-то миг мысленно увидела перед собой Павла. Улыбающегося, раскрасневшегося на морозе. Ей вспомнилось, как они в тот последний их день бродили по заснеженной Москве. Он нежно держал ее под руку. «Как ты будешь... без меня,— она глотнула воздух,— милый!..»

Гитлеровцы обступили ее. Чужие грубые руки потянулись к ней, чтобы схватить. Но Наташа, опережая их, выхватила из гранаты чеку...

4

Северцев, скрипя зубами от боли и обиды, подполз к брустверу. Он почти не видел Наташу, зато хорошо видел немцев. Наташа отстреливалась. Уже добрая половина фашистов осталась на подступах к высоте, и вдруг автомат замолчал.

Залегшие было фашисты поднялись. Автомат продолжал молчать. С радостными криками немцы бросились вверх. «Кончились патроны»,— понял Северцев, и тут его обожгла мысль: «Хотят взять живой!» Победный крик фашистов донесся до блиндажа. Раненых охватил ужас. И вдруг, обрывая ликующие крики врагов, раздался взрыв... Марево охватило высоту...

— Наташа! — закричал Северцев. — Наташа!..

— Она сама себя... — старшина в бессилии кусал губы. — Вместе с гадами!..

Оставшиеся в живых немцы ошалело отхлынули с высоты. Их осталось не более десятка.... В это время издали донеслись автоматные очереди. Это шли на помощь наши.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВМЕСТО ПЕРВОЙ ГЛАВЫ	3
<i>Глава вторая. НАЧАЛО БИОГРАФИИ</i>	11
<i>Глава третья. ЦЕЛЬ ЖИЗНИ</i>	18
<i>Глава четвертая. МЕЧТА СЫВАЕТСЯ</i>	31
<i>Глава пятая. МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ</i>	41
<i>Глава шестая. ДНИ ИСПЫТАНИЙ</i>	49
<i>Глава седьмая. ОВОРОНИТЕЛЬНЫЕ РУВЕЖИ</i>	59
<i>Глава восьмая. ПАВЕЛ КАЧУЕВСКИЙ</i>	71
<i>Глава девятая. БОИ ПОД МОСКВОЙ</i>	81
<i>Глава десятая. ВОЕННЫЕ ВУДНИ</i>	99
<i>Глава одиннадцатая. СУРОВЫЙ ПРАЗДНИК</i>	109
<i>Глава двенадцатая. ГЕННАДИЙ И ВАЛЕНТИН</i>	109
<i>Глава тринадцатая. ОВОЗ С РАНЕНЫМИ</i>	119
<i>Глава четырнадцатая. ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ ВОВРЕМЯ</i>	133
<i>Глава пятнадцатая. НАСТУПЛЕНИЕ</i>	146
<i>Глава шестнадцатая. ТРЕВОЖНЫЕ ВУДНИ</i>	159
<i>Глава семнадцатая. ЛЮБОВЬ</i>	169
<i>Глава восемнадцатая. СВАДЬБА</i>	183
<i>Глава девятнадцатая. ВЕСНА</i>	200
<i>Глава двадцатая. В ТЫЛ ВРАГА</i>	213
<i>Глава двадцать первая. ВОЕННАЯ ВЕСНА</i>	230
<i>Глава двадцать вторая. ВСТРЕЧА</i>	243
<i>Глава двадцать третья. ЮЖНЕЕ СТАЛИНГРАДА</i>	262
<i>Глава двадцать четвертая. ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА</i>	277
<i>Глава двадцать пятая. ШАЛЬНОЙ ВЫСТРЕЛ</i>	290
<i>Глава двадцать шестая. НА ПЕРЕДОВОЙ</i>	301
<i>Глава двадцать седьмая. НАСТУПЛЕНИЕ</i>	315
<i>Глава двадцать восьмая. ШАГИ В ВЕССМЕРТИЕ</i>	329

Ольга Саракташ (Свиридова Валентина Александровна)

ПОВЕСТЬ О ВОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Редактор *И. Сабова*, художник *М. Саморезов*, художественный редактор *А. Титова*, технический редактор *М. Шлык*, корректоры *Т. Горячева*, *Т. Семочкина*.

Д53522. Сдано в набор 19/IX 1976 г. Подписано к печати 23/II 1976. Вымага № 3. Формат 84 X 108^{1/2} мм. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 16,43. Тираж 100 000. Цена 59 коп. Зак. 4943. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». Москва, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

Larisa_F

